

Форм 3

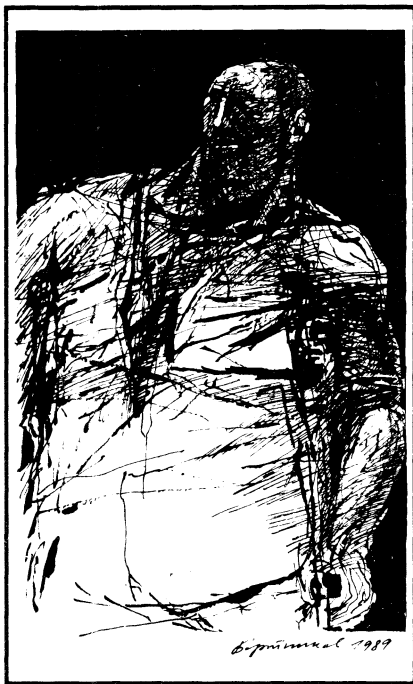
У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X  
**СЛЕДОПЫМ**  
8•9•96

**ГЕРОЙ «ЗАПИСОК НЕВИДИМКИ» ВНОВЬ В ОПАСНОСТИ**  
**НФ ПОВЕСТЬ ЕГОРА БЕЛОГЛАЗОВА «ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА-II»**  
**РЯДОМ С ИВАНОМ ЕФРЕМОВЫМ**  
**ПИРАТСКИЕ КЛАДЫ - МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**  
**«КОТЛОВАН» ПЛАТОНОВА ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА**  
**РАССКАЗЫ О РУССКОЙ ЧАЙНОЙ МАШИНЕ**  
**КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА**





Войцев



Инвалид Жачев



Лев Ильич Пашкин с женой



Юлия



Софронов и Козлов



Активист

Редакция:  
 Герман ИВАНОВ  
 (главный редактор),  
 Юний ГОРБУНОВ,  
 Сергей КАЗАНЦЕВ,  
 Анна КОСТРИКОВА  
 (художественный редактор),  
 Юрий ШИНКАРЕНКО  
 (заместитель главного редактора),  
 Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:  
 Виктор АСТАФЬЕВ,  
 Владислав КРАПИВИН,  
 Станислав МЕШАВКИН,  
 Николай НИКОНОВ,  
 Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,  
 Геннадий ПРАШКЕВИЧ,  
 Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:  
 Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:  
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,  
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67  
 Телефон редакции: (3432) 224-501

Рукописи принимаются  
 перепечатанными  
 на машинке через 2 интервала,  
 60 знаков  
 в строке, 28-30 строк на странице.  
 Рукописи не рецензируются  
 и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки  
 обращаться в районные отделения  
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять  
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90  
 Подписано к печати 15.01.97  
 Формат бумаги 84x108/16.  
 Бумага газетная  
 Печать офсетная.  
 Усл. печ. л. 17,4.  
 Уч.-изд. л. 18,6.  
 Усл. хр.-отт. 11,78.

Тираж 6 500  
 Заказ № 759.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять  
 редакции журнала "Уральский следопыт"  
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов  
 на ИПП "Уральский рабочий"  
 620219, Екатеринбург, ул. Турганова, 13  
 Слайды на 1, 3, 4 стр. обложки  
 Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1996 г.

# УРАЛЬСКИЙ следопыт

8 • 9 • • • • 96

В НОМЕРЕ:

«Из нас, как из дерева...» <b>Надежда СУМИНА</b>	2
Заводские крестьяне Тимофеевы <b>Наталья ПОЗДНЯКОВА</b>	4
Тобольская «Емилия» <b>Виталий ПАВЛОВ</b>	7
Собская застава <b>Олег ЛЮПОВ</b>	9
Мы и Единорог <b>Алексей КРАПИВИН</b>	11
Краеведческая копилка	15
«Пылит дорога в зареве рассветов...» <b>Владимир НЕВЕНЧАНЫЙ</b>	18
Заочный КЛФ	19
<b>Журнал в журнале «Аэлита»</b>	
Формула горизонта <b>Егор БЕЛОГЛАЗОВ</b>	27
Заочный КЛФ	75
Матвеевы — неопалимое древо <b>Ефим АФАНАСЬЕВ</b>	77
«Грусть заплелась разбойно...» <b>Зоя ШЕПЕЛЕВА</b>	79
Иван Любимов — основатель Березников? <b>Владимир ШИЛОВ</b>	80
Татарское побоище <b>Николай ЯМОВ</b>	82
Филька <b>Юрий МИТРОФАНОВ</b>	84
Записки невидимки (проходное дело) <b>Андрей ИЛЬИН</b>	85
«Темная сторона» жизни облаков <b>Антонина ЗАЙЦЕВА</b>	141
«Любящим правду, благочестие и верность» <b>Игорь НЕПЕИН</b>	147
Краеведческая копилка	150
«Не уходи из дома, пока кипит самовар» <b>Виктор ХОХЛАЧЕВ</b>	151
Острова ненайденных сокровищ <b>Михаил НАЙДИЧ</b>	155
Мир на ладони	159
Праздники в «Хохловке» <b>Сергей ШЕВЫРИН</b>	160

УЧРЕДИТЕЛИ –  
 СОЮЗ  
 ПИСАТЕЛЕЙ  
 РОССИИ,  
 ТРУДОВОЙ  
 КОЛЛЕКТИВ  
 ЖУРНАЛА



ЖУРНАЛ ОСНОВАН  
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН  
 В 1958 ГОДУ.



Надежда СУМИНА

# «ИЗ НАС, КАК ИЗ ДРЕВА, — И ДУБИНА, И ИКОНА...»

(«Котлован» глазами Евгения Бортникова)

*Евгений Александрович Бортников — один из ведущих тагильских графиков. В 1974 году закончил художественно-графический факультет Нижнетагильского педагогического института. Член Российского союза художников. Его произведения не однажды экспонировались на всероссийских выставках и за рубежом (в Польше, Чехословакии, Болгарии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции, США). Персональные выставки состоялись в Хебе (1985), Нижнем Тагиле (1990), Кургане (1991), Екатеринбурге (1992), Котовице (1994). Его работы удостоивались первых премий на международных конкурсах экслибриса и на выставках-Биеннале. На международной Биеннале современного экслибриса «Мальборк-94» (Польша) художник награжден медалью.*

*В последнее время Е.А.Бортников много работает в жанре ню и книжной графики. Им созданы серии иллюстраций к повести А.Н.Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», «Конармии» И.Бабея, «Цветам зла» Ш.Бодлера, комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума», произведениям Джерома Клапки Джерома.*

Работы Евгения Бортникова к антиутопии А.Платонова «Котлован», созданные в 1989 году, — заметное явление в отечественной книжной графике. Автор не мог опереться на традицию иллюстрирования Платонова. Она еще не сложилась. Художник осуществил графическую интерпретацию повести, написанной в 1930 году, а опубликованной впервые в 1987-м. «Котлован» с годами не только не утратил жизненной силы, но зазвучал сегодня остросовременно, так как писатель обратился в нем к вечным проблемам бытия: в чем смысл жизни? что такое счастье? можно ли насильно осчастливить человека? можно ли сегодняшнее страдание оправдать будущей гармонией? Платонов, подобно Достоевскому, на судьбах своих героев проверяет жизнеспособность идеи, в данном случае идеи социализма.

Прозу Платонова нередко и справедливо сравнивают с живописью Иеронима Босха и Питера Брейгеля, видят родственность произведений писателя картинам К.С.Петрова-Водкина. Но творчество этих художников не может служить эталоном для иллюстратора, потому что каждый мастер должен по-своему увидеть текст и найти адекватные формы его выражения.

Иллюстративная серия Е.А.Бортникова, состоящая из 12 листов, выполненных в технике перового рисунка, представляет собой портретную галерею героев повести. Только две отданы сюжету. Это гармонирует с особенностью самой повести. Бортников избирает традиционный черный фон, позволяющий сосредоточить внимание на фигуре героя. Фон, таким образом, не нейтрален. Он своего рода метафора, с помощью которой художник заставляет нас задуматься о хрупкости и незащищенности жизни перед холодным, безбрежным, «страшным миром». Но это еще и вселенная, связь человека с которой художник, следуя за писателем, заставляет нас почувствовать.

Бортников бережно относится к литературной первооснове, но писатель не дает ему возможности во всем следовать букве текста, отказываясь от привычного для нас «зрительного ряда» (осязаемых портретных характеристик, например). О внешности 30-летнего стихийного философа Вощева в повести не сказано практически ничего, упоминается

только его «слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью». Художник создает крупноплановое погрудное изображение щедедушного человека с тонкой жилистой шеей. Диагональ запрокинутой назад головы с жиденькими волосами и неопрятной щетиной бороды сообщает образу движение вспять, в глубину мрака. Выразителен профиль Вощева. С неутомимым упорством, болью, надеждой, отчаянием смотрит он в небо, словно силится разглядеть в этой крошечной тьме ответ на заветный вопрос о смысле «всеобщего существования». «Непроницаемый» воздух теснит дыхание. С его губ готов сорваться крик-мольба, крик-отчаяние. Но в этом безмолвии кричи — не докричишься. Так хочется обрести знание, постичь истину, но так трудно, мучительно вырывает мысль. Отсутствие поддержки ведет к неизбежной гибели неокрепшего сознания. Эта иллюстрация предстает мне одной из наиболее значительных. Есть лишь одно возражение. По Платонову Вощев — человек сильный, хотя бы потому что стремится к жизни осмысленной. У Бортникова же он абсолютно беззащитен.

Художник не увлекается бытописательством, отказывается от дробящих изображение подробностей. О том, что Вощев — рядовой строитель социализма свидетельствует лишь кургузый пиджачишко. Котомочка за плечами — многозначительная деталь. В ней поместилось не только все имущество странствующего пролетария, но еще и коллекция «ветхих вещей», напоминающая о забытом человеке.

Каждый герой Платонова — носитель какой-то идеи. Но это не превращает его в ходячую схему. Герои не одномерны, спектр их переживаний широк. Они не поддаются делению на положительных и отрицательных.

В «Окаянных днях» Иван Бунин писал: «Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа, — и дубина, и икона, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев... Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, а в другом — Чудь, Мерья. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину». Есть эта «переменчивость» и в максималисте Жачеве, например, который видит главную задачу современнос-

ти в скорейшем уничтожении старого мира. Он то раскулачивает бюрократа Пашкина, усвоив методы обличенных властью, то опекает сиротку Настю — не только потому, что она представляет «пролетарское младенчество», но и потому, что его огрубевшее сердце жаждет любви, ощущения своей нужности.

Не упрощает образа и художник. Иллюстрация построена на контрасте маленькой головы и непомерно большого, грузного, мощного, но рыхлого торса. Густая вязь штрихов делает лицо героя подобным древесной коре, на шероховатой поверхности которой едва различимы щелочки глаз. Есть в его жестком взгляде, позе — агрессивность, дремучая разрушительная сила (скорее, иллюзия силы). Но есть и нечто, заставляющее поверить: из этих щелочек-глаз могли пролиться горячие слезы жалости к маленькой Насте.

Не менее сложен и чистенький чиновник, председатель окрпрофсовета Пашкин, через день посещающий котлован, находящийся темпы низкими, а масштаб работ узким. Герой представлен в домашней обстановке. Он «приложил свою голову к телу жены и затих в наслажденном счастьем и теплотой». Внушительная («расхарчеванная», как говорил Жачев) фигура супруги Пашкина вырастает на листе в символ «сладкой жизни».

С образом Юлии в цикл входит тема «гибели уже изжившей себя поэзии и красоты былого».

Женщина, о встрече с которой Чиклин и Прушевский вспоминают как о самом светлом событии в своей жизни, лежит на земляном полу полутемной комнаты. Ее некогда прекрасное, а теперь бесконечно истощенное тело диагонально пересекает плоскость листа. Жизнь, еще теплящаяся в этом теле, так же слаба, как тусклый, колеблющийся свет керосиновой лампы. Динамичный штрих и заливки тушью передают страшную игру света на изможденном теле уходящей в небытие женщины. Это и не женщина уже, а овеянное страданиями.

Женщина, лампа и мрак — ни одной лишней детали. Предельный аскетизм изображения, позволяющий сосредоточить внимание на главной мысли: мир покидает красота.

Двухфигурный профильный портрет знакомит нас с мастерами Сафроновым и Козловым, направленными Пашкиным в деревню, потому что «бедняцкий слой ее печально заскучал по колхозу». У Бортника они похожи друг на друга как близнецы-братья. Один — бледная тень, повторение другого при незначительных вариациях (усы Сафронова, например). И это внешнее сходство — показатель их духовного родства. Оба — страстные энтузиасты пролетарского рая, «рыцари» идеи. В обоих развита руководящая жилка, рождающая желание пробуждать в народе «энтузиазм труда». Оба мыслят и говорят лозунгами и директивами. И конец им уготован один. Оба гибнут «в костре классовой борьбы» в деревне.

Еще один «рыцарь» идеи крестьянско-пролетарского рая, фанатично преданный ей, это активист. Он утратил все человеческое: и способность сострадать обездоленным им людям, и умение заботиться о собственных нуждах. Превратился в автомат для выполнения приказов. Его рука механически пишет рапорты, в то время как пустые, стеклянные глаза уставлены во мрак, из которого, видимо, должен появиться верховой с очередными директивами. Это глаза фанатика, не ведающего, что творит.

С жертвой коллективизации знакомит нас иллюстрация «Мужик с коровой». Обнимая корову-кормилицу, крестьянин прощается не только с ней, но и со своей прежней жизнью. Противоречивые чувства, раздирающие его, художник передает с помощью мимики и жеста.

Трагично настоящему труженику «Котлована». Свои надежды на грядущее счастье мира землекопы связывают с девочкой Настей. Но Прушевский думает иначе, он опечален тем, что «этому существу, наполненному, точно морозом,

свежей жизнью, надлежит мучиться сложнее и дольше его». Ему вторит Воцев: «Не расти, девочка, затоскуешь».

Настя на иллюстрации — это ребенок нежный, слабенький, хрупкий, этаким худенький воробушек с тоненькой шейкой и мягким пухом спутанных волос на голове. Ее большие глаза смотрят на мир не по-детски серьезно и печально. В худеньких ручонках девочки — ведомость активиста, на которой она старательно изобразила серп и молот, напоминающие свастику.

Интеллигенция в иллюстративном цикле представлена образом инженера Прушевского. Это он придумал общепролетарский дом для «пользы и радости», но не представляет себе «устройства души поселенцев общего дома», не понимает, «от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум жителей будущей башни посреди степи». А знать это ему необходимо, чтобы не напрасно строить. Работа мысли — естественное состояние Прушевского. Этим он и отличается от прочих героев повести. Но раздумья вызывают в душе инженера тоску, неверие в завтрашний день, ощущение тщетности всех трудов, собственной ненужности и наконец равнодушие к жизни, «согласованное со смертью». Сердце Прушевского, как и сердце Чиклина, согревают только воспоминания о девушке, что прошла мимо дома его детства, не остановившись. Эти воспоминания волнуют его, как несбывшаяся мечта о красоте, любви, нежности. Он стыдится этой «слабости», но не может «излечиться» от нее, потому что желание счастья, как говорил Достоевский, «святая мечта» человечества.

Прушевский у Е.А. Бортника — это человек с печатью интеллекта на смертельно усталом лице. Плотно смежены его веки. Он не чувствует ударов встречного ветра.

А кто эта девушка, стоящая или идущая рядом с Прушевским? Фигура ее то ли вырастает из мрака, то ли растворяется в нем? Может быть, это та, что прошла мимо и стала его мечтой, его постоянной грезой? Нет, это девушка «в бедном платочке на доверчивой голове», посматривая на инженера с «удивленной любовью» и окликнувшая: «Товарищ, это ты пришел к нам на культурную революцию?» Это произошло, когда Прушевский «решил точно назначить день окончания своего пребывания на земле», осознав «наивность всякой надежды». Что значит для героя эта встреча? Возможность серьезных перемен в судьбе? Или это случай, который, быть может, отодвинет конец?

И что это за рукотворная звезда, повисшая или нависшая над ними? Видимо, очередное напоминание об обществе, в котором тоскующий интеллигент превращается в лишнего человека, едва ли не в чуждый элемент. Наверное, некоторая недосказанность, отсутствие точек над «и» и придает иллюстрации своеобразную прелесть.

На последнем листе-итоге Чиклин с ожесточением отчаяния «вонзается в землю ломом, выдалбливая в вечном камне гробовое ложе» для Насти. Умерла Настя, и для рабочих котлована потускнела идея. Утратил смысл лозунг Жачева: «Коммунизм — это детское ложе». Образ рабочего приобретает символическое звучание. Котлован, в сущности, превращается в кладбище для идеи. Без ориентации на идеал гибнет, рассыпается в прах личность. Могучие силы уходят в землю, в ничто. Всю боль, отчаяние, всю силу опустошенности вкладывает Чиклин в каждый удар.

Е.А. Бортников не судит героев, не дает им однозначных оценок, не предлагает готовых решений. Он побуждает нас думать. Ему удается настроить свой голос на волну голоса писателя, максимально приближая образный строй иллюстраций к образному строю литературного произведения.

Думаю, что книга с иллюстрациями Е.А. Бортника необходима сегодняшнему читателю.

*Рисунки к «Котловану» на 2-й стр. обложки*



Наталья ПОЗДНЯКОВА

## ЗАВОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ТИМОФЕЕВЫ

*На восточном склоне Уральского хребта на полпути между Екатеринбургом и Челябинском стоит небольшой городок Касли, знаменитый уникальным чугунным художественным литьем. Некогда эти земли, принадлежавшие башкирам, купил за 72 рубля тульский купец Яков Коробков и поставил здесь чугуноплавильный и железоделательный завод, который в 1752 году купил Никита Никитич Демидов. Потом завод перешел к вольскому купцу I гильдии Льву Ивановичу Расторгуеву. С конца XVIII века Касли административно относились к Екатеринбургскому уезду Пермской губернии, а после революции отошли к Челябинской области.*

*В Каслях почти два века жили предки моей матери — Тимофеевы. Среди образцов каслинского литья, хранящихся в различных музеях, встречаются вещи, выполненные формовщиками Тимофеевыми. В Екатеринбургском музее изобразительных искусств хранится работа «Отъезд казака» по скульптуре Е. Лансере, — ее формовщиком был В. Тимофеев. Он же отлил бюст П. И. Чайковского по скульптуре Р. Баха, персонажи гоголевских «Мертвых душ» по скульптуре А. Соловьева. Участвовал этот мастер и в создании всемирно известного каслинского чугунного павильона.*

### Родство помнящие

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) я просмотрела все доступные мне документы, относящиеся к Каслям. В ревизских сказках за 1811-1858 годы нашла сведения о моих предках Тимофеевых. В 1858 году в Каслях было 15 родственных семейств с такой фамилией. Жили они вокруг Попова озера, почти в центре поселка. До отмены крепостного права числились «вечноотданными к заводам по указам правительства наравне с крепостными». Вечноотданные — это категория зависимого горнозаводского населения, прикрепляемая рядом указов к частным горным заводам.

Знарок истории заселения Урала Юрий Васильевич Коналов добавил, что в вечноотданные попадали пришедшие на заводы издалека вольнонаемные: посадские, беглые дворцовые, государственные, монастырские, помещичьи крестьяне и другие люди, бежавшие на Урал от экономических и религиозных притеснений. Он же посоветовал мне продолжить поиски на Шайтанском заводе. Никите Никитичу Демидову до 1738 года принадлежал один только этот завод. Ныне это поселок Нейво-Шайтанский.

Я нашла в архиве ревизскую сказку Шайтанского завода за 1747 год и обнаружила в ней вечноотданного мастерового Григория Тимофеева, — «родства не помнящего»! С большой долей вероятности считаю Григория Тимофеева своим пращуром. Откуда и от каких напастей бежал он, прежде чем попасть в новую неволю? Уже никто того не узнает.

Добытые мною сведения связываются с нынешним временем цепочкой из 8 колен — не так уж мало для семьи крепостных крестьян. Проблематична только связь между первым и вторым звеном. Остальное подтверждено документально.

1. Григорий Тимофеев — основатель рода. Родился в 1723 году, бежал из центральной России на Урал, попал к Н. Н. Демидову на Шайтанский завод. Объявился «родства не помнящим». После 1752 года переведен на Каслинский завод.

2. Герасим Григорьев Тимофеев — мой дед в 5-м колене. Родился в 50-х годах XVIII века вероятно в Каслях. Его дети: Дмитрий, Никита, Петр.

3. Дмитрий Герасимов Тимофеев (1779-1854) — мой дед в 4-м колене. Вечноотданный мастеровой Каслинского завода. Жена Авдотья Петрова, дети: Александр, Егор, Михаил.

4. Александр Дмитриев Тимофеев (1795-1829) — мой прапрадед. Жил в Каслинском заводе. Жена Федора, дети: Венедикт (именно Венедикт, а не Венедикт — так в документе), Никита, Василий.

5. Венедикт Александров Тимофеев (р. 1819) — мой прадед. Вечноотданный мастеровой Каслинского завода. Жена Авдотья Яковлева, дети: Николай, Федора, Яков, Александр.

6. Николай Венедиктович Тимофеев (1851-1921) — мой дед. Жил в Каслях, в 1921 году перевез семью в Екатеринбург. Строительный рабочий, отделочник.

7. София Николаевна Тимофеева (р. 1915) — моя мать. До 1921 года жила в Каслях, переехала с семьей в Екатеринбург. В 1934 году кончила Свердловский химико-технологический техникум. Была направлена в Н.Тагил, где жила и работала до 1973 года. Муж Титов Владимир Иванович (1909-1992), дочь Наталья (автор этих строк).

### Николай и его семейство

Мой дед Николай Венедиктович Тимофеев рос после отмены крепостного права. Охочий к перемене мест, занимался отхожим промыслом, был строителем и отделочником. Достиг, говорят, большого мастерства. Не раз, например, делал в доме ремонт уже после того, как все было вымыто, выстирано и постелено к празднику, и ни одна капля у него не попадала на чистые полы. Инструменты свои делал сам, очень их берег и не разрешал никому прикасаться. Сам делал все растворы и краски, знал какие-то их секреты.

В 1895 году умерла его жена, оставив троих почти взрослых детей. Рассказывали, что когда он, убитый горем, шел с кладбища, кто-то из родни обратил его вни-

мание на идущую навстречу с полными ведрами молоденькую девушку... Через год они с ней обвенчались.

Молодая жена Евгения Васильевна (в девичестве — Ермакова) была круглой сиротой. На ней лежала забота о младших братьях и сестрах. До замужества она работала стряпучой в семье местного богача, которого все звали почему-то Демидушкой. Он подарил своей расторопной и умелой прислуге к свадьбе швейную машину марки «Зингер» — роскошный подарок даже для нашего времени.

За первые годы совместной жизни молодожены выдали замуж и женили детей мужа и отправили учиться в Екатеринбург сестер жены. Впоследствии две сестры Евгения Васильевны, работавшие во время 1-й мировой войны в екатеринбургском госпитале медсестрами, вышли замуж за иностранных подданных и уехали в Германию. Одна даже бросила мужа-старовера, жизнь с которым не складывалась из-за его чрезмерного религиозного фанатизма. Наличие родственников за границей было в 30-50-х годах предметом постоянного страха в нашей семье, где трое близких сородичей было расстреляно, а четверо сослано. В 50-е годы мама получила письмо от одной из теток, кажется, из Данцига, с предложением принять часть наследства. Трудно описать шок, который вызвало это письмо. Ни о каком получении наследства не было и речи. Письма и фотографии были уничтожены, адрес и фамилии со временем забыты.

Семья деда быстро увеличивалась. В 1915 году родилась моя мама, восьмой ребенок у матери. Через год был еще сын, но умер младенцем. Интересно, что Николаю Ведениковичу было тогда далеко за 60. Мамино рождение было омрачено проводами на фронт первенца — Павла. Родители считали Павла самым умным и пригожим из всех своих многочисленных детей. Он погиб где-то в Галиции.

Все дети семейства отличались отменным здоровьем и приятной внешностью. Павел, Евдокия, Василий, Глафира и Аркадий имели типичные славянские черты: светлые волосы, голубые глаза, круглое лицо, слегка вздернутый нос, средний рост и ладную фигуру. Николай и Галина, походившие на отца, были кареглазы, черноволосы, со смугловатой кожей и тонкими чертами лица, речь и манеры их удивляли окружающих благородством, странным для выходцев из низов.

Моя мама была немного другая, но с возрастом фамильные черты стали более заметны. Центральный сквер Нижнего Тагила с 1935 года около тридцати лет украшала типичная примета того времени — «девушка с веслом», моделью которой была моя девятнадцатилетняя мама...

В 1910 году в Екатеринбурге начали строить оперный театр. Мой дед вместе с несколькими односельчанами нанялся на его строительство. Производитель работ —

пермский мещанин Григорий Александрович Голландский — набирал по всей округе самых квалифицированных мастеров. Дед выполнял лепные и малярные работы в зрительном зале. Театр был построен менее чем за 2 года, но отделка шла еще несколько сезонов.

## Голодные двадцатые...

...Последующие события бедами обрушились на патриархальную жизнь большой семьи. Как-то летом, когда все были на покосе, пожар уничтожил большой крестьянский дом Тимофеевых. Отец наскоро срубил временный дом на три окна, надеясь вскоре поставить более просторный. Но началась 1-я мировая, революция, Гражданская война. Нам внушали воспринимать то время романтически. Никогда не могла усвоить, какая может быть романтика в братоубийстве.

В начале 20-х на Урале свирепствовал жестокий голод. Не обошел он и Касли. Пресса об этом почти не писала, замалчивая его размеры и последствия. Ели лебеду, какую-то траву с болот, озерные водоросли. Заезжие торговцы за мешок муки запрашивали сундук с добром. Обливаясь слезами, мать один за другим отдавала сундуки, приданое четырех дочерей. Спасая семью, отец решился на переезд. Он узнал, что в Екатеринбурге голода почти нет. Съездил, договорился с квартирой и работой, отправил железной дорогой старших детей, но задержала тяжелая болезнь младшей дочери. Наконец, распродали остатки разоренного хозяйства, заколотили дом,

погрузили на телегу самое необходимое и двинулись в путь. Ехали две недели, ночевали где придется, в пути застала осеннее ненастье.

...Холодным сентябрьским вечером 1921 года через Сибирскую заставу в Екатеринбург въехала телега, груженная убогим скарбом. Лошадь погоняли пожилой человек с окладистой кудрявой бородой и статная женщина средних лет. На телеге, укрытая тряпьем, лежала шестилетняя девочка, еще не оправившаяся от тифа, — их младшая дочь Соня, моя будущая мама. Впоследствии сестры мамы вспоминали то время как самое страшное в их далеко не легкой жизни.

Все, кроме малышей, днем работали, а ночами ходили разгружать вагоны. Но вскоре умер отец. Расчистил двор от снега, прилег отдохнуть и больше не встал. Ему было 70 лет, и тяготы последнего времени были уже не по силам.

Постепенно жизнь налаживалась, дети стали учиться. Мальчики играли почти на всех доступных им музыкальных инструментах, а София училась балету в студии при театре.

В январе 1927 года неожиданно умерла мать Евгения Васильевна, всегда отличавшаяся несокрушимым здоровьем. Рассказывали, что всех своих детей, кроме Софии, она рожала одна в бане, затем звала старших, мыла их



Семья Тимофеевых, 1916 год, Каслинский завод.

всех и последняя возвращалась с новорожденным. Огромная семья держалась ее заботами. Для всех хватало у нее добрых слов и ласки. И вдруг смерть в 49 лет после короткой болезни. Куча круглых сирот... Похоронили мать на Ивановском кладбище в Екатеринбурге, недалеко от могилы отца. В 30-х годах на этом месте была построена тюрьма. Согласия, естественно, ни у кого не спросили.

## На стройках коммунизма

Все хлебнули лиха через край. Маме пришлось забыть балет. В 14 лет она поступила в техникум и ушла в общежитие против воли старшей сестры, которая предпочитала держать ее нянкой и домработницей. Ушла, в чем была. Зарабатывала на жизнь поломойкой и ночным сторожем в столовой. В общежитии жили 50 человек в одном неотапливаемом спортзале. Паровое так и не наладили, а печи не разрешались из-за опасности пожара. По ночам учащиеся часто поднимали по тревоге и вели расчищать от снежных заносов железнодорожные пути. Нередко вместо занятий стеклили строящиеся цеха Уралмаша. Мама до сих пор удивляется, как никто не заболел. Все были полны энтузиазма и веры в светлое будущее.

Любимая мамина сестра Глафира днем работала на стройке, а вечером спешила на курсы сначала счетоводов, потом бухгалтеров. Успевала еще участвовать в концертах «Синей блузы». В дальнейшем она до самой пенсии работала главным бухгалтером треста Уралцветметзолото.

Николай, старший мамин брат, был строителем, как и отец. Начинал рабочим, затем мастером и прорабом, заочно учился в техникуме. В Свердловске он строил гостиницу «Центральная», Дом промышленности, комплекс жилых домов на углу ул. Ленина и Московской, баню на ул. Куйбышева. В сентябре 1937 года он был арестован, а 3 ноября того же года расстрелян по нелепому обвинению. Я видела его дело, хранившееся тогда в архиве КГБ. Кроме отсутствия в доме портретов вождей и встреч с друзьями по поводу полочки, которые рассматривались «органами» как контрреволюционные сборища, ему ничего крамольного предъявить не смогли.

Средний мамин брат Василий был человеком редкого обаяния и мастером на все руки. Он умел все — от самого сложного ремонта до пошива париков и театральных костюмов. Когда пришла пора идти в армию, его взяли в

роту по охране Сталина. Не только за идеальные физические данные и высокие моральные достоинства, но и за мастерское владение музыкальными инструментами. Он играл в кремлевском духовом оркестре. Вася был счастливым в браке, свою жену и детей буквально носил на руках. Он погиб на Пулковских высотах под деревней Бабино. В 1954 году мы ездили в Ленинград, искали эту деревню. Нам сказали, что деревни Бабино больше нет.

Младший мамин брат Аркадий работал на стройках с 13 лет. Был любимцем в семье и кумиром окрестных мальчишек. Однажды он шел с работы и услышал призыв о помощи. Хулиганы избивали человека. Он бросился спасать. Подоспевшая милиция задержала всех участников драки. Судила печально известная «тройка» без расследования, без опроса свидетелей и прения сторон. Аркадий получил «детский» срок — три года. Отбывал его на лесоповале в Верхотурье. Там его застала война и штрафной батальон. Их бросили в сталинградскую «мясорубку». Похоронки на Аркадия не было...

Относительно удачно сложилась жизнь самой старшей сестры — Галины, сохранившей даже в пожилом возрасте эффектную внешность. Кончив в 1920 году Екатеринбургскую фельдшерскую школу, она вскоре вышла замуж за врача Владимира Николаевича Зубрицкого, интеллигентнейшего человека, представителя известной в прошлом екатеринбургской семьи врачей и художников. Дом Зубрицких на улице 9 Января простоял почти до последних лет и был снесен при благоустройстве территории вокруг нового театра драмы. На его развалинах были найдены уникальные предметы старины, о чем в свое время писала местная пресса.

\* \* \*

Один наш выдающийся режиссер и актер, талантами и импозантной внешностью которого я

всегда восхищаюсь, не однажды высказывался о ничтожности рабоче-крестьянского происхождения. Может быть, он и прав, потомок древнего боярского рода, сумевшего не только выжить, но и процветать при любой власти и вопреки всем катаклизмам. Я, человек «ничтожного» происхождения, должна с горечью признать, что мой род жизнелюбивых, здоровых, деятельных людей, не лишенных способностей и высоких душевных качеств, фактически вымер в условиях российской жизни...



Глафира и Василий Тимофеевы, начало 30-х годов.





Виталий ПАВЛОВ

# ТОБОЛЬСКАЯ «ЕМИЛИЯ»

(Софья Сумарокова — переводчица одной из первых на Урале книг)

В течение ста с лишним лет о существовании этой книги даже не подозревали. Лишь в самом начале нашего века профессор В. В. Сиповский в одном из своих библиографических сочинений зафиксировал: «Емилия, французская повесть, перев. Соф. Сум...ва, Тобольск, 1791, 8<sup>о</sup>». И пометил, что экземпляр книжки найден им в библиотеке императорской Академии наук.

Спустя десятилетие, известный библиограф В. П. Семенников в журнале «Русский библиофил» (1913, № 7) упомянул об «Емилии» в переводе неведомой «Соф. Сум...вой». Минуло еще много времени, прежде чем московский литератор В. Г. Утков в статье «Сибирские первопечатники Василий и Дмитрий Корнильевы» вновь вспомнил «Емилию»...

Все указанные авторы приводили лишь заглавие книги и ее выходные данные. Правда, В. П. Семенников листал книжку и высказал предположение относительно криптонима «Соф. Сум...ва»: это, мол, сестра или дочь журналиста и поэта Панкратия Сумарокова. В. Г. Утков в подстрочных примечаниях поправил библиографа: «В действительности это жена поэта (урожденная Казабе), на которой он женился уже в Тобольске». Вот все, что было известно до сих пор об «Емилии» и ее переводчице. Начались поиски.

В биографии Панкратия Сумарокова, внучатого племянника известного поэта и драматурга А. П. Сумарокова, написанной его сыном Петром, сказано, что в 1789 году Панкратий Платонович женился. «Супруга его, получившая также очень хорошее воспитание, хотя и не могла вести жизнь независимую, но ... решила разделить участь человека, которого ценила не по обстоятельствам, а по личным достоинствам...»

На склоне лет Петр Сумароков вновь обратился к своему родословному древу и добавил несколько новых штрихов к облику матери: «Мать моя была немка, приехавшая в Тобольск с семейством одного сосланного туда господина, в качестве гувернантки. Она тоже была женщина очень хорошо образованная, а кроме природного немецкого языка, хорошо знала французский и русский. Разделяя с мужем педагогические занятия, она помогла ему открыть пансион у себя в квартире, а потом и в собственном доме, купленном на трудовые деньги».

Сын, как видим, не привел даже имени матери.

...Брак с «несчастным», как тогда называли сыльных, каторжных и заключенных, не был браком по расчету. Какая уж тут корысть! Срок ссылки Сумарокова в Тобольск тогда только начался и должен был продолжаться двадцать лет. Лишенный за свой проступок чина кор-

нета Конной гвардии и дворянства, Сумароков был приписан к туринскому мещанскому сословию. Его будущее выглядело туманным. На брак с ним молодую образованную и свободную женщину могла подвигнуть только любовь. И гувернантка связала свою судьбу с незавидной судьбой человека без прав. Причиной тому были личные качества Сумарокова: ум, доброта, насмешливый, но незлобивый нрав, прекрасное образование (он свободно владел несколькими иностранными языками), талант музыканта (играл на скрипке и фортепиано), художника и литератора, жадный интерес к различным наукам...

Помощь от матери Сумароков получал скромную. А от него материально зависели еще трое: сестра Наталья, из-за привязанности к брату добровольно последовавшая за ним, и двое слуг. В Тобольске бывший корнет стал частным учителем и обрел известность хорошего педагога. Учительский труд делила с ним и Софья Андреевна.

Благодаря мужу, она вошла в кружок молодых литераторов, объединившихся вокруг литературно-художественного и общественно-политического журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789-1791). Панкратий Платонович активно сотрудничал в нем и своим энтузиазмом заразил сестру и жену. Софья Андреевна перевела для «Иртыша...» из «Гамбургского политического журнала» «Перечень письма из Вены от 12 октября 1789 года». Он примечателен тем, что содержит восторженный отзыв австрийцев о мужестве и необыкновенной выносливости русских войск под командованием А. В. Суворова, и личности самого полководца.

Но обратимся теперь к «Емилии...». В свое время мать Сумарокова, узнав о его намерении жениться на Софье Андреевне, по обычаю благословила молодых и в духе помещичьих нравов того времени преподнесла им подарок — три семьи дворовых. Невестка же решила на свой лад отдарить еще незнакомую ей свекровь. На отдельной странице «Емилии...» после титула книги крупным шрифтом разверстано: «Милостивой Государыне Марье Ивановне, Ея Высокоблагородию Сумароковой. С истинным Высокопочитанием посвящает: покорнейшая служница Соф. Сум...ва».

Как читатели той поры встретили «Емилию, мы, видимо, уже никогда не узнаем. Судьба этой книги сродни судьбам многих провинциальных изданий. Едва появившись на книжном рынке, она исчезла словно вода в песке, не замеченная ни критикой, ни библиографами.

Повесть по объему невелика. В книжечке небольшого формата (9,5x15,3 см) всего 83 страницы. В произведении только два действующих лица — куртизанка Эми-

лия и «благородный», впавший в бедность, дворянин, имя которого скрыто автором за инициалом «Т». Их встреча произошла в момент, когда известная французской столице куртизанка «...чувствовала возрождающееся в себе желание к доброму поведению, хотела исторгнуться из постыдного положения своего, и давно уже помышляла о убежище, которое бы могло укрыть ее от поношения, сопряженного с беспорядочностью ее жизни и от посмеяния, что вознамерилась жить лучше». Она скопила 200 тысяч франков и, «простившись с последним своим любовником, готовилась удалиться от Парижа, опасаясь новых случаев впасть в прежний род жизни».

Емилию очень заинтересовал печальный и молчаливый сосед по квартире. Она добилась, что молодой человек открыл ей свою «тайну». Он, дворянин в отставке, просит родственников, «плавающих в изобилии и почестях», поделится с ним этим изобилием, но те презрительно отказывают. «Т» остается лишь одно — «удалиться из отечества и просить места в конторе Ост-Индской компании...». У Емилии же родился иной вариант: надо-де поугубить родственников «Т», объявить им, что «их бесчеловечие заставляет... решить воспользоваться состраданием одной жившей в распутстве девки»...

План Емилии провалился: родственников совершенно не тронула весть о возможном браке «Т» с проституткой. Тогда он бросился к ногам Емилии, объяснил ей в страстной любви и тотчас предложил ей не мнимое, а реальное супружество. Герои состязаются в благородстве поступков и помыслов, но заканчивается повесть многозначительной сентенцией: «Т» и Емилия уже давно наслаждаются утехами искренней любви. Дом их — обитель добродетелей. Они суть образцы оных, о них говорят с похвалой и с удивлением, но никто не имеет сил им последовать.

Знай мы автора произведения, можно было бы точнее определить его место в литературном процессе того времени. Однако, попытки установить источник перевода, к сожалению, оказались безуспешными. Есть произведения с близкими названиями, например, «Страдания молодой Емилии, служащая к наставлению чувствительных и добродетельных душ» — роман «госпожи Омо», «Емилия Фервиль, или Философия чувствования» В. Берка; «Емилия, или усиленная жертва» — повесть Арно. Все они написаны раньше, чем появилась «тобольская» «Емилия», но в них нет ничего похожего на нее.

Нельзя не отметить, однако, что «Емилия» — произведение, вероятно, «третьестепенного» европейского писателя, что относится оно к разряду прозы страстей и нравов и продолжает линию, начатую Прево д'Экилем (аббатом Прево, 1697-1763), особенно ярко выраженную в его романе «Манон Леско».

Стилю повести присущи галантная фразеология, жеманная чрезмерность страстей. Описана экстравагантная ситуация, и закончилась она типично для той поры — мезальянсом.

В России XVIII века романы страстей и нравов, галантно-экзальтированные повествования были едва ли не самыми читаемыми. Как и в случае с «английской повестью» «Училище любви», переведенной П. П. Сумароковым и напечатанной в Tobольске впервые еще в 1789 году, главную роль при выборе материала для перевода, вероятно, тогда сыграла именно мода, вкусы публики.

Повесть читается легко. Софья Андреевна стремилась к ясности, точности, определенной простоте выражения мысли и построения предложений. Она, несомненно, хорошо знала русский язык. И все-таки в тексте встречаются фразы, которые выдают нерусское происхождение переводчицы: «Подите, сударь, проходите» (вместо «пройдитесь», «погуляйте»); «выдумывайте средства, стройте даже, что называется, замки на воздухе» (вместо «воздушные замки»)... и т.д.

Как же сложилась дальнейшая судьба переводчицы?

Жизнь Софьи Сумароковой в 90-х годах проходила в учительских трудах, попечении о муже, домашних хлопотах. В августе 1800 года к ним добавились радостно-тревожные заботы о сыне-первенце, нареченном по традиции рода Сумароковых Петром. В конце июля следующего года в Tobольск пришло повеление нового царя Александра I: освободить Панкратия Сумарокова из ссылки и «дозволить ему возвратиться на свою родину и жить свободно где пожелает».

Вместе с мужем и годовалым ребенком Софья Андреевна в том же году приехала в незнакомое и чужое ей родовое поместье Сумароковых — село Кунеево. В марте 1802 года новым указом императора Панкратию Платоновичу вернули дворянское достоинство со всеми сословными правами. Он стал редактировать московский «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а через два года — «Вестник Европы». Оба издания «поглощали» множество переводных сочинений французских и немецких авторов. Вполне вероятно, что Софья Андреевна и на сей раз помогала мужу в подготовке этих произведений, печатавшихся анонимно.

Начавшаяся вскоре Отечественная война нанесла Сумарокову огромный материальный урон. Здоровье Панкратия Платоновича пошатнулось. «В 1813 году, — пишет его сын, — он занемог, и в начале болезни пренебрегал ею. Впоследствии открылась у него водяная, к ней присоединилась ипохондрия...» В марте 1814 года Софья Андреевна проводила мужа в последний путь. В довершение, к несчастью, осталась она у разбитого корыта: имение заложено, долги платить нечем, надежды на помощь близких — никакой. Сыну шел лишь 15-й год. О положении семейства в этот период сообщает архивный документ: «Каширское имение за смертью опекуна и попечительницы взято в присмотр Земского суда...». Семья оказалась на грани краха. Но Софье Андреевне удалось уговорить-умолить богатую аристократку графиню Варвару Протасову, которая, как видно из того же документа, внесла «в опекунский совет все принадлежащие по займу деньги...» С этого момента Софья Андреевна стала опекуницей имения. Позднее она выплатила по займу и за имение в Мокшанском уезде Пензенской губернии. Случилось это в июне 1816 года. Софье Андреевне в ту пору было 53 года, что позволяет определить примерную дату ее рождения — 1764 год.

Когда закончился жизненный путь Сумароковой, точно не известно. Но в 1837 году, когда у Петра Панкратьевича родился третий ребенок — дочь Марья, ее восприемницей от купели была Софья Андреевна. А из прошений Петра Сумарокова, поданного в Тульское депутатское собрание 1 марта 1846 года, видно, что к этому времени матери его — переводчицы одной из первых книг в нашем крае — уже не было среди живых.



Олег АЮПОВ

# СОБСКАЯ ЗАСТАВА

*Исторические параллели бывают порой самыми неожиданными. Казалось бы, какая, например, связь между Полярным Уралом и крымскими предгорьями? Соратниками Стеньки Разина и сибирскими служилыми людьми с низовой Оби? А оказывается, их объединяет Собская застава — сторожевой пост, учрежденный в XVII веке на древнем торговом пути через Полярный Урал.*

## О сыне крымского бея — воеводе Тобольска

Долина реки Альмы — один из самых благодатных районов Крыма. Здесь, в предгорьях крымских, в средние века цвели сады, а в них тонули дворцы ханских вельмож. При ханах из рода Гиреев землями здесь владели беи из рода Яшлы, входившие в 50 самых знатных семей Крыма, имевшие наследственное право заседать в диване. В XVI веке они преуспели на дипломатическом поприще, в частности, регулярно возглавляли посольства на Русь. В результате один из беев остался на службе в Москве. Звали бея Сулеш-бика Джихан-шах. Он получил вотчину в Бежецком уезде и права сродни княжеским. Случилось это в пору царя Федора Иоанновича.

Сын его, князь Юрий Яншеевич Сулешов, женившись на Марии Салтыковой, породнился с Романовыми, вследствие чего и получил доступ к высоким государственным постам. Сулешов руководил важнейшими приказами в Москве, в том числе и Разбойным, но заметнее всего проявил себя в Тобольске — тогдашней столице Сибири.

Остановимся лишь на одном его начинании, прямо относящемся к теме повествования. Молодой воевода официально утвердил торговый путь в Сибирь «через Камень» по руслу реки Сось на Полярном Урале. Дело в том, что «государев путь» в Сибирь проходил в районе Верхотурья, где стояли многочисленные таможенные и сторожевые посты, дабы не упустить государеву выгоду.

На официально открытом северном пути «через Камень» следовало поставить крепкую заставу. Как свидетельствуют исторические документы, «при

царе Михаиле Федоровиче» на реке Сось такую заставу учредили и назвали ее Собской. Было это как раз при воеводстве Сулешова. Его двоюродные братья стерегли перевалы Крыма, а Юрий Яншеевич заботился о перевалах Полярного Урала.

## Древний путь

Впрочем, путь «через Камень» по руслу реки Сось был известен задолго до его официального открытия воеводой Сулешовым. Как свидетельствует русский историк С.В. Бахрушин, «чрезкаменный путь» хорошо знали новгородцы еще в XIV веке, а может и раньше. Начинался он на Печоре и проходил по руслам Усы-Соби (европейской) — Ельцу-Соби (сибирской). От устья Ижмы до Обдорска путешественники добирались летом за 5-6 недель.

На этом пути стоял на Урале Роговой городок (остяцкий Сускар) в верховьях реки Усы, где, по словам царской грамоты 1607 года, пустозерцы торговали с «зауральской самоедью». На самом перевале, судя по «карте Ремезова», существовало еще одно «городище», очевидно, остатки какого-то зимовья и, вероятно, здесь стоял «отъезжий караул» от Собской заставы.

Сама застава, как таможенный и сторожевой пункт, по всей видимости представляла из себя небольшой острожек, где за бревенчатой стеной с несколькими сторожевыми башнями располагалась просторная изба для служилых людей, изба для проезжих, лабаз и, вероятно, банька.

Вскоре Собскую заставу объединили под единое руководство с Обдорской заставой, размещавшейся в Носовом городке (Обдорске). До 1635 года

сюда для сбора таможенных пошлин присылались письменные головы, подъячие и целовальники из Тобольска. Ввиду важности обеих застав, двум таможенным головам, посланным с Руси на Березов, было предписано летом ездить «на Обдорь» для руководства заставами, и этот порядок сохранился в последующее время.

Таможенные головы, приехав на заставы, посылали целовальников на «отъезжие караулы». Вероятно, такой караул был и на перевале. Активная деятельность обеих застав продолжалась только летом, с июля по август, потому что «в сибирские города тою дорогою зимою никто не ездит».

### Как изымали беглых воров

Ездили «через Камень» люди всех сословий и по разным надобностям. Служилые люди города Березова в 1679 году, обращаясь к царю с челобитной о жалованье, вспоминали, что «во 182-м году мы.. на Собской заставе изымали беглых воров станицы Стеньки Разина астраханца Бориска Гольшпенкова да Мишку Черновского с товарищи 10 человек». Печальная участь ожидала задержанных. Так Гольшпенков и Черновский «на Березове вершены».

Челобитная эта свидетельствует о том, что на заставе служилого люда было никак не меньше двух-трех десятков. А то они вряд ли смогли бы «изымать» десяток несомненно вооруженных соратников Стеньки Разина. С другой стороны, можно только поражаться организации сыска в средние века на Руси. Ведь надо было письменно изложить приметы «воров» и разослать их своевременно по всем заставам.

Шли через Собскую заставу не только купцы, но и «гулящие» люди — так в средние века называли на Руси людей вольных, не закрепощенных, по той или иной причине оказавшихся за пределами своего сословия. Часть из них бежала от помещиков-бояр и надеялась зажить в Сибири вольной жизнью. Если гулящие люди шли Собской заставой, с них брали явочную головщину (налог с одного зарегистрировавшегося на заставе путника) по алтыну, т.е. дороже, чем на юге. С тех, кто проходил, например, Чусовскую заставу Верхотурского уезда, брали по три деньги.

Впрочем, через Собскую заставу шли люди в

основном не бедные. Северным путем обычно возвращались из Сибири, уже наторговав «мягкой рухляди». Например, летом 1641 года на Обдорской заставе гулящий Кузьма Омелянов явил на продажу 4 лодки, оцененные в 40 рублей — большую по тем временам сумму. В том же году Обдорская таможня зарегистрировала 379 гулящих людей. Большая их часть прошла именно через Собскую заставу.

### Пустозерские разбойники

Путь «через Камень» был сопряжен со многими опасностями. Он шел по обширным и безлюдным пространствам. «Дорога прохоящая, нежилая людьми, пустое место». Поэтому купцы и промышленники собирались еще в Обдорске в крупные партии и переваливали «Камень» многолюдным караваном. Однако и это не спасало их от разбойников.

В 1640 году люди били челом царю Михаилу Федоровичу на «березовскую и пустозерскую самоядь», грабившую «государеву казну» на перевале. От их рук погибло много служилых людей, сопровождавших купцов. Вполне вероятно, что кроме «самояди» на дороге разбойничали и гулящие люди. Да и жители Пустозерска, остававшегося в стороне от оживленного торгового пути, не брезговали выходить на разбойный промысел.

Несмотря на неудобства и опасности «чрезкаменного пути», в течение всего XVII века он оставался «большой сибирской» дорогой. В 1638/39 годах «в Собском устье и на Обдорской заставе было на Руси торговых и промышленных людей 919 человек», а в следующем году — 745. Однако в 1695 году через Собскую заставу проехало всего 233 человека. Связанно это с тем, что путь через Верхотурье стал более безопасен, да и контролировать его было легче.

В 1704 году Петр I своим указом предписал ездить в Сибирь и обратно исключительно через Верхотурье. В последний раз упоминание о Собской заставе содержится в указе 1722 года, где сказано, «чтоб чрез Березов и Собскую заставу как в Сибирь, так и из Сибири отнюдь никого не пропускать». Но застава, вероятно, существовала еще несколько лет, чтобы осуществлять тот самый приказ — «не пускать».



Алексей КРАПИВИН

# МЫ И ЕДИНОРОГ

Рассказ



У Андрея рассечен лоб. Но шрам скрывает прическа «под битла». Такие сейчас не в моде, но Андрей плевал на это с высокой колокольни.

Мы подружались в восьмом классе, когда меня колотили за очки. Он вступился за меня и набил морды двум моим врагам. Потом мы встретили еще одного в сквере... И с тех пор мы с Андреем ходили вместе.

Скоро мы много узнали друг о друге. В частности, Андрей про меня то, что я семь лет проучился в музыкальной школе, а я про него — что он пишет много стихов и учится играть на гитаре. Мы родили десяток песен...

И было бы все хорошо, вот только не нравился я почему-то ребятам из нашей школы. И не в очках дело, а в характерах моих одноклассников. Однажды я разговорился с Андреем на эту тему всерьез.

— Послушай, — сказал я ему. — Ты все время будешь меня сопровождать?

Андрей ответил, что пока у меня такие отношения в школе, да, будет. А там посмотрим, добавил он.

Я помедлил, подбирая слова.

— Видишь ли... завтра они, наверно, снова наедут.

— Да все нормально, — ответил Андрей. — Какие проблемы?

— Тебе ведь тоже достанется, — предупредил я.

— Там поглядим. А вообще есть способы положить на них на всех сразу.

— Какие способы? — грустно спросил я. Ведь все равно завтра в школу, а там...

Он немного помолчал и поведал о «чудном совершенно парне», который живет на пустыре. И если я с ним познакомлюсь, все сразу станет хорошо.

Надо сказать, что пустырь большой и частично окружен забором. Там хотели строить шестнадцатизэтажку и подготовили уже фундамент, но потом расхотели. Я догадался, что «чудный парень» живет в подвале этого фундамента.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросил я.

— Не бомж, — сказал Андрей. — Мать у него есть. Но домой он не хочет. Ты должен на него посмотреть...

— Что-то не тянет меня на пустырь.

Андрей посмотрел на меня внимательно и сообщил:

— Тянет — не тянет, а пойдешь. Вместе пойдём.

Вообще-то я не горел желанием туда идти. Потому что известно было еще с детских лет, что на пустыре тусуется компания, которая называет себя «Желтая карточка». Наркоманы, алкоголики и прочие...

— Никого там нет, — прочитал Андрей мою мысль. И велел мне одеваться. Прямо сейчас и пойдём, сказал.

Я глянул в окно, за которым хлестал ливень. Май на дворе, а погода... Но Андрей стал доказывать, что дождь не помеха, что до пустыря тут стометровку пробежать и вообще можно взять зонты.

— Да правда же! — заверял он меня. — Это в чем-то даже решит твои проблемы!

— Что, те идиоты перестанут меня доставать?

— Не исключено...

Он принес мне из прихожей куртку, и мы все-таки пошли.

«Зонты!» — с досадой вспомнил я в лифте. Но Андрей снова прочитал мою мысль:

— Ладно, возвращаться дурная примета. — И мы приехали на первый этаж.

Никакой «Желтой карточки» на пустыре не встретили. Только мокрый котенок, увидев нас, торопливо ушел с дороги.

Мы подошли к недостроенному фундаменту.

— Вон там он живет, — показал Андрей на щелку-окошко.

Мне не понравился его почтительный тон, и я спросил с неудовольствием:

— Как хоть его зовут-то?

Андрей усмехнулся:

— Единорог его зовут.

Мы спустились по мокрой лестнице и оказались в коридоре. Из темноты слышались звуки капель.

— Сюда, — позвал Андрей.

Мы свернули в темный проход, прошли немного по лужам и наконец попали в сухую комнату. Было полумрачно. Андрей показал мне Единорога.

Мальчик лет двенадцати спал на полу. То есть на матрасе. Спал без одеяла, свернувшись и спрятав нос, как кошка.

— Привет, — сказал Андрей.

Мальчик проснулся.

...Единорог — это прозвище, а звали его Павлик.

— А почему Единорог?

Павлик, видимо, засмутился:

— Да ну... Это вот Андрей придумал.

— Потом объясню, — вставил Андрей. Он был серьезен.

— Ну и как тебе здесь живется? — спросил я Павлика.

Павлик пожал плечами.

— Да по-разному...

— Холодно, наверно?

— У меня шуба есть! Старая... А вообще, холода я не боюсь.

— А где твой дом?

Он махнул рукой.

— Да тут, недалеко... Двенадцатизатка новая.

Андрей угадал, о чем я сейчас спрошу, и покачал головой: не надо, мол. Но я все равно спросил:

— А чего ты из дому-то ушел?

Павлик-Единорог опустил голову. Исподлобья глянул на меня.

— Интересно?

— Ну... да. У тебя ведь есть дом, так? Ну и у меня он есть, а я не уйду ни в какие подвалы...

— Ну, тебе-то дома нормально... а мне не так.

Я, видимо, в своих вопросах заехал далеко, потому что Андрей вдруг сказал:

— Ладно, Единорожек, нам пора. Мы потом придем.

Павлик заулыбался:

— Хорошо, пока. Приходите завтра, лучше сразу после школы...

Когда мы вышли из подвала, дождь уже кончился. Выглянуло солнышко. Котенок сидел на бетонной плите и грелся.

— Понимаешь, — нерешительно начал Андрей, — ему лучше не задавать вопросов.

— А что? — я удивился его смущению.

— Он тебе и сам все расскажет, если поймет, что тебе действительно это надо. А спрашивать... ну, значит, ты просто любопытный, а на самом деле тебе не очень интересно.

— А чего ты так с ним носишься? — не выдержал я.

— Ношусь?

— Ну... будто уберечь от чего-то хочешь...

Мы подошли к железной двери моего подъезда. Она была захлопнута, а ключа у меня не оказалось. Мы стали на крыльце.

Андрей прислонился к двери.

— Таких, как он, трудно уберечь.

— Почему? Кто он такой?

Андрей усмехнулся:

— Такой человек... Особенный. Он... скажем так... он всегда чувствует, что нужно делать...

— Как это?

— Знает, как себя вести с другими... Плохого он тебе никогда не скажет. Но главное — когда ты о нем думаешь, у тебя всегда хорошее настроение. Проверено. Скажешь, это какое-то чудо?

— Да какое чудо! — не сдержал я досаду. — Я не знаю, как мне завтра быть, а ты с каким-то чудом!

— Да точно я тебе говорю! — убеждал меня Андрей. — Ну вот я, например, к зубному ходил... Даже больно не было, потому что я вспомнил Единорога.

— Больно не было? — вяло заинтересовался я.

— Ну да!

— Просто врач был хороший.

— Хороший! — возмутился Андрей. — Да год назад этот же врач меня буквально изнасиловал своей машинкой! А тут — раз! — и все в порядке.

Я все равно не верил. Это была не та помощь, которую я ждал от Андрея. Конечно, хорошо, что он будет ходить со мной, он может даже один против двух, но...

— Ладно! — сдался Андрей. — Не хочешь верить? — не надо. Ничего от этого не изменится. Только посмотри сюда.

И я увидел... как Андрей берется за ручку железной двери, тянет, и дверь открывается.

— Но ведь она была заперта!

— Была. Но я ее открыл, потому что подумал про Единорога.

Я утрюмо прошел в подъезд. Просто дверь была не заперта, а прикрыта.

— А почему «Единорог»? — спросил я, когда мы были уже в лифте.

— Как на гербе, — сказал Андрей. — Знаешь, на рыцарских гербах рисовали единорогов? Ну, вот и тут — все ребята, которые его знают, как бы помещают его на свой герб. Он как бы становится главным в жизни...

— Каким «главным»?

— Ну, они часто о нем думают. Так им легче живется.

— Как-то сложно это все... С гербами...

— Сложно, — согласился Андрей. — Но прозвище ему идет.

Потом мы с Андреем играли в шахматы. Я уже не думал о завтрашнем дне. Нет, думал, но почему-то не о том, что ждет нас в школе, а о том, что мы пойдем к Единорогу...

— Только ты его больше не спрашивай про дом, — предупредил Андрей. — Дом — это его больное место. Та старая шуба, которую он унес... Ее хватились раньше, чем его самого.

— Хватились? И что, его теперь ищут?

— Нет, не ищут уже. Он ведь иногда приходит домой.

...Ночью я долго не засыпал, размышлял о Единороге

по имени Павлик. Почему ему позволяют жить в подвале? Почему так получается, что все ребята думают о нем? Неужели им живется от этого легче? Нет, Андрей все выдумал.

Я с усмешкой поймал себя на том, что вот и сам я сейчас думаю о Павлике. Легче мне от этого? И когда пришла в голову такая мысль, я заснул.

Назавтра в школе все было нормально. Два моих врага не пришли, а остальные трое придирааться не стали. Андрей держался рядом.

— Пойдешь? — спросил он в столовой.

— В подвал-то? — пожал я плечами. — Пойду... Вот только сейчас будет алгебра, а я ничего не сделал вчера.

— Думай, думай о Единороге. Может, пронесет...

На алгебре действительно не спросили, и вскоре мы с Андреем весело шагали из школы.

Андрей не захотел идти домой, мы поднялись ко мне, бросили сумки.

— Ну что? Идем к Единорогу? — бодро спросил я.

— Конечно! Мы же обещали.

— Мне все-таки непонятна одна деталь. Если его нельзя спрашивать, я не буду. Но ты-то мне скажи — почему он бросил дом и что об этом думают его родители?

Андрей помолчал.

— Значит так. Ты Сюмо знаешь? Так вот, Единорог — его брат.

— Вот это да!

Сюмо был известный на всю округу гопник.

— Дальше. Отца у Единорога нет. Мать его била. А Сюмо потихоньку втягивал в свою компанию.

— Могу себе представить...

— Ну вот... — Андрей перевел дух. — Теперь ты в общем-то все знаешь... И помни, — неожиданно добавил он, — пока ты думаешь о нем, тебе хорошо.

— Как от наркоты, — сказал я.

— Дурак, — Андрей посмотрел на меня с сожалением. — Ладно, ты еще поймешь...

Когда мы пришли в подвал, Единорог спал.

— Что, он все время спит? — тихо сказал я Андрею.

— По полсутки примерно. Говорит, что какие-то силы из него выходят...

Андрей разбудил Единорога.

— Привет, — сказали мы.

Павлик заулыбался:

— Привет. А сколько времени?

— Два часа. Стой, а что у тебя на лице?

На щеке у Единорога был здоровый кровоподтек. Андрей испугался еще больше, чем я.

— Кто тебя так?

Павлик поморщился, потрогал щеку.

— А, это... Это брат вчера приходил. Что, красиво?

Ничего, с юмором парнишка.

— Еще бы не красиво... — протянул Андрей и присел на корточки.

— Зачем он приходил? — спросил я.

— А... — Павлик махнул рукой. — Домой звал, как обычно. — И совсем неожиданно у него потекли слезы.

— Единорожек, не надо... — Андрей взял его за ладонь. Павлик отнял руку, стал тереть лицо.

— Идиот! — Он встал и отвернулся к окну-щели под потолком. — Не понимает, что не могу я домой... Не пой-

ду... Бьет, сволочь... — Он снова зло потер щеку. Слезы уже исчезли.

— Может, нам с ним поговорить? — неуверенно предложил я. Глупо, конечно, потому что с Сюмо связываться...

Павлик испуганно повернулся ко мне.

— Не... не вздумай!

— Я тоже думаю, не стоит, — сказал Андрей. — Кстати, когда ты последний раз был дома? — спросил он Павлика.

— Недели две... — неуверенно ответил тот.

— Может, пора опять заглянуть?

— Может быть. Только противно, — Павлик сел на матрас, скрестив ноги, и стал разглядывать стену. — Не мое там все, и... там обо мне меньше думают, чем здесь.

— А здесь-то кто о тебе думает, в подвале? — удивился я. Удивился и подколот одновременно.

— Никто. А там — еще меньше...

— Постой-ка... — Меня вдруг осенило: — Две недели? А чем ты тут питаешься?!

«Снова вопросы», — укоризненно глянул на меня Андрей.

Павлик опустил глаза.

— Ничем...

...Андрей зашел ко мне за дипломатом.

— Но все-таки кто же он такой, этот твой Единорог? — спросил я.

— Он? Он несчастный ребенок. Он устал нуждаться.

— В чем?

— Во всем... Он всю жизнь мечтал о друзьях, а у него их не было. Представляешь?

— Знакомая ситуация, — ответил я.

— Вот. Часто случалось так, что ему нечего было есть... Он перестал хотеть есть.

— Так не бывает.

Андрей опустил руки.

— Что мне с тобой делать? Ты просто поверь в то, что я тебе рассказываю...

— Ладно, Андрей, попробую... — обреченно выговорил я.

— Вот и хорошо! — Он похлопал меня по плечу и ушел.

Целую неделю Андрей таскал меня в подвал. Я убедился, что Единорог действительно ничего не ест. А пил он только газировку, которую мы покупали в киоске. Однажды я повел его к себе домой.

Дома я заставил его поесть, хотя уже понимал, что ему это необязательно. Потом он вцепился в мою гитару, полчаса тренькал на ней, лишь неохотно поддерживая разговор.

— Олег, дай мне твою гитару на время, — попросил он. — У тебя ведь их две...

Вторая гитара стояла в шкафу, Павлик ее не видел. «Откуда он знает?» — меня вдруг окатило холодком.

— Бери. А откуда ты знаешь, что их две?

— Мне Андрей говорил... Ну, — он поднялся, — я пойду?

Через минуту, как я закрыл за ним дверь, зазвонил телефон. Это был Андрей.

— Видел сейчас Единорога. Из окна, — сказал он. — Олег, ты понял, что я говорил правду? Если думаешь о нем, то живется легче?

— Что ты ко мне привязался?! — разозлился я. — А

может, ему плохо, когда о нем думают! Нам-то хорошо, а ему плохо!

В трубке наступило молчание.

— А вдруг ты прав... — сказал наконец Андрей.

— Помнишь, ты говорил, что из него какие-то силы выходят? — наступал я. — Вдруг, как раз от этого? Почему он так долго спит?

— Ты думаешь, это связано? А может, сон заменяет ему еду...

— Что? А, ну да... — Мне это не приходило в голову.

— Кстати, — сказал Андрей, — он умеет делать так, будто его нет в подвале. А на самом деле он там. Представляешь? Как-то у него это получается. Подвал-то большой, можешь ходить там весь день, а Единорога не найдешь. Если он не хочет, чтоб его находили... Только я подумал — а почему тогда Сюмо к нему приходит? Единорог же не хочет его видеть...

— Может, на братьев это не действует?

— Убивать надо таких братьев...

Однажды, когда я пришел в подвал, Павлик сидел на своем матрасе, завернувшись в шубу.

— Привет, — он поднял на меня печальные глаза. — Какое сегодня число?

— Двадцатое, — ответил я.

Он всхлипнул.

— Что с тобой?

— Так... Через десять дней наступит лето...

— Через двенадцать, — поправил я. — Что случилось-то?

— Да нет, все нормально... — И отвернулся. Поднял лицо к щели под потолком. Мне стало его жалко, и я прочитал ему стишок:

Раз под вечер по дороге  
Шли с войны единороги,  
И несли они трофеи  
Из картинной галереи...

Павлик насупленно сказал:

— Я реву от жалости к себе, — полушутя, полусерьезно. Провел руками по лицу.

— Ты еще не научился играть? — Я кивнул на гитару, которая стояла у стены.

— Не научился... Знаешь, я подумал, что у меня никого, кроме вас, нет.

— Что ты, Пашка... У тебя же мать есть... — Я сел с ним рядом. Единорог по-взрослому махнул рукой:

— Да, только зачем я ей. И она мне.. Такая, какая она теперь...

Мы помолчали. Я не знал, что ему сказать, да и не был уверен — нужно ли что-то говорить.

Павлик спросил совсем другим тоном:

— А ты почему один? Где Андрей?

— Не знаю... Дома его нет, я звонил.

...Где был в это время Андрей, я узнал позже.

Он пришел ко мне в десятом часу.

— Я с Сюмо говорил, — хмуро бросил он.

Они встретились во дворе «пятерки». Сюмо знал, что мы с Андреем ходим к его брату. Сюмо, оказывается, это не нравилось.

Андрей прищурился на лампу.

— Просто ему надо самоутверждаться, потому что он кретин...

— Ну и что дальше?

— Дальше... Он сказал, что если мы еще туда пойдем, будет с нами разбираться. А еще сказал, — Андрей прищелкнул языком, — что у меня базар гнилой..

— А ты?

— Я ответил, что у меня не базар, а правильная русская речь. Ну что? Или нам теперь не ходить к Единорогу, или придется «разбираться» с этим придурком.

Я не колебался. Сюмо был пока далеко.

— Как это не ходить? Пашка без нас там совсем закиснет...

Когда мы рассказали об этом Павлику, он по-настоящему испугался:

— Он нас прибьет! Seriously...

— Тебя-то за что?

— Всех... Он же придурок!

— Вообще-то, он твой брат.

Павлик прищурился и ответил, как тогда Андрей:

— Убивать надо таких братьев!

И вдруг перепуганно уставился на нас.

— Что я сейчас сказал? Вы слышали? Что?!

— Нет, ничего... — Андрей шагнул, прижал его к себе, и Единорог разрыдался.

— Нет! — крикнул он. — Не надо его убивать! Это не я сказал!

...В тот вечер мы совсем поздно ушли из подвала.

И встретили Сюмо.

Его и еще четырех парней.

Вот тогда Андрею разбили лоб, а мне сломали ребро, ну и очки, естественно.

Через три дня, когда Андрей пришел ко мне домой, на голове у него была повязка, как у Чапаева.

— Привет, — сказал он. — Не вставай. Знаешь новость дня?

— Нет. Какая еще новость?

— Сюмо убили.

Я сделал попытку приподняться.

— Говорю, не вставай, — он сел на край дивана.

— Как убили?

— Элементарно. В драке. Напились с друзьями, ну и зарезали его.

Мне, понятно, было не жаль Сюмо. Но...

— А Павлик?

— Вернулся к матери. Ревет.

— Ты был у него?

— Был, — нехотя произнес Андрей. — Он, как меня увидел, сразу закричал. Знаешь что?

— Что?

— «Это не я его убил!» Представляешь?

— Бедняга... Что же с ним делать?

Андрей вздохнул.

— Да что с ним делать... Он, наверно, осенью в школу пойдет, в шестой класс. Кстати, нам директор звонил, насчет экзаменов. Можно будет сдать потом.

— Когда?

— Недели через две...

Вот так. Единорог ушел из подвала, стал жить дома, с матерью. Я бы не сказал, что она ему вдруг стала нужна или что-то в этом роде. Но, наверное, они нашли общий язык. А мы с Андреем закончили школу и сколотили рок-группу. Павлик научился играть на гитаре и пел неплохо, вот только голос у него стал ломаться.

Группа называется «Снежная баба».





# Феликс ГУБИН ПАСПОРТ ПУГАЧЕВА

Из показаний беглого казака Емельяна Пугачева, данных в конце 1772 года канцелярии дворцовых дел, известно, что спасаясь от преследования полицией, он пересек польскую границу и притаился в раскольничьей слободе Ветке. После долгих поисков удалось также установить, что приютил будущего мужицкого царя старовер Семен Крылов, человек «нраву крутого, но справедливого». Его дом стоял на улице, которая теперь носит имя Емельяна Пугачева. Крылову и его товарищам пришелся, видимо, по душе свободлюбивый характер донского казака. Староверы не только радушно приютили Пугачева, но и помогли раздобыть документы, позволяющие ему вернуться в родные края.

И вот в 1772 году, выдав себя за раскольника — выходца из Польши, беглый казак получил в Добрянском форпостном правлении охранный документ, представляющий собой густо исписанный лист

бумаги. Ожидая разрешения на свободный проход к Иргизу — левому притоку Волги, в дворцовое село Малыковку, избранное для жительства, Пугачев, как гласит предание, строил в Добрянске баню, помогал купцам торговать, чтобы скопить немного денег на дорогу. Этот любопытный документ отыскали в Центральном государственном архиве древних актов, школьники-краеведы, собирая по крупницам факты для «Летописи народной славы».

Вот перевод этого уникального документа:

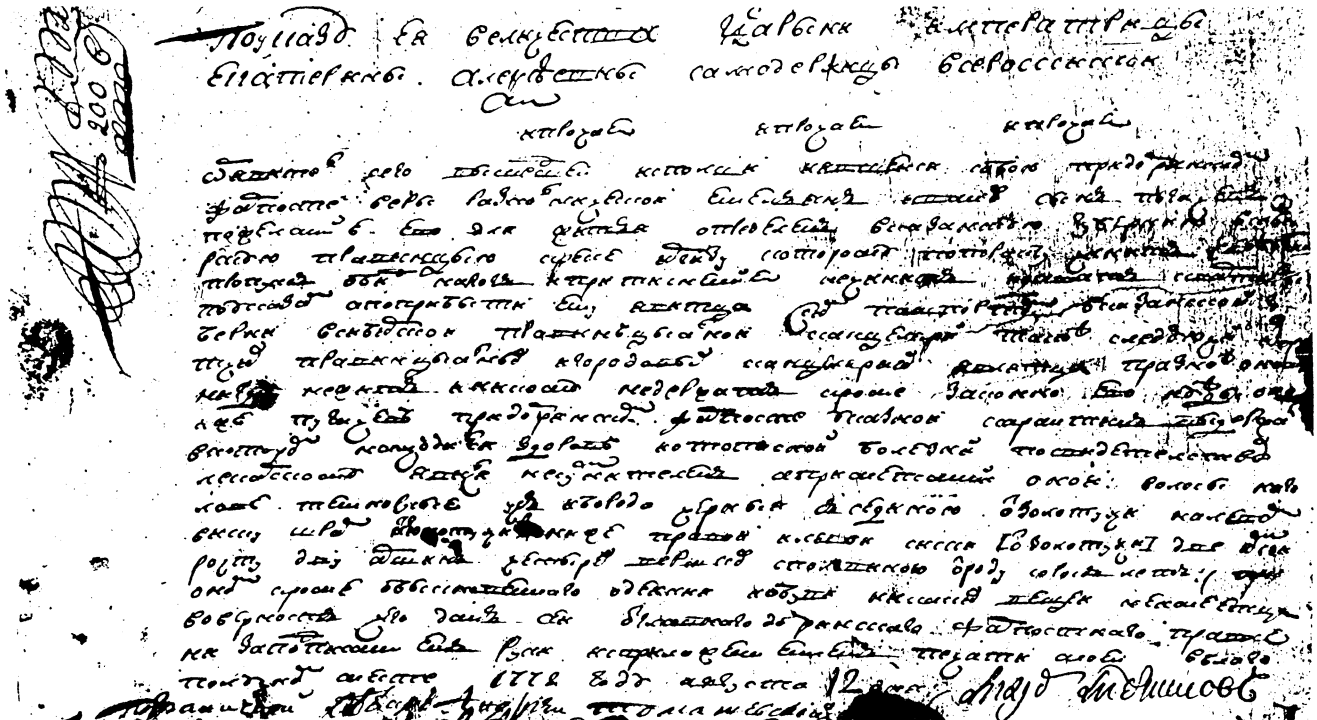
«Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собою при Добрянском форпосте, веры раскольнической Емельян Иванов, сын

Пугачев, по желанию его определен в Казанскую губернию в Симбирскую провинцию к реке Иргизу, которому чинить свободный пропуск; обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры. Праздно же оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды... А приметамы он: волосы на голове темнорусые, усы и борода черные с сединой, от золотухи на левом виску шрам... Росту 2 аршина 4 вершка с половиной, от роду 40 лет. При оном, кроме обыкновенного одения и обуви, никаких вещей не имеется.

Чело в верность дан сей от Добрянского форпостного правления. В благополучном по чуне месте 1772, августа 12.

Майор Мыльников, пограничный лекар Андрей Томашевский Каптенармус Никифор Баранов (ЦГАДА, р.VI, д.414, л.198. Пугачеву, как выяснилось, в то время было не 40, а около 30 лет).

г. Йошкар-Ола



## Родина домашних лошадей

В озерные века южноуральцы кормились исключительно рыбой. А тысяч пять лет тому назад южноуральские озера стали безлюдеть. Наши земляки принялись осваивать скотоводство и по маленьку земледелие.

Навыки скотоводства принесли к нам из-за Каспия племена предков индоевропейцев. Судя по костям на поселениях энеолита, поначалу разводили коров и лошадей. Тысячелетиями так было. Лишь ближе к нашей эре, уже в савромато-сарматские века, появились овечьи отары. Корову и овцу приручили на юге, а вот лошадь — на просторах Великого степного пояса. В том числе и Южноуралье — родина домашних лошадей. Последние южноуральские скотоводы-башкиры коней ценили превыше всего.

Дикие лошади водились в наших степях и немалыми стадами еще в XVIII веке. П.И.Рычков, оставивший подробное описание Южноуралья в пору его заселения русскими, отмечал, что башкиры успешно охотятся на тарпанов (диких лошадей), от которых произошли домашние. Киргиз-кайсаки (казахи) еще в прошлом веке приучали тарпанов к верховой езде. Поймав тарпана арканом, привязывали к запасной лошади и отпускали пастись вместе на несколько месяцев, а после этого объезжали.

А как приручали лошадей наши древние земляки? Представляется, что натолкнули их на эту мысль рыбная ловля и загонная охота. Ставя сети, перегородки в устьях рек и на протоках, устраивая облавы на степных тарпанов, куланов и сайгу, они придумали огороженные загоны, именовавшиеся «карт», «гард». Нетрудно уловить этот корень в словах «изгородь», «огород», «город». В российской глупбинке до сих пор загон для скота

## Александр МОИСЕЕВ ЧЕЛЯБИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

именуют «картой». Уместно обратить внимание на название города Карталы и речки Карталы-аят. Они могут быть памятью о загонной охоте. Многие века устраивались загоны-ловушки на пути сезонных миграций животных. В уральских лесах лоси и косули весной-осенью постоянно переходят с западной части Урала в восточную, не отклоняясь от пути предков. На их пути ставились изгороди с ловчими ямами. В челябинской округе обнаружены остатки таких изгородей-ловушек на Ильменах в районе Аргазей.

В степном Казахстане в свое время аэрофотосъемка зафиксировала таинственные гигантские сооружения. Земляные и каменные валы-насыпи в плане напоминали верши-морды, из которых рыба, как известно, хода нет. Казахи называли эти земные верши асарями, они встречаются на пути миграций сайги. В прошлом этим же путем кочевали табуны диких коней. Древние охотники подкармливали их и загоняли в асары. Ну а дальше, как говорится, дело техники.

Неподалеку от наших мест, в Казахстане, есть урочище Ботай, ныне известное археологам всего мира. Считается, что именно в таких местах приручали диких лошадей. Местное население коневодов родилось по соседству с древним загонном, на пути сезонного кочевья лошадей. Контур загона, в основе своей природного, прослеживаются и сегодня. С боков «часток» двух березняков, в конце загона — обрыв.

Поначалу табуны загоняли меж березовых колод и гнали, пока лошади не падали с обрыва. Потом догадались: зачем сразу всю добычу превращать в мясо? А что если просто загораживать в загоне и

забивать по потребности? С рыбой такое раньше уже продельвали. Потом догадались пасти. А как пасти таких скакунов, если не верхом на них самих, иначе не угнаться? Освоили верховую езду. Конечно, не просто ларчик открывался, не счесть, сколько голов и шей ботайцы поломали прежде, чем стать опытными коневодами. Далеко не полностью раскопаны их поселения, но уже выявлены сотни тысяч лошадиных костей.

Ботай — одно из самых сенсационных археологических открытий последнего времени, доказывающее, что и наши места — родина домашних лошадей.

## Златые реки гор Рипейских

Геродот утверждал, что в скифских землях, в краю аримаспов златые реки текут с гор Рипейских, и стерегут их остроклювые грифы.

Скифскому золоту завидовал весь античный мир. Какой труд о скифах ни возьми, обязательно прочтешь о золоте. Немало строк посвятил ему Геродот. Он не знал достоверно, где скифы брали золото, и привел несколько легенд на этот счет, относящихся к туманным Рипейским горам. По одной из них золота здесь было видимо-невидимо, так как оно прорастало из глубин земли с обильными пшеничными стрелами и затем, подобно зернам с перезревшего колоса, осыпались на землю драгоценными крупинками.

Если вдуматься, в этой легенде примитивно изложена одна из гипотез о происхождении золотых залежей. Из раскаленных недр проливающим земную кору трещинам в древности струились золотоносные растворы. Проникая в верхние, уже остывшие, породы, они становились самородками и жилами драгоценного металла.

Горы разрушаются, ветви золотых жил появляются на поверхности и под воздействием воды, льда и солнца дробятся, рассыпая крупинцы царского металла. Ручь-

ями, вешними потоками они сносятся в речные долины, где скапливаются в песке, образуя золотые россыпи. Может быть, в легенде образно и запечатлен этот процесс?

Золотодобыча в Южноуралье велась уже в древнейшие времена. Древние выработки золотоносных кварцевых жил были обнаружены на Султаевском прииске Рамеевых (на притоке Урала). Они выходили здесь на поверхность. Кварц дробили, золото соскабливали. Здесь же добывалось и россыпное золото. В песке нашли бронзовые орудия — топор, долото... Возраст их определен в тысячу лет до новой эры. В золотоносных песках южнее Бред найдены каменные орудия. Следы древних разработок золота обнаружены на Багаряке и прииске близ Кундравов.

Южноуральское золото расходилось по скифскому миру, Европе и Сибири. В Челябинской округе золотые украшения найдены в курганах возле озера Исаково и на юге области. Самый крупный клад обнаружен на восточном берегу озера Иртяш в 1828 году — кольца и браслеты весом около 800 г. Особенно богаты золотыми вещами царские курганы сарматов в Оренбуржье. Считается, что добыча золота в крае началась во втором тысячелетии до новой эры и приостановилась лет за 100-200 до прихода сюда русских.

Очередь медных руд пришла позже. Мимо золотых самородков нельзя было пройти. Из всех иных камней они в особинку — сияют, как солнце. Золотые самородки

почитались осколками солнца на земле. А их владелец — отмеченным небесами, достойным земных и небесных благ. Золото стало «царским металлом». Не случайно в каждом «скифском» народе бытовала своя легенда о первом царе. У первочеловека царских скифов Таргитая было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. В один прекрасный день с неба упали золотые вещи. Их уследил Колаксай и потому стал первым царем-Солнце.

### «Магнитки» бронзового века

Кто хотя бы мало-мальски интересуется древностями, наверняка знает об Аркаиме, Синташте — самых знаменитых, но отнюдь не единственных крепостях челябинской Страны Городов бронзового века (обнаружено уже более двадцати). Каждая из них вправе именоваться Магниткой бронзового века, потому что в каждой плавилась бронза. По мнению ряда археологов, Страна Городов и возникла для охраны бесценных по тем временам медных рудников и селений металлургов.

Особенно впечатляют металлургические «цеха» Синташты. Здесь в большом количестве найдено почти все, что сопутствует металлургическому производству. Это позволило археологам не только представить, как плавилась бронза наши земляки, но и реконструировать древние плавильни и даже выплавить бронзу по их технологии.

Упрощенно процесс выглядел так. В «домницу», сложенную из

«кирпича» (комьев глины), сыпали дробленую руду, закладывали дрова и кости, которые играли роль флюса. Затем плавильню замуровывали, поджигали дрова и подавали воздух. Как? А вот додумались. Тяга была. Процесс бронзоварения был совсем не прост. Некоторые моменты просто озадачивают. К примеру, к плавильням от реки подводилась через ров вода, а уровень ее метра на три ниже. Выплавив бронзу (вытекала из летки в горшок), домницу ломали, глиняный лом и шлак сбрасывали в ров. Плавильни были одноразового действия.

Надо сказать, что уральские бронзовары плавил металл по-разному. Синташтинцы — так, как описано. Абашевцы, пришельцы, из Приуралья, — по-своему. Таинственные турбинцы, следовавшие по лесостепным и лесным рекам на запад из сибирских глубин, — иначе. И все они надолго оседали на Урале — их привлекали медные руды. Древние рудники здесь разрабатывались уже более четырех тысяч лет тому назад, разрабатывались веками, а Еленовские и Каргалинские под Оренбургом — и более тысячелетия. Изделия из южноуральской руды расходились до Молдавии и Нижнего Новгорода. Особенно ценились мышьяковистые руды Таш-Казгана в верховьях Увелки (из них бронзу можно плавить без особых присадок) и соседнего Никольского рудника — с примесью серебра.

Южноуралье — древнейший очаг горного дела и металлургии на территории России.

г. Челябинск



## Эпоха застоя

Эпоха незабвенного застоя.  
Какие были женщины, застоля!  
Ну, а поскольку пала даже Троя,  
То отошли и эти времена.  
Но аромат их был необычайным,  
С хрущевским сапом,  
брежневским мычаньем,  
Нечаянным? Возможно,

но не чайным,  
Не те, как говорится, семена.  
Ротару, Пугачева, Анне Вески,  
Салфетки, покрывала, занавески,  
Кулоны, клипсы, запонки, подвески,  
То безрукавка, то парадный фрак.  
На тумбочке

слонов столпотворенье,  
Стихи и вновь стихи до одуренья,  
То яркий свет,  
как в первый день творенья,  
То в день последний

несусветный мрак.  
Эпоха откровенного застоя!  
Да и сегодня время не простое.  
И перестройка

в длительном простое,  
Как бы грустит под сенью кипарис.  
Но песенка пока еще не спета;  
Сейчас весна, затем настанет лето,  
Но все ж не обойтись нам  
без корнета,  
Ты слышишь, Жириновский,

отзовись!  
Как и теперь,  
стремились дамы в дамки,  
Мужья их к славе перли,  
точно танки,  
И в литиздатах распирало гранки  
От судорожной в них

борьбы за мир,  
Борьбы тупой, без правил  
и без славы,  
Под к Воркуте снующие составы,  
Под насмерть перемерзшие

суставы,  
Торчащие беспомощно из дыр.  
А были еще встречи,

парки, книги,  
И шахматы,

отнюдь не низшей лиги,  
На склоне лет,

а, может быть, на стыке  
Мы вспомним  
их живительный бальзам.

Владимир НЕВЕНЧАНЫЙ

## «ИЛИТ ДОРОГА В ЗАРЕВЕ РАССВЕТОВ...»

И тень застоя, как гримаса века,  
Отпрянет прочь,  
хромая, как калека,  
И возродится наше Альтер эго,  
И встрепенется дремлющий Сезам.

Эпоха идиотского застоя!  
К чему тебе мои оценки, кто я?  
Тебе не аплодировавший стоя,  
Сморящий волком

на твоём пиру.  
Твои еще не запылились кубки,  
Они еще саднят, твои зарубки,  
Колблется еще  
мембрана в трубке  
И алый стяг трепещет на ветру.

## Ах, если б...

Ах, не по нитке б,  
А по метру с миру  
Под старость лет  
Достатком обрасти.  
Не быть бы живу,  
А беситься б с жиру,  
А, может, и на жилу набрести.  
Ах, если б кони...  
Мчаться б от погони  
И, кожей ощущая их полет,  
Стрелять не по сороке и вороне,  
А сокола  
Прямой наводкой в лет.  
Ах, не финтите,  
Что ни говорите,  
Но, если про амурные дела,  
То пусть уж будет  
Коль не Нефертити,  
То Несмеяна поперек седла.

## Другу

Я Вашей дружбой очень дорожу,  
Понравиться излишне не стараюсь.  
За Вашими успехами слежу,  
Случайным неудачам огорчаюсь.  
Где б ни был я, в раю или в аду,

В хорошем настроенье или горе,  
Вас, не теряя, я всегда найду —  
Не может берег  
вдруг покинуть море.  
За нами, километрами дыша,  
Пылит дорога в зареве рассветов,  
И смелый взгляд и стойкая душа,  
Сопровождают хрупкого поэта.  
Два брошенных на плаву

полукольца  
Вода соединит весною ранней  
И окропит зеленая пыльца,  
И радостей, и разочарований.  
У молнией распоротой ольхи  
Присядем мы  
на солнышке погреться.  
И лягут припоздавшие стихи  
На место их законное, у сердца.

## Вечная любовь

Вновь полюбить...  
уже в последний раз.  
Последний раз  
явится на свиданье.  
И поглупеть от жгучего желанья,  
И задохнуться

от сердечных спазм.  
И, покидая утро, как манеж,  
Развеять в прах  
надежд разбитых ворох,  
Чтоб не гадать,

то шепот был иль шорох  
Шуршаще — оглушающих одежд.  
И напрочь

откреститься от крестей,  
Раскинутых в цыганской  
женской горсти.  
Пусть лишь дожди и ветры  
ходят в гости,

В расщелины  
рассыпанных костей!  
И вот тогда свободный

горный дух,  
Сорвавшийся с виска или ресницы,  
На пол-пути

к небесной колеснице  
Очертит не спеша  
прощальный круг.

Ему не нужен кров,  
не надо слов...

Прельщать его соблазнами  
напрасно.

Его судьба воистину прекрасна —  
Великая и вечная любовь.



Ведущий рубрики  
Сергей КАЗАНЦЕВ

Спартак АХМЕТОВ  
**РЯДОМ С  
ЕФРЕМОВЫМ**

Иван Антонович Ефремов, как и подобает истинному интеллигенту, терпеть не мог панибратства. К товарищам по работе, к случайным знакомым обращался одинаково вежливо на «вы» и только по имени-отчеству. Так называемые простонародные отношения типа: «Эй, Васька, Ванька, Захарка!» — были ему органически чужды. И надо было намотать на оси многострадального «Дракона» не одну тысячу километров по бездорожью Си-ней Гоби, надо было найти, отпрепарировать и смонтировать не один скелет динозавра, чтобы сблизиться с Ефремовым до уровня общения на «ты». Только два человека достигли этой высоты: Ян Мартынович Эглон, знавший Ефремова с 1925 года, и Мария Федоровна Лукьянова. Вот что о них писал Иван Антонович в книге «Дорога ветров»:

«Препаратор — это искусный человек, знающий и раскопки, и монтировку скелетов вымерших животных в музее, умеющий изготавливать гипсовые реконструкции — восстанавливать недостающие части и куски — и многое другое. Более всего сходны препараторы-палеонтологи с реставраторами у археологов и историков, а хорошие умельцы, конечно, редки и подчас важны для науки больше, чем иные научные сотрудники. Таким умельцем на все руки, вдобавок еще скульптором и резчиком по дереву был наш начальник раскопного отряда Я.М.Эглон — самый опытный раскопщик. Другой препаратор — М.Ф.Лукьянова, единственная женщина в экспедиции, была искусным специалистом по очистке костей от породы, их закреплению и сохранению».

С Марией Федоровной я познакомился в год смерти Ефремова, когда ей исполнилось шестьдесят шесть лет. Это была невы-

сокая смуглая женщина, сохранившая молодую осанку и скорый шаг. Лицо истинно русское — нос картошкой, татарские скулы, карие глаза. Некогда черные волосы поседели, коротко острижены. На щеке можно разглядеть шрам — след от «поцелуя» грифа, которого Мария Федоровна удостоилась в монгольской экспедиции. Голос у нее певучий, но говор обрывистый, задыхающийся, будто ее мучает астма. Но это не астма, а результат перенесенного туберкулеза.

Как известно, Ефремов любил давать прозвища, которые прирастали к людям на долгие годы, если не на всю жизнь. В разное время в его окружение входили Еж, Кот, Дракон, Козел, Енот, Волк, Тарбаган, Кулан, Барс, Зебра. Мария Федоровна была Енотом, Енотом-полоскуном, потому что при всяком удобном случае затевала в полевом лагере постирушку. Но близкие чаще звали ее Марафедом, Марафетиком — так причудливо срастил ее имя и отчество сын Ефремова Аллан, когда был мальчишкой. Самого Аллана звали Котом.

Мария Федоровна родилась на год раньше Ефремова и на семь лет пережила его. Мне давно хотелось записать ее гобийские рассказы (так сказать, «Дорогу ветров» с точки зрения препаратора), ее воспоминания об Иване Антоновиче, но все как-то не получалось. Мешали собственная научная работа, житейская суета, болезнь сына, некоторая географическая отдаленность,

из-за которой я наезжал в Москву не чаще одного раза в неделю. И все-таки в один мрачный осенний день я попал в ее однокомнатную квартиру на улице Новаторов (конец Ленинского проспекта). Это случилось в 1976 году, через четыре года после смерти Ефремова. Только-только закончилась посмертная опала, и вышло первое собрание сочинений в трех томах, но роман «Час Быка» был еще запрещен.

Комнатка у Марии Федоровны невелика, но так удачно спланирована, что кровать не выпирает, мебель прячется в углы, а стол гостеприимно стоит на виду и приглашает к чаю. Сперва диктофон несколько стеснял Марию Федоровну, и она старалась говорить закругленными фразами. Но потом размякла от воспоминаний и чая и совершенно забыла о черной коробочке с красным глазом.

Итак, круглый стол, застеленный скатертью, исходящий паром чайник, варенье в вазе, какие-то пирожки. Мария Федоровна сидит в кресле. При неярком свете торшера ее лицо кажется еще более смуглым. Задыхающийся голос, обрывистая речь:

— Как же мне начать?

— С самого начала, Марафетик, с самого начала.

— Мне Тасенька\* наказала, что надо начать с моего прихода в Палеонтологический институт.

— Можно с этого, — кивнул я.

— Давай я начну так: у меня в биологическом отделении работала двоюродная сестра, такая Поликарпова Екатерина Филипповна. Раньше институты были небольшие, так она сразу в двух — Палеонтологическом и в Институте эволюционной морфологии — была партсекретарем. Она вообще старая большевичка, учи-

\*жена Ивана Антоновича. — (прим. ред.)

тельницей была, а потом как-то в науку попала. Я в ту пору работала в фабричной библиотеке. И вот сестра стала уговаривать: «Переходи в наш институт. Знаешь, какой у нас народ? Ученые очень хорошие, и люди хорошие. Особенно — Ефремов и Геккер». Так она уговаривала: иди да иди. А я в ту пору об ученых понятия не имела, и о Ефремове не слышала. А тут как раз по нашей фабрике вышел приказ, чтобы библиотекарь была с высшим образованием да еще со специальным библиотечным уклоном. А у меня всего три класса церковно-приходской школы, так что попала я под сокращение...

— Сколько вам лет было? — уточнил я.

— В тридцать седьмом году мне было тридцать лет. И вот послушалась я сестру. Я вообще с ней всегда советовалась. Когда в Москву приехала, у нее жила... Значит, взяли меня в ПИН на пробу. (Тут я в диктофон пробормотал, что ПИН — это сокращение от Палеонтологического института). Там был такой Владимир Самуилович Бишоф. Он обучал нас научно-технической обработке скелетов. Сначала работа не очень понравилась: пыльно, грязно, кругом одни мужчины. Причем настоящий интернационал: русский был, Пузанов по фамилии, кавказец был один, казах, еще разные. Я на обед в столовую не ходила, так они по конфетке приносили. Пузанов, он так шепелявил немного, сначала жалел меня: «Мария Федоровна, вам с такими нежными руками грязную работу делать нельзя». Конечно, я ведь из библиотеки пришла, ручки мягкие, чистые. С непривычки работала медленно. Но очень старалась, усердной была. Страшно ведь: наука! Так что вскоре тот же Пузанов прошепелявил: «Ну, Мария Федоровна, на вас в экспедиции работы не напасутся!» Потом в препараторской стал появляться Иван Антонович...

— Интересно, каким он тогда был? — вырвалось у меня.

— Он был очень высокий, тонкий, плечи широкие. И я обратила внимание: всегда белые манжеты из рукавов синего костюма выглядывают. Воротничок всегда белоснежный. Он постоянно был опрятный такой, вежливо здоровался — благородный человек! Я еще подумала: вот бы такого к нам в партию. Сестре сказала. А она отвечает, что у Ефремова с происхождением плохо, он сын купца второй гильдии.

— А вы что — уже были членом партии?

— Я в тридцать втором году стала кандидатом. А потом перерыв был большой, чистка. В партию не принимали, поэтому я задержалась так долго. А в тридцать седьмом стала членом партии... Я еще почему на Ивана Антоновича обратила внимание — он сильно заикался. Такой красивый, и заикается! Потом, конечно, привыкла к его речи. Да и он с годами стал меньше заикаться... Ты что же варенье не берешь? Бери варенье-то, сама варила.

— Сладкого опасаясь, — сказал я со вздохом.

— Ну, смотри... Вот, стало быть, осталась я на постоянную работу в ПИНе. Тем более, что открылись разные кружки, на которых нас обучали немецкому языку, палеонтологии, зоологии, физиологии. Сейчас этого нет, а тогда учили. Потом предложили мне взяться за скелет. У нас в препараторской стоял большой скелет — метра два длины и метра полтора ширины. Над ним всю зиму работали и всю весну. Поковыряются и бросят. Только и видно — песок плотный, а в нем череп и кости. Ну, скелет и скелет.

— Чей скелет-то? — не понял я.

— Динозавра какого-то. Я быстро с ним разобралась, тем более, что конечностей не было. Ребра сложила в лоток, песок мне уборщица помогла вытащить. Ведрами таскали... Принялась работать над черепом. Владимир Самуилович и предлагает:

«Не могли бы вы сверхурочно поработать? Надо успеть смонтировать к конгрессу». А в тридцать седьмом году как раз должен был проходить в Москве палеонтологический конгресс. Вот для него я и старалась. Конечно, и денег хотелось подзаработать сверхурочно, тогда ведь мало платили. Быстро управилась, череп положила на лоток, работа над ним. А тут Иван Антонович заходит. Он любил приходить к нам, не то что некоторые ученые — дадут работу и забудут. Владимир Самуилович докладывает: «Вот, мол, Мария Федоровна отпрепарировала скелет». Иван Антонович очень удивился и недоверчиво так спрашивает: «Так быстро?». Я прямо похолодела: ведь конечностей нет, многих позвонков тоже нет. Наверное, думает, что я половину костей для скорости выкинула. Ноги подкашиваются, но все-таки встала и лепечу: «Иван Антонович, здесь все свидетели. Я ничего не выкидывала, даже песок чуть ли сквозь сито не просеяла. Ног у скелета не было, а ребра и череп — вот они». Ты бы видел, Спартак, как он хохотал! Схватился за живот и чуть не до полу согнулся. Глядя на него, все в препараторской захохотали. И я смеюсь, как дурочка...

— Вы работали в его отделе?

— После этого случая он и предложил. Пришел как-то поздно вечером и ходит по препараторской. Он любил расхаживать и думать. Лоб так немножко потрет, вроде это как-то помогало ему. И говорит мне: «У нас сейчас разделены отделы. Я заведую отделом низших позвоночных. Работа по твердым породам, трудная, но интересная. Если вы согласны, я бы вас взял в свой отдел». Конечно, я согласилась.

— А скелет успели собрать?

— Вместе с Иваном Антоновичем и смонтировали его. Теперь для этого механики есть, а раньше сами препараторы с учеными монтировали. Последнее время круглые сутки работали.

Утром приехал автобус с иностранцами, потому что конгресс какой-то мировой был. Ученые, конечно, остались, а препаратов отпустили отсыпаться.

— Стоп, Марафетик! На касете одна сторона кончилась, надо перевернуть.

— Ну, переворачивай, а я пока чайник долью. Может, ты покушать хочешь?

— Ваши пирожки всякий год отбили...

За окном громоздились угольные пласты ночи, дождевые капли выбивали на подоконнике глухую дробь. Где-то шумели машины и троллейбусы. А наш мир сузился до круга света под торшером, до кипящего чайника, до улыбки Марии Федоровны на татарском смуглом лице. И снова захлебывающимся ручейком побежал рассказ.

— Осенью меня взяли в экспедицию. У нас Михайлов был, Михаил Николаевич, он и взял. Это в Татарию была экспедиция. Михайлов нанял работников из окрестных деревень — бородастых таких мужиков. Среди них запомнился татарин Зиннур, технический такой татарин. Мужики лопатами снимали землю до костеносного слоя, то есть проводили вскрышные работы. Это сейчас бульдозерами снимают, а тогда все делали лопатами. Сделали мужики свое дело и отпросились домой, к женам. А мы принялись разбирать костеносный слой. И вдруг из Ленинграда появляется ученая-палеонтолог Гартман. Она уже третий год сюда ездит, считает, что это ее место. Утром прибежал Зиннур (он около раскопок ночевал в палатке, а мы жили в избе) и сказал, что Гартманша собирает кости на нашем участке. Когда мы с Михайловым пришли, то увидели, что она сидит на снопе соломы — утро холодное было, туманное, а ее помощники-школьники, как чертенята, копаются, разбирают наш костеносный участок. Нам она заявила, что это ее овраг и кости тоже ее. Поехали мы в райисполком прав-

ду искать. А там говорят: «Вы ученые, сами и разбирайтесь. Что вам — оврага мало?»...

— А Иван Антонович где был? — спросил я.

— Он в Москве оставался. Михайлов дал телеграмму, откуда приехала комиссия из трех человек: геолог, палеонтолог, а третий — Иван Антонович. Два дня они разбирались и решили, что участок должен принадлежать тому, кто провел вскрышные работы. Значит все эти кости — наши. Мы обрадовались. А Иван Антонович ответил Михайлова в сторону и говорит: «Знаете, Михаил Николаевич, мне что-то жалко ее. Пожилая женщина. Давайте отдадим участок ей, а сами уедем на Волгу. Там до костеносного слоя не так много метража снимать. Все-таки мы мужчины». Вот эта доброта Ивана Антоновича меня тогда поразила. Да я бы ни за что в жизни не уступила, тем более, что Гартманша не права! И еще мне запомнилось с того случая предсказание, сделанное Иваном Антоновичем, когда он уезжал. Он сядил в тарантас, а потом повернулся к нам и говорит: «Черт побери, ведь будет же время, и это не так уж и далеко, когда мы на наши палеонтологические раскопки будем летать на самолетах, раскапывать машинами, обрабатывать машинами! И не так уж далеко это будущее!» И действительно, все стало так, как он сказал.

— Когда Иван Антонович впервые взял вас в поле?

— На следующий год и взял, опять в Татарию. Тогда с нами Эглон был с семьей, скульптор. Иван Антонович тоже был с женой, с Еленой Дометьевной. Это его первая жена, он ее Ежом называл. Еще в институте мне Пузанов показал: вон, мол, жена Ефремова идет. Она обычно папироску курила. Так, — Мария Федоровна показала рукой, — челочка на прямой ряд, так — косынка «татарочкой» повязана, сумка через плечо. Хромала немного, у нее с ногой неважно было. Мы в тот сезон хорошо поработали. Жили у лесника, це-

лый день копались в земле. А вечером наедались до отвала и играли в волейбол — ученые против препараторов. Мы всегда проигрывали, потому что с набитым животом не больно разыграться. Ивану Антоновичу легко было — он высокий ведь! Хлопнет ручищей по мячу — и никто взять не может. А Эглон подпрыгивал, потому что маленький.

Мария Федоровна смеется захлебывающимся смехом, утирается платочком. Она просто помолодела — в глазах искорки, движения быстрые, руки так и мелькают. Чувствуется, что была она в молодости бедовой женщиной.

— Ты знаешь, что такое сабантуй?

— Весенний татарский праздник, — уверенно ответил я.

— Так вот, поскольку мы работали в Татарии, Иван Антонович решил всех рабочих в день сабантуя отпустить. А я с шофером Лебедевым поехала на базар. Лебедев выпить очень любил, всегда спирт клянчил. Я даже и не заметила, как он успел, глядь — уже пьяный. А нам еще обратно ехать! У татар такие коляски есть с высокими колесами. Прямо колесницы! Так Лебедев то одну колесницу заденет машиной, то другую. А я-то рулить не умею! Еле-еле доехали до Еникея, где Зиннур жил. Этот тоже с праздника пьяный. Заставила я шофера поспать, так что в лагерь мы приехали поздно вечером. Лебедев уже протрезвел и видит, что от татарской колесницы у него на бензобаке вмятина. Испугался, что начальник заругается, заехал с машиной в кусты, чтобы бака не видно было. Но Ивана Антоновича не проведешь! Спросил, почему так поздно приехали, потом обошел машину. Вмятину, конечно, разглядел.

— Попало шоферу? — пожалел я.

— Пуще всего Иван Антонович не терпел неправды. Уж лучше, говорит, горькая, но пусть будет правда. В Монголии тоже был случай. Уехал один шофер в Улан-Батор и три дня его не

было. Потом приезжает и докладывает, что все в порядке. А Иван Антонович утром чуял ложь! Оказалось, что шофер машину перевернул, а потом чинился.

— Все-таки каким образом Ефремов наказал шоферов?

— А никак не наказал. В другую экспедицию не взял с собой. Помню, в Монголии был у нас Шкилев такой. Очень малограмотный человек, но до предела честный. Так Иван Антонович назначил его своим заместителем по административно-хозяйственной части. Пускай, говорит, лучше малограмотный будет, да честный. А то эти грамотеи что-нибудь обязательно натворят или уворуют!.. Из-за этого Шкилева Иван Антонович даже пальто свое продал за тугрики. Денег, что ли, у завхоза не хватало, пришлось начальнику расплачиваться. Я думаю, что если вот так рассматривать, то Иван Антонович настоящий руководитель был, в полном смысле. Он очень демократичный был. Ни одного вопроса без народа не решал. Конечно, он заранее все обдумает, нарисует маршрут, а потом всех нас соберет и вводит в курс дела. Мы всегда знали, куда и зачем едем. Он никогда не говорил: «Садись и поезжай, твое дело маленькое». Со всеми рабочими и препаратами вежливый был. Он тебе не рассказывал, как в Монголии нанимал повара?

— Об этом написано в «Дороге ветров», — кивнул я.

— Книжку я сейчас не помню, но только приехал он из Улан-Батора и рассказал, как нанимал повара. Я уже сейчас не помню, какой был повар национальности, но только с каким-то адским темпераментом. Готовить надо было человек на двадцать да еще хлеб печь. Когда обо всем этом повар узнал, то заартачился: «Нет, начальник, не поеду!» — «Да почему, да что?» — «Ваш какая-нибудь сотрудник скажет, что невкусно, не солено или пересолено. Моя душа загорится, хватай нож и режь его!» — Мария Федоровна зашла мелким

смехом, еле отдрывалась. — Но Иван Антонович рассказывал это так смешно, с таким иностранным акцентом, что мы все валялись на земле. Так и не поехал повар!.. Потом мы китайца наняли, уж такого неопрятного — страх!

— Иван Антонович всегда во все детали вникал?

— А как же — начальник! Знаешь, Спартак, я другого такого начальника больше не встречала. Он работал наравне со всеми. Ящики грузил, монолиты. А когда застревали машины, то он первым плечо подставлял. Могу-чий был! Раз мы ехали, а ветер поднялся такой, что машину трясет. Я на «Тарбагане» ехала, шофер был на нем Лихачев. «Все, говорит, Мария Федоровна, погребут нас здесь». А я ему: «Ну что вы, Иван Иванович! Разве такой начальник позволит!».

— Ну и как — выбрались? — задал я идиотский вопрос.

— Если б не выбрались, не пила бы с тобой чай.

Посмеялись.

— А о его болезни вы тогда знали?

— В том-то и дело, что знала. Поражалась еще: как он с таким ревматическим сердцем тяжести ворочает? Мы же до Монголии в эвакуации вместе жили. Вот так кровати Аллана и Ивана Антоновича стояли, — Мария Федоровна показала рукой, — сбоку моя. Мы на работу за пять километров ходили, да в столовую за пять километров. В день отмахаем двадцать километров, а вечером при керосинке Иван Антонович нам свои рассказы читает. Но мы почти не слушали, засыпали. Там высота большая, уставали с непривычки.

— Это в Алма-Ате было?

— Нет, в Алма-Ате Ефремовы жили отдельно. А я жила в одной комнате с Мартыновой Ольгой Михайловной и с ее сыном. Летом она уехала в экспедицию, а у Коли ночью живот схватило. Болит и болит. Я керосинку зажгла, нагрела воды и сделала ему горячий компресс.

Он вроде заснул, но температура высокая. Заболела я, побежала ночью к Ивану Антоновичу, они недалеко жили. Он сразу пришел, осмотрел Колю и поставил диагноз: аппендицит, немедленно в больницу! Сам его на руках вынес, еле машину нашли. Врач сказал, что мы как раз вовремя успели, да... А теперь этот Коля — доктор наук, хорошим человеком стал.

В кассете кончилась пленка. Я выключил диктофон, откинул крышку и быстро сменил кассету. Все это потребовало ровно столько времени, сколько нужно было Марии Федоровне на один вздох. Ни единое слово не ушло в пустоту.

— Какой рассказ Ефремов читал вам во Фрунзе? — спросил я.

— Самый свой первый рассказ. А получилось это так. Я уже говорила, что мы жили вместе. А во дворе бегал на цепи пес Степан. Я собак люблю, и всегда его кормила. Однажды прихожу с работы, а Елена Дометьевна стоит у калитки с папиросой, меня караулит. Говорит, что Степан взбесился. Я не поверила, хотела посмотреть, но она, слава Богу, удержала. Оказывается, Степан разорвал на Иване Антоновиче штанину, прокусил ногу. Нам потом уколы делали. А Иван Антонович вскоре написал рассказ «Бешеный танк». Сейчас этот рассказ как-то по-другому называется. Тасенька говорила, да я забыла.

«Сумасшедший танк» — так вначале назывался первый рассказ Ефремова. Затем автор переделал его и сменил название на «Голец Подлунный». Этого Марии Федоровне я не сказал, а спросил:

— Слушать интересно было?

— Конечно, интересно. Только мы уставали очень и сразу засыпали. Это был сорок третий год... А перед войной, помню, мы в экспедицию собрались: Иван Антонович, я и еще три сотрудника. Полностью были готовы. У меня мама под Москвой жила, я поехала к ней в субботу — про-



ститься. А дождик сильный был! Пришлось заночевать. Утром радио сообщило о войне. Экспедицию, конечно, отменили. У Ивана Антоновича одно настроение было: на фронт, на фронт! На нем была фуражка такая морская, и он — то в один военкомат, то в другой. Но тогда ученых не брали... Потом его назначили начальником спецэкспедиции. О, это была страшная экспедиция, хуже войны! На фронте хоть убьют без мучений, а тут лазаешь по старым шахтам, не дай Бог — засыплет. Так и погибнешь мучительной смертью, погребенный заживо... Это была большая экспедиция, я тоже в ней работала. Научные сотрудники жили на хуторе Горном, это на Урале. Борис Борисович Родендорф, профессор, тоже с нами жил. Иван Антонович координировал работу нескольких экспедиций — то приедет, то уедет. А мы данные собирали и ему передавали. Потом он сильно заболел, в Свердловске лежал. Сразу после войны заболел.

— Тасенька говорила, что эта страшная болезнь накатывала на него каждые пять лет, — перебил я.

— Да, так оно и получалось. После болезни он очень слабый был. Меня в ПИНе в бытовой сектор выбрали, и я через нашего снабженца достала два килограмма гречки. Тогда, после эвакуации моя комната в Москве оказалась занятой, мне пришлось жить у Ефремовых. И вот я всю крупу принесла домой. На другой день возвращаюсь с работы, а Елена Дометьевна встречается с папироской в зубах и радостно сообщает, что наварила из всей крупы каши, и теперь Иван Антонович быстро поправится. Я чуть не расплакалась. Она ведь все два килограмма сразу сварила! Кто же так больному варит, сколько он за раз съест? Надо же каждый день варить помалу... — Мария Федоровна говорила с таким неподдельным огорчением, как будто только вчера была загублена драгоценная гречка. —

Мы ведь очень мало получали. У меня оклад был 250 рублей, да еще у геологов по вечерам зарабатывала. Надо было Ивану Антоновичу козье молоко покупать, а где денег столько взять? Маленький Аллан говорил, что когда вырастет, не будет жениться, а купит козу.

— Как протекала болезнь Ивана Антоновича? — спросил я.

— Температура за сорок держалась дней двадцать. Полная интоксикация организма. Мы эту болезнь докторской прозвали, поскольку ею болел только доктор наук Ефремов. Самый страшный год был шестьдесят шестой. Иван Антонович отдыхал после обеда, а в квартиру пришли из домоуправления, что ли, стали Тасеньке хамить. Иван Антонович вскочил с кровати очень резко — и ему стало плохо, так плохо, как никогда. Потом кровь с водой из горла пошла. «Скорую» вызвали, другую. Хотели увезти его в больницу, но Тасенька не дала. А меня в ту пору дома не было. Прихожу, а соседи говорят: «Срочно звони Ефремовым». Я сразу и поехала. Уже два часа прошло после приступа. Иван Антонович в постели лежит, пытается улыбнуться, а у самого кровь из уголка рта тянется. Чудинов ходит из угла в угол. Иван Антонович ему говорит: «Ничего, Петр Константинович, не беспокойтесь. Со мной ничего не будет. Я не позволю Орлову говорить над моим гробом речь». И что ты думаешь? Директор нашего института умер раньше. Орлов долго был директором. Если бы Иван Антонович столько директорствовал, в ПИНе ни одного бездельника не осталось бы. А этот развел банду... В 1959 году смех был: решили они Ивана Антоновича на партбюро обсудить. Мол, в рабочее время романы пишет. Назначили заседание на 15-е марта, а за два дня до этого радио сообщает: Ефремову — Сталинскую премию! Так они на банкет первыми прибежали... Это из-за них Иван Антонович в партию не вступил.

— Вы же другую причину называли; — напомнил я.

— Так потом время пришло, его даже приглашали в партию. Но он увидел, что туда приняли Сарычеву и Данильченко, и не захотел быть с ними в одной компании... Это ведь Орлов воспротивился возвращению Ивана Антоновича в институт после болезни. Иван Антонович написал заявление, чтобы разрешили свободное расписание. А Орлов говорит: «Эдак все захотят на свободное расписание!». Оказывается, Орлов получил бумагу, да спрятал под сукно. Вот так конкуренты и завистники боролись с Иваном Антоновичем. Если бы не они, какая в нашем институте дружба была бы!

— После приступа Иван Антонович долго лежал?

— Ох, долго! Однажды говорит мне: «Ты смотри, Енот, когда меня не будет, Зебренька в обиду не давай». Он так Таисию Иосифовну называл — Зебра, Зебренок. Я отвечаю: «Знаешь что? Уж ты пережил этот страшный приступ, значит еще поживешь. Тем более англичанка эта, Микаэла Деннис, наложением рук тебя лечила». — «Нет, — говорит, — я знаю свое сердце». — «Что ты там знаешь? Может, я раньше умру». — «Нет, ты меня переживешь». Так по его и вышло. Видишь, Спартак, мне кажется, что он мог останавливать свое сердце, а потом запустить. Правда...

— Марافетик, рассказали бы про Монголию, — попросил я.

— Ты вроде Маши моей. Она тоже пристаёт: «Расскажи да расскажи про экспедицию»... В Монголии красные пески такие. Мы там много ценных костей нашли, яйца динозавров нашли. А как в первый раз ехали — ох и буря была! Возле Нэмэгэту это было. Мы так и решили, что нас дальше буря не пускает. В поле заночевали... Нэмэгэту — это гора такая длинная. Ветер порывами юрту трясет, дороги нет. Помню, завели патефон и пластинку поставили: «Куда пойду и где доро-

женьку найду?». Иван Антонович согнулся так, трубку курит. Фуражка морская на нем и очки-консервы. Из-за этой фуражки монголы называли его старшим шофером. А Лихачев с «Тарбагана» под бок меня толкает и шепчет ехидно: «Вишь, начальник думает, где он дороженьку найдет»... Иван Антонович любил песни слушать, особенно «Эх, дороги!». Сам петь не умел, но сразу замечал, если мотив перевернули. Сразу кричал мне или Яню Мартыновичу: «Врешь, врешь!».

Думаю, здесь уместно будет продолжить портрет Я.М.Эглона словами самого Ефремова из «Дороги ветров»: «Тряска и жара сильно утомила людей. На ногах оставался только Ян Мартынович. Выставив круглый животик и вытянув шею, он расхаживал вокруг медленными широкими шагами. Козырек белой фуражки и длинный нос устремлялись вперед в поисках добычи — великий коллекционер, наш славный латыш и тут высматривал то ли интересных насекомых, то ли камни или растения».

— Марафед, вот вы говорили, что Иван Антонович провинившихся не наказывал. Но ведь в поле разные ситуации бывали, как же без ругани?

— Если за дело, то Иван Антонович рабочих ругал, и даже сильно ругал. Бывало, уходили от него — плакали. Вот Василий Иванович, например, который на «Драконе» ездил. Видишь, Спартак, ведь они его очень любили. Он отругает за дело, а потом ему жалко станет человека, закурит с ним, помирится. Я считаю, что это по-людски. Один раз меня отругал — ужас! Я ссамовольничала, хотела скорее скелет отмыть. И водой его! А на позвонках номера были проставлены, они от воды-то и отошли. Вот досталось мне тогда! Я вроде Маши моей — спряталась в уголке, поплакала. В препаратурской все притихли, а он ходит из угла в угол. Потом я вернулась зареванная, а ему уже жалко стало меня. Говорит: «Ну что подела-

ешь, ну ладно... Вы домой идете? Давайте помогу одеться». Зимой дело было. Снимает с вешалки пальто, одевает...

— Когда Иван Антонович ругался, сильные слова употреблял?

— Ни разу не слышала... Нет, точно — он ругательств не употреблял, хотя говорил, что знает много бранных слов. Даже состязался с художником нашим Флеровым в этом деле. Но я крепче «черта» от него не слышала. Да и с рабочими ругательств не допускал. Уж я бы знала, со мной рабочие дружили. Я их женам письма писала. Все шоферы говорили мне об Иване Антоновиче с восторгом. А вот Рождественского ругали. Даже на собраниях жаловались, что с ним в машине ехать нельзя. Он постоянно дорогу указывает. Сидит рядом и тычет: туда, туда! Иван Антонович никогда не приказывал, а всегда советовался: «Как вы думаете?» Я считаю, что для людей так лучше.

— А к алкоголю Иван Антонович как относился?

— Старые знакомые говорили, что в молодости мог стаканчик ахнуть. А при мне не пил. Ну, там, выпьет рюмочку по случаю... У нас Иван Козлиный в Монголии влюбился и решил жениться. Это прозвище у него такое было, он на «ГАЗ-67» ездил, на «Козле» по-нашему. Вот у него на свадьбе Иван Антонович немного выпил.

— Говорят, он любил прозвища давать.

— Да, и так удачно получалось! У нас все водители носили звериные имена — кто Барс, кто Дзереи, кто Волк.

— Он обращался к ним по прозвищу? — спросил я.

— Нет, только по имени-отчеству. А если по прозвищу, то или в шутку, или за глаза: «Вон Дракон приехал». У нас Барсом был Пашка Петрунин, хороший такой парень. Он однажды палец себе отморозил, так Иван Антонович над ним подшучивал: «Какой вы барс! Кулан вы, а не

барс!». Так с тех пор и пошло — Барс Куланович.

— Иван Антонович с кем ездил?

— В первой экспедиции он ездил с Василием Ивановичем Андросовым, то есть с Драконом. А потом его любимым шофером стал Пронин, тоже Василий Иванович. Этот был — Дзереи. Пожилой такой шофер, умный. Он был бригадиром всех водителей. А хуже всех ездил Лихачев — Тарбаган.

— А вы, значит, Енот, — засмеялся я.

— Да, я как заведу в лагере постирушку, так он ругается: «Ну, этот Енот-полоскун нам всю воду изведет!». А воды-то в пустыне мало, на каждого по ложке приходится. Вот и сэкономили. Да... Или заболел, так он грозит: «Надо с этого Енота шкуру содрать да на кол повесить». Он только ко мне обращался по прозвищу, ко всем остальным — по имени-отчеству.

Кстати сказать, в книге «Дорога ветров» Ефремов ни разу не назвал Марию Федоровну Енотом. Вот как, например, он описывает ее: «Всегда смуглая, Мария Федоровна в Гоби почернела, «как головешка», по непочтительному выражению Эглона, возраст которого давал право на известную фамильярность. Смоляные косы были распущены — впопыхах Лукьянова не успела их заплести. Пестрая клетчатая ковбойка и необъятные парусиновые шаровары составляли ее гобийский наряд».

Или вот еще фрагмент из книги, который дает представление о психологическом состоянии человека в пустыне: «Каждый переживал утомление по-разному. Эглон ворчал на то, что ему осточертело копать этих бесконечных громадных и зубастых гадов, и мечтал, чтобы выкопать хоть какого-нибудь настоящего зверя — маленькое изящное млекопитающее... Лукьянова тосковала по товарищу-женщине, с которой она могла поделиться своими женскими мыслями и

чувствами. Как ни бережно все мы относились к нашей «одной-единственной», как ее называл Эглон, все же Мария Федоровна под конец объявила, что ей надоели «мужики». «Все мужики, одни мужики, только мужики!» Лукьянова отыскала себе где-то в оврагах «секретную комнату — дворец принцессы». Никто не знал, где находится это таинственное помещение, куда она скрывалась, чтобы побыть одной, без надоевших мужчин».

— Я думаю, что Иван Антонович хорошо понимал людей, — продолжила Мария Федоровна. — Видел все их достоинства и недостатки. И умел пошутить, да так умно, что никакой обиды не было. Последнее время он все надо мной подшучивал. Ну, и я его поддевала как следует. Раз случай был: сидим втроем, пьем чай. Он отошел к телефону, а Таисия Иосифовна нечаянно чашку опрокинула. Иван Антонович, как лужу увидел, сразу на меня накинулся: «Ох уж этот Марафед! Вечно воду разольет, Енот неуклюжий!». А Тасенька виновато так говорит: «Волчек, это я провинилась». Волк, Волчек — это его прозвища были. Он сразу тон изменил, засуетился: «Зебреночек, не беспокойся, я вытру!». Уж я потом над ним смеялась за этого Зебреночка, которому все дозволяется и прощается... В последние годы Иван Антонович сильно переживал за институт, все расспрашивал меня или Чудинова. Его последний телефонный звонок был оппоненту Петра Константиновича насчет защиты докторской диссертации... О, Господи! За один вечер всего не перескажешь... Я ведь его с тридцать седьмого по семьдесят второй знала. Это сколько же будет?

— Это будет... — Вычитая в уме, я одновременно менял кассету в диктофоне. — Это будет тридцать пять лет! А Таисию Иосифовну вы когда узнали?

— Пожалуй, в начале пятидесятых годов. Она у нас машинисткой работала. В ПИНе была та-

кая доктор наук, фамилию забыла, так она говорила: «Обратитесь к Юхневской, это самая грамотная машинистка». Потом я узнала Тасеньку с той стороны, что она заботливая тетя. Она свою племянницу Славку воспитывала. То елку ей тащит, то еще что. Потом Таисия Иосифовна стала к нам в лабораторию приходить, в наш полуподвал.

— Тогда она маленькая была?

— Нет, раньше она была высокая. — Марафед засмеялась. — А потом уменьшилась.

— Я имел в виду — худенькая.

— Конечно, худая — детдомовская ведь. Она Ивану Антоновичу понравилась потому, что он хотел иметь дочку. Сын на сторону смотрит, а дочка всегда дома — позаботится, выслушает... Мы в Монголии стояли лагерем, Эглон еще был. Так Иван Антонович до четырех часов утра рассказывал мне свои планы. Просто ему было нужно высказаться. Я спать очень хотела, но слушала внимательно. Ян Мартынович потом спрашивал: чего, мол, тебе Иван Антонович рассказывал? А он про все говорил, и про то, что ему не хватает дочери. Вот он и Тасеньку сначала полюбил как дочь. А тут случилось так, что Елена Дометьевна умерла, а он заболел очень тяжело... Она ведь тоже болела... Помню, я в Китай поехала и написала Ивану Антоновичу, что здесь куртки кожаные есть, не купить ли Елене Дометьевне? А он отвечает: «Не вздумай покупать Ежу (он ее Ежом звал за колочий характер) куртку. Лучше себе что-нибудь купи». Как он выражался: поживи для себя. С нами врачиха была, так она посоветовала обязательно купить. У нас таких нет, а Елене Дометьевне последняя радость, потому что у нее цирроз печени. Я с Еленой Дометьевной дружила, после смерти мне ее долго не хватало. И все-таки хозяйкой она была никудышной, даже щеголяла этим. А Тасенька — совсем другое дело. Она Ивану Антоновичу была и ма-

терью, и сестрой, и женой. Очень умела уют в доме создать.

— Жизнь ему продлила...

— Это уж точно! Я вот удивляюсь: передают про писателей по телевизору — и такие они, и слякие, талантливые. И ведь никогда слова не скажут о семье. Как будто человек один живет. Прямо поразительно! Вот взять Тасеньку — сколько она перенесла на своих плечах, когда он болел. Она же ни одну ночь спокойно не спала. После смерти Ивана Антоновича сколько лет прошло, а она все вскакивает в четыре часа ночи, как будто к нему. Сколько раз я это видела! Вон «Таис Афинскую» переиздают, а ведь без Тасеньки ни «Часа Быка», ни «Таис Афинской» не было бы. А про нее никто ничего не пишет...

Я видел, что Мария Федоровна расстроилась, и глаза у нее повлажнели. Поэтому решил перемнить тему:

— Марафетинька, вы как-то говорили, что с Иваном Антоновичем на барса ходили.

— Да-да, — охотно подхватила Мария Федоровна. — Это в Монголии было. Нестор Иванович, который все шоферам дорогу указывал, пришел как-то и сказал, что видел барса. Иван Антонович загорелся этого барса посмотреть или подстрелить, что ли. А с ним идти никто не хочет, потому что холодно. Мне жалко его стало, хоть я и считала, что это мальчишество какое-то. Пошла с ним. Он впереди идет с винтовкой. Согнулся, крадется — мальчишка и мальчишка. А тут сова как закричит, я так и села. А он шепчет: «Не бойтесь, это сова. Это сова!». В общем, впустую проходили... Он до последнего вздоха был мальчишкой. Прямо удивительно — такой ученый, а озорства в нем... — Мария Федоровна махнула рукой.

— А про олгой-хорхоя вы в Монголии слышали? — спросил я.

— Да, монголы рассказывали, но я ни разу не видела его. Наверное, это раньше такие червяки были электрические... элек-

тризованные, а потом вымерли. Я там других червячков видела — маленьких таких. Они по песку не ползают, а перепрыгивают. Покрутятся и — прыг, покрутятся и — прыг! Несколько раз видела...

Любопытно сравнить с этим свидетельством фрагмент из рассказа Ефремова «Олгой-Хорхой», в котором описывается встреча со страшным червяком: «В про свете между двумя бутрами был виден низкий и плоский бархан. По его поверхности двигалось что-то живое. Хотя это двигавшееся существо и было очень близко к нам, но мне и шоферу не удалось сразу разглядеть его. Оно двигалось какими-то судорожными толчками, то сгибаясь почти пополам, то быстро выпрямляясь. Иногда толчки прекращались, и животное попросту катилось по песчаному склону».

Между тем Мария Федоровна продолжала вспоминать о гобийской живности:

— Еще в песках тушканчики живут. Становятся на задние лапки, как кенгуру, и пищат так трогательно. Видно, им воды не хватает. Страшнее всего — фаланги, такие мохнатые пауки. Они в мае очень опасны. Все их боялись, кроме Эглона и Ивана Антоновича. Вообще Иван Антонович очень смелый был. Во время войны он на крыше зажига тельные бомбы здорово тушил. Вот профессор Родендорф, Борис Борисович, он хороший человек, но ужасно трусил. Елена Дометьевна тоже смелая была. Хотя толку от нее на крыше мало, но тоже залезала. Она вроде организатора была. Мелкокостная была, маленькая. Она ростом с меня — метр шестьдесят. Ну, Тасеньку ты знаешь! тоже маленькая. А сила в ней большая! Недаром Иван Антонович считал, что на женщинах мир держится. Правда! Сам лежит больной, нет сил головы поднять. А мы дежуриим около него день и ночь. Я за его столом сколько отсидела в таких дежурствах!

Большой такой стол, он его потом Стругацкому отдал.

— Какому Стругацкому? — удивился я.

— Аркадию Натановичу. Этот тоже высокий и очень симпатичный был. Вежливый такой. Бывало, сложит ручки на груди и жалобно просит: «Иван Антонович! Идеюку бы, а? Темочку бы?» — Мария Федоровна смешно показала, как просит Аркадий Стругацкий. — Очень часто приходил Аркадий Натанович, не один графин водки выпил.

— Марафед, а когда вы поняли, что Иван Антонович не только ученый, но и писатель?

— Это когда «Туманность Андромеды» вышла. Нет, вру — не «Туманность», а «На краю Ойкумены». Повесть всем нам так понравилась! Уж тут прямо и не знаю, прямо Богом он стал для меня. И другим рабочим эта книга понравилась, до сих пор вспоминают. А потом как-то привыкли к тому, что он писатель. Все к нему обращались. Ему любую бумагу написать — пара пустяков. Другой бы целую неделю кряхтел, а он за десять минут все напишет. Что характеристику, что заявление — быстро писал. Вот квартиру эту, хоть и за свои деньги, а никак купить я не могла. Так Иван Антонович за минуту мне характеристику написал. У меня и копия осталась. Причем все правильно написал: что в экспедициях трудных была на Урале, в Монголии, что в отделе сложные вопросы решала по монтажке скелетов... Но так сумел это написать, что мне сразу квартиру продали. Тасенька смеялась тогда: мол, Иван Антонович такую характеристику написал, будто на Марафедке вся Академия держится!

— Снится ли вам Монголия? — тихонько спросил я.

— Еще бы не снилась! Вот спроси у меня: куда хочешь поехать — в лес или в пустыню? Пожалуй, в пустыню! Она просторная, далеко видать. В Монголии было место, которое по моему имени называли — Лукьян-

Обо. Три колодца и склад наш. Я там оставалась одна вместе с собакой по кличке Гоби. Рыжий такой пес... Солнце высоко, жара, марево колыхается. А по этому мареву верблюд, словно по воде плывет. Я думаю: ко мне монгол едет или не ко мне? А он к кому-то холмику подъехал, слез с верблюда. Это в полкилометре от меня, я в бинокль смотрела. Наверное, это могилка была. Долго молился монгол, потом уехал. Я подумала тогда: хорошо в пустыне умереть. Песок золотой, сухо, спокойное... Поезжай, Спартак, в Монголию! Правда, поезжай. В экспедиции хорошо. У нас было так заведено, что когда кто-нибудь уезжал из лагеря, его торжественно провожали. Руки пожимали. Даже пес Гоби лапу давал. А Иван Антонович палил из ружья, салют делал.

— Ладно, Марафетик, обязательно поеду при случае. Только вот некому уже салютовать...

Утомилась Мария Федоровна. Перестал журчать ручеек рассказа, да и у меня все кассеты вышли. Пора было спать. Угольные пластины ночи за окном выросли до космических размеров. В них каменели стволы древних деревьев с насеченной ромбической корой. Толстые ветви терялись в густой тени плотно стеснившихся крон. В теплых болотах тяжело возились броненосные динозавры. Мокрый хруст травы в их мощных челюстях временами покрывался протяжным ревом. Шел нескончаемый дождь, покрывая мелкой рябью маслянистую черноту воды. Не слышно было ни троллейбусов, ни автобусов. Лишь изредка доносился мягкий шелест пронесившихся мимо легковых машин...

Долго лежал я на узком диванчике, слушая шум дождя и ровное дыхание Марии Федоровны за занавеской. Потом незаметно уснул. Всю ночь мне снились динозавры и Монголия.

АЭЛИТА-96



Егор БЕЛОГЛАЗОВ

# ФОРМУЛА ГОРИЗОНТА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

часть вторая

## РАССВЕТ

Рисунки Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ



## ПРОЛОГ

На экране мелькали скрещенные молнии заставки еженедельной программы. Безукоризненно одетый диктор, появившись, откашлялся.

— В эфире еженедельник «Галактика». Сегодня наш выход вне плана, но и новости тоже не совсем обычные. Наверняка многие уже слышали краткие сообщения о чрезвычайном происшествии в пятом поясе дальности и ждут подробностей. Итак, последние известия от еженедельника «Галактика»!

На экране закачались кроны деревьев, показались серые вершушки скал.

— Чем раньше была известна седьмая планета альфы Волопаса, Аркура? Тем, что на ней существует малоизвестная слабо развитая цивилизация, да еще своей удаленностью. Теперь туда выслан почти весь исследовательский флот Земли, и несколько часов назад военный суперкрейсер «Мицар» встал на стационарную орбиту. Что же случилось? Начнем по порядку. В глубине пространства, в сердце зоны «зеро» много веков шла вражда двух цивилизаций. Одна из них, родом из Гончих Псов, гуманоидная. Другая — ну кто бы мог предположить такое — цивилизация информационных вирусов. Само слово «цивилизация» неприменимо к ним, программам-матрицам, способным занять любое тело, уничтожив разум хозяина. Тело, механизм, компьютер — любой тонко организованный объект. Гуманоиды были изгнаны и нашли пристанище на Артуре. Нашли ненадолго. Агрессоры — их назвали информантами — продолжали экспансию, и вскоре война возобновилась.

По извечному закону совпадений именно в эти дни на седьмой планете оказался курсант Третьего Института Космонавтики Артур Васильевич Третьякович. Его заданием было подтвердить сведения о существовании пришельцев извне. Третьякович, представитель цивилизации наэлов Ким Лессо Лорме Онн и пилот Андриан Сергеевич Михай, присоединившийся позднее, попали в гущу событий. Они стали героями и участниками беспрецедентных в истории звездных боев. На орбите планеты сошлись орбитальный город гуманоидов Атэкс, три планетоподобных боевых корабля информантов и земной суперкрейсер «Мицар» под командованием капитана Альфреда Битте. Трое бесстрашных разведчиков находились на Атэксе... Позже будут даны схемы расположения сил и эксклюзивная модель боя, пока лишь кратко сообщим исход: армия информантов теоретически полностью уничтожена, потери пришельцев составляют больше восьмисот человек. Со стороны Земного Содружества жертва только одна: в бою на орбитальном городе трагически

(160) погиб молодой наэл Ким Лессо Лорме Онн. Андриан Михай и Артур Третьякович вышли из схватки невредимыми и теперь заняты составлением полного отчета об экспедиции. Мы надеемся, по возвращении с транзит-станции они выступят в нашей программе лично, и вы увидите героев дня воочию. А теперь — детали и комментарии специалистов...

Пожилой усатый мужчина сурово взглянул с экрана.

— Вам, несомненно, знаком принцип работы самовоспроизводящих информационных систем...

Артур Третьякович протянул руку, и изображение погасло. За обзорным иллюминатором транзит-станции «Лимб» призывно лучился Млечный Путь. Артур потер пальцами виски. Черт! Ясно-ясно стоял в памяти Ким Лессо, превращенный в информанта, вновь и вновь Третьякович стреляет в него, зажигая на груди друга огненный бутон. Видно, никогда не избавиться от этого. Он — убийца.

Артур зарычал, гася память неимоверным волевым усилием. Отдышался, встал и пошел сообщить Михаю последние новости от еженедельника «Галактика».

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Андриан, как всегда скупой и ловкий в движениях, накрывал стол. Лоб его со старым шрамом был наморщен — Михай не без труда вспоминал старинные правила сервировки.

— Доченька, как ты в этом не путаешься — куда что и с чем? — спросил он, в очередной раз спутав соусницу с масленкой.

Лариса засмеялась.

— Вот современный технократ! — и ее тонкие пальцы навели на столе порядок.

Артур, войдя, лишь качнул головой.

— Красиво.

Девушка вспыхнула. Она, в отличие от толстокожих современников, легко краснела и смущалась, это интриговало донельзя. Она легко представляла себе, что мог думать о ней этот чужой, стройный, чем-то цепляющий взгляд парень. Как же, «домашняя» девочка, затворница, ретроградка — обед вон вручную готовит...

— Прошу! — серые пушистые глаза почти с вызовом глянули на Третьяковича.

Артур ел как-то почти автоматически, кидая за иллюминатор рассеянные взгляды.

— Знаете, Андриан, мы, оказывается, уже ославлены по галактике.

— Чего?

— Правда, сейчас по видео была передача. Событие века, двое отважных землян и наэл участвуют в звездной потасовке...

— Сволочи, — глухо отозвался Михай. — Прости, Лариса. Неужели Битте раззвонил?

— Он, наверное, сам ругается. Журналисты — им больше всех надо. Понимаешь, Лариса, — повернулся Артур к девушке, — когда работу, сделанную насмарку, называют подвигом...

Лариса не заметила его натянуто-бодрого тона. Она замерла, и золотистые волосы ее перестали играть бликами в лучах люстры.

— Трудно было? Страшно? Господи... А этот... наэл — он где?

Михай неловко дернулся.

— Да так, — небрежно сказал Артур. Его левая рука в черной перчатке вдруг, словно глину, раскрошила мельхиоровую ложку. — Понимаешь, я его убил... Не будем портить трапезу, ладно? У меня сегодня что-то крыша не на месте — простите. Позже.

— Х-хорошо, — Лариса взглянула на руку. — Ты не порезался?

— Это ложкой? Нет-нет. Еще раз простите.

В продолжение обеда Андриан был хмур, Третьякович — внешне совершенно безоблачен, а Лариса украдкой бросала на обоих странные взгляды.

Ближе к вечеру по станционному времени они сидели на широком диване кают-компания и предавались невинному отдыху. Нужно было писать отчет, но такое блаженство ощущать вокруг комфорт и тепло, дышать чистым, без пыли и соли, воздухом. Артур, положив на колени серебристо-зеленую куртку, меланхолично чинил порезы и пробоины, слушая рассказ Михая о том, как он участвовал в захвате «Блуждающего Гарри». Андриан неторопливо живописал картину брошенного корабля, уловки сумасшедшего кибермозга. Третьякович, слушая, попутно любовался свернувшейся в кресле Ларисой — она утонула в пластике, словно в объятиях мохнатой амебы.

Эта идиллия была нарушена сигналом неполноадак.

— Внимание, — сообщил компьютер станции, — в результате протонной вспышки в секторе 74 вышел из строя блок наблюдения. Повторяю: блок наблюдения 74 вышел из строя.

— Черт, — плюнул Андриан, — и рассказать не дадут. Сейчас выходить в «качалке»...

Артур усмехнулся — «качалкой» на сленге космоса именовался автономный модуль для ремонта в пространстве. Кресло с механическими ногами и легким движком, в управлении не сложнее велосипеда.

Михай встал, пошел в шлюз.

— Я скоро!

Задвинулось несколько герметизаторов, и Артур с Ларисой остались наедине. Нужно было что-

то говорить — не могли же они вечно сидеть вот так, разглядывая друг друга. Ситуация была спасена зуммером сверхдальней связи. Девушка вбежала в рубку.

— Транзит-станция «Лимб», Лариса Михай слушает. А... Сейчас, — она кивнула Артуру. — Тебя. Третьякович вошел в кабину, сказал «да?».

— Земля на связи. Узнаешь, Ферзь?

— Герман Сергеевич? Майдановский? Здравствуйте.

— Приветствую. Как ощущения?

— Без жалоб на однообразие. Как вы?

— Ну, это долго. Хотели судить за информкриссталл. Кстати, как ты это сделал? Тут такие слухи ходят...

— Довольно элементарно. Кристаллы протеза и микрокомпьютера в куртке взаимозаменяемы.

— Прости, что отнимаю твое законное время отдыха — но хотелось бы услышать основные замечания по экспедиции.

— Ну что ж, — голос Артура налился отчаянием, — не хотел я раньше времени, ну да ладно.

Майдановский почуял недоброе. Раньше у Третьяковича не существовало таких тембров. Лариса за спиной Артура, слушая, вскинула ресницы.

— Итак, — Ферзь качнул уголками губ, — вы помните основу моих тренировок — настройку на активную среду? Восприятие мира потоком, направленным на тебя, без мыслей и объектов. Позволяет феноменальные вещи. Из-за этого я жив. И из-за этого Ким Лессо мертв. Скажите это в Институте, Герман Сергеевич. Лучше меньше могущества, чем меньше человечности. И, вероятно, поэтому... В отчете это будет, скажу, чтоб не гадали — я ухожу из Пространства, не хочу. Возможно, недостаток твердости, нюни. Ухожу. Есть профессии и человеческие. Космос — не для меня.

Он вырубил связь ударом ладони и повернулся с ощущением разделившей весь мир черной стены. Выходя из рубки, мягко отодвинул рукой застывшую в проходе девушку. Легкое касание, и только. Оно породило странные эффекты.

...Сказав то, что было сказано, Артур почти умер, умер тот человек по прозвищу Ферзь, которого знали в Институте. Тот Артур был сплошным потоком, он не мыслил жизни без Космоса и не знал преград, кроме постоянной Планка. Этот, вышедший из кабинки связи, сохранил осанку и безупречные мускульно-силовые показатели, сохранил смоль волос и туманно меняющийся взгляд — но какая-то часть его сгорела в лазерной вспышке на Атэксе, рассеялась со словом «ухожу» в пространстве. Но рука его, отодвигая Ларису, прошла близ ее сердца, и Артур ощутил его теплые удары.

Мозг, свободный от шелеста звезд, услужливо

взбил в памяти сцену пустыни, сладкое ожидание смерти, низкий небосвод с маревом Арктура. Там ему захотелось любить. А здесь? Сперва Третьякович просто поразился ощущениям руки — не холодная шершавость Кимовой ладони, не врастающая в кожу рукоять «книдлрэя», не гашетки корабельных тяг. Просто тонкая ткань накидки, тепло и неуловимая упругость женского тела, удар сердца. Это обожгло и заставило зануть от напряжения память. С момента знакомства со станцией «Лимб». Лариса? Она не бросилась ему в глаза при первой встрече. Только рядом с ней было очень тепло, она будила сцены жаркого камина и неги. Чуть позже Третьякович заметил, что ее движения напоминают волны — мягкие переливы фосфора. Картину ощущений закончило это мимолетное прикосновение, словно осколок стекла завершил мозаику.

...Лариса Михай не умела строить теории и формулировать. Логические способности ее позволяли девушке успешно учиться заочно, а умением водить и управлять всем, что было на транзит-станции, она ограничила нудные обязанности современного человека. Большого она не желала, да и зачем, если на окнах спальни цветы тянули свои венчики к свету, не заботясь о логике. Лариса больше любила раздувать каждое ощущение в пламя костра, за девятнадцать лет эти занятия стали культом, ее религией. Звук, перелив сияния, аромат, прикосновение. Не будет ошибкой сказать, что большинство мужчин именуются и являются скотами именно из-за отсутствия такого культа — но женщинам это доступно, и Лариса недалеко ушла от Евы в простоте восприятия.

Здесь было прикосновение. Не успев отойти от полушока, вызванного разговором Артура с Майдановским, девушка получила справедливое возмездие за невольное подслушивание. Артур коснулся ее. Так получилось, но он не относился к тем людям, чьи прикосновения проходят бесследно.

Они синхронно скрестили взгляды, подались в стороны, но что-то уже произошло. Потом напряг схлынул, Артур виновато извинился за неловкость, Лариса пожала плечами в ответ. Вошел Андриан, чертыхаясь в адрес блока 74.

Далеко, очень далеко от них, в своей небольшой квартирке на восьмом этаже старого здания Герман Сергеевич Майдановский впервые после перерыва в двадцать лет закурил сигарету.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

Понурые, без листьев, качались за окном деревья. Бесснежная южная зима гудела ветрами. Серый по-

лусумрак вечера. Кто-то прошел под окнами, разговаривая, потом вновь нахлынула тишина; освещенная ярко, просторная комната казалась крошечной.

— Гады мы все-таки, — пробормотал Михайла Норкин, ложка в его стакане зазвякала сердито. — Послали пацана.

— Не к тому все! Всех поругать еще успеем, не суть важно. Почему он сломался?! — Майдановский растерянно оглядывал коллег. — Почему? Курсанты — самые психически закаленные люди. Тем более Артур. В Институте его считают суперменом!

Луис Неро, дотоле молча сидевший в старом кресле, поднял тонкие стариковские веки.

— Эх, Герман. Супермен... Человек он, вот и думай сам. Артур же все объяснил. Как он сказал — «ухожу из Пространства»?

— И вся недолга. — Норкин залпом выпил чай. — Понять его, ясно, можно. А вот что же ж нам теперь-то делать?

Три пожилых человека угрюмо смотрели в пол. Каждый тяготился сознанием вины.

— Генеральный директор знает? — спросил Луис.

— Нет, Хэмфри прочитает это в конце отчета. Я сказал только вам. Послушайте... Третьяковича нельзя бросать. Что-то надо срочно делать. Причем до написания отчета.

— Последний срок? — хмуро поинтересовался Неро.

— Неделя.

— Будем думать. Созвонимся послезавтра.

Майдановский устроился в уютном гнездышке своего рабочего кабинета, окруженный панорамой города и терминалами офисных систем. Даже скандал в зале совета не заставил руководство изменить служебное положение Германа Сергеевича. На протяжении многих лет никто еще не занимал должность генерального советника Южного отдела спецкадров настолько эффективно. Психофизиолог по образованию, он был незаменим при поиске нужного для той или иной ситуации человека. Выбор Артура Третьяковича для экспедиции к Волопасу Майдановский сперва считал вершиной своего профессионализма. Теперь же все больше склонялся к случаю вершины профнепригодности.

Он угрюмо просмотрел на дисплее почту за день и ночь. Seriously только одно. Файл с заданием из Космической Безопасности. Флажок «строго секретно». Майдановский поднял брови — не так уж часто органы правопорядка обращались к нему за помощью — и ввел личный код. Пошла распечатка.

Файл состоял из трех частей. Информация о захвате террористической организацией космического



ракетоносца «Маккензи», полного досье на некоего Тайка Стрэнжера и собственно задания. Сперва Майдановский занялся досье. И абсолютно «левая» тоска всколыхнулась на словах «Институт Космонавтики»...

Тайк Стрэнжер, удостоверение личности № 593/113, уроженец штата Айова, Земля. В двадцать восемь лет закончил факультет дальней разведки при военной кафедре Второго Института Космонавтики. Зачислен в отряд планетного десанта в чине лейтенанта. Физические данные — отличные. Тренирован на активную среду. Диплом пилота первого класса. Владеет всеми видами современного оружия. Психические данные — без нарушений. Семейное положение — холост. Родители, сестра.

Полтора года служил в гарнизоне Форта Стоунз, альфа Микроскопа-четыре. Восемнадцать операций градации «зеро». Последнее назначение — командир группы сопровождения на ракетоносце «Маккензи».

При катастрофе на корабле пропал без вести. Предположительно, погиб.

Так Герман Сергеевич логически подошел к описанию катастрофы. Точнее, нападения *целью захвата*.

«Маккензи» двигался от альфы Микроскопа к пункту прибытия курсом 3-12-140, на маршевой скорости в 0,37 световой. На борту находилось восемьдесят человек команды плюс пятнадцать десантников группы сопровождения. Именно этот участок пути террористическая группа, известная как «Огненные братья», выбрала для нападения.

В пятнадцать двадцать по корабельному все вахтенные одновременно увидели вынырывающие из подпространства два боевых катера. Бандиты применили новую тактику — подпространственный скачок с линейным вектором, что позволило неожиданно появиться совсем рядом. Нападение было совершено настолько быстро, что дистанционного боя не произошло. Раньше, чем «Маккензи» успел бы выстрелить, катера пристыковались, и началась абордажная схватка. «Огненные братья» быстро теснили команду, потеряв, правда, несколько десятков человек в столкновении с группой сопровождения.

Командир ее, Тайк Стрэнжер, имел приказ не допустить захвата ракетоносца любыми средствами. «Маккензи» нес новейшее стратегическое оружие, и допустить его потерю было крайне опасно.

Потеряв всех товарищей, Стрэнжер заперся в боевой рубке и запустил программу уничтожения корабля. Террористы успели эвакуироваться и улететь за миг до того, как «Маккензи» стал густком излучения.

Восемь человек команды ракетоносца на аварийной капсуле, дезертировавшие в начале боя

и наблюдавшие все издали, утверждают, что Тайк Стрэнжер воспользовался двигателем скафандра. Они ясно видели, как за секунду до взрыва от корабля отлетела крошечная фигурка. По причине отсутствия шансов на жизнь после колоссального взрыва поиски Стрэнжера свернуты. Лейтенант занесен в почетные списки Космофлота...

Майдановский, прочитав это, начал недоумевать, что, собственно, требуется от него, скромного кадровика. Горя нетерпением разрешить этот вопрос, он развернул на дисплее третью часть файла.

Вот черт! Она тоже оказалась составной. Сперва шли какие-то разрозненные сводки и рапорты групп Космобезопасности, касающиеся тех же «Огненных братьев», более позднего периода — спустя несколько месяцев с момента нападения на «Маккензи».

Но, взглядевшись пристальней, Майдановский вновь пораженно поднял брови.

«...Подразделение 5 — в Управление Космической Безопасности. Некоторые результаты наблюдения за группой «Огненные братья». По сообщению нашего агента, в группе произошли некоторые иерархические сдвиги. Например, убран из верхушки прежний помощник главы Николай Шрейнер, новым фаворитом стал некто по кличке Феникс. В банде он недавно, но успел завоевать глубокое недоверие и, одновременно, глубокое уважение. Агент еще не составил типовое досье, но предупреждает о высоких боевых качествах новичка...»

«От рядового Хиггинса. Рапорт. Докладываю, что утверждения о том, что, защищая восточный угол Форта Карак, я находился в нетрезвом состоянии и оттого промахивался — ложь. Этот сукин сын, что перемахнул стену и подорвал главный компьютер Форта, просто уклонялся от моих ракет, как от мух. По-моему, явно настроен на АС...»

Обрывок записки, найденной на теле рядового Малинина. «...И, кстати, Макс — если уж на то пошло, предупреждать надо, что среди «братанов» есть наши стукачи. Я, слава богу, с Тайком полгода отслужил, узнаю с закрытыми глазами. Не мог же я своего убить из-за угла, пусть и не...»

«Типовое досье на члена террористической организации «Огненные братья», кличка Феникс. Около тридцати лет, средний рост, светло-каштановые волосы. Тренирован на активную среду. Высшая боеспособность... предельно опасен...»

«Заключение экспертной комиссии по идентификации особо опасного террориста по кличке Феникс. Доказана полная идентичность его с пропавшим без вести шесть месяцев назад

лейтенантом дальней разведки Тайком Стрэнжером...»

Герман Сергеевич уже не особо удивлялся. Нахмурившись, он приступил, наконец, к заданию. А задание было простеньким — его просили поискать человека, способного, внедрившись в группу «Огненные братья», войти в доверие к блудному лейтенанту, узнать о причинах, толкнувших его на измену, и попытаться что-то исправить. Иначе, сообщила Космобезопасность, банда, усиленная подготовкой и знаниями Стрэнжера, может так и остаться неуловимой.

Майдановский рассмотрел глядящего со снимка человека. У Тайка были замечательные вьющиеся волосы, упрямый веселый взгляд, скуластая улыбка. Приятный парняга. Способный, тем не менее, уложить пятерых за секунду.

Герман Сергеевич долго думал. Потом неуверенно наступал на видеофоне номер.

— Да, — отозвался Луис Неро.

— Это я. Кажется, у меня есть выход. Но... я боюсь.

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Артур сел на подоконник своей каюты и включил прозрачность. За стеной запестрел космос. Красиво, черт подери! Он потушил освещение, и звезды вошли в каюту, зависли у самого лица. Артур вдыхал их полной грудью. Нет, он не собирался отказываться от слов, брошенных Майдановскому, но Космос по-прежнему влек его. Ферзь улыбнулся. «Эй, — он погладил иллюминатор ладонью, — может, еще свидимся!..»

«Может», — сказал Космос, и неожиданно вновь стал далеким. Словно в три раза выросло бронестекло между ними. Спасло лишь бережно хранимое тепло, подаренное сердцем Ларисы. Чудесно, что есть и еще хорошее, кроме формулы чужих горизонтов. Пусть остальные ищут их. Он будет искать тепло. Вымалывать на коленях хоть каплю.

Ночь была на «Лимбе». Погруженное в сон светлое колесо транзит-станции катилось по неизвестно каким дорогам, с полутемными коридорами и застывшими лифтами.

Третьякович плохо знал светский этикет. Наверняка существует регламент, как в большинстве своем ведут себя мужчины с женщинами. Артур попросту выскользнул из каюты, тенью прошелестел по сумрачному переходу и оказался перед овальной дверью ларисиной спальни.

Как осмелел, паршивец, подумал он. Надо же. Но нужна проверка. Если она тоже не спит, дверь откроется.

Он надавил, и заслонка ушла в стену. Ферзь вошел, плохо осознавая, что творится.

170) Девушка стояла посреди большой комнаты и смотрела на него. Задвинулась автоматически створка позади. Артур, потерянно-бесстрашный, не узнающий сам себя, сделал шаг, другой и третий, оказавшись на расстоянии полуметра. Они смотрели друг на друга, и им все было ясно. Ясно, что это неизбежность.

Рука Ферзя легко коснулась ее плеча, но этого оказалось достаточно. Переливаясь, осыпалась серебром накидка, Лариса всхлипнула и спряталась в единственно надежном месте — в его руках... Артур на миг, неуловимый секундной стрелкой, почувствовал на губах ее кожу. Касаться ее плеча было все равно, что касаться мрамора: кожа была холодна, она скользила и льнула к губам. Но, холодная, она вдруг обожгла Артура. Он отстранился — на снежном плече его поцелуй горел и пылал. Лариса, обвинив юношу руками, закрыла глаза, смутно чувствуя это. Ее нежность превосходила все мыслимое, и один поцелуй, мгновение ласки, бросили девушку в начало небытия. Ее беззвучный стон рванул Третьяковича, пронзил сладкой и невыносимой болью. Артур подхватил ее, гибкую, словно шелковый лоскут, на руки.

— Ферзь... — окутанная его лаской, Лариса вспомнила не имя — код, под которым он был записан во Вселенной.

Но в следующий миг Вселенная полетела в сторону, потому, что жажда, сильнее жажды в пустыне, подломила Артура колени, и обоих принял в себя шелковистый ковер. Та же жажда пронзила Ларису; но они вскоре утолили ее, так как губы искали друг друга, и искать им пришлось недолго.

У обоих это было впервые. Но век, в котором они жили, свел на нет ошибки и невежество. Вскоре черный блеск биопротеза, мощно диссонируя с молочно-белой кожей, коснулся талии, живота, скользнул по внутренней стороне бедер девушки, и она раскрылась навстречу Артуру чашечкой цветка. Не было боли и страха — лишь кинуло жаром на грудь, когда Ферзь и Лариса, задыхаясь, ощутили себя целиком принадлежащими друг другу.

...В правом иллюминаторе «Лимба» показалось искаженное отсюда созвездие Возничего. Это случилось часа через три. Артур открыл глаза, увидел знакомые звезды. Он не мог, не хотел шевелить и бровью — Лариса, отдав его объятиям все силы, все тепло, уснула сном, близким к забытью. Ее дыхание, что недавно билось в столах и замирало, теперь успокоилось на его щеке. И сердце успокоилось — Артур ясно слышал удары его, мягкие уколы в грудь. Они прильнули друг к другу так, что шевельнуть бровью означало разбудить девушку.

Артур и не шевелил.

Через несколько минут Лариса проснулась сама. Глубоко вздохнула, чуть разомкнула объятия.

— Устала, малыш? Здесь не холодно?

Девушка не ответила. Легким поцелуем успокоила его и провела пальцем по черной металлотики на его руке.

— Что это?

— Вот, — Ферзь стряхнул волосы с глаз, сел и обнажил титановую сетку. Снял.

Девушка пережила легкий шок, когда на ее глазах металлическая рука сделала несколько движений.

— Боже мой. Почему? Маленький мой... — она прижалась к нему в порыве нежности.

— Мелочи жизни, — усмехнулся Артур. — Она все чувствует не хуже живой. Смотри...

Рука коснулась ее тела, скользнула вдоль позвоночника... Девушка с трудом восстановила дыхание.

— Постой. Пока хватит. — На табло стены мигало почти пять утра. — Тебе пора, милый. Отец...

— Я не думаю, что мы станем особо секретничать, — пожал плечами Третьякович и медленно начал одеваться.

— Разумеется. Но... позже.

— Как скажешь, малыш, просто...

Артур не договорил, улыбнулся и легко поднял подругу с ковра. Почти как в невесомости. Донес до низкой тахты, уложил, укрыл ковром поцелуев.

— Спи. Встреча за завтраком. Спи.

За ним задвинулась створка.

Завтрак прошел в атмосфере доверия и общего недосыпа. Настроение, однако, было хорошим.

— Вижу, бездеятельность идет на пользу, — заметил Андриан. — У тебя появилось нечто похожее на искреннюю улыбку.

Артур залпом прикончил четвертую чашку кофе.

— А вы научились говорить, не обрывая фразы.

— Не дерзи старшим, мальчик мой. Кстати, серьезно — если ты пришел в норму, пора заняться общим отчетом.

— Что ж, займемся. Не очень, правда, приятно отчитываться в провалах.

— Провалы порой дают опыт.

— Порой. И кое-кому.

— В чем дело, Артур?

— Скажу, если не будете спрашивать дальше.

— Тогда лучше не говори, — Михай махнул рукой.

— Логично. Лариса, можно еще чашечку?

— Конечно. Может, вы все-таки закончите препираться?

— Мы постараемся, — заверил Андриан. — Кстати, доча, как ты смотришь на перспективу потерпеть этого охламона еще пару недель?

— Ты чрезвычайно гостеприимен. А что?

— Знаю я его. Смотри не влюбись — такие мужья имеют обыкновение мало сидеть дома. Бьюсь об заклад, Артур, скоро тебя потянет в новую вселенную.

— Заклад твердый, — сказал Третьякович, вставая из-за стола, — и об него можно ушибиться.

— А обещали не препираться!..

Прошел день. Прошла ночь, вновь полная ласки. И на следующее утро позвонил Майдановский.

Артур в это время стоял под душем, садистски медленно поворачивая кран, в результате чего вода становилась все холоднее. Хороший способ встряхнуться. А встряхнуться следовало — этой ночью Лариса была намного жарче, и Ферзя не покидала еще сладкая усталость. Наконец вода стала обжигающей.

— Опасность закупорки льдом, — предупредил бытавтомат.

Третьякович обиженно выключил душ. Растерся, задержался у зеркала. Но тут Майдановский все-таки позвонил, и пришлось спешить в рубку связи.

— Да?

— Здравствуй.

— Доброе утро. Рад, что вы позвонили. Как там, на Земле? Соскучился.

— Вертится, Артур. Ая поделу, как ты догадываешься.

— Если по отчету, то еще...

— Нет. Понимаешь, мне подбросили заковыристые задания. Ты бы не проконсультировал? — голос Майдановского выражал мольбу.

— Я слушаю.

— Есть такой человек — Тайк Стрэнжер. Учился во Втором Институте Космонавтики, тоже активная среда, правда, военный профиль. Ты ничего о нем не слышал?

— Тайк Стрэнжер... Когда учился?

— Два года назад закончил.

— В таком случае — ничего. Я-то был салагой, мало кого знал. Тем более, я в Третьем был. А почему решили спросить именно у меня?

— Главным образом потому, — сказал Герман Сергеевич, и тон его почему-то не пообещал ничего хорошего, — что он, как и ты — сломался и изменил себе.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Весь день и всю ночь до этого разговора они с Луисом и Михайлой думали, как же заставить Третьяковича хотя бы выслушать предложение. Да и сама идея была шаткой. Неро долго жевал губами, пытаясь представить себе душевную бурю, способную заставить Артура сказать «ужожу».

— Герман, — сказал он в конце концов, — мне кажется, мы на плохом пути. Мальчику лучше отдохнуть и успокоиться. У него довольно умная голова, и он выберет сам. Наша система ценностей тоже не идеальна; возможно, решение Артура достаточно обдуманно. А возможно — скоропалительно, и он пожалеет сам. В любом случае нельзя принуждать. Он выберет...

— Да, разумеется. Но до этого десять раз успеет уйти из Института, потерять веру в себя, сломаться окончательно! Хотя бы дать шанс, пусть оценит все еще раз!

— Хорошо, я уступаю. Но захочет ли он?

— Вот что, — проговорил старый протезист, — его надо разозлить. Я человек простой, помню простые старые способы. Бывало, со злости пропадает и страх, и неловкость. Пускай обидится парень.

— За себя? — уточнил Герман.

— Во, — старик обидно постучал пальцем по лбу, но Майдановский эту грубость не заметил. — За себя такие не обижаются. За лейтенанта этого. Помню я Третьяковича.

— Ты прав, Михаэл, — Луис Неро окинул их ясным взглядом. — У Артура, действительно, развито чувство не только своего, но и чужого достоинства. Но вы не забыли о главном? Это сложнее и опаснее экспедиции на Артур. Доступно ли это Третьяковичу?

— Я думаю, Артур ответит на этот вопрос сам, — тяжело проговорил Майдановский.

— ...Оригинально, — сказал Артур, — вы позвонили махать кулаками? Но драка-то прошла. А этот Стрэнжер — придуман вами как упрек, что ли? Что ж, я готовился к вполне справедливым упрекам. Герман Сергеевич, я уважаю вас, но вы это зря. Я не решаю дважды.

— Стрэнжер не упрек, Артур. Стрэнжер — уже дело Космической Безопасности.

Ферзь вскинул удивленно брови.

— А что так?

— В принципе, это секретное... Но в общих чертах — он ушел в террористическую банду.

— В таком случае, это по убеждению. Почему же вы говорите «сломался»?

— Легко сказать — по убеждению, — усмехнулся Майдановский. — Сначала, рискуя жизнью, защищаться, а потом...

— Я не понимаю... — Артур медленно-медленно начал закипать. Подобные процессы случались у него редко и разгорались с трудом. — Я не понимаю, сейчас в Космобезопасности сидят сплошь круглые дураки?! Человек Космоса не ломается. Заслуга не его, а Космоса.

— Я тоже так думал. Но вы двое... Тайк Стрэнжер взорвал корабль, чтобы избежать его захвата,

чудом спаялся, а теперь активно участвует в таких же захватах.

— В таком случае, в КБ сидят дураки еще большие. Стрэнжера надо просто спасать. Так как по доброй воле выпускник Института не меняет полноты.

— Артур, трепаться можно долго. Очень. Но ты, получив психотравму, бросаешь все, меняя полюс на нейтраль. Тайк, получив что-то подобное, сменил на противоположность. А теперь я пытаюсь выяснить, как обуздать его неадекватно направленное искусство...

— О, господи! А вы-то при чем?

— Поиски человека для проникновения в банду. Тайка необходимо нейтрализовать.

— Ней... Черт, спасать, я говорю! Его, несомненно, держат в плену или как-то шантажируют. Вы должны немедленно передать в КБ, что...

— Машешь кулаками, Артур? А зря. Я уверен, что ты в чем-то прав, но я ничего не решаю. Просто готовлю кандидатов. Останемся при своем, ладно? Не будем ссориться. Не полетишь же ты со своими предположениями сам уговаривать его вернуться... Или спасать.

В этот момент в Артуре что-то звонко лопнуло. Словно сгорела пробка. Звон наполнил сознание, перехватил горло. Нет, милый, не все формулы известны. Горизонты-то, сволочи, вертятся. И Ким Лессо, может, встанет помочь — он не любил, Ким, когда человека считают предателем.

И наэл встал. Ясно встал перед другом, потухло лазерное пламя, побежали текучие краски в глазах.

Удар был такой же, если не сильнее. Третьяковича шатнуло, сбившееся с ритма сердце гнало по сосудам адреналин, и ноздри Ферзя трепетали, как после боя. «Ким, друг... Я слышу тебя и слушаюсь...»

Уже кричал, предвидевший такое, Майдановский, почувывая неладное: «Артур, да что там стряслось?!»

Артур внутренним движением погасил все мешающее. Его тихий четкий голос заставил побледнеть и без того тревожного Германа Сергеевича.

— Все в порядке. Я не собираюсь менять решений. И ничего не буду никому доказывать. Докажет Тайк Стрэнжер — когда мы вернемся. А теперь я слушаю условия и данные предстоящего дела.

Когда они закончили разговор, и связь была отключена, Майдановский, внезапно постаревший и усталый, повернулся к ним.

— Вот... — больше он ничего не смог сказать и развел руками. — Можно радоваться.

Луис Неро покачал головой.

— Я не знаю, добро ли мы сделали.

Норкин задумчиво вынул серебряно блеснувший портсигар, когда они вышли на улицу.

— Дай, — хрипло попросил Герман Сергеевич.

Третьякович вошел в кают-компанию «Лимба», когда Лариса и Андриан уже сели за стол.

— Присоединяйся.

Артур сел. Придвинул тарелку, взял хлеб. Исподлобья взглянул на пилота.

— Андриан, давно хотел вас спросить...

— Да, — отозвался Андриан с набитым ртом.

— Вы пилот. Специалист экстра-класса. А почему выбрали транзит-станцию?

Михай замер. Прожевал, проглотил, устался на Третьяковича.

— Ты, Ферзь, провокатор по призванию. Специалист экстра-класса. А вообще... Понимаешь, здесь можно сочетать и покой, и работу. Для постоянных полетов я уже староват...

— Ну уж!

— Нет, правда. Раньше, конечно, из рейсов не вылезал месяцами. Потом перевелся сюда. Замнем, а?

Артур удивился, но больше не спрашивал. Он не подозревал, какие вещи разбудил в Михея.

Андриан оборвал этот разговор из-за того, что врать о старости не хотелось, а сказать правду было страшнее в несколько раз.

...Харriet умерла двенадцать лет назад. Михай никак до этого не мог себе представить, что, возвратясь из рейса домой, на хорошо обжитый и превращенный к тому времени в город Фобос, он может не встретить ее — высокую, коротко стриженую, русоволосую хохотушку. Она вечно зажигала вокруг очага веселья. Андриан часто ловил себя на мысли, что в его любви к ней половина — удивление, ожидание сюрприза. Одним из таких сюрпризов был золотой цвет волос дочурки. В семь лет она уже резво осваивала детский скафандр, и родители сбивались с ног, ища ее по закоулкам скальных штолен, в которых, по невесть откуда взявшимся легендам, жили загадочные Марсианские Гномы... Андриан, уходя в рейс, помнится, спросил про них — правда ли, нашла? «Пока нет, — грустно ответила Лариса, — но завтра найду! А ты надолго?»

Получилось надолго. Сложнейшие маневры возле ИПО-18, искусственного псевдоорганизма, что поставил в тупик создавших его ученых, заняли полтора месяца. Вокруг этого затерянного в Галактике шара биомассы размером с Луну Михай с группой наладчиков кружил день за днем, пытаясь нащупать доступ к управлению. От связи с Содружеством они были оторваны — ИПО глушил все каналы мощными биопотоками. Лишь после, усталый, возвращаясь, он поймал обрывок сводки хроник.

На форсаже он перекрыл все рекорды скорости, но на Фобосе его встретила лишь потерянно-молчаливая Лариса. Горе было не только его — ходуном ходила Солнечная система, такого давно не случалось: неисправный маршевый реактор стартующего грузовоза полыхнул так, что «лучевка» скосила несколько тысяч человек, и траур накрыл Фобос.

По просьбе Андриана тело жены и все ее мелкие личные вещи были дезинтегрированы и рассеяны в Пространстве. От людей он, спустя неделю, ушел, перевелся на «Лимб». Порвал основную массу связей, рассорился со многими, плюнул на все и начал воспитывать дочь в одиночку. Он всячески старался уберечь от нелюдимости свою белокурую девочку, но решительное одиночество тогда, на Фобосе, впаялось в Ларису крепко. Прошли годы, боль ушла, они сдружились со своим миром. Первое время, правда, Михай еще находил на дочкином столе старательно нарисованных карандашами Марсианских Гномов...

А Артур ловко уписывал суп. Лариса смотрела за его движениями подозрительно, недоумевая, что его так взбодрило.

— Сегодня я буду делать печенье, — объявила она. — При чем хрустящее. Устроим праздник?

— Да запросто, доча! Конфеты из запасника свистнем.

Артур внезапно резко остановился. Выпрямился. Это и называется свинством, подумал он. Да уж поздно.

— Простите, — сказал, ясно глядя на Михея.

— Что такое?

— Это... Простите, что не сказал сразу, как прервал связь. Заклад оказался мягче, Андриан. Сегодня в три мне лететь.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

— М-да, — Андриан помолчал. — И куда же это?

— Мелочи, полусекретные испытания нового катера. Вернусь — расскажу.

— Шустро ты... В гости, а сам недели не посидел.

— Срочно звонил Майдановский — он глава комиссии по подбору. Я подхожу больше всего.

— Ну-ну. Лариса, ты куда?

Девушка встала и вышла из комнаты. Андриан бросил на Ферзя вопросительный взгляд.

— Это...

— Послушайте, Андриан. Вы предупреждали — но мы с Ларисой, кажется, друг в друга все-таки влюбились. Не вздумайте ее укорять. Я здесь — можете дать в челюсть, если разгневаны... —

Артур спокойно глядел на друга, на лице юноши мелькал ответ внутренней улыбки.

Михай, видно, обдумывал последнее артурово предложение.

— Я-то могу, — вздохнул он в конце концов, — да толку? Но теперь она на тебя обижена, свинья ты этакая. Ой, дети мои...

— Знаю. Буду извиняться перед ней и перед вами на коленях, но этот полет необходим. Дело чести и...

— Чести?

— Да, и справедливости. Поверьте.

Несколько минут они изучали друг друга. Третьякович, собранный, необычно холодный, словно клинок, смотрел открыто. Андриан испугался, что попадет под власть этих серо-зеленых глаз. Такого Артура он видел редко.

— Я верю. Однако слушай, малыш мой. Если до трех часов моя дочь не простит твой побег, не станет вновь веселой и не подтвердит свою благосклонность — пеняй на себя. Ты, надеюсь, не обиделся?

— Андриан... я благодарен вам.

Артур впервые в жизни поклонился, но это вышло у него изящно. Потом Ферзь, постучав, вошел в каюту Ларисы, и осталось тайной, как он вернул ей улыбку и хорошее настроение.

Без десяти три замигала панель связи. Михай скользнул взглядом по экранам ВС — маленький стройный кораблик вынырнул в сотне километров от «Лимба» и быстро приближался. На борту его тела, похожего на трехлучевую звездочку-сориенку, значился лишь номер — W-6.

— Хэлло, «Лимб»! Транзит-станцию вызывает катер. Дайте стыковку.

— Назовитесь. На связи Михай.

— На связи Карлос Паламо. Мы за Третьяковичем. Код допуска 617.

— W-6, даю стыковку. — Вот черти, подумал зло, сами не зайдут.

Катерок мягко встал в фиксаторы. Андриан вышел в шлюзовую, пихнул в бок застывшего, как изваяние, Артура. Лариса рядом молчала.

— Что, дружок, ждем с новостями?

— Я скоро, — улыбнулся Ферзь, — заскучать не успеете. Берегите ее, такое чудо редко встречается.

Девушка вспыхнула, но Артур успел взять ее за руку.

— Андриан, я говорю вам сейчас, тут, что люблю вашу дочь. Когда вернусь, сделаю попытку украсть ее у вас.

— Папа, он, конечно, ужасный нахал, но мы в самом деле сбежим. Ферзь, я тебя жду. Не вздумай задерживаться.

— Кстати, — громко сказал Михай, — прилично

ли выгонять гостей подзатыльниками? Теперь я советую отложить разговор о любви до встречи. Счастливо, друг. Мы ждем.

— До встречи. — Третьякович выпустил руку девушки, неуловимо изменился, как отгородился стеной. Шагнул. Задвинулся шлюз.

Лариса долго бы стояла так, задумавшись, если бы не странное поведение ее отца.

— Быстро, — зловеще серьезно крикнул он, — доча, срочно в радиорубку! Пока я даю отстыковку и прочее, попробуй поймать их разговор с центром!

Пожалуй, впервые на «Лимбе» происходило что-то не вполне законное. За перехват чужих передач зрителя транзит-станции могли не погладить по головке — но Андриан, отдавая распоряжение Ларисе, был спокоен. Номера без названий носили редкие корабли, и гражданских среди них не было. Михай медленно понимал, что «полусекретные испытания нового катера» не предвещают ничего безопасного... И слишком дорог был ему этот парень — тем более теперь, когда Лариса, по всем признакам, сходит по нему с ума. Парочка, чтоб их!

Лариса особо не тревожилась. Артур сказал, что вернется скоро — это значит, что счастье прервано ненадолго. Но что-то еще толкало в груди, какая-то неясная боль. И, бегая пальцами по знакомым приборам, девушка все больше хмурилась.

Волну удалось поймать не сразу. Потом гравилуч сверхдальней связи был запеленгован — оказывается, W-6 общался на высоких частотах, закрытых для обычных передач. Лариса расслышала лишь самый конец разговора.

— ...Да, — сказал пилот катера, — инструкции немного изменились. Я перехожу в обеспечение. Операция «Братья в рассвете». Приказ ясен. На связь выйдем уже с Корнлесса.

Луч погас. Лариса механически села в кресло и глубоко задумалась. Корнлесс! Город-порт на второй планете альфы Щита. Город-сказка, город-люкс. Величайшая тусовка высшего света галактики, полный знаменитостей, игроков в Космическую рулетку риска, первопроходцев и просто шикарной публики. Лучшие в Содружестве пляжи, сады и луна-парки.

Андриан, войдя и узнав полученные данные, стал необычайно серьезен. И добавил:

— Да, и еще второй после земного филиала Службы Космической Безопасности. Операция «Братья в рассвете»... Ну, держись, Артур.

Лариса взглянула на отца с тревогой.

— Думаешь, это опасно?

— Милая моя, а для чего, по-твоему, КБ нужен человек такого рода? Не консультантом же.

— Но испытания...

— Может, и испытания. Правда, для этого есть испытатели, а не функционеры планетной разведки. Артур — паренек крепкий, но он устал после Аркура. Есть у меня идея — дозвониться до этого Майдановского, узнать, не нужен ли еще и я. Как они не понимают — одного его сейчас отпускать опасно! Нужно попросить, хотя...

Анриан ясно понимал, что ленивая и вольготная жизнь «Лимба» кончается. Вскоре через станцию, как ближайшую к альфе Волопаса, потянутся вереницы кораблей — контактологи, ученые, торговцы, наконец. Открытие новой цивилизации, да еще дружественной — всегда открытие новых оживленных космических трасс. Можно предсказать, что с утра до утра «Лимб» будет завален работой, и масса народу будет толпиться здесь по делу и просто так... Михай задумался и, неожиданно очнувшись, увидел, что Лариса, как маленькая обиженная девочка, плачет, размазывая слезы ладонями.

— Ты что, доченька? Маленькая моя...

— Ну вот... вы все уходите, улетаете... Сначала мама, потом вы вот! Артур, ты за ним хочешь. А я-то что, одна теперь останусь? Теперь тут за одного балбеса мучайся, а ты улетишь — за двух!..

Анриан, ошеломленный ее слезами, гладил девушку по плечу, заглядывая в глаза.

— Да нет же, доча, нет! Я никуда не улечу! Сейчас работы будет невпроворот, пока работаем — Артур вернется. Ну, милая...

Лариса уже потихоньку успокаивалась. Она еще всхлипывала, но обрывки странных идей начинали кружиться в ее горячем, совсем недавно разбуженном сознании. Лариса сама удивлялась — глупости, немыслимо; конечно, глупости, но...

А отец ее думал совсем о другом. Надо же, эта девочка, оказывается, умеет плакать! Но почему же она не плакала тогда, на Фобосе? (Черт бы этот Фобос!) Втюрилась, по уши втюрилась в первого же космена — да и сам Артур хорош. Дети, ну е-мое, ну палки-моталки, думал Михай тоскливо, ведь дети же — они сейчас такого натворят, что вовек дивись...

Они молчаливо провели остаток дня; молчаливо, думая о своем, поужинали. Михай занялся переконтролем всех систем, а Лариса сидела перед экраном, не нажимая клавиш, хотя давно нужно было просмотреть очередную запись-лекцию из университета. В конце концов, она коснулась сенсорной панели — экран вспыхнул яркой радугой. Пошла заставка.

— Хэлло, — улыбнулась ведущая, — а у меня сюрприз. Сегодня не будет ни лекций, ни заданий. У нас небольшой праздник, а какой — догадайтесь?

Лариса морщила лоб, но вспомнить не могла. Календарные даты, вроде, пока не намечались, а из чисто университетских... Ой, господи! Ну как она могла забыть!

— Правильно! — воскликнула девушка на экране. — У нас — ежегодная встреча! Более трех тысяч человек учатся на заочном отделении факультета общей истории и политологии, весь долгий год они не видят друг друга и не знают своих сокурсников. Но в этот день огромная толпа юношей и девушек со всех концов галактики соберется в Колоннаде Берлинского Галактического Университета, это будут знакомства и встречи, новые компании и, — ведущая подмигнула, — новые парочки! Ровно неделю будет длиться праздник Встречи историков. Программа увлекательна — катание на яхтах, масса вечеринок, конкурс красавиц, соревнование в ораторском искусстве древних времен — и еще многое-многое! Три тысячи людей плюс пятьсот студентов других миров — мы ждем вас, наши милые ученики. Итак, все, кто решил принять участие в нашем Празднике — вас ждут в Колоннаде утром этой пятницы. Спешите! Повторяю адрес, дату и время...

Когда передача кончилась, Лариса перевела взгляд на иллюминатор. Серые ее глаза потемнели. Так она просидела почти час, за который и создала тот план, что позже внес некоторую корректуру в ход операции «Братья в рассвете».

Анриан был не на шутку занят, и решение до чери съездить на Праздник Встречи воспринял «на ура».

— Развейся, а прилетишь — тут и твой Артур. И переговорим обо всем. — И Михай протянул ей дистанционку служебного катера.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пассажирское кресло было расположено на W-6 не сбоку, а позади пилотского. Катер был прост, но быстр. Артур сперва заметил пульты боевых лазеров, подивился тяжелому вооружению такого маленького суденышка и лишь потом обратил внимание на бритый затылок пилота.

— Привет, — крикнул тот, услыша щелчки фиксационных ремней, — меня зовут Карлос. Подбрось до места. Как настроение, Артур?

— Полный консенсус, — сказал Третьякович, не вдаваясь в подробности. — На Корнлесс?

— Ага. Слушай, круто ты их там, на Волопаса...

— Прекрати.

Карлос Паламо обернулся, сощурился. Ничего не сказал, включил зажигание.

Закончив стартовую возню, W-6 мягко скользнул в вязкий туман подпространства.

Знакомое ощущение скачка чуть расслабило Артура. Он прикрыл глаза. Невесомость.

— Мы выйдем у корабля-матки; там, на сверхсвете, пойдешь к Щиту.

— Почему на сверхсвете? — удивился Ферзь.

— По дороге все объяснят, узнаешь план операции, на Корнлессе ты должен быть уже полностью готов. Ну, выходим.

Сверкнул разряд. Артур глянул на обзор — большой корабль дрейфовал в нескольких километрах. Он узнал силуэт — когда-то на этой громаде курсанты проходили часть практики. «Токио», эскортник и транспорт.

— Матка, я — «Сюрикена». Иду с нагрузкой.

— «Сюрикена», груз в шахту, сам делай флип.

«Груз» недовольно поморщился. Секретности тут развели, прямо язык офеней. Впрочем, на не линкесе же им общаться, бедным кэбэшникам.

W-6 вошел в расцветенную огнями шлюзовую шахту. Стапели напомнили о себе упругим толчком, трепыхнулась гравитация, наполнив тело искусственной тяжестью.

Артура встретил коренастый, средних лет человек в форме Безопасности. Судя по погонам, майор.

— Жан Дюбуа, — сухо отрекомендовался он, пожимая Третьяковичу руку. — Рад видеть вас, Артур. Нужно ли вам время для отдыха?

— Не нужно.

Взгляд майора обежал стоящего перед ним молодого курсанта. Облик Третьяковича в этот миг был, вероятно, несколько отрешен, и Дюбуа воспринял это как утомленность.

— Простите, — сказал он, — за довольно бесцеремонную скорость действий, но дело тоже не ждет. Вы заслужили хороший отпуск после Аркура...

— Вы, майор, вероятно, не в курсе, — прервал Артур его излишняя, — я сам просил Майдановского об одолжении. И намерен приступить к делу.

— Идемте. Вы представить себе не можете, — они пошли по матово-зеленоватым переходам, — как бы нам хотелось, чтобы никто из граждан Содружества не втягивался больше в распри закона и преступников. Эти распри — одни из последних. Преступление как таковое изживает себя. Но, агонизируя, оно становится более жестоким. А вот мы и пришли.

Дюбуа толкнул дверь, и они вошли в просторную, залитую светом люстр кают-компанию «Токио». Трое в форме сидели за торцом длинного стола. Они привстали, когда Артур кивнул.

— Здравствуйте, Третьякович.

— Наши консультанты, — сказал Дюбуа. — Сейчас мы объясним вам примерную схему операции «Братья в рассвете». За то время, пока «Токио» на сверхсветовых двигателях идет к

альфе Щита — это часа три, — план должен стать окончательным.

— Вопрос первый, — проговорил Ферзь, удобно усаживаясь в кресло. — Почему «Братья в рассвете»?

— По ходу дела, — один из консультантов, сухощавый старик, наклонился вперед и потер руки. — Слушайте, Артур. Вот базовая информация...

В несколько расширенном и углубленном варианте Артуру рассказали то, что прочел Майдановский на своем терминале.

— ...По нашим наблюдениям, — скрипел голос старика-консультанта, — террористическая группа на данный момент обладает двумя боевыми катерами, пятью пинассами, космическим шлюпом «Норманн» и парой старых пассажирских лайнеров. В их вооружении нет только дестройбонда, прочего же оружия достаточно. Все это базируется на станции, периодически перемещающейся через подпространство. Нам известно несколько точек ее остановки. Постоянный штат банды состоит из ста сорока человек и одного цивилизоида беты Волос Вероники.

— Мелл? — удивился Артур.

— Да, мелл. Будьте готовы.

— Хорошо, дальше.

— Дальше. К этому числу прибавляется несколько осведомителей в крупных центрах Содружества. Руководит группой некто Эдгар Миллер. Он намечает цели и координирует. Наш объект — Стрэнжер — разрабатывает план исполнения. Он же основная боевая единица. До недавнего времени в группе находился наш агент, но месяц назад он был раскрыт и уничтожен. Последняя информация о действиях Миллера такова: группа ищет случая захватить какой-нибудь из крупных банков энергии. Мы предоставим им такую возможность.

— Предоставите? — улыбнулся Третьякович.

— Мало того. Вы должны будете всеми силами уговорить их напасть на почти не охраняемый Пятнадцатый энергобанк, эпсилон Ориона-1.

— Довольно пустынное место.

— Именно. Полное «зеро». Резервный энергобанк с роботизированной охраной. Трое людей-координаторов, которых заблаговременно устранят. Ваши действия, Третьякович, будут заключаться в том, что, уговорив группу на эту акцию, вы подадите нам особый сигнал. К моменту вашего прибытия возле хромосферы светила будет установлена торпеда с дистант-катализаторным зарядом. Торпеда снабжена камуфляжем из фальшфейеров, имитирующих спектр эпсилон Ориона. Обнаружить ее невозможно. Теперь — к вашему вопросу о названии, Артур. Для нападения «Огненные братья» неизбежно выберут маскирующий сумрак терминатора. Рассветного терминатора. И когда край светила по-



кажется над планетой, по этому сигналу торпеда, оставаясь невидимой на фоне звезды, подойдет вплотную. К этому времени вы должны полностью подготовить свое бегство. И объявить им ультиматум.

— Ясно, — Артуру стал понятен ход плана. — Я объявляю, что на фоне рассвета их ждет большой подарок. Сдавайтесь, братья. Так? Только они не поверят.

— Они поверят. Главное же ваше дело, Артур — войти в контакт с Тайком, повлиять на него и после ультиматума скрыться вдвоем. Сдавшимся будет предложено спуститься на планету. Наш флот появится там через несколько минут после вашего старта. Итак, положение сил... — Майор Дюбуа тронул кнопку на столе, выдвинул секцию пульта. Нажатием пары сенсоров над столом была создана голографическая модель. Планета, звезда, шарики кораблей. Ферзь заинтересованно смотрел на красочную диаграмму. Предстоящие события начали увлекать его.

— Вот черта терминатора. Флот «Огненных братьев». Наш флот на низкой орбите. В десятке километров от них торпеда. Какими же могут быть их действия?

— Да, но повторяю: пусть мы со Стрэнжером благополучно смылись, ультиматум предъявлен, часть террористов внизу, у вас в лапах — остальные попробуют навязать бой или уйти в подпространство. Не в самом же деле...

— Артур, — голос Дюбуа выражал жалость и снисхождение, — вы, видимо, недооценили масштаб игры. На счету «Огненных братьев» несколько сотен убийств. Нас даже не особо волнует, уведете ли вы Тайка или нет. Если в ответ на ультиматум раздастся выстрел, или кто-то подготовится к скачку, мы взорвем торпеду.

Артур закрыл глаза, глубоко вздохнул. Ему представилось, что будет после взрыва. Дистант-катализатор превратит тела людей и корабли в единую массу ядерной взрывчатки. Все, попавшее под разряд, разложится на гамма-кванты. Мгновенно. Просто и чудовищно. Дюбуа сказал это просто. Но... Видимо, основная работа, думал Ферзь, массируя виски, будет уговорить побольше «братьев» плюнуть на этот чертов рассвет и сдать себя силам безопасности. И главное — Тайк. Что ж ты, друг, так влип, а? Эх...

Третьякович поднял глаза. Жан Дюбуа пожал плечами.

— Артур, вам что-то не нравится? Вы сказали, что пришли по своей воле...

— Ладно, проехали, — сквозь зубы проговорил Артур, — я слушаю дальше. Как вы намерены забросить меня на станцию?

— Начало положит Корнлесс. Вы проведете

там день и часть ночи. Немного примелькаетесь. Будет пущен слух, что знаменитый герой Артура (в этот момент у Ферзя возникло горячее желание въехать майору по морде) проведет в Городе Удовольствий свой отпуск. Утром вы исчезнете, а ваш двойник будет исправно появляться в свете все время вашего отсутствия.

— Это понятно. К несчастью, я известен.

— Да, но наши функционеры среди бандитов известны еще лучше. У вас шансов неизмеримо больше. Естественно, нельзя просто так прийти на станцию. Нужно завоевать доверие. Вы доставите группе новую модель боевого корабля. Это сработает. Контакт со Стрэнжером должен помочь установлению вашего авторитета. А теперь — просмотрите несколько снимков. Вот... — консультант протянул Артуру фотографии, — Тайк Стрэнжер, кличка Феникс.

— Феникс?

— Что вас удивило?

Третьякович взглянул на улыбающегося со снимка лейтенанта. Странно, но, кажется, судьба не умерла еще в этом мире. Феникс!

— Просто интересно, — он встал, выпрямился, стройный, широкоплечий, с чуть прищуренными глазами. — Мое курсантское прозвище — Ферзь.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— ...Третьякович? — дежурный администратор уставился на экран. Глаза его из-за сильных контактных линз казались неестественно выпученными. — Да, вправду. Артур Васильевич Третьякович. Ваш регистрационный номер 328. Добро пожаловать в город Корнлесс, — администратор широко улыбнулся, и Артур вернул ему улыбку. — Для вас забронирован номер. Сектор 19, отель «Терновник», коттедж «L». Ключи...

Артур сунул связку электронных ключей в карман, поправил на плече сумку и вышел из гудящего голосами здания космопорта. В глаза юноше ударили прямые лучи утреннего светила, что-то жизнерадостное шевельнулось в мыслях. Арки, сплетенные из золотисто-зеленых деревьев, уходили в разные стороны. Оказывается, Город Удовольствий открывался грандиозным парком. «Центр» — вспыхнула голографическая реклама справа, «Ресторан «Созвездие», «Луна-парк», «Бассейны» — манили в разные стороны стрелки разных расцветок и габаритов. Артур остановился, растерянный.

Рядом, зашуршав по песку, тормознуло флип-такси.

— Мистер, в любую точку города за пять минут!

Третьякович глянул на подмигивающего ему водителя.

— Мне нужен отель «Терновник».

— Так это рядом! Садитесь!

Флиппер взмыл над городом, закружив внизу аллеи парка, космодром с башенками посадочных ячеек. Понеслась навстречу пестрота жилых секторов.

— Вы у нас впервые?

— Да, — Артур оторвался от разглядывания парящих в воздухе дирижаблей-беседок. — Прилетел взглянуть на вашу красу. Что ж, неплохо сделано.

— О, — оживился водитель, — побывайте еще в ксенодендрарии, зайдите в казино — высший класс! Во всей галактике нет места приятней.

— Посмотрим.

— Вот и финиш. Деятнадцатый сектор, «Терновник». Какой коттедж?

— Садитесь здесь, дальше я прогуляюсь.

— Как угодно.

Машина мягко плюхнулась на окруженную высокими клумбами лужайку.

— С вас триста.

— Ставьте чаевые сами, — Ферзь сунул кредитную карточку в щель кассы, не контролируя особо сумму — здесь за него платила Космическая Безопасность.

За клумбами начинались оазисы похожих на кипарисы деревьев. Артур брел наугад, ожидая в конце концов встретить какой-нибудь указатель. Рассыпались трели птиц. Мир Корнлесса начинал ему нравиться. Жаль, что наслаждаться этим всего сутки. Ну да наплевать.

Третьякович завернул за могучий замшелый валун, раздвинул ветви и, шагнув на поляну, увидел нечто необычное. Отлитый из оранжевого пластика манекен человека с расставленными руками.

Реклама, отстраненно подумалось ему, сейчас раздастся увещевание купить... Но что ему посоветуют купить, Ферзь домыслить не успел. Тонкое пение стали в воздухе включило рефлекс, и Артур, развернувшись, что-то остановил в полете. Потом взглянул и увидел, что держит в руке восьмилучевую скорикену. Перевел взгляд на заросли.

— Мисс тренируется в ниндзюци?

Невысокая, очень неплохо сложенная шатенка смутилась.

— Простите, вы так неожиданно появились. Я просто не успела среагировать.

— Ничего, я успел.

Она подошла ближе, взяла у Артура звездочку, положила в чехол. Ее лицо с выражением очаровательного удивления заулыбалось.

— Вы, видимо, сами неплохой мастер? Я занимаюсь как дилетантка, от скуки.

Третьякович угловым зрением оценил ее костюм — смесь спортивного и светского стилей,

буйство черного и голубизны. Впрочем, девушке шло. Они уже, не заметив этого, шли по тропинке.

— Меня профессия обязывает. Я космен.

— Подождите-ка, — ее темные большие глаза глянули в упор. — Ну конечно! Я узнала. Вы — Артур Третьякович! Была передача...

Артур жжал зубы. Терги, милый. Долг платежом красен...

— Ну вот, почти познакомились, — улыбнулся он.

— Санта Рэй, владелица малой корпорации на Плутоне. Так вы теперь здесь? Отпуск?

— Что-то вроде. Ищу вот свой коттедж, час назад прибыл. Не подскажете, где находится «L»?

— Вот тропинка, — Санта показала рукой, — два шага. Мой вон там, под буквой «S». Как освоитесь, загляните поболтать. Буду рада.

Она скрылась, оставив Артуру ощущение тонкой теплой ладони. Станные владелицы бывают у малых корпораций, подумал он. Сколько ей? Двадцать пять? Тридцать?

Он отомкнул дверь и вошел в дышащий прохладой коттедж-люкс.

— Обед? Ланч? — вежливо осведомился быт-автомат с потолка. — Ключ обращения ко мне — слово «милейший». Ключ может быть изменен. Ваши заказы?

— Милейший, устрой-ка ты мне на первое время кофе с тостами.

— Принято. В какую комнату?

— Где найдешь, милейший.

Кофе и тосты прибыли, когда он, развалившись на софе, включил информ. Загорелся флажок «вызов». Артур нажал кнопку и чуть не подавился кофе, узнав в появившемся на экране человеке Жана Дюбуа. Майор был одет в чисто бендеровские белые штаны и немислимо пеструю жилетку.

— Хороший камуфляж, — признал Третьякович. — Здравствуйте.

— Добрый день, Артур. Нравится город?

— Пока не рассмотрел. Какие будут указания?

— Зачем же сразу указания, — усмехнулся Дюбуа, — только пара советов. Наслаждайтесь жизнью, заводите контакты. К вечеру загляните в хороший ресторан — там собирается общество. В общем, смотрите сами. К семи утра ждите у себя. Приятно провести время!

Экран погас, и Ферзь мрачно начал жевать тосты. Приятно провести время? Шутить изволите. Самое плохое, что он знал, это расслабленность перед серьезной работой. А Корнлесс, кажется, мог расслабить.

Но соблазн хоть немного отрешиться от операции был велик. И Артур окликнул потолок:

— Милейший, дай-ка мне на информ коттедж «S»!  
Санта откликнулась сразу. Видеофон показал ее со спины, она стояла перед зеркалом полуобнаженной — по-видимому, одевалась.

— Простите, — Артур потянулся к клавише отбоя, не подозревая, что на нем испытывается древнейшая женская магия.

— Все в порядке, — сказала Санта, оборачиваясь. — Не волнуйтесь, вы меня не стеснили. Я уже закончила.

Теперь она была одета в узкое и короткое стального цвета платье. Сочетание с дымчатым каштаном волос было безупречное.

— Вы обедали? — спросила она.

— Можно сказать так.

— Я, к сожалению, тоже. Тогда нам остается одно.

— Что же? Полагаюсь на ваш вкус.

— Воздушная прогулка!

Артур развел руками.

— К вашим услугам, Санта. А где у вас флайдром?

— Закажите машину по информу, там список.

— Тут она сделала вид виноватого ребенка. — Я не слишком навязчива? Вы простите, Артур — просто меня никогда не катали настоящие космены.

— И на чем же именно вас не катали настоящие космены? — хитро сощурился он.

Санта распахнула глаза в ожидании чуда, наклонилась вперед и прошептала:

— На Жар-Птице!

— Принято, — засмеялся Артур, — ждите Жар-Птицу.

«Жар-Птицей» назывался легкий двухместный птерикс, и выглядел он соответственно. Санта, прыгнув в пушистое кресло, сообщила, что раньше ей приходилось летать только на скучных флипперах да баллипланерах.

— Восполним пробел?

— Восполним, — Третьякович движением руки бросил радужную машину прямо в золоченый зенит корнлесского неба.

Они описали широкий круг над парковым ансамблем «Терновника» и устремились к центру города. Центр не понравился им, и птерикс, плавно взмахивая крыльями, полетел к морю.

Море поражало переливанием цветов — от лазурного до бледно-розового. С высоты волны казались неподвижными, и Артур, добываясь полноты восприятия, поднимал «Жар-Птицу» все выше и выше, пока под ними не засияла огромная драгоценная чаша от горизонта до горизонта. Машина словно повисла в центре ее. Стоял почти полный штиль, ни облачка не было видно, и Санта Рэй вдруг притихла от ощущения громадного пространства. Взгляд ее, брошенный Третьяковичу, был почти испуганный.

— Я еще никогда не летала так, Артур...

— Красиво?

— Наверное. Только страшно немного. Может, спустимся?

— Ну, Санта, что вы! Ловите момент. Кто вас еще так покатает? Мы на пределе высоты для птерикса... Впрочем, спускаемся. Эти краски аляповаты.

Пока «Жар-Птица» камнем падала к самым гребням прибоя, Санта пыталась понять — была в его речи ирония или нет.

Артур, правда, точно знал, что была. Это море чересчур, слишком живо меняло цвета. Но они не были аляповаты — они были просто похожи на переливы глаз Кима Лессо.

Машина зацепила крылом песок, напружинилась и легко села в нескольких метрах от воды.

— Как насчет искупаться? Здесь купаются?

— Купаются, — женщина лукаво посмотрела на Артура. — Но вопрос в лоб: как вы насчет nudistского пляжа? Купальника у меня нет.

— Ваши проблемы, — хмыкнул Третьякович, спрыгивая на золотистый песок. — У меня комплексов нет.

Он скинул полукомбинезон и с наслаждением потянулся.

— О, да вы сложены, как античный бог, Артур!

Санта оказалась рядом, оставив одежду на сиденье. Он перехватил ее взгляд и вздохнул. Разумеется, она смотрела на руку.

— Зачем перчатка?

— Биопротез. Но я не люблю об этом.

— Прошу простить. Так купаемся?

Гораздо более загорелая, тонкая, подтянутая, она смотрела на Артура, заслонившись рукой от света. Женщина из высшего света, проводящая время в Городе Удовольствий. Артур раньше думал, что у них больше изнеженности и манер — но перед ним стояла ладная, спортивного вида девчонка с упругими мышцами, на досуге практикующая ниндзюци.

— Ну?

Ферзь тряхнул головой, освобождаясь от лишних мыслей, и ступил в волну.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— ...Традиционный вопрос, — сказал Артур, когда под птериксом замелькали кусты вокруг коттеджа «S», — что вы делаете сегодня вечером?

— Откровенно?

— Пожалуй.

Санта вздохнула.

— Жду, чтоб вы пригласили меня поужинать, Артур. Но это будет уже большой наглостью с моей стороны — вы только прилетели, хотите отдохнуть, поваляться дома...

«Жар-Птица» села. Третьякович помог женщине сойти, они дошли до крыльца домика.

— Итак, — сказал он, отпуская ее руку, — поужинать вместе — идея первого класса. Заодно вы немного познакомите меня со здешним обществом. Идет?

— Господи, Артур, я так благодарна!.. Этот чудесный полет! Вы очень любезны!

— Да, но куда приглашать? Я новичок.

— Общество собирается обычно в «Созвездии» — это центральный ресторан.

— Итак, в «Созвездие»! Я заеду за вами часов этак в девять. Устроит?

— Вы — чудо, я буду ждать, — Санта помахала рукой, улыбнулась, и Артур скрылся в темнеющей зелени.

Смеркалось.

Дома Ферзь посоветовал милейшему временно не приставать, меланхолично встал под ледяной душ, непрерывно мучаясь одним вопросом.

Итак, ему предстоит ужин в шикарном ресторане с шикарной женщиной. Логично, что он должен быть шикарно одет. Но черт побери! Ни разу в жизни он не надевал ничего цивильней парадной полетной формы! Щекотливое положение.

Артур встал перед зеркалом и перебрал свой нехитрый гардероб. Впрочем, перебирай — не перебирай, а легкий полукомбез или полетка вечерним костюмом не являются. Отражение в зеркале по-прежнему не пахло шикарностью. Третьякович уже представлял себе, как скривятся лица в ресторане при взгляде на его особу, когда сзади тонко запел информ.

— Привет, — сказал Дюбуа, — как дела?

Артур жалобно объяснил, как.

Майор захохотал, и хохотал долго и искренне.

— Господи, но это же так просто. В функции бытавтомата коттеджа входит и одежда. Попросите, и вам создадут костюм любого стиля и назначения, в соответствии с последней модой, личной внешностью и вашими указаниями.

— Это другое дело, — буркнул Артур. — А я уж отчаялся.

— Значит, в «Созвездие»? Хорошо. Кстати, когда будете с кем-либо знакомиться, не сильно сближайтесь — а то двойнику трудно будет работать. Ну, счастливо.

— Спасибо.

Майор отключился, и Артур громко позвал милейшего...

Через час в его распоряжении был великолепный темно-синий костюм и полный набор аксессуаров. Это обошлось в круглую сумму, но КБ продолжало платить.

Без десяти минут девять он вызвал солидный

флиппер и посигналил у крыльца Санты Рэй.

Ночь была хороша. Где-то высоко сияла иллюминация искусственных лун, но здесь, на траве парка висел сумрак. Веяло травяными настоями, загадочно мелькали светлячки в ветвях. Артур ждал, облокотясь на раскрытую дверцу. В затемненном массиве дома блеснула светлая щель, зашуршала трава под легкими шагами. Сперва Артура тронуло ароматом духов — легкий, манящий аккорд, свитый из неземной экзотики. Потом он, протянув руку, встретил ее тонкую ладонь, и Санта оказалась в кресле. Ферзь взглянул на нее и почувствовал головокружение.

Она была хороша! Черное с алыми блестками платье, ажурная диадема в пышно взбитых волосах. Единственный перстень на пальце — иридиевый ободок с денебианским супералмазом, почти невидимым, редчайшим в галактике камнем. За такой камешек можно купить планету — но Артур не думал об этом. Рядом с ним, простым курсантом, сидела женщина, в обществе которой сложно было думать о чем-то постороннем.

— Добрый вечер. Летим?

Третьякович тронул управление, и машина скользнула в небо.

Ресторан «Созвездие» встретил их почти-тительным киберофициантом, который, отливая матовым блеском, провел их в главный зал. Артур чуть задержался на пороге — окинул взглядом стройную группу колонн в центре, людей, сидящих группами. Слышалась негромкая речь.

На незнакомого парня, вероятно, не обратили бы внимания, если бы не присутствие Санты.

— О-о, мисс Рэй! — мгновенно воскликнули сбоку. — Присоединяйтесь к нам. Вы давно не заглядывали.

Санта сделала отрицательный жест, и кибер провел их к уютному одинокому столику. Дождался, когда люди сядут, и на его груди вспыхнуло меню. Артур мысленно чертыхнулся и заказал нечто более-менее знакомое.

— И кувшин «Рионы», — добавила Санта. — Не возражаете, Артур? Или у косменов сухой закон?

— Да тут полно соблазнов, — засмеялся он, — не хватает только карт и крепкого табака, а вино и прекрасная женщина уже есть.

— Вам заказать сигару?

— Нет, спасибо, но «Риона» не помешает. Это действительно не принято у косменов, но у нас же исключительный вечер, Санта.

— В таком случае, постарайтесь не напиться с непривычки. А почему исключительный?

— Завтра мы можем стать другими, будет новый

день, формулы новых горизонтов. А сейчас — день знакомства. Мне просто хорошо. И... — но тут появился заказ, и Артур занялся едой, радуясь, что не надо продолжать беседу в этих тонах.

Подняли тост за встречу, и Третьякович впервые в жизни узнал вкус вина...

Позже он напомнил ей об обещании.

— Ах, это! Что ж, пойдемте, я покажу вам, где собирается несколько интересных людей.

Они пересекли зал. Было до ужаса приятно вести Санту под руку — так они и вошли в небольшой кабинет в стороне от основных залов.

Это было нечто вроде клуба-салона. Под потолком висел пласт табачного дыма, в углу двое молодых людей в форме лениво отхлебывали из бокалов, в промежутках меж глотками успевая манипулировать «камями» го\*. За узким столиком расположилась пестрая, но, видимо, тесная компания.

— Санта, милочка, как хорошо, что вы пришли, — прогудел седой, внушительного вида мужчина.

— Прошу любить и жаловать, — сказала Санта, — мой новый друг Артур.

— Нед Окстли, — седой протянул руку. — А у нас здесь, как видите, застой. Скучаем.

— Клевета, — возразил ему офицер Космофлота, обладавший очень ясными голубыми глазами. Эти глаза сердечно улыбнулись Артуру: — Добро пожаловать в наш круг. Меня тут все зовут Полковником-без-Полка, а настоящее имя Джаффар. И вовсе не застой, Нед, а просто Яцоки было начал живописать свою виллу на Ригеле, да забыл детали. Вот, вспоминает...

Артур не верил глазам. Неужели это тот самый полковник Джаффар Несин, потерявший своих солдат и здоровье в знаменитой эпопее покорения Снежной Котловины-V? История гремела по всем каналам. Горстка людей пересекает ядовитые льды Центавра... Голос Санты вернул его.

— Знакомься, Артур — Кэрри и Лидия.

Две очаровательные смуглокожие близняшки атаковали его с флангов.

— Кэрри. Это уменьшительное.

— Лидия. Это полное.

— Ферзь. Это прозвище.

— Артур, — позвал полковник, — присоединяйтесь, садитесь сюда. Коктейль?

— ...Да, — пожилой, безукоризненно стройный японец, неподвижно сидящий в углу, шевельнулся, — вспомнил! Сад у меня состоял из диких яблонь и кипариса. Контраст потрясающий. И цвет розовой пены... Присаживайтесь, юноша.

Артур удобно устроился между Недом и Джаф-

фаром, взял бокал, и вечер показался ему раем.

...Через пару часов они с Сантой вышли на небольшую галерею, потолком которой были звезды. Внизу лежал яркий ночной город.

— Не правда ли, вам здесь нравится? — женщина обернулась к нему, глаза ее блеснули от вина и темноты.

Артур молча положил руки на холодные перила. Вздохнул полной грудью. Закрыв глаза.

— Боже, — нежно прошептала Санта, коснувшись его пальцев, — какой же вы мальчик, Артур... Вы же до безумия хотите поцеловать меня... И я, дура, не дам вам пощечины, хотя у вас, конечно, есть любимая — там, где-то далеко; а я пользуюсь безумием этой ночи. Простите!

— Не плачьте, Санта. Это не вы и не я — это просто настроение. Простите тоже. У меня в самом деле есть другая. Она не так ослепительно красива, как вы, Санта, но она любит меня. Ей девятнадцать.

— Мне тридцать восемь, — сказала Санта, — и моя красота скоро станет тускнеть. Я не хочу лезть в ваше сердце. Мы слишком разные. Лучше просто поцелуйте.

Если бы хоть на секунду Третьякович почувствовал, что совершает предательство — он убежал бы прочь. Но предательства не было. Был короткий миг нежности, он ощутил соль ее слез на губах, обнял вздрагивающее стройное тело. Потом отстранился и быстро пошел по галерее, удаляясь. Скрылся. Вернулся минут через пять, держа левую руку правой.

— Я вызвал флиппер. Отвезу вас домой, Санта?

— Да, пожалуйста.

На галерею вышел Яцоки. С наслаждением затянулся сигаретой и выпустил в пространство огромное кольцо.

— Яблони, — сказал он. — Представляете, юноша? Цветущие яблони и минареты кипарисов?!

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда Лариса была еще первокурсницей, Андриан позаботился, чтоб ее аттестовали в одной из космоинспекций. Девушка легко взяла третий класс пилотажа, а на более высокие ступени идти не захотела. Ей хватало. Поэтому Михай не волновался, отпуская ее в пилотское кресло. Тем более, что вести служебный катер Ларисе предстояло лишь до хорошо обжитого пограничного поста Кэй-Флэш. Оттуда «Кондор» вернется на транзит-станцию, а Лариса, сев в рейсовый ЛПК, отправится на Землю.

Суммы, значившейся в кредитке, хватало с избытком.

— Когда тебя ждать? — только и спросил он, и получил вполне разумный ответ.

\*го — древнейшая китайская настольная игра

— Неделя. Не скучай, — Лариса чмокнула отца и подхватила сумку.

Задвинулся герметизатор. Андриан вздохнул, занялся работой.

...Когда «Кондор» немного неуклюже отсчитал первую тысячу километров, девушка расслабилась. Ее обнимал уютный ложемент, подмигивал пульт. Кибермозг катера, запрограммированный Андрианом, держал курс на Кэй-Флэш.

Ларисе искренне жаль было сбивать ни в чем не повинный компьютер с пути истинного. Но решение было глухим и светлым.

Она решительно вырубилась программу. Сигналы перехода на ручное управление загорелись синхронно со звонком таймера. Быстро активировала радиомаяк. «Настройка?» — загорелось табло. Она набрала полузабытый индекс. Дисплей ожил, развернув перед девушкой картину поиска нужного радиосточника. «Объект захвачен». «Идентификация?» — набрала она и затаилась. Правильно ли она вспомнила то, что когда-то сказал отец?

Экран мигнул, оставив общее название запеленгованного радиомаяка: «Транзитная станция «Вектор». Смотритель Мишель Годен».

«Курс на объект», — простучали девичьи пальцы.

«Принято».

И «Кондор» плавно вошел в разворот.

...Кабинет был обставлен со вкусом, какой мог позволить себе смотритель дальней транзит-станции. Хозяин, вероятно, много времени провел в станционной мастерской за изготовлением резных накладок, которыми были украшены тяжелые, тонированного дерева стулья и бюро. Две картины в бронзовых рамах висели иконостасом в углу над стилографом последней модели.

Чересчур чуткая система противопожарной безопасности была давно и надежно отключена во избежание склок с хозяином.

Мишель Годен сидел в одном из своих великолепных кресел и, нарушая все инструкции, курил длинную тонкую сигару с позолоченным мундштуком. Годену было за пятьдесят. Смуглое удлиненное лицо, небесный взгляд и особенная грация движений заставляли верить предположениям о живучести некоторых старых аристократических ветвей. Годен вел свой род от одной из них.

Сигара не успела догореть и до половины, а книга на его коленях не успела перелистать десяток страниц, как покой был потревожен. Дверной предохранитель издал серию нот.

— Да? — Мишель повернул голову.

— Приближается малый служебный катер. Расстояние триста, скорость восемьсот. Какие будут указания?

— Вызови на связь.

Кибермозг умолк, и вскоре высокий ясный голос наполнил комнату.

— Месье Годен! Месье Годен! Может быть, вы вспомните меня, когда увидите. Разрешите стыковку, мне необходимо с вами поговорить. Я одна. Меня зовут Лариса Михай...

Мишель, взволнованный до глубины души, вскочил, отложил книгу.

— Разумеется. Кибермозг, дай стыковку.

Пока действовали магнитные захваты и шлюзовые механизмы, он сунул сигару в поглотитель и попытался оживить стареющую память.

Давно, еще на Земле, Андриан Михай был его учеником и другом. Работа свела их и на Фобосе. Получилось так, что Мишель Годен был тем, кто провожал Андриана с дочерью в изгнание на «Лимб». Ларису он помнил — маленьким златокудрым ребенком, потом серьезной романтической девочкой.

Но на этом воспоминания обрывались, и когда в раскрывшуюся дверь вошла юная сероглазая красавица, Годен пожалел, что рядом не притаился живописец с рукой Рафаэля.

Лариса помнила только слова отца, сказанные как-то лет пять назад: «Если будет нужна помощь, захочешь узнать добро или доверить тайну — нет никого лучше старого Мишеля. Лети к Годену, и он поможет. Люди, подобные ему, исчезают, и, когда исчезнет последний, исчезнет мир». И — индекс «Вектора».

Сейчас она увидела стройного седого мужчину, одетого в строгий черный с алыми манжетами костюм. Взглянув в его глаза, она поняла, что «месье» — явная грубость.

— Монсеньор, — сказала Лариса, остановившись, — простите за неожиданный визит.

— Сперва мы сядем, мадемуазель.

— Вы помните меня?

— Да, но не такой взрослой, Лариса. Я очень рад встрече. Здоров ли Андре?

— С отцом все в порядке. Он часто вспоминает вас.

— Да, мы были очень близкими друзьями. Теперь я приготовлю вам ужин, а позже вы расскажете, что сочтете нужным. Так?

— Спасибо, монсеньор, — девушка зарумянилась; этот Годен когда-то определенно умел вести себя с дамами. — Но время не ждет. Я расскажу сейчас, и дальнейшие мои действия будут зависеть от вашего решения.

— Я весь внимание, дитя мое, — Мишель полуприкрыл глаза, и Лариса начала рассказ.

Когда, закончив, она отдышалась, Годен сцепил худые пальцы.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он, — ваши побуждения и волнение. Но, бога ради, что же вы намерены делать?

— Я хочу просить совета у вас — что же мне делать? Вероятно, удостовериться, что я не потеряю любимого мужчину. Но как?

Лицо Годена тронула улыбка, сделав этот бронзовый слепок человеческим телом.

— Знаете ли, дорогая... Если бы вы были добропорядочной законопослушной овечкой, я посоветовал бы ждать и верить. Космобезопасность — не детский сад, — Лариса уже гневно раскрыла рот, когда он продолжил: — Но, подозреваю, что гены буяна Андре и мадам Хариет не создадут овечку. Мой совет пропадет даром, а вы наделаете массу непредвиденных вещей. Поэтому, послушайте, мадемуазель. В моем распоряжении есть личная космическая пинасса. Там надежный и быстрый двигатель, который доставит вас на Корнлесс за несколько часов. Сколько длится Праздник Встречи?

— Неделю.

— Итак, через семь дней вы должны быть здесь, на «Векторе». Этого времени должно хватить, чтобы навести справки о любых открытых, секретных и полусекретных испытаниях. Лариса, я беру на себя неприятную ответственность, и чтобы не подвести меня, постарайтесь не опоздать. Если вас устраивает такой поворот, я немедленно провожу вас в пинассу и задам курс. Сделать больше, думаю, не в наших силах. Вы согласны?

— Монсеньор... — она склонила голову. — Мой отец не лгал — вы лучший человек в мире.

— Господь с вами, Лариса! — засмеялся Мишель. — Как я мог не помочь? Ну, пойдете. Да, чуть не забыл... Ах, стариковская память!.. — Он порылся в бюро и вынул кредитную карточку. — Вот, возьмите.

— Что вы, я не...

— Возражать глупо. Корнлесс — город богачей, и без средств вы не продержитесь там и дня. Кроме того... — он выпрямился, и небесный его взгляд сверкнул огнем, — не думаете ли вы, что я, Мишель Годен, потомок аристократического рода, могу нанести женщине такое оскорбление, как милостыня?! Это дружеский займ дочери старого товарища.

Лариса взяла кредитку, и на ее глазах блеснули слезы.

— Пойдемте же, следует торопиться.

...Оставшись вновь в одиночестве, Мишель долго следил за инверсионным следом уходящей в пространство пинассы. Неловкими руками он раскурил сигару и глубоко погрузился в воспоминания.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Этим утром Генри Доррейгаузер понял, что копание в электронике стеллатора его катерка ни к

183) чему доброму не приведет. С этим блоком его словно преследовала злая судьба — уже несколько раз он, занимаясь мелким ремонтом, попадал в весьма неприятные ситуации. Правда, последняя из них обеспечила Генри отпуск в Корнлессе. Но какой ценой!

Генри Доррейгаузер имел прекрасную вьющуюся шевелюру, веселый нрав, звание младшего лейтенанта Охраны Колониальных Поселений, двадцать лет от роду, но выглядел года на два моложе. За полгода синектуры в полузаброшенной колонии Хеппораун на Кеоне-5 он занимался в основном подсчетом поголовья мух, севших на ни разу не пригодившееся оружие. Кеон-5 был удивительно тихим уголком Вселенной. Лишь одно место, выход естественной радиации диаметром в сотню километров, был назван Великими Болотами и имел высшую категорию опасности. Однако этот район мелькал под катером совершенно безопасно, промелькнул бы и в этот раз.

Но накануне Генри чинил стеллатор. Видимо, намудрил он со схемой хорошо, так как точно в центре Болот движок взбрыкнул, сбросив Доррейгаузера в объятия мутирующих джунглей. На вырубках, куда он летел, рабочие поймали пустой катер.

Один, без оружия и транспорта, он пробился сквозь Болота. Как — Генри не помнил. Но он был первым и единственным человеком, сделавшим это, и, отвалываясь в медикоцентре, удивленно узнал, что награжден трехнедельным отпуском в Городе Удовольствий.

Такова краткая предыстория. Теперь же, задумчиво сидя на краю посадочной ячейки, он колебался. Вокруг шумел космодром. Надсадно выль ЛПК, пытаясь поднять шесть тысяч пассажиров. Просвистел, как молния, флиппер диспетчера. И это еще тихое место — сектор частных судов. Генри вздохнул. Нет, стеллатор нужно добить раз и навсегда. Починить — так починить.

Он отмахнулся от солнечного зайчика, встал и нырнул в темный двигательный отсек. Зажег свет, откинул кожух блока. Взаялся за фиксатор платы, и ничего, вроде, не произошло. Только отчего-то завибрировали стены... Катер, полностью выключенный, трясся в виттовой пласке!

Доррейгаузер, попутно вспоминая слова AVE, бросился наружу, выпрыгнул, взглянул...

Из зенита, ритмично стреляя импульсами посадочных двигателей, прямо на него опускалась остроносая космическая пинасса. Ударная волна выхлопа раскачивала фермы ячейки.

Генри заорал так, что стало слышно на Кеоне.

— Ты что?! Тут занято, отворачивай!!! Раздавишь к чертям!

Пинасса опускалась. Рядом было не меньше двадцати свободных ячеек, но неизвестный пилот

обладал какой-то одному ему ведомой логикой. Скользя буквально в полуметре от катера Генри, легкая машина не вполне уверенно отвернула и прочно встала на соседние стапели.

Юноша получил возможность дышать и обнаружил, что покрыт ледяным потом. Вот он, стеллатор!

Спотыкаясь на ровном бетоне, Генри подбежал к люку пинассы, сжимая кулаки. Люк открылся.

— Добрый день! Это Корнлесс, не так ли?

Лейтенант вытер пот и сел прямо на бетон. «Стеллатор продам в металлолом», — ясно мелькнуло в мозгу.

— Что-то случилось? — спросила Лариса, подойдя ближе. — Вы выглядите таким усталым... Я могу чем-то помочь?

— Можете, — уверенно сказал Генри. — Если вы, мисс, будете так любезны, что впредь позволите мне заранее отводить свой катер с места вашей посадки...

— Как! — воскликнула девушка. — Но я же видела вас и целилась в ячейку далеко в стороне! Возможно, немного промахнулась... Я не хотела...

— Черт подери, да вы могли просто сжечь меня выхлопом! — он осекся, увидев ее пушистые глаза. Эти глаза начали блестеть.

Генри вскочил.

— Простите меня, мисс. Я не хотел вас обидеть. Вы не виноваты. Все этот чертов стеллатор...

Лариса улыбнулась. Генри, увидев это, тоже повеселел.

— Будем знакомы — Генри Доррейгаузер, младший лейтенант ОКП.

— Лариса. А что такое ОКП?

— Охрана Колоний. Шарашка, вроде Космобезопасности. Знаете, Лариса, а вы очень красивы. Вам это говорили?

Девушка не расслышала ни вопроса, ни комплимента. Ее взволновало другое.

— Вроде КБ? Господи, Генри, вас мне сама судьба послала! Мне нужно навести кое-какие справки, вы можете мне помочь? Я буду вечной должницей!

— Какой еще долг? Только ради дружбы. Может, кстати, перейдем на «ты»?

— Конечно. Вы... ты живешь здесь, Генри?

— Нет, заработал три недели отпуска. А ты надолго?

— Как узнаю, что нужно. Сначала бы где-то остановиться.

— Могу посоветовать пару недорогих отелей. И... Но давайте закроем машины. В здании порта есть уютное кафе — там можно обо всем переговорить.

В кафе Генри заказал пару пирожных и тоник.

— Ты не проголодалась? Может, устроить более серьезный завтрак?

— Нет, позже. Ты говоришь, что можешь помочь...

— Смотря в чем. Я постараюсь. Какого рода сложности?

— Надо разыскать одного человека. Сейчас он работает на КБ.

— Оригинально, — покачал головой Генри.

— Это необходимо. Необходимо мне. Ты что-нибудь посоветуешь?

— Что ж... Я тут с недельку, успел познакомиться с одним из параллельного ведомства. Что-нибудь да разузнаю. Заняться этим сегодня?

— Пожалуйста, если тебя это не сильно тяготит. Я была бы очень благодарна за любую информацию.

— Хорошо. Кто он?

— Артур Васильевич Третьякович. Двадцать один год, по-моему. Высокий такой, волосы черные. Левая рука — биопротез в черной перчатке до локтя. Учится в Третьем Институте Космонавтики.

Генри больше бы устроило, если бы неизвестный (неизвестный, так как Доррейгаузер редко смотрел информ) Артур оказался пожилым лысым толстяком, лучше женатым. Лейтенант мысленно проклял все стеллаторы на свете, но отступить было поздно.

Генри пожал плечами.

— Ясно. Сегодня же звякну Карелу. Теперь, Лариса, мы тебя где-нибудь поселим. Попробуем наведаться в «Эксель». Едем?

— Как скажешь, — устало засмеялась она. — Я уже почти сплю, полет утомял. Спасибо тебе. Поехали.

Они допили тоник и вышли на площадку такси.

— Общественного транспорта здесь нет, как и общества. Все ужасные мажоры и ездят в такси. Я поведу сам, если не возражаешь.

Флиппер взмыл над кронами. День был чудесен. Блики света, разбиваясь о лобовое стекло, заставляли Ларису жмуриться. Но при закрытых глазах ее неудержимо потянуло в сон.

Доррейгаузер вздрогнул, когда золотистая головка ткнулась ему в плечо. Он обернулся и затаил дыхание — вся в сладкой дреме, девушка казалась еще красивей. С большим трудом он вернулся к управлению.

Когда на твоём плече спит лучшая девушка из всех виденных, трудно ругать повинные в этом стеллаторы...

Когда Генри вернулся в свой номер, он решил не откладывать дела даже на минуту. Запрос по терминалу гостиничного информа занял не более пяти секунд.

— Отдел 500/05? Мне нужен старший консультант Заславски. Благодарю.



Перед Доррейгаузером высветилось худое мужественное лицо. Оно, правда, сразу заулыбалось.

— А-а, привет, Генри.

— Салют, Карел. Как работенка?

— Тащится помаленьку.

— Что ж так? Впрочем, я по делу.

— Догадываюсь, — сказал Карел и посмотрел на часы. — Только давай не больше получасика. Оно хоть и помаленьку, да...

— Я не оторву. Нужно кое-что узнать. Ты не в состоянии разведать... — тут Генри подумал, что начать лучше с деталей, — что таится под операцией «Братья в рассвете»? Должно быть какими-то не особо важными испытаниями. Не спрашивай пока, зачем, это чисто личное. По дружбе, а?

— «Братья в рассвете»? Ладно, — кивнул Карел, — попробую. Многого не обещаю, но я запрошу главный комп. Если там не строгий допуск, конечно. Я позвоню сам. Ты подожди.

— О'кей.

Карел отключился, и Генри отправился заказывать кофе. Из головы не шли мысли о Ларисе. Эк его угораздило...

Однако, как именно его угораздило, он понял, когда Карел Заславски позвонил. Карел позвонил, и в этот раз уже не улыбался. Он настолько не улыбался, что Генри стало прохладно.

— Слушай-ка, — тихо, но четко произнес Заславски, — хорошую же ты мне службу сослужил. Эти твои не особо важные испытания едва не стоили мне дисквалификации или ареста.

Доррейгаузер распахнул глаза.

— В чем дело?

— Там допуск «ультра-микс». Знаком термин?

— Суперсекретный допуск?! Но какого...

— Только я запросил поиск, сработали системы сигнализации о несанкционированном входе в сектор, и меня чуть было не накрыл файловый контроль. Я успел отключиться.

— Ты ничего не узнал?

— Смейшься? Как? Впрочем, — на лице Карела мелькнула тень самодовольства, — тут меня зацепил спортивный интерес вперемешку с чувством мести. Я проверил кое-какие цепи и получил вот что: операция как-то связана с космическим бандитизмом. По цифрам кодировки можно понять, что это предельно опасно. И еще я засек какие-то координаты. Это было трудно, но, как ты знаешь, я программист хорошего класса...

— Ну, дальше, — Генри бесцеремонно оборвал мирное хвастовство — заслуженное, впрочем, — координаты чего?

— Места. Координаты по пространственным векторам. 29-02-310.

Лейтенант бросился к полке, где стоял звездный атлас.

— Не трудись, я проверил. Эпсилон Ориона-1. Теперь я задам пару вопросов, идет? Какого черта тебе это сдалось — лезть в петлю?

— Нужно было найти человека, связанного с «Братьями в рассвете». Некий Артур Васильевич Третьякович.

— Третьякович? — изумился Карел. — Но при чем здесь вся эта лабуда? Артур мирно проводит здесь свой отпуск, как и полагается герою дня. Что его искать? Загляни в информ.

Пришла пора изумляться Доррейгаузеру.

— По информу?! Герой дня?! А почему я ничего не слышал?

— Видимо, не слушал. Все Содружество об этом только и говорит. Но ты усвой главное. Брось дела с «Братьями». Это опаснее, чем можно представить. Советую. Здесь замешаны мощные силы. В общем, я предупредил. Ну, салют, мне вкалывать надо. Вопросов нет?

Генри потерянно махнул рукой. Потом откинулся в кресле и переключил информ на обзор последних новостей.

За час он узнал много нового и интересного.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лариса спала, когда раздался осторожный звонок. Звонок повторился, и девушка подняла тяжелые спросонок веки.

— Кто это?

— Генри Доррейгаузер, — ответил дверной селектор.

— Минутку, я встану. Ага, входи.

Юноша вошел, и вид у него был заметно обиженный.

— Ты что-то разузнал?

— Еще бы! — Генри плюхнулся в кресло. — Ты не могла раньше сказать, что этот Артур — мировая знаменитость?

— Разве? Возможно. Но я все равно не знаю, где его можно найти.

— Нужно просто связаться со справочным и спросить, где. Весь Корнлесс знает, что Третьякович проводит здесь заслуженный отпуск.

Несколько секунд Лариса стояла, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты это серьезно? — она, наконец, совладала с собой. — А КБ, операция?..

— К операции Артур не имеет, вероятно, особого отношения. Но послушай кое-что об этих «Братьях».

Генри красочно описал опыт Карела. Лариса беспомощно опустила руки.

— Но он не мог меня обмануть! Господи, Артур... Если это так опасно...

Бедного Доррейгаузера, кажется, можно было класть в гроб. Лейтенант помрачнел, ероша вьющиеся волосы. Это «Артур» резало его по

живому, но Генри пытался сохранить остатки иллюзий.

— И все же, запроси справочное.

Когда четкая строка адреса загорелась перед ними, Генри пожал плечами.

— Ну вот, Лариса, твою просьбу я выполнил. Тебя это не устроило? Отель «Терновник», коттедж «L». Все ясно. Прости, если ты ждала не того. Я старался... Правда...

Девушка положила руку ему на плечо.

— Не огорчайся, Генри. Все верно. Ты просто молодец. Спасибо, огромное спасибо, просто я, действительно, не думала, что все так легко и ясно.

— Возможно, еще не все, — заметил Генри. — Ты полетишь туда?

— Немедленно.

Она подошла к зеркалу и придирчиво оглядела себя.

В этот миг во вполне цивилизованном младшем лейтенанте ОКП проснулось то, что можно назвать атавизмом. Подобно тому, как женщина при опасности тянется к мужчине, мужчина, чуя опасность, пытается защитить женщину. Неизвестно, насколько Генри Доррейгаузер был настоящим мужчиной, возможно, он и сам не почувствовал зазвеневших в нем древних, тонко настроенных струн, но он поднял взгляд.

— Это может быть опасно. Я полечу с тобой.

— Нет, Генри, это чисто мое, личное дело.

— Я сказал, — повторил лейтенант, — что это может быть опасным. Я провожу. Подожду возле дома, если хочешь. Я сам из ведомства и знаю их шутки. КБ — черные шутники.

Лариса не поняла, откуда у этого мальчика взялся такой решительный голос. Но под напором этого голоса ее уверенность в благополучной концовке ослабела.

— Ну хорошо, — сказала она наконец, — мы летим вместе. Но как только убеждаемся, что по этому адресу в самом деле находится Третьякович, ты оставишь меня. Поверь, я не зря летела сюда с окраины пространства.

— В таком случае, я просто хочу посмотреть на героя Аркура. Я расспрошу его про жестокий бой с ужасными информантами, а когда он вспылит, тихо уйду. Согласна?

— Вот и хорошо. Я готова лететь, Генри.

По дороге к флипперу он сунул руку в карман. Табельный «стандарт» был на месте, и это хоть немного, а успокаивало. Хорошей же тревоги нагнал на него Карел! Одновременно Доррейгаузер поражался, сколько всего может обрушиться на одного человека. Сперва Великие Болота, потом Корнлесс. И вот теперь он рядом с девушкой, с которой познакомился утром, но в которую

уже по уши влюблен, идет невеста куда, подвергаясь опасности со стороны Космической Безопасности. Нет, это уже не стеллаторы. Это хуже.

Что может быть хуже стеллаторов, он придумывать не стал. Они сели в машину и дали курс в девятнадцатый сектор.

Коттедж под буквой «L» пришлось искать. По привычке Генри взял флиппер без водителя и теперь растерянно оглядывал буйство зелени внизу. Заметив среди деревьев фигурку, он спустился до двух метров.

— Простите, мне кажется, мы довольно точно нашли район коттеджа «L», но района нам мало. Вы не подскажете, как туда добраться?

— Следуйте за мной на расстоянии метра, и через пять минут мы доберемся туда втроем! — был ответ, который показался Генри немного нетипичным.

Лейтенант посадил машину, и они с Ларисой вышли на густую траву.

— Я что-то не так сказала? — удивилась Санта Рэй. — Вам ведь нужен Артур Третьякович? Мне тоже. Не волнуйтесь, у меня к нему короткий разговор интимного свойства, и я не сильно отвлеку его от дачи автографов.

Лариса не сдержала удивленного вздоха, и две женщины встретились взглядами.

Явное, неодолимое желание убежать. Убежать отсюда как можно дальше — вот что охватило Ларису, когда она глядела на уверенную, безукоризненно красивую Санту, пытаясь одновременно осмыслить ее слова. Смутные страхи и предположения сдавили ее, как тисками. Артур обманул ее? Он проводит отпуск в Городе Удовольствий с...

— Санта, — представилась незнакомка, словно услышав ее мысли. — Пойдемте же.

— Генри, — запоздало сказал лейтенант и посмотрел на Ларису: — Идем, Лариса?

Они пошли по тропинке гуськом. За следующим поворотом открылся вид на уютное одноэтажное строение.

На веранде его, за накрытым к чаю столиком, сидел молодой парень с волосами цвета воронова крыла и такой же перчаткой на левой руке.

Санта поднялась на веранду и подошла к столу. Лариса, как вкопанная, застыла на ступеньках, и синхронно с ней остановился давно уже не знающий, как себя вести, Генри.

— Артур, здравствуйте. Я пришла извиниться за вчерашний вечер.

Артур поднял на женщину ласковый взгляд. Скользнул глазами по остальным.

— Ну что вы, Санта, все хорошо. Было так мило, эта ночь, рассказы Яцоки... Я друг вам.

— За другое. Это, наверное, было вынужденное — ваш поцелуй. Я думала все утро... Друг...

Вот здесь Лариса не выдержала. И хотелось бы знать, кто выдержал бы. Девушка как-то одним движением оказалась на веранде.

— Артур! — и, когда он повернулся, изо всех сил залепила классическую затрещину.

Голова парня слегка мотнулась от удара. Лариса закрылась ладонями. Но конец света еще не наступил.

— Bravo, девушка! — сказала Санта Рэй, хлопнув в ладоши. — Теперь мой удар, но, правда, более вербальный. Милейший, вы не Артур Третьякович.

— Формулировка верна, — объявил внезапно звучный голос над их головами. — Я — не Артур Третьякович. Какие будут указания?

Это было настолько неожиданно, что все трое, опешив, обернулись.

Раздался треск опрокидывающегося стула, и лже-Артур, мастерски перемахнув баллюстраду, бросился к кустам.

Реакция мисс Рэй была еле уловимой. Ее пальцы накрыли одно из серебряных блюдец и без размаха послали вперед. Это было оружие не такое острое, как сюрикены ниндзя, но более массивное. Глухой стук и шум подминаемой травы возвестили, что беглец надежно оглушен.

— Ну, знаете, Санта!.. — проговорил Доррейгаузер, глядя на дело ее рук. — С вами опасно враждовать.

— Как видите, со мной опасно даже дружить. Пойдемте, взглянем.

Они ахнули, подойдя.

Удар блюда в основание черепа расстроил работу микродозаторов в нервных узлах. Мышцы приняли свой обычный вид, и на глазах пораженных Санты, Ларисы и Генри четкие черты лица Артура исказились в совершенно другое, хотя тоже приятное лицо. Впрочем, истина была в обратном. Лицо, искаженное в черты Артура, стало таким, каким и было до нейрогрима, с полными щеками, одна из которых была заметно румяней.

Лариса зажала рот ладонью. Генри оглядывался, невольно выхватив пистолет. Санта присела рядом с человеком, щупая пульс.

— Сейчас очнется. Спасибо вам, девушка, за услугу. Я поняла, что это дубль, когда он пропустил ваш удар. Настоящий Артур уклонился бы легко.

— Вы знаете и настоящего Артура?

— А я узнала вас по его словам. Он любит вас, милая. Не давайте погубить себя ревности, ладно? Я — не соперница. Всего лишь Санта Рэй.

— В данный момент, — раздраженно бросил лейтенант, — лучше подумаем о ситуации! — Пистолет у него в руках крупно дрожал, но не от страха.

Человек на траве открыл глаза.

— О, Езус-Мари, — простонал он, даже не пытаясь сесть. — В каком мире мы живем? Сначала ты, видите ли, нужен Космобезопасности. Потом, видите ли, честного артиста заставляют запоминать массу несуществующих знакомых и играть эту дрянную роль. Естественно, ничего у них не спроси. И в конце концов одна прекрасная девушка закатывает тебе плюху, а другая устраивает, видите ли, аттракцион «догони тебя кирпич»!

— Блюдце, — заметила Санта. — Так ты, в самом деле, не при чем?

Парень, наконец, сел и посмотрел на всех уже довольно ясно.

— Ну хорошо, дойдите до информа и сделайте запрос на имя Иосифа Лери, артиста труппы Северо-Восточного Анимистического театра. Мне это КБ уже вот где! Да и грим не восстановить. Тьфу! Он встал и, шатаясь, побрел к коттеджу.

— Он не врет, кажется, — Санта задумалась.

— В любом случае, отсюда надо исчезнуть. В любой момент...

— Но что же с настоящим Артуром? Я найду его! Помогу, если что-то опасное. Мне надоела тревога, — девушка схватила Генри за руку: — Ты говорил... Повтори координаты! Я лечу туда.

Юноша мягко отвел ее пальцы. Струны продолжали звенеть, и оружие в руке Генри уже не дрожало.

— Итак, Лариса, постарайся осознать ситуацию. Мы нарушили что-то в сверхсекретной операции. Реакция КБ, по-твоему?

— По-моему, их реакцией будет сестра и заплакать, — вмешалась Санта.

— Насчет этого не знаю. Но искать виновников они начнут точно. Единственно разумный выход — скрыться с Корнлесса, и побыстрее.

— Куда?! — чуть не плача крикнула Лариса. — А Артур?!

— Как куда? — удивился Доррейгаузер. — У нас ведь есть точные координаты укрытия — эpsilon Ориона-1, — и, с трудом удерживаясь от улыбки при взгляде на повеселевшее лицо девушки, добавил: — Вы, кажется, остаетесь, Санта?

— Именно, — кивнула женщина, — на это две причины. Во-первых, я не хочу огорчать этого ребенка, а во-вторых, я не боюсь Космической Безопасности. Всего наилучшего, привет Артуру. Надеюсь, напугавший нас бытавтомат «Милейший» приготовит еще стакан чая...

Она скрылась в домике. Лейтенант нехотя сунул «стандарт» в карман и потянул Ларису к флипперу.

Когда они взлетели, девушка от избытка эмоций повернулась к Генри.

— Как я тебе благодарна! — ее губы на миг прильнули к щеке лейтенанта, и флиппер едва не пошел синусоидами.

Примерно в это же время майор Космической Безопасности Жан Дюбуа взглянул на часы и пол-ожил руку на сенсорную панель.

Экран остался безмолвным.

— Эй, что там за неполадки?

— Неполадок нет, — ответил селектор голосом дежурного связи, — абонент не выходит на сеанс.

— Постарайтесь проверить состояние коттеджа дистанционно, — Жан начал хмурить брови.

— Есть слабый контакт с видеодатчиками бытавтомата. Даю картинку.

Едва взглянув на изображение, майор вскочил.

— Тревога категории «бета», — загремел по этажам его голос. — Группа обеспечения — ко мне.

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Кондор» вернулся в назначенное время. Андриан, замотанный событиями, сперва даже не сразу узнал собственный катер. За последний день он обслужил с десяток кораблей, летящих к Артуру, и устал неимоверно. Бросив взгляд на машину, он отметил, что Лариса, вероятно, уже на Земле. Что ж! Он поставил «Кондор» в шлюз и вернулся в координаторскую.

Вновь пришел запрос на стыковку. Андриан обреченно посмотрел на регистраторы — невдалеке вынырнуло что-то вроде транспорта.

— Хэлло, — пробился сквозь помехи голос с корабля, — мы не промахнулись? Вызываем станцию «Лимб», здесь контейнеровоз с грузом для альфы Волопаса. Разрешите пополнить энергозапас.

— Здесь «Лимб», на связи смотритель Михай. Контейнеровоз?

— Да, «Черный Лебедь», индекс X-16. Капитан Петр Шапиро. Вы всегда так дотошны, Михай?

— Черт, я же на службе, как-никак.

— Вам не удастся убедить меня, что на «Лимбе» занимаются культурным отдыхом. Или?..

— А вот за это я сдеру с вас еще название груза и количество нужной энергии.

— Завсегда! — Шапиро сказал это так, что у Андриана стало тепло на душе. — Нам надо что-то около ста тридцати единиц, а везем мы стройматериалы, и пайку для колонистов, и профессора вам лично.

— Э... профессора? Мне?

— Ну разумеется, как же вам без профессора? А может, мы пристыкуемся пока, а?

Руки Андриана автоматически совершили требуемые манипуляции, а голова находилась в недоумении. Профессора ему лично! А, простите, зачем?

Когда отворился люк, он стоял в проходе.

Шапиро сверкнул широченной улыбкой, крепко пожал руку и отчитался о прибытии довольно близко к установленной формулировке:

— Контейнеровоз «Черный Лебедь» стыковку состряпал. Добрый — день или вечер у вас? — Михай!

— Принял, — буркнул Андриан. — Странные у вас шутки, капитан.

— Это про профессора? Почему шутки — вон он идет.

Через переходник шагал небольшого роста, очень пожилой, но крепко сбитый старик. Лицо его было серьезно.

— Андриан Михай? — спросил «профессор».

— Чем могу служить? — пилот пытался вспомнить, где он мог видеть этого старика. Явно видел пару раз. Но где?

— Я к вам с Земли, простите, что не предупредил. Луис Неро, профессор медицины.

— О, — Михай моментально вспомнил, — вы ведь член всемирного консилиума? Очень рад. Вас часто показывают по...

— Да. Но это не важно. Я к вам по чисто личному. Очень спешил.

— Ну, вы давайте, — сказал Шапиро, — а я пойду. Профессор, на обратном пути я вас возьму, так?

— Да-да, Петр, непременно. Большое вам спасибо.

Капитан ушел. Михай предложил Луису подождать в кают-компании, а сам отправился в координаторскую, заряжать аккумуляторы корабля.

Когда «Черный Лебедь» ушел, Андриан вернулся к разговору.

— Чем вас угостить, профессор? Сэндвичи, ужин?

Луис отмахнулся.

— Все после. Если можно, только рюмку чего-нибудь послабей.

— Разумеется. — Пока Андриан стряпал аперитив, Неро начал говорить — тяжело, медленно, устало.

— ...Я думаю, мы сделали ошибку. Мы все — Майдановский, Норкин, я. Это касается Артура. Даже не знаю, почему этот мальчишка постоянно заваривает вокруг такую кашу. Но... Думаю, он просто покоряет всех встречных, и они идут за ним.

— Вы, видимо, его хорошо знаете?

— Лет с пятнадцати. Познакомились случайно, в парке. Было дело... Но сначала скажите — он улетел?

— Да, — Михай бросил взгляд на стенное табло, — два дня назад.

— Вот оно что... Уже. Ах, садовые головы!

— Что-то случилось? Это связано...

— Да, с «Братьями в рассвете». Это название...

— В курсе. Я перехватил передачу. За это могут выгнать из Пространства, но я тоже волновался за парня. Знаете, Волопас — он сближается. Формула горизонта, будь она неладна.

— В таком случае, вы все знаете?

— Что?! — не выдержал Андриан. — Вы мастер нагнетать обстановку, проф! Простите. Так что я должен знать? Из передачи было слышно только название операции и пункт прибытия — Корнлесс. Все. Ответьте — есть опасность? Для Третьяковича?

Луис Неро отодвинул рюмку и пожевал губами. Взглянул на Андриана.

— Есть ли опасность, зависит от того, что сейчас творится у него в душе и в мозгах. Телу и нервам Ферзя операция «Братья в рассвете» вполне по зубам. Для справки — его пошлют внедриться в группу космоотеррористов. На Арктуре, думаю, было сложнее. Мы — я, Герман и Михаэл — решили, что это заставит его отказаться от мысли бросить космос.

— Бросить космос?! — Андриан замер, и лицо его стало крайне удивленным. — Профессор, это что-то новенькое. Первый раз слышу.

— Тем не менее, Артур заявил это Майдановскому на следующий день после прибытия на «Лимб». И мы начали думать.

— Ах черт... — Михай потер шрам. — Это из-за Кима... И Лариса, видать, все знала, а молчала. Ой, детки...

— Из-за... простите? Ким Лессо Лорме Онн? Они подружились, и Артур печалится о его смерти?

Михай сжал зубы и сухо пересказал Луису подробности гибели Лессо.

Неро сжал виски ладонями.

— Тогда я понимаю его слова. Вот как, стало быть. Кстати — Лариса?

— Моя дочь. Студентка-заочница.

— Она здесь? Разрешите с ней побеседовать — возможно, она знает душевное состояние Артура лучше.

— Думаю, да, — зло сказал Михай. — Намного лучше! По-моему, они влюбились друг в друга с первого взгляда, если так бывает. Она на Земле, но если надо — сейчас я свяжусь.

— Пожалуйста, Андриан. Судя по мощности картарсиса и опасности задания, Третьяковичу грозит или срыв, или... Нужно все узнать подробно. Может, успеем.

Андриан врубил панель субпространственной связи. Дал гравилучу настройку на Землю и набрал код.

189) — Алло, — сказал он, когда экран осветился улыбкой администратора, — простите, это Берлинский Галактический?

— Именно, — кивнула женщина. — Я слушаю.

— На связи Андриан Михай, транзит-станция «Лимб». К вам на праздник Михай, транзит-станция моя дочурка, Лариса Михай. Как с ней поговорить?

— Сейчас я запрошу, дам вам номер общежития или гостиницы. Пять минут... — администраторша отвернулась к терминалу.

Через пару минут она вновь посмотрела на Андриана, но несколько растерянно.

— Э... а как давно она прилетела? Видите ли, ее нет в списках...

Неро, наверное, минут двадцать сидел в ожидании. Старик не подозревал, что за это время Михай успел обзвонить несколько земных портов, Кэй-Флэш, вытрясти из диспетчеров списки пассажиров последних ЛПК и, наконец, просмотреть курсоотметчик «Кондора». Файл курсоотметчика дал Андриану бесхитростную и убийственную информацию: «Лимб» — «Вектор» — «Лимб». Оригинально, но вполне логично.

Луис Неро вскинул глаза. Вошел Андриан, словно придавленный к земле чем-то невероятно тяжелым.

— Ах, Мишель, Мишель, злую шутку ты со мной сыграл... — проговорил он.

— Что-то плохое? — забеспокоился профессор.

— Лариса исчезла.

— Исчезла?!

— Господи, да как вы не понимаете! Это же она по моей просьбе перехватывала передачу! И вместо Земли отправилась на Корнлесс, искать этого безумца. А мой дружок Годен с «Вектора» по простоте душевной помог ей. Видно, поверил обещаниям не соваться далеко. Какие обещания у влюбленной девчонки?! Аристократ...

Луис Неро хлопнул ладонью по столику, отчего опрокинулась рюмка.

— Дьявол! Это мы виноваты — мы послали Артура, из-за него и вся каша.

— Бросьте, профессор, — Андриан, говоря это, лихорадочно отстукивал на пульте станции слова команды, — меня мало интересует, кто и как. В опасности моя дочь, и пора, кажется, действовать. Я плевал бы на всех космонов вместе взятых, но... Вот что, проф, вы сможете управиться со стыковочным узлом?

— Я... не думаю... — опешил Неро.

— Ладно, ставлю на автоматику. Вам придется подождать здесь какого-нибудь корабля и попросить, чтобы их механик временно меня заменил. Справитесь?

— Разумеется. А вы?

Михай посмотрел на врача странно — надо же, он не понимал простых истин.

— Корнлесс, конечно. Найду обоих и отдеру за уши. Потом все трое вернемся. Уж пусть КБ поищет других «испытателей». Ну, ждите, Неро. До скорого!

Андриан исчез в шлюзе так быстро, что старик не успел ответить. Он еще вставал, когда станцию пронзило ревом безжалостно форсируемых, неразогретых двигателей «Кондора». Толчок — и Луис Неро остался на «Лимбе» в одиночестве.

Впрочем...

Майор Жан Дюбуа был прав, говоря об отживающей свой век преступности. Алчность и жестокость постепенно гасли, оставляя людям возможность дышать. Поникла и отступила тяга к богатству — в известной части Пространства можно найти миллионы тонн золота и платины, отчего драгоценные металлы обесценились, как и алмазы. Алмазов в Пространстве еще больше. Материальные ценности стали намного доступней, и к описываемому времени кредитные карточки обеспечивались в основном энергией. Захирела преступность, базирующаяся на наркотиках и искусстве — Человек понимал медленно, что культура и здоровье не являются товаром. Но одна из целей, ради которых закон мог быть погран, была, есть и будет во веки веков.

Власть.

Ради нее строился любой террор. Ради нее группа «Огненные братья» взялась за оружие.

Жан Дюбуа был прав и в том, что, умирая, преступность стремится показать зубы. К сожалению, кроме Космической Безопасности мало кто понимал это.

Майдановский был расслаблен своим веком, и, нарушая параграф о секретности, не сознавал ошибки. А теперь уже никто не узнает, где именно произошел перехват — при беседе ли в домике Норкина, или, может, во время разговора с Артуром...

Луис Неро искренне считал себя единственным человеком на борту транзит-станции. Мужчина, появившийся из вакуум-створа, разочаровал его.

Профессор поднял брови в изумлении.

— Здравствуйте. Но я думал, кроме зрителя здесь никого не было!

Гость откинул тонированный шлем и уселся в одно из кресел, закинув ногу на ногу.

— Привет, — сообщил он. — Слушай, просто удовольствие было следить за тобой в порту и на «Лебеде». Ты наблюдателен, как крот!

— Молодой человек! — загремел Луис. — Что вы несете?

Он попытался встать, но гость только заулыбался.

190) — Сейчас, папаша, ты мне выложишь все об этой пресловутой операции. Жутко интересно, чем на этот раз нас хотят побаловать Кэбы!

— Что?.. Вы... — Луис не договорил, рядом с ним вспикела стенная панель под разрядом плазмы. Старик вскрикнул — выстрел опалил ему брови.

Бандит, не опуская оружия, дотянулся до буфета, вынул оттуда бутылку.

— Валяй, я слушаю, — подбодрил он врача.

Профессор сжал губы, и лицо его стало напоминать железную маску. Что ж...

— Хорошо, — сказал он наконец, — слушай...

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Выйдя из подпространства в фотоорбите Корнлесса, Андриан бросил «Кондор» в форсаж. Скорее всего, в такой близи от города это было запрещено, но Михай волновала лишь скорость.

Это было что-то из «парадоксов Штернфельда» — нежно манипулируя эффекторами пульта-кресла, он провел катер сквозь полотнища предупреждающих и рекламных голограмм, перечеркнул верхние границы порта и чуть не на 1-й космической пошел над СПП. СПП — стартпосадочная площадка — гудела оживленно, и Андриан с большим трудом отыскал свободную ячейку. Он увидел ее слишком близко, и слишком высока была скорость для торможения. Под напряженными взглядами сотен наблюдателей, Михай принял, пожалуй, единственное решение, не грозящее катастрофой или, что было хуже, потерей времени на повторный заход.

Многотонный «Кондор» выдал оглушительный корректировочный залп килевыми дюзами, словно кит, перевернулся на спину, описав миниатюрную петлю, встал на опорную струю и аккуратно «втерся» в стапели ячейки. Позже этот прием получит название «Мих-маневр» и войдет в основы десантного пилотажа. Пока же Андриан выскочил на горячий бетон и, растолкав толпу, постарался скрыться от вопросов, ругательств и поздравлений.

Наблюдатель-диспетчер сектора частных судов обмяк в кресле и протянул дрожащую руку за стаканом воды. Он впервые видел, как космический корабль делает двойную мертвую петлю в пятидесяти метрах от земли...

Михай зашел в первую же уличную кабинку ин-форма. Холодные строчки сообщили ему, что Лариса Андриановна Михай в списках отелей не зарегистрирована.

«Артур Васильевич Третьякович».

«Сектор 19, отель «Терновник», коттедж «L».

«Филиал Министерства Космической Безопасности», — набрал Михай для порядка.

«Сектор 6, дендром «Кедр», уровень 73».

Давно не бывавший в крупных городах, Андриан с трудом вспомнил, что дендром — это огромное, в сотни этажей бионическое здание, построенное по схеме дерева.

Пилот записал адреса и быстро зашагал к флипперам. План был прост: сперва встряхнуть за шиворот всполошившего полгалактики мальчишку, а если Артур ничего о «спасательной экспедиции» Ларисы не знает... Что ж, для храбрых работников Космобеза у Андриана были отложены чрезвычайно ласковые фразы.

Андриан пошел искать транспорт. К несчастью, он выбежал из порта через один из запасных входов, вдалеке от трасс и стоянок.

Его окружали экзотические деревья самых бешеных расцветок и форм — от гигантских оранжево-красных зонтичных до толстых, похожих на мохнатые бочки здешних грибов. Михай подумал, что забрел в дикий парк, и беспокойно зашагал сквозь заросли по еле видной тропке. Время было дорого. Между тем медленно темнело — гуще становились тени, неуютнее крики птиц, и, поляризованный защитным городским куполом, голубой шар альфы Щита спускался к частоколу домов вдали.

Михай прошагал с километр, вышел на полянку, с которой начинался переулочек, и заоглядывался — нужно было спросить у кого-нибудь дорогу. Едва уловимый треск за спиной мог быть следствием упавшей ветки, но Андриан на

всякий случай взглянул. И успел увидеть метнувшуюся в чашу тень!

— Эй, простите, не подскажете...

Но все было тихо. Лишь сумрак и легкое качание веток. Михай пожал плечами, выругался и пошел к перекрестку.

Улицы были пусты — лишь несколько машин шуршали впереди, и ни одна не остановилась на его знак. Маленький домик на углу не ответил на стук. Обстановка становилась напряженной. До того, как окончательно стемнеет, ему надо выбраться из этих кварталов. Андриан вновь постучал в дверь домика. И, сквозь стук, услышал скрип шагов по упругому пластику тротуара. Это было за углом, и это было странно, так как шаги стихли, когда он опустил руку. Ага...

Но за углом никого не было. Михай задышал глубже и перебрал все перлы изящной словесности. Над ним, никак, шутить изволят? Оригинальные порядочки у жителей Корнлесса, нечего сказать. Ну, сейчас мы их... Он громко и натурально закашлял, усиленно вслушиваясь — и шаги прозвучали вновь, за другим углом. Но пилот уже знал, что делал. Он легко подпрыгнул, перебросил тело на покатую крышу, прокрутился по коньку и, охнув, — давно не разминался так — приземлился у другой стены.

В следующее мгновение он понял, что неведомый шутник острит довольно-таки плоско. Среднего роста, плотный, в строгого покроя костюме мужчина рывком обернулся, пригнулся, и Михай почувствовал на своей переносице пятнышко лазерного прицела.

В памяти ясно, как на экране, встали слова



Луиса о сути дела. Космотерроризм. Ч-черт, как в кино!..

— Мне надо с вами поговорить, — сказал бандит. — Я...

Андриан не стал ждать, пока прицельный луч сменится боевым. Заключение о том, что рефлекс-пилотов экстра-класса тоже чего-нибудь да стоят, оказалось верным. К тому же сознание своей правоты и благородная ярость добавили свое — первый удар унес пистолет из поля зрения, второй погрузил мужчину в блаженный сон мордой в зеленую опушку поребрика.

— Поговорили, — проронил Андриан угрюмо. Потом поискал взглядом оружие, поднял, сунул за отворот куртки и зашагал в полумрак улицы.

На душе было откровенно неважно. Если дела принимают такие обороты — боже упаси Ларису лезть куда бы то ни было. Найти ее, найти как можно быстрее!..

Огни легкого флиппера вынырнули из-за деревьев, и Михай вжался в кусты.

Машина зависла, и луч из нее пробежал по улице. Он не зажег пластик и не пробивал дыр — когда он коснулся Андриана, пилот поздно понял, что это такое. Потом выронил пистолет и упал на траву.

...Когда он очнулся, казалось, все это было десять лет назад. Мышцы после релаксанта слушались плохо, и Андриан, садясь, долго искал подлокотник.

Человек, устало севший в кресло напротив, покачал головой.

— ...Господи, сколько трудностей в работе. Ну, здравствуйте. Вы в здании филиала Космической Безопасности, отдел по борьбе с терроризмом. Майор Дюбуа. Эти документы принадлежат вам?

Андриан взгляделся и увидал на коленях майора свое удостоверение и пилотские права.

— Мне. Теперь, пожалуйста, предъявите ваши.

— Пожалуйста.

В самом деле, Жан Дюбуа, майор КБ.

— Ну?

— Это я вас спрошу, Андриан — ну? Простите меня, но — какого дьявола? Забудем вашу феерическую посадку в порту, это, в конце концов, не так важно, хотя и незаконно, — но меня очень интересует, зачем зрителю транзит-станции бросать работу, на всех форсажах идти к Щиту и здесь искать агента, состоящего на временной службе в КБ? Какой-нибудь зеленый офицер на моем месте легко предположил бы ваши связи с преступностью.

— Вы следили за мной с «Лимба»? — удивился Михай.

— Вовсе нет. Мы КБ, а не КГБ, что когда-то в России ставило под контроль всех жителей. Про-

сто с некоторых пор мы прослеживаем все относящееся к Артуру Третьяковичу. Вы запросили его адрес, а вычислить, кто и откуда — простите, дело техники. Но я жду ответа.

— Тем не менее, будут вопросы, — ухмыльнулся Михай. — Я свободный гражданин Содружества и имею право знать кое-что. Тут и Артур, и «Братья в рассвете»...

Дюбуа схватился за голову.

— По-моему, уже все Содружество располагает сведениями о сверхсекретной операции! Вот что значит довериться штатским! Михай, вам мало показалось Артура, или риск — благородное дело? Вы-то как влипли во все это?

— Мне сугубо фиолетово все, что вы творите, и все братья с сестрами вместе взятые, — жестко сказал Михай. — Но ко мне позавчера прилетел профессор Луис Неро и рассказал...

— Так, — голос майора был тяжел и тих, — к сведению беззаботных каскадеров: профессор медицины, член Всемирного Консилиума Луис Неро найден мертвым на транзит-станции «Лимб». Вчера.

— К-как? — Михай сглотнул тяжелый ком.

— Именно так. На «Черном Лебеде» прятался террорист из «Братьев». Следил за профессором. Вы улетели, и из Луиса попытались силком вытянуть информацию.

— Мать божья, — прошептал Андриан. — И...

— И Неро показал, что он — человек той еще закалки. Поставленный анализ показал, что он, отвлекая бандита разговором, мобилизовал организм на молниеносное действие. Как врач высшей категории, он прекрасно знал аутотренинг... Бросился, отнял оружие и нейтрализовал — все, как подсчитали, за одну-две секунды.

— Но почему — мертв?!

Дюбуа сжал подлокотники.

— Он был очень стар. На бросок ушла вся энергия. Просто остановилось сердце. Их так и нашли — Неро и бандит, связанный алюминиевой ножкой стола. Теперь вы представляете масштаб игры? Никто не шутит.

Пилот уже взял себя в руки.

— Тогда и я не шучу. Моя дочь, Лариса Михай, вылетела на Корнлесс, безусловно, чтобы найти Артура Третьяковича. Она тревожится за него, я, как это ясно, за нее. И могу заверить: то, что происходит, мне совершенно не нравится.

Майор Дюбуа скользнул рукой по консоли интерфейса, буркнул в микрофон несколько слов. Повернулся к Михаю.

— Сейчас в вашем распоряжении будет вся поисковая сеть. Пока — рассказывайте...

...Уже начинало светать, когда двое мужчин разогнулись и отвели глаза от экрана.



Из стены вынырнул контейнер с кофе и сэндвичами. Жан протянул пилоту чашку.

— Альфа Щита и ее окрестности прочесаны, Андриан.

— Но где она?

— Мы продолжим поиск, не отрываясь от операции. Все связано. Артур, вероятно, скоро будет на Орионе. Сейчас он на пути к «Братьям». Будем искать вашу дочь там.

— Лариса-Лариса... — Андриан сцепил пальцы и выглянул в окно. С огромной высоты дендрома город был еле виден. — Ой, девочка моя...

— Ничего. Есть нить от Иосифа Лери и Санты Рэй. Артист видел Ларису в обществе какого-то парня, а Санта... Мисс Рэй я допрошу уже всерьез. Вчера она на вопросы отвечала предложениями провести вечерок в отеле — чертова девчонка!.. В любом случае, Михай, вы в опасности. Майдановский под охраной, а вы... Как насчет временного зачисления в ряды КБ? Пилотом?

— На другое я не надеялся, — устало сказал Михай. — Если бы вы не взяли меня, я полетел бы на «Кондоре». Сам.

— Верю. Только впрддь, когда наши работники предлагают поговорить, не бейте их, ладно?

Андриан преисполнился чувства гордости.

— Он целился из пистолета. По всем законам это нехорошо. Как он, кстати?

— В порядке. Только... гм... слегка шепелявит.

— Я слышал, это печат... Когда отправляемся, майор?

— Скоро.

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прошло некоторое время, угасло в глазах эхо сиреневого разряда, и Артур понял, что вокруг — открытый космос.

Третьяковичу хотелось визжать от переполнившего душу восторга: звезды, миллиарды звезд снова перед ним, он вновь в Пространстве! Рубка джампера была тесней кабинки флиппера, но как велик простор за этими стенами.

— Дома, — улыбнулся Ферзь одними губами.

— Привет, космос, мы встретились.

Космос не ответил — просто засиял маяками солнц. Артур, блаженно серьезный, занялся поисковыми радарами. Дяди из Безопасности не соврали — слева по борту, километрах в трехстах, висело нечто вроде космического йо-йо. Ясно различались два огромных, слитых вершинами конуса.

— Вижу станцию, — сказал Артур для «черного ящика». — Все в порядке, начинаю сближение.

Джампер вынырнул чуть не вплотную и безглагозливо замерцал планетарными движками. Третьякович хладнокровно следил, как из

спиральных шахт в торце одного из конусов прыгнули два боевых катера. Почти в то же время из динамика рванулся мощный бас:

— Кто приближается?! Дружок, не двигайся с места, не то костей не соберешь.

— Это мне? — осведомился Ферзь. — Эй, на лохани! Ваше йо-йо много себе позволяет. Держать за веревочку?

Бас на мгновение опешил от такой наглости со стороны микроскопического суденышка. Он произнес несколько горловых звуков и разразился бурей проклятий. Артур был доволен — интерес к своей особе он возбудил. Теперь следовало возбудить интерес к джамперу.

Ждать пришлось недолго. Когда катера уверенно пошли на перехват, а бас из динамика посоветовал всем желающим обзавестись гробами, Третьякович положил ладонь на прохладный шар эффектора.

Катера «Огненных Братьев» едва не слиплись носами, когда нахальный кораблик неожиданно оказался за кормой. Они развернулись, но опять встретили чистое пространство. На поле вышел космический шлюп, но ощутимого эффекта не дал.

Ферзь искренне рассмеялся. Три мощных современных боевых корабля, приближаясь, являли собой грозное зрелище, и смех этот звучал жутко.

Бас со станции угрюмо сопел. Третьякович вздохнул и тронул управление...

Джампер — он потому и джампер, что умеет прыгать. Давно известный принцип подпространственного перехода до сих пор использовался лишь как метод доставки больших масс на очень большие расстояния. Незакономерно рассчитывать точку выхода для расстояния меньше, скажем, АЕ\*. Маршевые гравитаторы стояли на лайнерах и прочем тяжелом флоте — птицы помельче разумно использовали сверхсветовые двигатели.

Народные умельцы из Космической Безопасности приложили массу усилий и создали систему и управление, позволяющие рассчитывать и совершать подпространственный переход за долю секунды. Оставшейся мощности хватило на гравитатор, способный перекинуть несколько тонн. Так был создан джампер — аппарат, радиус скачка которого был равен пятистам километрам, длина десяти шагам, а скорость мелькания в глазах могла сбить с толку любого наркомана.

Артур тронул управление. Десяток вспышек отметили углы ломаной линии, по которой джампер скользнул за окруживших его «Братьев».

Бас вяло выругался. Ферзь знал, что сейчас люди у всех экранов протирают глаза, в надежде увидеть

\*АЕ — астрономическая единица

его. Он дал им такую возможность, и раздался приказ открыть огонь.

Несколько лучей скрестились там, где джампера, правда, уже не было. Орудия катеров и шлюпа рвали пространство в клочья, но цель издевалась над ними открыто и безнаказанно — Артур манипулировал эффектором, кибермозг лихо выдавал свои тринадцать миллиардов операций в секунду, мгновенно рассчитывая положение всех объектов, прокладывая путь и оценивая вероятности.

Джампер танцевал в море огня. Вести такую машину было ни с чем не сравнимым наслаждением — ни один аппарат в мире не управлялся так элегантно.

Молчание радиоэфира вскоре дополнилось молчанием лазерных и гравипушек. Или кончилась энергия, или выдохлись экипажи, решил Третьякович.

— Алло! — позвал он. — Мужики, перекур. Отдохните, и по новой. Или надоело?

— Ты откуда такой? — потрясенно спросил бас. — Шеф спрашивает, чего тебе надо. Будешь разговаривать?

— Ой уж! — засмеялся Ферзь. — Сперва из мухобоек, а потом разговаривать? А я вам, парни, хотел эту машинку подарить — да вижу, грубияны...

Неожиданно из динамика раздался другой голос — четкий, спокойный, с еле уловимым немецким акцентом.

— Юноша на корабле. С вами говорит Эдгар Миллер. Должен сказать заранее, что я вам не верю, но ваш аппарат нас заинтересовал. Надеюсь, вы в курсе, что находитесь в гостях у «Огненных Братьев»? Мы способны заплатить.

Артур зевнул — громко.

— Да горите вы синим пламенем с такими намеками. Сначала будете платить за то, что я не наведу сюда всех кэбов Содружества.

Миллер засмеялся так, как смеется только очень здоровый и уравновешенный человек.

— Малыш, все кэбы Содружества ищут нас в течение восьми лет — как видишь, до сих пор. Кстати, наши технари уже рассчитали предел твоих прыжков. От нас ты не уйдешь. Даже если сейчас у тебя из-за спины выскочит крейсер, мы скроемся, только когда погладим тебя пучковым залпом.

— Кажется, уже пробовали, — напомнил Артур.

— Пучковым — нет. Перерасход энергии, но пятьсот кубов накроет. Так как?

Ферзь поиграл шаром, заставив джампер начертить объемную звезду.

— Если не поняли — повторю. Я летел сюда к вам, думал, подарю машину, по головке погладят... А вы на дыбы. Нет, наврал мне кэп Дик

про вас. Говорил — мужики надежные, им люди нужны позарез...

— Ты знаком с Диком?

— А как же ж. Где б я взял эти координаты?

— О господи, — вздохнул Миллер, — малыш, заткнись, а? Капитан Дик сидит уже минимум полгода. Можно вопрос: что обещали в Космобезе за работу агентом у нас?

Третьякович вздохнул еще тяжелей.

— Пять лимонов и хату в Корнлессе, — печально сказал он и добавил: — Крутой ты парень, Эдгар.

— Вот гады, — Миллер проговорил это отечески-ласково. — Посылают зеленых мальцов, никакого тренинга. Дружок, соглашайся на долю в делах и пост пилота твоего кузнечика. Кой черт тебе этот Корнлесс? Парень, гляжу, стоящий...

— Короче, люди, — Третьякович удобнее устроился в кресле, — откройте шлюз — там поговорим. Надуете — прыгну внутрь вашего йойо, терять нечего.

— Деловой разговор, — похвалил Миллер. — Мак, открой ему.

В торце станции вспыхнула стыковочная иллюминация вокруг отверстия шахты.

Артур сдвинул шар эффектора. На голографической модели радиуса метка джампера, мигнув, переместилась в нужную точку. Вспышка — и Ферзь увидел за обзорными окнами блистера стальные швеллеры шлюза. Закрылся вход.

Джампер мягко толкнулся в пол, выпустил пластиковые кранцы и застыл. Артур свистнул, проверил оружие и выпрыгнул наружу.

Он понял, что в этой стадии операции была одна существенная недоработка. Дюбуа уверял, что террористы сохранят ему жизнь, так как сами не могут надеяться разобраться в управлении джампера. Артур сомневался, но сделал все согласно плану.

Вот сволочи, подумалось тоскливо, когда темные фигуры выступили на свет и ослабились.

Они бросились на него всем скопом — Артуру спасло жизнь то, что он не отходил от джампера; бандиты не стреляли, боясь повредить аппарат. Все оказалось проще. Ферзь расслабился на миг — рванулась в сознание сумятица стократно усилившихся ощущений, как всегда бывает при выходе на активную среду. И всю тоску как рукой сняло.

Первого он попросту оттолкнул, массой человека сбив бегущих следом. Следующий, рыжий верзила, мастерски манипулировал клинком в полметра. Носок артурова кроссовка скользнул по рыжим вихрам, черная рука перехватила крис и раскрошила в печенье. Палец нашел сонную точку, и верзила надолго заскучал у стены.

Ферзь, попутно дивясь, с чего это его разобрало на такие трюки, но не успевая следить за телом, выхватил из толпы еще одного. Рванул за рукав, вертанул орущего «брата» в воздухе, как тюк тряпок, отшвырнул.

— Ну? — спросил, медленно успокаиваясь. — Я сегодня не в настроении, ребята. Следующим буду ломать позвонки.

Видимо, он в самом деле был не в настроении. Ау, Ферзь, позвал он себя, ты же гуманист. Ты чего? Видно, с волками жить... Был гуманист, да весь вышел. Ведь это люди, свои, с Земли вышли, все с одной колыбели — но почему так?! С ножами, жадной бить и убивать? А ну как вас так же, а?

Артур не скрывал взгляда, и человек двадцать, сгрудившиеся перед ним, попятнулись. Понеслись сдавленные восклицания и ропот.

— Феникс, — сказал кто-то, — позовите Феникса, он ему покажет... Феникс!!! Сюда!!!

Артур расслабленно ждал.

Шорох в боковом проходе и восторженный гул в толпе. Люди расступились. Прямо на Третьяковича спокойно шел лейтенант Тайк Стрэнжер.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Строен. Приятное, открытое лицо в обрамлении светло-каштановых вьющихся волос. Насколько Артур помнил, двадцать восемь лет. Походка Феникса легка, как и у Артура — сказывалась подготовка.

Тайк остановился в пяти шагах. Ферзь и Феникс встретились глазами. Отрешенно-серые — Артура и глубокие карие — лейтенанта. Само собой разумеется, специалист легко узнал специалиста.

— Сколько лет «АСом»? — голос Стрэнжера был ясным и звонким.

— Проверь...

Тайк жестом расширил круг наблюдателей.

— Войдем, а там...

Оба синхронно превратились в поток. Те, кто видел этот, похожий на легкий танец, бой, не разглядели ни единого жеста, обычные глаза ловили лишь очертания. Шорох вспарываемого движения воздуха мало что объяснял. Описать все это можно было, пожалуй, лишь в терминах «АСов» — но кому, кроме них самих, известно, что такое, к примеру, «флик-стэйшн» или «реверс маренго»?

Через несколько секунд Артур уже точно знал соотношение сил. Его три курса, хоть и со специальной, но не военной спецификацией, не имели ничего общего с квалификацией Тайка. Третьяковичу стало завидно до колик — противник легко и элегантно играл с ним, как кошка

с клубком пряжи. Держаться против Феникса больше минуты было немыслимо. Но Артур старался.

Они на секунду остановились в совершенно невероятной для нормального человека позе, сцепившись левыми руками, прогнувшись почти до пола. Вновь нашли друг друга взглядами. Тайк заговорил одними губами, но Артур расслышал.

— Ты мне нравишься, и ты молодец — но двумя классами ниже. Зачем нам устраивать потеху этим ублюдкам? Скажем, что все в порядке, и пошли к кэпу. Он ждет.

Ферзь качнул уголками рта, шевельнул пальцами протеза. И решился.

— Тайк, дружище, тебе верят...

Ну неужели же эти подонки из Космобезопасности были правы?! Стрэнжер среагировал совсем не так, как ожидал Артур — Третьякович успел лишь заметить тень у глаз, после чего ушел в нокаут...

... — Эй, растолкайте его!

Ферзь ощутил, что его довольно-таки бесцеремонно хлещут по щекам. Коротко ответил левой и открыл глаза.

Тот, что бил его — невысокий тусклоглазый крепыш, встал с пола и, держась за глаз, отбежал подальше. Артур огляделся. Комнатка, похожая на кабинет. Обстановка с претензией на корректность и стиль. Ну-ну... Играем в эстета, г-н Миллер?

Эдгар Миллер поднял голову от терминальчика персоналки. Одним взглядом убрал за дверь посторонних и повернулся к «гостю».

«Гость» широко заулыбался.

— А вы порядочная свинья, Эдгар! Рад вам сообщить лично. Это теперь называется деловым разговором и долей в делах?

— Рад слышать, — угрюмо парировал Миллер. — Если бы мы верили каждому встречному, эти восемь лет я провел бы на рудниках, а не в Пространстве.

Артур с интересом рассматривал этого волка. Короткие темные волосы, тяжелый взгляд. Большие сильные ладони. Вероятно, недюжинный ум.

— Я представился, малыш. Очередь за тобой.

— Ферзь. Пока достаточно.

— Ладно. Ферзь так Ферзь. Корабль твой?

— Свистнул, — Артур свистнул для иллюстрации.

— Хочется верить легенде о пяти миллионах.

Ну да ладно. Люди нам тоже нужны. Тем более, такие. Феникс тебя обломал, но, судя по рассказам ребят и шарам на-выкате, ты тоже не промах. А легенду мы сейчас проверим. Если все о'кей — ищи каюту и обывайся. Нет — извини.

Миллер тронул клавиатуру. Потом достал непонятно для чего маленький передатчик. Впрочем, для чего — стало ясно, когда вошел мелл.

Правильней было бы сказать — вплыл. Артур плохо помнил физиологию этих неббиологических существ. Мелла он видел впервые. Серо-зеленая керамическая броня покрывала двухметровое угловатое тело. Впрочем, нет — полтораметровое: полметра до пола было свободно, — мелл висел в магнитном поле. За броней, насколько знал Третьякович, пульсировал низкочастотный, модулированной мощности химический генератор и еще невесть сколько электрохимических органов. Конечности и рецепторы-щупы из ионизированного голубого газа. Гротескное и странное существо. А что самое неприятное — единственная раса, известная умением прощупывать человеческое сознание. Впрочем, Дюбуа предупреждал, и Артур был готов.

Эдгар сказал несколько слов в рацию-декодер, переводящую земную речь в радиоязык меллов. Третьякович ждал, собирая блокировку мыслей. Голубое щупальце коснулось его лба — перед глазами потемнело, спугались ощущения. Из последних сил Артур сжал сознание до размеров горошины, оставив на поверхности лишь одну, ясную и открытую всем мысль. В следующую секунду мелл громко зажужжал, угрожающе занеся щупы. Ферзь мило улыбнулся.

— Ну, — нетерпеливо спросил Миллер, — что ты узнал? Что в его мыслях?

Мелл закачался над полом, и из декодера донесся синтетический голос:

— Ничего особенного. Можете считать — порядок.

Существо скользнуло в коридор, на прощанье снова погрозив Третьяковичу щупом. Конечно, порядок, подумал Ферзь: не мог же ты, гордец из расы гордецов, признаться, что тебя мысленно послали подальше... Однако впредь нужно опасаться подпускать этого парня ближе двух метров — радиуса его восприятия. Не каждый раз удастся такое хулиганство.

Артур расслабился, постарался ощутить удобство кресла — но кресло, как назло, было неудобным. Или это подобревший взгляд Эдгара портил удовольствие?

— Вот и прекрасно, Ферзь. Отныне ты наш. Получай свою пуху, — Миллер протянул его оружие, пистолет, аналогичный которому выключил Андриана в Корнлессе; газ-релаксант с доставкой пустотелым лазерным лучом. — Позже найдем что-нибудь посерьезней. Ищи пустую каюту. Повезет — девчонку у кого отобьешь. Их ребята наприглашали, как гуляли в Порт-Скайлинге, да, наверное, уж все заняты. Ну, попросишь — уступят. На обед у нас сигналият по общей связи. В общем, разберешься. Сегодня-завтра позову поговорить — жди. Ауфвидерзейн.

Третьякович кивнул, встал, толкнул дверь и вышел.

В коридоре его ждал Феникс.

— У меня двухместка, — сказал он, — пойдём.

Они шагали по сводчатым коридорам и молчали. От нечего делать Артур пытался определить, для чего же раньше служила эта, несомненно, мирная в прошлом, станция. Интерьеры — в основном светлых тонов, блестящая отделка. Масса дымчатого стеклопласта, от которого долго отражалось эхо шагов. Научные исследования? Может быть...

Людей встречалось мало — но те, кто встречался, оглядывали Артура удивленно и подозрительно.

Тайк толкнул низкую дверь.

— Входи. Мое жилище.

Ферзь окинул жилище взглядом и понял, что, в принципе, неплохо. Со вкусом и эргономично расставлена мебель, распахнут в пространство панорамный экран. Массивный сейф забит до отказа, но не кредитками и не батарейками для плазмера, а библиокристаллами. Немного неожиданно для космического террориста.

Стрэнжер проследил артуров взгляд.

— Тут, в основном, техника и справочники. Собрал на разных планетах. Немного изучаю технику культуры космоса. Ты садись.

Тайк щелкнул замком, и Третьякович устало плюхнулся на свободную кровать. Лег, вытянулся, закрыл глаза. Пять минут отдыха — и снова нужно будет что-нибудь делать, вставать, куда-то идти... Настолько тоскливо было на душе после событий последних часов, что Артур пожалел, что согласился на операцию вообще. Эх, Тайк, что ж ты так?

Голос Тайка донесся словно издалека.

— Можешь не бояться, нас здесь не прослушивают.

Ферзь, наполовину со злости, наполовину по инструкции, продолжал играть «простака».

— Чего меня прослушивать? Я секретов не знаю, а знал бы — не сказал. Ты, Фен, лучше расскажи — как тут с кормежкой дела...

— Кончай придуриваться, — раздраженно бросил Тайк. — Сказал «а» — так будь любезен сказать «б». Ты знаешь, что я — Тайк Стрэнжер, лейтенант планетного десанта. Что еще знаешь?

Артур решил, что придуриваться, в самом деле, ни к чему.

— Знаю. Знаю о «Маккензи», еще много чего. Теперь беги к Миллеру.

— Это зачем? Я даже не сказал ему, что ты — «АС».

— К чему такая самоотверженность? — скривился Третьякович.

Стрэнжер посмотрел на него чрезвычайно выразительно.

— Я тебе уши оборву, сопляк, — буркнул он. — Еще поиронизируй тут... Расскажи с самого начала. Подробно. Ты из моего ведомства, КУРа или

КБ? С какой целью? Давай-давай, смелей. — Он присел на угол стола, взял светокарандаш и начал лениво крутить в пальцах.

— А, к папаше нужно идти с полным набором сведений...

Артур еле успел скатиться с койки. Бам! Карандаш пробил алюминиевую панель облицовки. Ферзь прикинул траекторию и с удивлением обнаружил, что, оставшись лежать, заработал бы восьмую дырку в голове. Повернулся к скучающему у стола Тайку.

— Феникс, я всегда думал, что люди Космоса не меняют убеждений и образа мыслей. Мне не нужны «братья». Я прилетел к тебе, Феникс — или все-таки Тайк?

Лейтенант улыбнулся и качнул головой.

— Феникс. Я не стыжусь прозвища.

— Я своего тоже. Меня зовут Ферзь.

— Довольно мило. А имя?

— Артур. Артур Третьякович.

Стрэнжер не смог скрыть удивления. Подошел, изучил лицом к лицу.

— Тот самый? Что на Арктуре...

— Именно.

— Но я видел передачу — ты там совсем не похож, лишь чуточку...

— Искренне на это надеюсь, — кивнул Третьякович. — Там был двойник. И в Корнлессе за меня отдыхает двойник.

— Но какого черта?! Здесь?!

— Я думал, что сказал. К тебе. Не люблю, когда людей Космоса считают преступниками. Захотелось узнать, что — шантаж, сила или что-то третье держит тебя. Скажи, если ты один из нас.

— Какое влияние имеет сила или шантаж? — голос Тайка стал задумчив. — На меня, как ты понимаешь, никакого. Попробуй понять такой парадокс — я здесь из-за желания быть с Космосом.

— На службе в Содружестве это желание за-прещено? — съязвил Ферзь.

На этот раз карандаш или что потяжелее в него не полетело — Тайк просто поморщился.

— Перестань... Скажи — протез сделан на Земле?

— Да.

— Врачи дали тебе руку, и ты смог летать. Преступники дали мне жизнь.

— Сохранили? Оставили в живых, — уточнил Артур.

— Нет.

Стрэнжер одним движением обнажился по пояс. Черная перчатка Артура вздрогнула.

— ...В чем-то я все-таки прав, — сказал он, наконец. — Это похоже на шантаж...

Тайк пожал плечами, и мускулы заиграли под красноватой пластоорганической кожей.

— Слушай.

Лейтенант планетного десанта, а в настоящее время командир группы сопровождения, посмотрел на часы, зевнул и опрокинул коробку над столом. Кости, как игра всех времен и народов, остались без изменений и в этом веке. Кубики покатались по столу, встали.

— Кон, — сказал Харви. — Не везет тебе, па-рень. Мак, айда взглянем, что с ланчем.

Лейтенанту не хотелось, чтобы они уходили, но они все-таки поплелись на камбуз. Неужели солдат всегда будет обеспокоен проблемой набивки пуза? Впрочем, с офицерской точки зрения судить сложнее.

На часах было три. «Маккензи» вспарывал пространство на своей высшей для досвета скорости, это ощущалось по вибрации стен.

Нахлынула блаженная лень. Тайк потянулся и вновь сладко зевнул.

— Не проглоти муху, — сказали рядом, — хотя мух тут не видать.

Он обернулся и встретил насмешливый взгляд Кэт. Принесла нелегкая...

Девушка устроилась в кресле, соблазнительно закинув ногу на ногу. Надо сказать, при свободе ее нарядов это выглядело неплохо.

Лейтенант некоторое время смотрел на ее круглые коленки, потом глянул на обзор.

— Что-то тебя не видно в спортзале, Тайк. Решил полнеть?

— С каких пор ты заботишься о моей фигуре? Малышка, если ты пришла извиняться за вчерашнее — так это прошлогодний снег. И убери к черту сигарету — я не желаю каяться за тебя перед Рихардом.

Кэт продемонстрировала кольцо дыма размером с арбуз.

— А ты ревнивец, — заметила она.

— А ты... — Стрэнжер сдержался и безнадежно махнул рукой.

— Скажи-скажи, и после следующей тренировки твой голос станет лирическим сопрано.

— Уходи.

— Не злись. Ты думаешь, мне нужен этот олух Лайон? Не хватало мне еще связистов!

— Тем не менее вчера вечером вы с ним закрылись в каюте, и...

— И что? — Кэт была заинтригована.

— Не знаю, — хмыкнул Тайк. — Но койка скрипела отчетливо.

Девушка с минуту смотрела в его глаза. Потом расхохоталась, и хохотала долго и искренне. Смяла окурок о панель информа.

— Какой ты десантник, Тайк, если ни разу не слышал, как работает декодер!

— Какой еще декодер? Я не технарь.

— А я шифровальщик твоей группы.

— Спасибо, что напомнила.

— Вчера вечером Лайон принес шифрограмму из Центральной Диспетчерской, — невозмутимо продолжала она. — Ты слышал треск дешифратора. Я бы принесла текст еще ночью, но ты, как последний Отелло, заперся в каюте и не желал меня впускать. Думал, ты мне запонадобился как мужик? Нужна мне такая сволочь! — Кэт встала, швырнула на пол листок расшифровки и шагнула к двери.

Стрэнжер вскочил, схватил ее за локоть.

— Подожди, что за радиограмма?

— Радиограмма?! — возмутилась девушка.

— Нет... Черт... Прости, Кэт, я сущий идиот!..

Прости, пожалуйста! Не уходи, ты так нужна мне, Кэтти! Пожалуйста...

— Дурак, — Кэт ткнулась головкой в его широкую грудь, — тебя в самом деле надо проучить как-нибудь.

— Проучи!

— Пойдем, проучу. До ланча еще полчаса.

— Ты правда не сердисься?

— Правда... А радиограмму читать не собираешься?

— Потом. Там же не особо срочно?

— Не помню, милый... — она тянула его к своей каюте, и он радостно подчинился.

Шифрограмма с сообщением о вероятном нападении террористической группы «Огненные Братья» и советом быть наготове осталась на полу.

По крайней мере, он сам наготове не был. Когда взвыла сирена общей тревоги, он успел натянуть одежду, схватить пистолет Кэт и высочиться в коридор. Но уже была обшивка под резакими «Братьев».

— Внимание, тревога! Нападение!

В проходы выскакивали люди с разной степенью ошеломления. Кое-кто еще держал в свободной от оружия руке бутерброд.

Тайк отдавал команды. Потом бросился в шлюз, где прорыв был наиболее вероятен. Расчет оправдался — навстречу, выбив переборку, катилась лавина фигур в защитных костюмах. Четырнадцать десантников за спиной лейтенанта бросились вперед, и первые трупы легли на пластик коридоров «Маккензи».

Схватка была почти без выстрелов, люди дрались в тесноте меж стен, попадая в пылу битвы в каюты, продолжая и там. Численный перевес бандитов брал верх. Тайка отбросили почти к рубкам, и он уже видел своих товарищей. Резанул по ушам вскрик Кэт, оборванный взмахом ножа. Захлебнулся динамик связи, и лейтенант понял, что корабль захвачен. Никто из его группы не откликнулся на зов — и, уложив очередного

террориста, Стрэнжер прыгнул в боевую рубку. Чтобы взрезать ее, нужно время, минуты три-четыре.

Один. Ах, черт! Он влез в скафандр, уверенный, что так — надежней. Сорвал с терминала титановый кожух, выдвинул потайную консоль. «Уничтожение корабля». Что ж, инструкции для того и сделаны, чтобы их выполнять. Тайк прикинул и поставил таймер на двадцать секунд. Чертова сеть оповещения заревела, словно медведь-шатун:

— Двадцать!.. Девятнадцать!.. Восемнадцать!..

Удары в дверь оборвались. Сквозь металл донеслись голоса. Бандиты совещались.

— Мотаем отсюда! — закричали глухо.

Дальше Тайк не слушал — был занят настройкой катапульты. Провозился дольше, чем ожидал. На восьмой секунде до нуля его жестким толчком вышвырнуло в пространство.

Взвыл движок скафандра, не справляясь с нагрузкой. Стрэнжер смотрел, как распаиваются впереди звезды и ждал взрыва.

И взрыв настиг его.

...Первое, что он увидел, очнувшись, были люди — один среднего роста, коренастый, с тяжелыми чертами лица, в дорогом черном костюме. И второй — повыше, в голубом халате, прилизанный, с бегающим взглядом. Доктор, подумал Тайк. Свои, спасен. А взрывом все ж таки зацепило. Вон как в башке гудит...

Он хотел потрогать голову, но неожиданно осознал, что не может. Не может не только двигаться, но и более — не может определить положение тела в пространстве. Не было и ощущения невесомости, впрочем, и люди нормально ходили по полу. Переплет... Стрэнжер попробовал вдохнуть поглубже. Он не чувствовал своего дыхания. Он не дышал! Не ощущал биения пульса. Даже глаза смотрели в одну точку, упорно не желая двигаться.

— Он, кажется, очнулся, — сказал прилизанный. — Да, точно. Есть мозговая активность.

— Он нас видит? — спросил второй.

— И даже слышит. Слышишь, Тайк? Тайк Стрэнжер, лейтенант?! — Он взглянул вбок, вероятно, на приборы: — Есть сигнал. Слышит и видит. Будете говорить?

— Да.

Этот, в черном, видимо, был здесь главным. Он подтянул кресло, сел в него и уставился Тайку в глаза.

— Привет, — сообщил ласково, — рад сообщить, что ты выжил в хорошей передраге. Молоток-парнишка. Мы таких любим. Хочешь, вероятно, узнать, кто — мы? Будем знакомы — Эдгар Миллер, глава группы «Огненные Братья».

— Резкий скачок активности, — донесся сбоку голос «доктора».

Было от чего! Стрэнжер слышит о деятельности группы. Значит, это знаменитый папаша Эдгар. Вот черт!.. А он беспомощен, как котенок. Нехорошо. В Центре пожурят — лишь добраться бы до этого Центра живым.

— Отлично, — улыбнулся Миллер, — ты меня знаешь. Я тебя тоже. Видишь ли, Тайк, ты исключительно ценный материал для нас. «Огненные Братья» прямо-таки нуждаются в опытном и умелом специалисте. — Эдгар полюбовался своими ухоженными большими ладонями и радостно заключил: — Ты — такой специалист!

Тайк представил высоту скачка своей мозговой активности и пожалел приборы.

— Возмущаешься. Недоволен. Гордый. И правильно. Приятно пострадать за справедливость. Только и нас уважь, будь так добр. С таким риском возвращались, вылавливали тебя... Спасали. А ты... Да ты в зеркало себя видел?! — неожиданно вспылил Миллер.

Кресло отпихнули, и перед Стрэнжером поставили большое зеркало. Тайк пригляделся.

Он удивился, что видит, слышит и понимает. Его тела не существовало — в том понятии, в каком подразумевается обычно человеческий организм. В сложной машине биоэлектронной аппаратуры висело что-то черное, неровное, отталкивающее. Кусок сырого древесного угля, обтесанный в форме человека. Отчетливо сохранились лишь голова и кисти рук. Тайк захотел закрыть глаза и, разумеется, не смог.

— Симпатяга, — сказал Эдгар, — верно? Тебя накрыло сверхжестким излучением взрыва, плюс тепловая волна. Девяносто три процента кожи и подкожного слоя — пепел. Твой скафандр был похож на пергамент, браток. Тронешь — рассыпался. Еще иллюзии есть? Ты труп.

Мысли Тайка путались. Одно он знал точно — трупы не имеют никаких мыслей, даже таких.

— Конечно, — Миллер сделал жест в сторону человека в халате, — наш чародей доктор Торвальдсен пока что держит тебя на реакомбайне. Пока ты — живой труп. И, скажу по секрету, я не врал про ценный материал. Мы способны восстановить тебя, как новенького. Только зачем? Чтобы в один прекрасный день ты, почувствовав себя здоровым, перебил персонал, взорвал станцию и смылся? Очень надо, поверь! Но есть вариант такого джентльменского соглашения... Я ведь знаю, тебе не так дорого Содружество. И жизнь тоже. И деньги. И вообще все тебе до синхровариатора. А вот л е т а т ь ты хочешь? Хочешь остаться в Пространстве? А, Тайк? Хочешь, как Феникс, возродиться из пепла и ос-

таться с Космосом? Ты знаешь цену — она высока. Но... Тайк?..

Стрэнжер, если бы мог, убил бы его. А потом себя. И тоже было за что. Этот человек был не так прост — он точно знал натяжение струн. Кстати, откуда взялся Миллер? Где его корни? Говорить так и об этом мог только человек, отлично знающий Пространство и его население...

— Между прочим, думаю, тебе известно, что если бы пришли спасатели, это случилось бы намного после твоей гибели. А нашли бы живого — стали бы возиться? Ты знаешь, что нет. Они ведь очень ценят здоровье! Оживив, тебя списали бы на полный пенсион. Так что думай.

Миллер повернулся, уходя, и голос его стал жестче.

— Теперь о соглашении. Я — странный человек, и хочу поверить тебе. Ты будешь восстановлен, с новыми тканями и кожей. Когда почувствуешь себя прежним — дашь мне ответ. Выздоровивай скорей, мой мальчик...

Стрэнжер глядел в зеркало, не замечая своих слез.

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— И?..

— И я согласился, — просто сказал Тайк.

Артур долго смотрел на звездную сеть обзора. Непонятно почему вспомнилась Лариса. А что бы тут сказала она?

— Думаю, что понимаю тебя, Феникс. Я не видал своего тела в виде головешки. Не знаю, каково это. Просто понимаю.

— Хотя на том спасибо, — криво усмехнулся лейтенант. — Остается еще добавить, что с Миллером мы стали потом почти друзьями — мы тоже понимали друг друга, он — мою страсть, я — его проблемы. Преступник он, конечно, матерый, для него власть — дело божьих помазанников, каким, видно, и себя считает. Но старик до ужаса неглуп.

— Тебя устраивает положение вещей? — поинтересовался Третьякович.

— Тебя бы устроило? Идиотский вопрос. Умным вопросом будет — как изменить это положение, не становясь свиньей больше, чем уже есть?

— Ну, — Ферзь пожал плечами, — для чего-то же существуют и такие, как я. Тебя интересует мое задание?

— Представь себе, да.

Третьякович пожал плечами.

— С вами собираются покончить.

— Физически? — уточнил Тайк.

— Скорей термоядерно. Ты слышал про такую штуку — дистант-катализатор?

— Матерь божья, какие масштабы, — изумился Стрэнжер. — Видать, здорово мы им надоели.

— Надоели будь здоров. А в принципе... — и Артур вкратце объяснил Тайку суть дела.

Тайк с минуту свистел какую-то популярную мелодию.

— Помнится, есть поговорка: «Взять за жабры», — сказал он наконец.

— Тут, скорей, ловля на живца.

— А и гады же сидят в КБ, — голос лейтенанта был спокоен. — Между прочим, тут много ребят просто из породы неудачников. Они не ахти как любят стрелять, но и целоваться с полицией не пожелают. Как с ними?

— Хорошо бы, чтоб пожелали.

Стрэнжер встал, глянул на табло часов.

— Слушай, Ферзь, давай обо всем после. Пока не надейся на очень легкую работу. Я еще ни в чем не убежден. Нам нужно сесть и подумать, а пока...

Он явно чего-то ждал, глядя на цифры. Артур чуть не подскочил на койке от громкого воя сирены.

— Тревога?! Нападение?! — он повернулся к двери.

— Здешние шуточки, — усмехнулся лейтенант.

— Так у нас ссылают на жратву. Пошли, что ли.

Артур действительно чувствовал себя голодным — последний раз он ел в Корнлессе, да и то не особо плотно.

Они вышли из каюты и слились с толпой.

Еще с порога он почувствовал, что кормят тут от души. В нос полился соблазнительный запах жаркого — он мог поклясться — из натурального мяса. Ароматы соуса, кофе и, кажется, фасоли.

Кают-компания была не особо велика, но, разделенная ширмочками на кабиночки, создавала впечатление уюта. Тайк кивнул в угол.

— Туда. Наш столик.

Они сели. Не замечая любопытных взглядов, Артур принялся за еду. Он твердо решил, что никто, никакая сволочь не помешает ему спокойно поужинать, будь то мелл, Эдгар или сам дьявол.

Кто-то включил музыку. Где-то, судя по тембру хохота, пили нечто более крепкое, чем тоник. Артур отмечал это краем сознания, заинтересовала его только рука, положенная вдруг на плечо. Вместо того, чтоб оглянуться, посмотрел на Стрэнжера.

Тайк скривился.

— Бай, крошка, мы сегодня не платим. Думаю, и завтра тоже.

— А я не к тебе, я к новенькому, — раздался игривый голосок над ухом. — Он меня погладит... Правда, бэйби?

Прежде чем девушка обошла его, Ферзь мягко

накрыл ее руку своей. За время разговора он под столом снял перчатку, и эффект был незамедлительным. «Крошка», едва взглянув на блестящие титановые броню и суставы, взвизнула и отскочила. Бочком, бочком отошла вдаль.

Третьякович продолжал ужин.

— Эй, новичок! — раздалось неожиданно из угла. — Ты наших девочек не обижай! А то — сам знаешь!..

Артур усмехнулся — это был тот самый бас, что давал ценные указания насчет гробов. Он, видно, не присутствовал при теплой встрече в шлюзе.

Бас принадлежал низкому вихрастому здоровяку, не совсем еще пьяному, так как он уверенно подошел к их столу, упер руки в брючный ремень и устался на Артура.

— Слышал, да? Ты еще не наш, мы тебя еще с костями съедим.

Артур доел первое и принялся за жаркое. На «Огненного Брата» это подействовало, словно доза высоковольтного тока. Он подпрыгнул и взмахнул руками.

— Вы подумайте! Этот щенок меня не слышит!

Опа! Ферзь едва успел поймать взлетевшую на добрые полметра тарелку — кулак Стрэнжера, словно гиря, врезался в столешницу.

— Закройся, Свистун! Этот парень — наш, и если он по доброте душевной еще не свернул тебе шею, так это сделаю я, ясно?!

А нервы у него — ни к черту, подумал Третьякович, глядя на разъяренное лицо Феникса. Такой выброс по пустяку.

Машинально он отметил, что теперь все, кроме Тайка и, возможно, Миллера, настроены против него. И сильно. Неизвестно, помешает это операции или поможет. В любом случае, выстрел в спину где-нибудь в глухом коридоре — вещь реальная.

— Тут много «жучков»?

— В кают-компании? Полно, надо думать. Общая видеочка в центральной люстре. Но до мелочей, вроде частных разговоров, они не доходят. Ты хотел что-то сказать, Ферзь?

— Как ты думаешь, когда папаша позовет меня на разговор?

— Понятия не имею.

— В какой форме дать ему понять, что эпсилон Ориона-1 — лакомая штучка? У меня куча советов и планов, но они все не стоят твоих слов. Ты знаешь его.

— Повторяю, — предупредил Тайк, сжав зубы, — ты наш, но я еще не твой. Я не уверен, что дистант-катализаторный метод наиболее гуманен.

— Взаимно, — кивнул Артур, — поэтому задание подразделяется на более мелкие дела: убедить массу народа в ценности жизни как



таковой, дать герру Миллеру надежду на помилование, — Феникс скривился при этих словах, словно съел червя, но Артур не замечал. — И, наконец, в каюте я не досказал: есть мнение, что ультиматумов будет два.

Стрэнжер вскинул брови. Улыбнулся — словно отразил артурову полуулыбку.

— Мнение чье?

— О, чисто мое. Второй адресован кэбам и звучит так: пока вы, сердобольные, не уберете торпеду, я остаюсь на станции.

Стакан в руке Тайка замер за полпути до губ, потом медленно опустился. Десантник довольно долго глядел на собеседника, ставя, очевидно, диагноз.

— Э-э... А ты сознаешь, дружок, что игра на два стола может кончиться неудачей на оббих? Тебя вряд ли поймет Эдгар, и точно не поймут кэбы.

— На два? Ошибаешься, — он наигранно рассмеялся. — Знаешь, гуманист во мне агонизирует, но еще жив. Я еще могу понять добро с кулаками, но, простите меня... Короче, пока шум не уляжется относительно мирно, я поиграю роль диктатора. А это круто — повелевать одновременно и КБ, и «братьями».

Ферзь оборвался на полуфразе, настолько холодно и презрительно вдруг ухмыльнулся Феникс.

— Матерь божья! Круто!.. — Тайк выругался на грязном слэнге отребья космоса. — Последняя стадия суицида — суицид в благородном порыве! Последняя стадия мании величия! Твоя персона удержит Космическую Безопасность от великолепного сафари, от королевской охоты? Или головорезов Эдгара — от слепой ярости?

Артур дал ему выговориться, занявшись кофе. Потом поднял рассеянный взгляд.

— Оригинально. Минут сорок назад я слышал что-то о желании сменить свинский образ действий на человеческий.

— Что не означает совать башку в первую же петлю. Можно придумать что-нибудь поумней позиции меж драконом и его яростью.

— Слушай, ты, шекспировед, — наконец-то, он долго этого ждал, Артур позволил вспылить и себе, — ты давай придумывай. Как вариант — пиши мне надгробную речь. Только работать не мешай, ладно? Может, я великий любитель красивых смертей? — Тут Третьякович почувствовал, что пришло время поставить многоточие. Он встал и пошел к выходу.

— Стой.

Артур встал.

— Иди сюда.

Артур вернулся.

— Сядь.

Артур сел.

— О чем я, бишь?.. — Стрэнжер лениво откинулся на спинку стула. — Ах да! Миллеру достаточно будет твоего сообщения, если оно разработано и продумано, и моего одобрения. Энергия нам нужна позарез, церемониться папаша не будет. Форму второго ультиматума продумаем вместе. А как выпутаемся из этой грязи, морду я тебе все-таки набью, Ферзь. Красивую смерть им, салагам, подавай... А кто ж жить-то потом будет? Короче — чтоб это в последний раз, понял?..

Третьякович вытер мокрый лоб и понял, что эта победа была не из легких. Я отстоял право на смерть, подумал он, а как быть с правом на жизнь?

Пол ощутимо трянуло. Станция меняла место стоянки.

## ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Лучшим вариантом подделки, как известно, является подлинник. Работающие в обеспечении операции «Братья в рассвете», не мудрствуя лукаво, собрали внушительный пакет подлинных документов.

Эдгар Миллер, когда через его руки последовательно прошли удостоверение охранника Пятнадцатого энергобанка, отпускное свидетельство, кредитка и много чего еще, наконец сдался.

Обеими руками он пригладил свой ежик и весело посмотрел на Третьяковича.

— Ну, малыш, поделись секретом, а? За что же сейчас дают пять миллионов и хату в Корнлессе?

Тайк Стрэнжер, сидящий за спиной и чуть слева от шефа, коротко хохотнул. Артур взглянул на него с неудовольствием.

— За красивые глазки, босс, без сомнения. Вам мало того, что я отдал катер, так еще и расскажи все!

— Ну, не упрямясь, — папаша явно был в отменном настрое. — Я думал, у нас игра в открытую.

— Да-а?! — откровенно удивился Третьякович. — В открытую? Я здесь второй день и кроме кормежки и коридоров этого корыта ничего не видел. Объясните мне мои задачи, дайте схему работы, скажите, наконец, на какую прибыль тут можно рассчитывать! Я со своей стороны скажу все, что знаю о планах Космобезопасности.

— Ты не принадлежишь КБ, ты — шестерка, вероятно.

— Охрана энергобанка — подразделение КБ, и вам, Эдгар, это известно.

— Шеф, он прав, — подал голос Тайк, — его информация может оказаться ценной.

— Фен, дружище, что я, по-твоему, делаю, если не выбиваю информацию? Упрямый малец попался. Впрочем, — он повернул массивную голову к

Артуру, — размеры твоей прибыли я могу обрисовать. Этого твоей гордости хватит?

— Черт с вами. Валяйте.

— Все в твоих руках, Ферзь. Рядовой боец у нас получает одну двухсотую добычи. Поверь, почти всегда это очень неплохо. Ты пилот — пилотам отходит по сотой. Как ты понял, это вдвое лучше, чем очень неплохо. Феникс, припомни, сколько это было при гулянке в Нью-Санта-Ленд?

— Триста тысяч, — вздохнул Тайк.

— Ого! — Артур чуть привстал от такой суммы.

— Интересно, сколько же получаете вы?

— О, очень скромно, — потупился Миллер. — Мы с Феном берем всего по пять сотых добычи.

— Догадываюсь, что это в пять раз лучше, чем дважды очень неплохо, — мрачно пробормотал Артур. — Что ж, назвался груздем... Я летел не в отпуск, Эдгар.

— М-да? — Миллер чуть наклонился вперед, став серьезней. — А к какому же дьяволу?

— Вот.

Из довольно хорошо запрятанного кармана Ферзь вынул пластиковый лист и щелчком отправил по столу в руки Эдгара.

— Это надо облучить нейтрино. Подойдет кальляторный тубус от навигаторской системы.

Миллер отдал приказ по информу, и лист унесли минут на пять. Принесли и положили на стол. Квадрат пластика, бывший дотоле белоснежным, покрылся мелким текстом. Миллер уткнулся в него взглядом.

Артур прекрасно знал, что там написано. Ему было немного жаль, что этот бандит так умен — глупый человек мог не попасться в сеть текста.

«Подразделение по борьбе с космотерроризмом, отдел 6/12 — командиру охраны девятого энергетического банка. Будьте готовы принять группу подкрепления в связи с выходом из строя главного эшелона обороны. Основной запас энергии должен быть переведен в транспортное состояние и локализован на центральном стыковочном узле. С группой подкрепления будет прислан инкассационный транспорт для временного перевода энергии в 15-й энергетический банк».

Миллер довольно долго смотрел в стену поверх артуровой головы. Молча сунул листок Тайку. Стрэнжер, едва прочитав, издал глухой возглас.

— Шеф! Но эта фальшивка слишком похожа на правду!

Эдгар качнул головой.

— В том-то и дело. Позавчера до нас дошла информация, что девятый наполовину вышел из строя.

— От надежных людей, — уточнил Тайк.

— Вот именно. Но неужели...

— Это чистая правда, — лениво сказал Артур.

— Полетел главный эшелон обороны, высылается группа поддержки (это, к слову, полфлота КБ), а основной энергозапас на время — в пятнадцатый, на эпсилон Ориона. Я лечу подготовить к этому событию охрану девятого. Да вот беда — по пути продаю информацию «Огненным братьям». Им ох как энергия нужна...

— Умно, — качнул вновь головой Эдгар. — Банк без главной защиты, энергия готова к погрузке — лакомый кусочек. Мы вполне могли попасться — с более опытным агентом, я хочу сказать.

— И с более тупым главой организации, — усмехнулся Стрэнжер. — Даже я могу заподозрить, что не все чисто. Теперь скажи, что именно.

Третьякович мило улыбнулся обоим и вздохнул.

— Тут все чисто, кроме одного — это все уже продано.

Через секунду Миллер уже владел собой, уже усмехался добродушно — но секунду эту его лицо было незабываемо. Мощное честолюбие и мощные нервы, подумал Артур. Какие эмоции и как подавлены!

— Ай да кэбы! — покатывался «папаша». — Вот мастера! Прилетели бы мы, чувствую... Ну да забудем.

— Конечно, — Ферзь уже разминал ноги, готовясь встать и выйти, когда его отпустят. — Как у вас говорят, шеф, капут. Энергия в «Пятнашке», далеко и тихо... Я пойду, если все?

— Да-да, ко... Стоп. Стоп, Ферзь. Выходит, в пятнадцатом сейчас вдвое больше, чем обычно? Свой запас и запас «Девятки»?

— Э-э, — Ферзь растерялся, — ну да, видимо.

— Сколько кэбов, ты говоришь, вышло ловить нас?

— Весь флот, свободный от штатного расписания.

— Фен, сынок, — гдлос Миллера был уже не таким мягким, это были удары приказов, — быстро мне боевой обзор «Пятнашки».

Он уткнулся в терминал и зашептал, словно не веря глазам:

— Роботизированная охрана третьего порядка и трое координаторов. Шанс.

Артур профессионально разыграл подозрение.

— Вы хотите напасть на...

— Фен, выстави этого парня за дверь, — прошипел Эдгар, — премию он получит потом, длинные уши могут мешать...

Тайк грозно надвинулся, вытолкнул Третьяковича из каюты и только там, перед тем, как скрыться, одобрительно сжал плечо.

...Артур сам не мог определить — рад он или

просто удовлетворен хорошей игрой. Он приводил в порядок мысли, размеренно шагая по коридорам станции.

Основное сделано. Остались пустяки. Ах, еще дать сигнал. Сигнал о том, что Эдгар Миллер пойман на крючок и уже составляет схему нападения на жалкий и беззащитный энергобанк.

Артур едва не плюнул себе под ноги. Докатился — засылают стукачом в космические банды! Тщательно подавил раздражение, очищая с глаз красную пелену. Спокойно, Ферзь, ты сюда по другим делам. Тайк. Предположения оказались верны. Ким был бы доволен...

Третьякович завернул в каюту, прикрыл дверь, еле слышно застопорил замок. Прежде чем сесть к информу, он расширил обзорный сектор. Привычный глаз соотнес рисунок звездной сети за бортом с памятью, и Артур понял, что эта гроздь сияния вдали — Плеяды. В этом ракурсе созвездие напоминало средневековый головной убор. Ферзь дорисовал к нему женщину в длинных, спадающих складками одеждах, усмехнулся.

Было абсолютно все равно, что выбрать — годилась любая официальная передача. Экран ожил и, повинаясь Артуровой руке, высветил — надо же! — судебную хронику. Впрочем, Третьякович не смотрел. Откинув кожух сенсорики пульта, он копался в сервокачках... Ага, нужная ветвь. Бесшумная ослепляюще-голубая дуга взвилась и опала между платой и биопротезом. Ферзь на секунду сморщился — рука непроизвольно затрепетала на пару секунд. Быстро и аккуратно примерившись, он швырнул панель об пол.

— Ну, разумеется, ты тут как тут! — и улыбнулся возникшему на экране озадаченному лицу Стрэнжера. — Не удивляйся, там, наверное, сигнал неполадок? Прости, я случайно уронил консоль на пол...

...Связист «Токио» повернулся к микрофонам внутренней связи.

— Докладывает вахта, пойман сигнал абонента «F1». Немодулированная несущая частота длительностью три секунды. Указания?

— Продолжать вахту, — глухо донеслось в ответ. Потом Дюбуа повернулся к Андриану.

— Готово. Он и здесь на высоте. Можете принимать пилотирование. Эскадра будет готова к старту через шесть часов.

Пилот угрюмо кивнул.

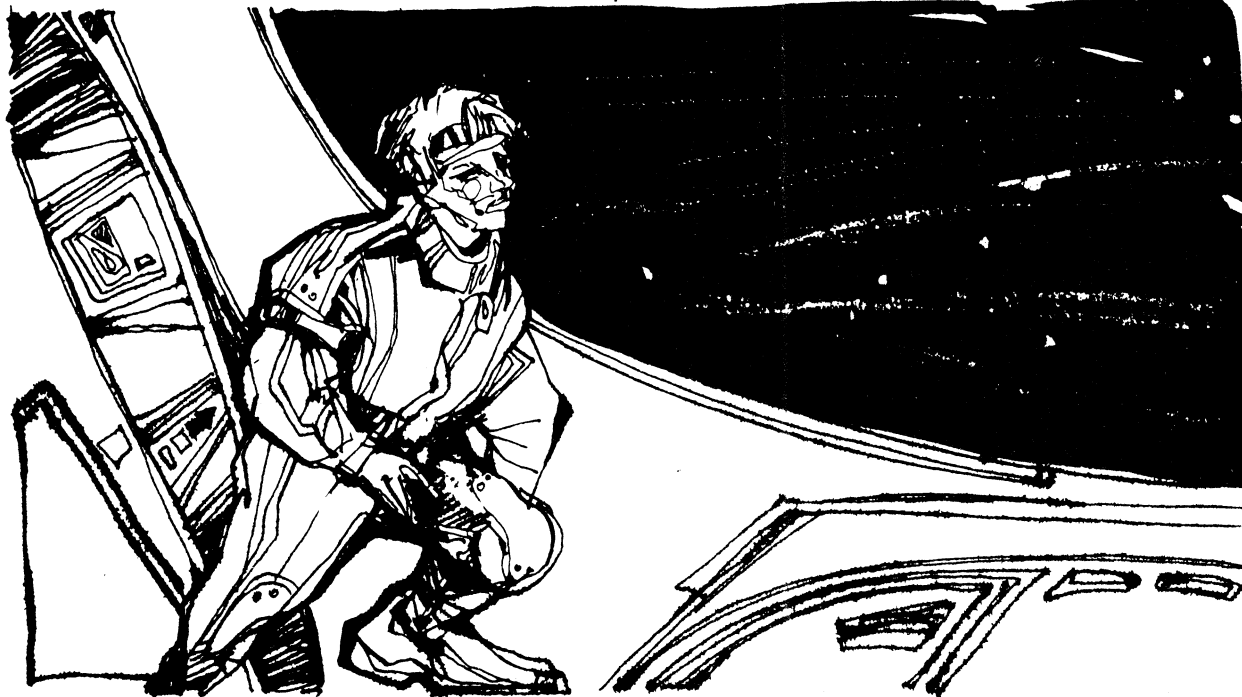
— Хочется верить, майор. Думаю, Третьякович не подведет и дальше. Он не из тех, что останавливается. Молю бога, чтоб моя дочь не заразилась этим от него же.

— Два сапога... — начал было Жан Дюбуа, но вовремя перехватил бешеный андрианов взгляд.

## ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Артур в это утро — станционное утро, по часам над дверным проемом — вновь был разбужен далеко не приятнейшим из существующих способов. Стрэнжер попросту спихнул его с койки. Третьякович успел, еще падая, проснуться и, спружинив руками, вскочить.

— Какого...



— Доброе утро. Ты проспал сирену общего сбора, — Тайк был собран и деловит. — Пошли; Эдгар, кажется, будет объявлять результаты твоих усилий.

Третьякович, чертыхнувшись, бросился в ванную, натягивая по пути полукомбез.

В кают-компании в этот раз столы были сдвинуты, и масса народу стояла вдоль стен. Артур с Тайком подперли стену не遠далеке от выхода и лениво прослеживали происходящее.

Эдгар Миллер, неузнаваемо быстрый в движениях, вошел, по-бычьски склонив голову. Вошел и остановился в центре.

— «Огненные Братья»!

Шум приветствий всплеснулся и затих.

— Сегодня вам выдадут личное оружие. Кончайте балагурить, дорогие. Время не ждет. Нам нужна энергия — один из банков взялся ее предоставить.

Прокатился смехок.

— Смеяться будете потом, — проворчал Эдгар, — а сейчас вспомните, с какого конца нажимают на гашетку. Офицеры отрядов и пилоты получают задания у Феникса. Станция стартует сегодня в 18.30 по бортовому. Теперь все, кроме офицеров и пилотов — в арсенал. Пилот Ферзь — в мою каюту. Готовьтесь, «братья».

Артур хлопнул Тайка, скорчившего невыносимо высокомерный вид, по плечу.

— Давай, фаворит.

Эдгар ждал его в коридоре. Сильные пальцы взяли Третьяковича за локоть.

— К тебе есть особое дело, малыш.

Они заперлись в каюте, и Миллер швырнул Артура в руки портсигар.

— Угощайся.

— Знак высочайшего расположения? — поинтересовался юноша. — Отравлено или как, босс?

Эдгар щелкнул зажигалкой и выпустил клуб дыма.

— Конечно. Парализующая смесь. Ты, как ребенок, право!

— Я просто не курю.

— Твое счастье. Итак, дело простое. До старта мы с тобой должны побывать в одном месте. Своего рода пункт последней проверки.

— Босс, я волнуясь.

— Поэтому я и дал тебе сигареты. Ты мог обмануть меня, Феникса, даже мелла, в конце концов. Но я познакомлю тебя кое с кем из старых друзей. Последнее слово — за ними. А то ведь операцию не поздно и отменить.

Артур закинул ногу на ногу, пожал плечами.

— Разумеется. Станный вы человек, герр Миллер. Впрочем, я вас понимаю.

Он улыбнулся, тепло и безмятежно. Потом по-

размыслил, как бы еще продемонстрировать благодушное презрение ко всякого рода проверкам, и, достав сигарету, картинно закурил.

Он не успел даже закашляться с непривычки. Он не знал еще всех странностей Эдгара Миллера, скажем, его некоторой честности. Артур сделал первую затяжку, парализующая смесь вошла в легкие и погрузила его во мрак.

...Сволочи. Мир сволочей. Зато чувство юмора на высоте. Совершенно сволочное чувство юмора... Миллер сидел напротив, и над его головой висела голокартина кого-то из последних маринистов — валы серо-зеленой пены.

Уже только по этой детали интерьера Артур заключил, что станция осталась где-то далеко. Хотелось положить этого бандита в дорогом черном костюме первым ударом. Мозг услужливо подобрал трассы атак, но Третьякович просто вздохнул и огляделся.

Комнатка, дорого и со вкусом обставленная. Картины. Субпространственная кабина. Окно, за которым светились огни чего-то, напоминающего город.

— Где мы?

— Файзлос, порт-забегаловка беты Плянд. Мое гнездышко. Будь как дома, Ферзь.

— Зачем нужно было меня выключать? Я полетел бы сам.

Эдгар проигнорировал вопрос, протянул руку, помогая подняться с кресла.

— Прогуляемся, компания ждет.

На улице было свежо. Довольно тихий портовый городок. Они пересекли пустынную светящуюся трассу и вошли в массивные двери ресторана с гордым названием «Странник». Мысли в голове Третьяковича скакали в темпе мазурки. Что еще за компания? Зачем? Знает ли Тайк об этой «проверке»?

В конце холла Миллер пропустил его вперед. Артур шагнул в слабое освещение небольшого зала и понял: Тайк не знает.

Сзади захлопнулись створки, лица пятерых людей с оружием тронула ухмылка, и голос Миллера успокаивающе произнес:

— Не волнуйся. И тоже — будь как дома... Артур.

Сколько ему тогда хватило на все — секунда, пять, тридцать? Он не засекал. Успел взглянуть на часы, настроенные на время станции. Давно за 18.30. Успел подосадовать на чрезмерный ум некоторых террористов.

Ему было совсем или почти все равно, кто его узнал — сам ли Эдгар или его друзья. Безразлично, почему оставили в живых и что собираются делать. Не все равно лишь, что Эдгар сейчас долетит до Ориона и скомандует отбой. Но торпеду можно взорвать и не приближаясь.

И Тайк Стрэнжер вряд ли сможет что-нибудь один. Все это промелькнуло быстро, но заняло больше мгновения.

Эдгар уже шагал к космодрому, пятеро головорезов приготовились задавать первые вопросы, а Третьякович только начал двигаться.

Ему, как воздух, нужен был в это время разбег: створки дверей из армированного стекла неставишь кулаком. Поэтому Артур прыгнул вперед, меж почти мгновенно потянувшихся к нему лучевых трасс. Это было непривычно до кошмара — выбить оружие и застыть, ожидая атаки. И три удара одновременно обрушились на него, в хорошем рукопашном стиле дальнего боя. Боль придет потом; сейчас же, получив импульс и добавив хороший прыжок, Третьякович, сгруппированный в комок, спиной вперед обрушился на двери. Брызнуло сверхпрочное стекло, сетка повисла лохмотьями, и Артур, вставая и бросаясь в сторону огней порта, подумал, что не успел даже поздороваться.

Фигурка Эдгара Миллера маячила в кабине лифта. Шлюп «Норманн» свистел горячими дюзами, и времени было мало. Ферзь взлетел вверх по наружным скобам лифтовой шахты, терпеливо дождался лифта с «боссом», покачал головой и захлопнул шлюз. «Успел, курилка», — подумал устало.

Его мало волновало, как Миллер успеет отбежать от ячейки. Артур просто встал за пульт и форсировал стеллаторы на экстренный старт.

Заходя в душевую шлюпа, он увидел себя в зеркале и быстро отвернулся. Не очень любил вид крови. С наслаждением довел упругие струи до ледяной свежести, постоял, откипая понемногу. Боль, казалось, была в каждой клетке. Руки Ларисы сняли бы ее без следа, эти руки он вспоминал сейчас с ноющей тоской. Далеко они были, эти руки. Плунуть на все, дернуть на «Лимб»... Гори они, те «братья».

Третьякович выключил воду, залил порезы медицинским гелем и лег на мягкое покрытие пола командной рубки. Уснул мгновенно, зная, что на подходе к Ориону проснется без будильника.

— ...Станция, стыковку.

— Даю, — отозвался Тайк с экрана. — Где вас носило? До рассвета полчаса, ребята уже нервничают.

Ферзь махнул рукой. Поворотом рулевых тяг заставил тяжелый эллипс развернуться боком. «Поцелуй» стыковочных систем отозвался болью, и слова в горле словно замерзли.

Выходя в шлюз, он бросил взгляд на экраны ВС. Приятная планетка. Полнеба было закрыто

туманными спиралями облаков, ниже которых угадывались очертания материка. Луч светила, словно шпага, торчал уже над горизонтом, и Артур торопился.

Шлюз распахнулся. Стрэнжер поднял брови.

— В какой мясорубке ты был, приятель?! И где шеф?

— Я один.

## ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Он коротко и зло объяснил ситуацию. Тайк глянул на часы.

— Двадцать минут до терминатора. В этой истории важно то, что ты жив, а Эдгара нет на станции. А ребята в самом деле нервничают.

— Раздумывать некогда, — кивнул Артур, — давай готовность номер один.

Они развернулись, добежали до командной рубки. Стрэнжер врубил общую связь на максимум, и его голос раскатился по отсекам, заставив вздрогнуть напрягшихся в ожидании людей.

— Внимание, «Огненные Братья»! Шеф уполномочил меня дать момент «ноль». Надеюсь, все на местах. Десятиминутная готовность! Офицерам групп доложить в командную рубку о положении.

— Порядок, — сообщили из пилотажной, и за ними это слово произнесли все: — Порядок, Феникс.

Стрэнжер, не глядя на приборы, включил отсчет. Взгляд лейтенанта стал отрешенным и тусклым, направленным за стекло обзора. Артур смотрел туда же, на экран, где на грани туманного шара планеты вскипал огненный пузырь солнца. Захватывающее это было зрелище: змеиные протуберанцы, грызущие вихри атмосферы, высвеченная радаром искорка здания энергобанка далеко внизу, на черной пока равнине. Они долго могли любоваться, если бы метроном не отсчитал трехминутку.

Третьякович, повинувшись текучему холоду в нрвах, бешено настраивал передатчик.

— Эй, алло? — позвал в микрофон, и откуда-то из черноты, спрятанная в лесу или горах эскадра Службы Космической Безопасности ответила голосом майора Жана Дюбуа.

— Алло. Ферзь?

— Да. Будьте готовы. Волна 18.

— Ждем.

Светило было разрезано горизонтом почти точно пополам. Где-то на фоне этой ослепительной феерии к ним не спеша двигалась многотонная громада с субядерной начинкой. Но экран верхних радаров был чист. Камуфляж, будь он проклят...

Тайк Стрэнжер прикрыл глаза. Четкий голос Артура пошел по отсекам.

— Внимание, «Огненные Братья»! Говорит Артур Третьякович, Ферзь. В пяти километрах на рассвет — дистант-катализаторная торпеда на боевом взводе. Внизу, на планете — флот КБ. Они ждут вас безоружными, но живыми. За вами выбор, братья в рассвете.

Там, далеко, погасли по команде снизу фальшфейеры, и на экранах всех судов и рубок появилась стройная сигарообразная металлическая смерть...

...Они засекли это еще на подлете. Генри удивленно уткнулся в счетчик телеметрии, обернулся и тронул ларисину руку.

— Смотри-ка. Триста километров по радиусу к светилу — видишь?

— Что это?

Девушка обомлела, увидев цифру, выражающую потенциальную энергию объекта. По самым скромным прикидкам, это было похоже на заколлапсированный гигатонный взрыв.

— Ума не приложу. Но приближаться не тянет, а?

— П-пожалуй.

Лариса отвела взор от объекта и постаралась сосредоточиться на планете.

— Генри... Мы на месте?

— Как видишь, — пожал плечами юноша. — Ваша остановка, леди. Эпсилон Ориона-1. Кислородная, гравитация 0,7g. Биосфера безопасна. Будете сходить? — Доррейгаузер шутил, но лицо его не шутило, оно было хмурым отчего-то. — Твой план, Лори?

— Я не знаю. Почему в операции замешано это место? Здесь есть города или порт?

— Энергобанк тут есть. И все, если не считать это чудо вдаль. Но его, пожалуй, придется считать. Явно шутки храбрых молодцев из КБ. Так что с планами?

— Может быть, встать на орбиту?

Ее рука сжала плечо Генри, и лейтенант как-то автоматически переложил рукоятки тяг.

Катер шел по гигантской пологой дуге, выходя на орбитальную касательную, ровно и глухо шипели на все согласные стеллаторы. Девушка, изогнувшись над сектором увеличенного изображения, не отрывая от экрана глаз, была похожа на изваяние — только цветное, взволнованно дышащее и теплое.

Только бы она еще хоть минутку постояла так, мелькнуло у Доррейгаузера. Не оборачиваясь, не смотри на меня. Дай любить тебя так, запомнить тебя такой... Теперь Генри знал, что чувствует самоубийца. Точно то же, что и он. Своими руками отдать любимую в руки счастливого героя-соперника, звезды экрана и супермена звездных войн! Хорошие у тебя нервы, дружок. Просто отменные.

Киберпилот выдал серию комплиментов

живому пилоту, выразив это в нулях вместо расхождения с расчетной кривой. Лариса все-таки обернулась, и лейтенант нацепил искреннюю улыбку.

— Средняя орбита. Висим, короче говоря.

— Осмотреться вокруг, вдруг что-нибудь прояснится? Как ты считаешь?

— Я думал, будут указания, а не вопросы, — пробормотал Генри. — Кто кого куда вел, хотел бы я знать... Локацию, говоришь? Прости, задумался. Локацию — это мы быстренько.

Он коснулся пульта, яркий курсор радарного луча пополз, перекрещивая экран. Озарился искоркой вспышки. Генри кинул взгляд на характеристики.

— Банк. Дальше... Сейчас эту штуку.

«Эта штука», судя по данным, была филиалом эпсилон Ориона! Юноша встряхнулся, но наваждение не ушло.

— Лариса, это уже галлюцинации. У нее спектр звезды!

— То есть? Она горит?

— Если б я знал. И... она движется. Она приближается к планете.

— К нам. Господи, мне становится страшно.

— Я проверю радиоэфир.

— Попробуй частоту КБ. Ты ее знаешь?

Доррейгаузер хмыкнул и повернул верньер. Катер их в это время переваливал с дневной стороны на терминатор, и из динамиков рванул кусок разговора. Девушка замерла, вслушиваясь в тихий голос.

— ...Будьте готовы. Волна 18.

Частота потерялась за бугром ночной стороны. Лариса схватила лейтенанта за плечи и рывком развернула к себе.

— Запеленгуй!.. Поймай снова!.. Генри, милый!..

Генри Доррейгаузер осторожно снял с плеч тонкие ладони, еще отходя от близости ее лица, слабо улыбнулся и сжал гашетки тяг. Катер рывком, косо скользнул, меняя курс, в сторону фокуса пеленга.

Через несколько минут вновь вошло солнце на горизонте, и локатор польхнул искрой на том месте, где лениво поворачивалось стальное йо-йо.

— Он там, — коротко сказал Генри.

— Туда.

И лейтенант — он счастлив был бы сейчас запустить программу уничтожения корабля! — засвистел веселую мелодию и усилил тягу.

— ...Пилот Михай! Приказом командующего операцией запрещена стоянка с работающим реактором! Вы демаскируете всю эскадру!

— Заткнись, — отрезал Андриан. Потом отключил внутреннюю связь.

Его корабль, средних размеров перехватчик, едва не отрывался от почвы. Михай держал двигатели на предстартовом режиме — произойди что-то непредвиденное, он успел бы взлететь, пока остальные еще моргают. Маскирующая голограмма вверху колыхалась в такт окружающим деревьям. Было тихо вокруг, даже сдавленный полусвист-полувои реактора казался свистом ветерка в кронах... Ага, сигнал вызова. Пилот тронул связь.

— Михай? Это Дюбуа. Готовность номер один. Артур ответил. Ждите.

— А... — Андриан уже раскрыл рот.

— Ждите.

Черт. Он чувствовал, что все становится невообразимо плохим. Поиски дали нулевой результат. И вот уже единичная готовность. Ну, дочурка, будет тебе дома на орехи. Дай только найти тебя, а потом еще найти силы, чтобы дать на орехи, а не зацеловать. А вообще-то все хороши — тут не два сапога, тут обувной магазин можно набрать из каскадеров-одиночек, если считать себя, Артура, Луиса... И чего нам всем дома не сиделось?!

Андриан задумался было над этим вопросом, но вновь раздался сигнал.

...Тайк Стрэнжер — взгляд его в этот миг был почти безумен и мертв — застыл. Биопротез Артура сжался в кулак и снова разжался. Сам собой. Молчание висело не больше секунды, потом удивленный и гневный возглас полутора сотен людей наполнил эфир.

— Повторяю! — крикнул Артур. — Выбор не веселый, но он есть!!! Там смерть, «братья»! Рассвет — смерть!

— Чушь!!!

Это было сказано неизвестно кем, но голоса притихли.

— Кто... — начал Тайк, но неизвестный вновь заговорил — и перестал быть неизвестным.

— Чушь. Выбор, для нас? К черту выбор, момент «ноль», «Огненные»! Старт!

Это было произнесено с легким немецким акцентом. И в следующее мгновение космический шлюп «Норманн», протаранив медлительные створки шлюза, вырвался в пространство. И за ним следом неслись прочие корабли.

— Кэбы умные, — раздался еще раз голос Миллера, — так будет им горе от ума! Я правильно цитирую, Артур?..

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Корабли террористов, словно стая сверкающих остроклювых птиц, падали вниз, к атмосфере. Станция осталась на орбите,

статичная, словно йог в позе «твердого алмаза».

— Этот гад их сейчас всех заведет на гибель, — застонал Артур. — Как он укрылся на шлюпе? О, фанатик!..

— Тихо, — прошипел Тайк, — по-моему, если его успокоить, ребята покорятся. Нейтрализовать Эдгара. Быстро.

— У тебя есть на чем?

— Осталась полусломанная шлюпка с какой-то крохой топлива. Догнать успеем.

— А ультиматум? Оставить станцию?

— А есть разница, откуда его давать?

— Прости. Голова того... Где шлюпка?

Шлюпка в самом деле выглядела диковато. Индикатор горючего высветил пять процентов, но Тайк и Артур прыгнули в ложементы так, словно им всю жизнь доводилось летать на металлоломе с пустыми емкостями.

Третьякович щелкнул ремнем, дождался того же от лейтенанта и обошелся со шлюзом очень грубо — дал импульс маршевым дюзам. Хлынула кровь из носа, оба на миг очутились в аду одиннадцатикратных перегрузок. Шлюпку косматым клубом огня выплюнуло из шахты вниз. Индикатор зашелся в судорогах и показал четыре процента.

Командам кораблей, летящих первыми, показало, что перед ними всплывает поверхность планеты. Из облаков степенно всплывали корпуса двух десятков боевых катеров Космобезопасности.

— Атака, — спокойно произнес Миллер. И десятки его людей, словно камикадзе, сжав зубы и рыча, продолжали курс.

— Залп.

И грянул залп. Оба строя разбились, смешались. Кое-кто вспыхнул и факелом упал вниз.

— Он не стал взрывать... — устало сказал Артур, — он принял бой. Теперь ловим Миллера, но уже спокойней.

Маленькая шлюпка рисовала спирали вокруг очага сражения. Выстрелы слепили, зигзаги огня резали небо во всех направлениях. Туша «Норманна» была где-то рядом, она мелькала в мешанине металла, но приблизиться Артур не мог.

Тайк, закусив губу, бешено отстреливался из какого-то бортового пугача, не нанося урона, но заставляя держаться в стороне и «братьев», и КБ. Неожиданно он заорал в самое ухо:

— Вижу шлюп! Они в стороне, бьются с перехватчиком.

Третьякович выжал форсаж, кораблик стрелой рванул туда, где похожий на семечко подсолнуха «Норманн» и плоский треугольник перехватчика кружили танец огня.

Именно в эту секунду Андриан Михай слил все стволы в сектор комплексного прицела, проклял

все и отпустил стопор огня. На «Норманн» словно обрушился шквал. Миллер мог учесть все, но не глухую ярость Андриана. А ярость была глухой.

Шлюп взметнуло по крутой дуге и кинуло на широкие кроны леса.

Кинуло далеко — никто сперва не заметил, как корабль поднялся вновь, отошел от битвы и начал разгон.

Лишь позже кто-то из пилотов КБ крикнул:

— Что он делает, вон тот, смотрите?!

Майор Дюбуа посмотрел, и кровь отхлынула у него от щек.

— Он собрался таранить торпеду. Убить всех. Сумасшедший!

Маленькая, полуразлаженная шлюпка висела в полукилometре на его хвосте.

— Эдгар Миллер, остановитесь! Миллер! Команда «Норманна», обращаемся к вам, плюньте на шефа! Не будьте дураками, оста...

— Какая команда? — звонко рассмеялся Эдгар.  
— Друзья, я здесь совершенно один.

Он смеялся, как смеется только очень здоровый и уравновешенный человек. С той поры Артур ненавидел такой смех.

— Эдгар, стойте, — устало сказал Тайк. — Это я, Феникс. Мы были друзьями. Вы помните?

Третьякович подавился воздухом, глядя, как после этих слов космический шлюп отклонился от курса, обогнул торпеду, дважды облетел ее и застыл на месте.

— Помню, Феникс. Были. Впрочем, я не прочь восстановить знакомство. Я здесь, жду. Зайди.

Ферзь рванул тормозные гашетки, шлюпка едва не рассыпалась на куски, но остановилась. Тайк и Артур посмотрели друг на друга.

— Никогда, — прошептал Артур. — Этот бандит... Я запрещаю тебе.

Тайк Стрэнжер — Феникс — хлопнул друга по плечу, выпрыгнул из ложемента и шагнул к шлюзу.

— Не волнуйся, Ферзь. Я могу его успокоить, и я это сделаю. — Он облачился в скафандр и положил руку на пульт движка. — Выпусти меня.

— Нет! Нет!!!

Тайк исчез в шлюзе. Третьякович что есть силы саданул рукой по сенсору створок, надеясь, что цепь замкнет, и все просто и хорошо заклинит.

Хорошие делают пульты. Шлюз раскрылся, и фигурка в скафандре устремилась к шлюпу «Норманн».

— ...Внимание, эскадра! Опасность всем! Опасность взрыва торпеды! Отступать в боевом порядке, сомкнуться тройками. Маневр 3-15. Доложить о выходе на расчетную высоту и заблокировать все экраны. Намечается взрыв! — Жан Дюбуа, прокричав это в рацию, угрюмо глянул на часы и сказал уже сам себе: — Не хотите вы, «братья», по-хорошему. Жаль, видит бог!

...Путь до станции занял у них минут двадцать, но за это время насмотрелись и наслушались Генри с Ларисой достаточно.

— Дистант-катализатор! — ахнул лейтенант.  
— Вот это что! Лариса, ты можешь ругаться, но самое разумное — это рвать когти.

— Самое разумное — это молчать и не влезать, — пояснила девушка.

Потом ослепительно улыбнулась и указала рукой.  
— Вон шлюз, Генри. Попадешь, или тебе помочь?

Доррейгаузер плюнул на все и спокойно, как на тренировках, зарулил в квадратную пасть.

— Что-что, — вежливо процедил Генри, — а наружу ты не выйдешь. Я схожу, посмотрю на обстановку и вернусь.

Лариса рассмеялась и откинула назад искрящиеся золотом пряди волос. Голос ее был нежен — безумно нежен. Кому?

— Мальчик. Ты маленький мальчик, начитавшийся про злых пиратов. На этой станции уже никого нет. Все там, — она ткнула в сторону планеты. — Здесь только Артур. Ему, наверное, не на чем лететь.

Говоря это, девушка трогала клавиши стенного блокапульты. Раскрылся проход, засветился в проеме коридор шлюза. Лариса шагнула наружу и не спеша пошла, словно королева. Туфли ее шуршали по мягкому пластику.

— Лететь! — обрел дар речи Генри Доррейгаузер. — Дайте мне до него добраться, — ему ни сидеть, ни ходить не на чем будет!

Он выдернул из шкафчика пистолет и выбежал.

В командной рубке еще покачивались кресла на своих пружинных станинах. Лариса тронула одно из них и остановила. Огляделась удивленно...

В этот миг шлюпка с Тайком и Артуром стартовала. Ларису и лейтенанта кинуло в стену, мигнуло освещение, заняли на одной ноте сирены каких-то неполадок.

Очнулись они спустя некоторое время. Первые же слова из бесстрастно фиксирующего весь эфир динамика были интересными до боли.

— ...Второе звено на расчетной высоте. Блокируем экраны.

— Принято.

— Майор, ориентация луча закончена. Боевая программа в цикле. Указания?

— Взрыв через три секунды после рапорта звена шесть.

— Приказ понял.

— Вы не сделаете это, Жан!

Ферзь орал это так, словно децибеллы голоса



могли помочь. Потом охрип и перешел на шепот.  
— Не глупите, майор... Там больше сотни людей. Кто-то, может быть, еще на станции. Я не уйду с поля, и Тайк — тоже. Взрывайте с нами, если хватит сил.

Тяжелый голос Дюбуа был спокоен.

— Да, Артур. Больше сотни убийц, насильников и грабителей. И не надо больших жертв. Ты не в фокусе луча, и долететь не успеешь. А Тайка мне искренне жаль...

— Звено четыре на расчетной высоте.

Рука Артура выжала рукоятки на максимум и застыла. Шлюпка на последнем проценте топлива стремглав летела к станции, в фокус. Ферзь уже почти ни о чем не думал — лишь один раз мелькнула мысль, что он несется к смерти так, словно от этого зависит его жизнь.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

А Тайк Стрэнжер пил кофе. Настоящий, молотый — только что смолотый и отлично сваренный старым Миллером. Они сидели рядом на уютном диване кают-компания «Норманна», и беседа их была так же уютна. Им было хорошо здесь, вдвоем, под боком у фальшфейерно-камуфляжной звезды, словно у Христа за пазухой. Случись что, точно так же они окажутся вдвоем и там, за гранью. Поэтому Тайк отхлебывал кофе и вежливо отказывался от сахара. Он не любил с сахаром.

— ...Я успею, Жан. Я здесь — хитрее всех, понял? — Третьякович засмеялся.

— Не успеешь! Алло, Ринальд, что у пилотов?

— Шестое у расчетного, майор. Выходят...

— ...В таком случае со станции не уйду я.

Пока Жан Дюбуа пытался хотя бы что-то образить, произошло несколько событий.

Андриан Михай сощурился и развернул свой безымянный перехватчик так, что все орудия уставились на флагманский катер. «Ну, майор, взорви...».

Артур Третьякович искал резервы топлива для торможения и мягкой стыковки. Он медленно понимал, что это страшно, но уже не так, как раньше, без ее голоса.

Генри Доррейгаузер сидел у стены, щупал шишку на голове, сделанную его же пистолетом, и осознавал, что в некоторые моменты отвлекать или отговаривать женщин от чего-либо — опасно.

У офицеров первого и шестого звеньев сдали нервы, и они на весь эфир орала, что не вышли, не выйдут и никогда не собирались выходить на расчетную орбиту, будь она проклята!

— Майор, как вас там? Вы слышали. Я на стан-

ции, и мне здесь очень нравится. Познакомимся? Лариса.

— Очень приятно. Жан. У вас красивый голос. Милая, посоветуйте этим негодяям возле станции убираться куда-нибудь подальше. Надоели они мне. Что, Ринальд? Какое время? Отбой. Полный, дружище. Так что, Лариса?

— Я попробую.

Они садились один за другим — два боевых катера, пинассы, лайнер. Из шлюзов прыгали усталые, иногда окровавленные люди. Они подходили к базе Космобезопасности, садились на траву и ждали. Их не трогали. Из камбуза вынесли бутерброды с чаем. Солдаты в форме и преступники устало ели, курили и засыпали от усталости в маскирующем сумраке рассветного терминатора.

А Ферзь искал резервы. Их не было, правда, и ему пришлось обходиться без них.

Когда шлюпка, рассыпая кусками обшивки и шпангоута, прошивала наружные перекрытия стыковочного узла, он вышел на активную среду. Мимо лица проплыла стальная балка, многотонная, она сверкала двутавровым изломом. Артур оттолкнулся, почувствовал, что мимо гудит поток воздуха, уходящего в гигантскую пробоину сзади. Заскользил уже вне шлюпки, по стене коридора, тормозя титаном и металлотканью левой руки. Удивился, когда увидел вывернутые из суставов скрученные, искрящиеся и отлетающие в сторону стальные пальцы и тяги запястья.

Потом вышел из сеанса, мягко толкнулся в тупик коридора, встал на ноги и потерял сознание.

Обломки шлюпки, еще сохраняющие скорость, проšli насквозь и вынырнули с другой стороны станции.

Лариса вскрикнула и схватилась за поручень ложементов. Доррейгаузер вслушивался. Что-то огромное вошло в станцию и двигалось по ней с невероятной скоростью, круша перекрытия. Вой ветра, волосы девушки рвануло потоком.

— Лариса! Кто-то врезался в нас! Пробоина. Уходим на катер. Станцию теперь не спасти.

— Это был Артур, он летел к нам. — Она сделала неверный шаг к выходу. — Он здесь, наверное!

— Уходим. После таких столкновений живых не бывает. Воздух уходит, бежим!

Он оглянулся на резкие щелчки вокруг — это судорожно, как в агонии, смыкались герметизирующие переборки. Генри стало не по себе — десяток стальных пастей захлопнулись, отгородив людей от мира. Теперь ураган стал слышен глухо, и от этого было страшней.

— Лори...

Он бросился к ней, но подхватить не успел. Разрежение сделало свое — девушка была без сознания.

Доррейгаузер издал беззвучный яростный крик. Струны, толкавшие его до сих пор, взревели.

А где-то с ревом уходил в проломы воздух, гасли плафоны освещения, и один за другим леденели и замирали кибернетические системы жизнеобеспечения. Изуродованная станция гнила.

Лейтенант, хрипя, задыхаясь, вспарывал брошенной лист слепящим лучом «стандарта». Пистолет раскалился, обжигая ладонь — Генри швырнул его в сторону и поднял Ларису на руки. К катеру. Лейтенант пробежал сквозь струю урагана, прижался к стене. Ветер забивал рот плотно, как песок, но им хотя бы можно было дышать.

Впереди был поворот, за которым лежали проходы к шлюзам. Еще шаг. Еще. Уже близко. Ну!.. Генри покачнулся, схватился за угол и неожиданно увидел нечто кошмарное. По противоположной стене, уходя куда-то внутрь мешанины отсеков, тянулись пять глубоких борозд. Прямо в металле. Одна из борозд обрывалась — там торчал выдранный с кусками световодов, залитый кровью металлический палец. Генри почувствовал, что его тошнит. Вот, оказывается, как погиб герой звездных войн. Пытаться затормозить на космических скоростях! Не хотелось думать о том, что теперь там, в коридорах, по направлению борозд. Скатертью дорога, сэр супермен...

Девушка дышала все тяжелей. Доррейгаузер, зарывав, пронес ее через пылающий сотней замыканий отсек стыковочной аппаратуры, пнул шлюз катера.

— Эй, ты!

Медленно — о, как медленно! — раскрылся проход. Лейтенант ввалился туда, из последних крупид воздуха в легких выкачивая силы, чтобы прижимать к себе драгоценную ношу.

Лишь когда хладнокровный киберпилот, мягко стартовав, оставил простреленное насквозь йо-йо за кормой, Генри Доррейгаузер, лейтенант Охраны Колониальных Поселений, оторвал ледяной лоб от светлых кудрей и закричал куда-то в небо, мешая хохот и слезы:

— Ушли! А ты мертв, мертв!

Майор Жан Дюбуа и несколько офицеров озабоченно глядели в утреннее небо над верхушками леса. Оттуда, из короны солнца, стремительно падали вниз две точки с яркими хвостами выхлопа.

— Один — наш перехватчик, — сказал кто-то из офицеров, — а второй?

— Обводы малого служебного катера, — заявили авторитетно; в это время корабли с гулом зависли на миг над ними, и все одновременно увидели эмблему ОКП. — Но что здесь делает ОКП?!

Служебный катер неторопливо заложил непогрешимо правильную посадочную параболу, в нужный момент выдохнул снап тормозной струи и закачался, уперев в обожженную траву шасси. Опытный глаз различил бы здесь работу автоматики. Перехватчик же, казалось, вел безумец. Серое треугольное тело в рискованном выраже сбрило кустарник, взревело и косо ткнулось в почву. Пилот, невысокий плотный мужчина, выпрыгнул из люка и понесся к катеру. Он подоспел как раз к тому, как по трапу спустился молодой парень, неся на руках юную девушку.

— Жива, — сказал Генри просто, и Андриан бережно принял у него безвольное тело дочери. — Жива, — повторил лейтенант майору.

— Ты-то кто такой? — Дюбуа разглядывал потрепанную форму Охраны и запыленное, усталое лицо.

— После, — махнул рукой Доррейгаузер, — все после. Дайте упасть в горизонталь, а, люди? Ей-богу, притомился.

Он с наслаждением растянулся в траве.

— Да, кстати. Артур Третьякович разбился. Там, — палец ткнул в небо, и все поневоле взглянули туда еще раз.

И небо изменило цвет.

— ...Да, так я продолжу, — рука Эдгара с зажатой меж пальцев сигаретой описала неопределенную дымную фигуру. — Не кажется ли тебе, милый, что события решающие, так сказать, эпохальные (для отдельного круга, разумеется) должны связываться в кольца? И начало с концом, как один определяющий суть стержень, тоже обязаны... э-э, скажем, венчать на царство героев события? Или развенчивать?

— Ну, Эдгар, вы, пожалуй, чересчур абстрагировались, — протянул Тайк, улыбаясь. — Мы говорили о современности, помнится мне. О современных героях и их положении в экзистенциально ориентированном обществе...

— Нет, Тайк. Я конкретен, как никогда. Мне недавно пришла мысль, что покончить с неприятностями можно тем же способом, каким когда-то вызвал их на свою голову. Нет, не бери больше кофе, сынок. Достаточно. Я вынул тебя голеньким из пекла, из самого огня. Ты стал Фениксом, родившись из пламени...

...Торпеда — она висела сейчас на экране ВС, проходя перед носом «Норманна»...

— Жалко было лгать тебе этой беседой, Тайк, сынок. Но — кольцо! Отправляйся же в пламя, Феникс, удачи тебе!

Бытавтомат какуты сравнил эту фразу с заложеной в памяти, импульс нырнул в недра кибермозга корабля, пробудив к жизни каналы дюз. Космический шлюп обладал способностью развивать приличную скорость за короткое время

— на этой скорости он и рванулся вперед, к торпеде.

Ну слава богу, думал Тайк Стрэнжер, я хотя бы лгал не в одиночку. Было бы куда противней. Пальцы его в это время рванули именно те провода стенной панели, что было задумано. Импровизированная катапульта гравитационного всплеска швырнула Феникса в проход, где он, выйдя на АС, схватил и налепил свой скафандр.

«А хорошо быть готовым...»

И Миллер, не веря глазам, вскакивал с дивана, крича вслед, когда Стрэнжер уже сорвался со створки люка, уже включил движок скафандра.

— Убийца, — пораженно произнес Эдгар и не стал считать секунд — он знал, что жизнь завершена глупо и странно.

А Феникс обливался потом под рвущими тело перегрузками, он глядел на близкие звезды и ждал взрыва.

И взрыв настиг его.

## ЭПИЛОГ

Вот незадача, ну почему у меня по жизни такая мерзкая привычка — просыпаться или быть разбуженным не к месту и не ко времени? Артур думал это, уже рассматривая прищуренными глазами внушительную картину гибнущей станции. Он глотнул воздух, оценил его плотность и сильно удивился, что еще жив. Вспомнил последние кадры полета — и уже ничему не удивлялся. Все вздор. Он давно мертв по всем канонам.

Ветер резал глаза. Боль, пульсирующая в левой руке, заставила взглянуть.

— Кр-расота. А была рука...

Он, скорчив гримасу от невыносимой боли, встал. Гравитация была — еще! — в норме. Это предосудительно, мелькнуло у Третьяковича, быть столь живучим. Не к добру все это.

Почти не шатаясь, Артур дошел до перекрестка коридоров. Стены давили со всех сторон; вместе со стремительно нарастающим удушьем они давали жуткую клаустрофобию. Словно во сне. Каждый шаг — как в непроходимой субстанции, зрачки не фиксируют больше окружающее. Так, различают полутона. Лишь мысли текут, наконец-то освобожденные от кандалов тела. Переливы забытых чувств, сигнальные всплески слепой интуиции. Словно зомби, Артур брел через отсеки, вскоре рассчитывая ткнуться в тупик или выпасть наружу сквозь пролом. Лариса, девчонка моя, ты умница, что улетела. Зачем тебе мертвый однорукий любовник? Ему-то не улететь, даже не уползти. Не на чем. Уползти, упрыгать.

Третьякович споткнулся о кусок металла и упал. «Шлямп!» — это размочаленная культя шлепнула о пол. Звуковая ассоциация заставила его замереть.

Рывок, словно удар в челюсть! Жестким прыжком Артур поставил тело на ноги. В голове стало свежо и спокойно. Джампер\*. Его не могли увести. Никто, кроме него, не смог бы. Он здесь.

Вдох. Еще и еще — пока концентрация кислорода в легких не даст жизни. Дыхание, как у астматика, выкурившего три пачки сигар. Если кто-то видел бы сейчас Артура, — поразился бы лишь одному. Странному сходству с Чеширским Котом. От Ферзя осталась лишь улыбка — и она гнала его вперед, словно бич.

Он не слышал топота своих ног и, когда ворвался в шлюз, не услышал собственного крика:

— Кончай базар, дружище, я знал, что ты меня подождешь!

Джампер показался ему прекрасным, словно луч из нимба бога-отца. Стройный маленький ангел-спаситель.

— И не будем создавать себе кумира, — прошептал Третьякович, протянув руку к панели замка.

Дымный след пересек комбинезон на его спине, расправив ткань и кожу, и юноша закричал, выгнувшись в судороге. Но уже рефлексы мышц помимо сознания кинули Артура вбок, развернули, привели тело в боевую стойку. Блеснула матовая керамическая поверхность, нечеловеческий мозг принял решение, и мелл стегнул бледно-зеленой лентой вновь.

— Д-демон!.. — прохрипел Третьякович. Огненное щупальце обожгло его бедро, поставив человека на одно колено. — Неужели нельзя прикончить меня каким-то одним способом?! — Еще выпад, и вот он уже на коленях перед победителем, заносщим щуп для последнего удара.

Но Ким пришел, не постучав. Какое дело ему, Лессо, было до мелла? Пусть он видит и опережает любую мысль — неужели это так важно?

— Ну, Артур, не узнаю тебя, — глаза нагла гневно налились лазурью. — Или ты не при мече?

— При мече, Ким. Извини.

...Он пристегнул этот пояс еще тогда, в каюте у Тайка. Теперь упругая рукоять слилась с пальцами, извивающееся, словно змея, лезвие запело в разреженном воздухе. Здесь не было мыслей, и нечеловеческий мозг уловил лишь забвение.

Короткий разряд меж двух рухнувших кусков керамики. Шорох вставшего на место клинка.

— Друг мой, я опечален твоей смертью.

И — тихий щелчок фиксаторов, когда Артур закрыл за собой блистер корабля.

...Небо изменило цвет, словно экран компьютера попал на цикл перебора колором. Вот оно

\*Джамп — по-английски — прыгать

темно-бурое, а вот, сразу, без переходов — малиновое...

— Не смотреть!.. Это...

Все давно поняли, что это было. Кто-то успел упасть и ткнуться лицом в травянистые запахи земли, кто-то просто стоял и не верил глазам. На блюдце неба распускался цветок из невиданной икебаны — сотни прекрасных лепестков с ослепительно-кинжальной точкой в центре, где была станция. Торпеда, включившая все это великолепие, была не видна, но думали лишь о ней в это время.

— Он добрался-таки до нее, — майор Дюбуа пожал плечами и сел на траву. — Кто знает, может, это было его целью? Ах, Миллер, упрямец ты этакий...

В стороне, в тени раскидистого дерева Лариса переводила взгляд с Генри на отца.

— Очнулась? — улыбнулся Андриан. — Доча, ты прости, я тебе хотел на орехи всыпать — чувствую, не выйдет.

— Что на небе? Куда все смотрят?

Доррейгаузер выглянул. Усмехнулся.

— Станция... была. Уже погасла. Торпеду взорвали, Лори. Теперь угрозы нет. Как ты себя чувствуешь?

Девушка неуверенно коснулась рукой лба.

— Слабость... Папа, все уже хорошо. Уже хорошо. А где же Артур? Сейчас придет? Генри, он летел с нами, да? Скажи, Генри?

Она, привстав, расширенными глазами глядела на лейтенанта.

Андриан Михай сжал челюсти. Доррейгаузер потерянно посмотрел на ту, что любил, не в силах сказать ей ни правду, ни ложь.

Он, наверное, с трудом вышел бы из положения. Но хлестнула ярчайшая сиреневая молния.

Люди, ослепленные на миг, отшатнулись. Эхо вспышки прошло, и на обожженной лужайке в ста метрах от толпы стоял маленький аппарат. Блистер машины был сдвинут, и по траве спокойно и мягко шагал Артур Третьякович.

Пока он подходил, его успели рассмотреть сотни глаз. Всего — прожженные рубцы от щупалец мелла, бахрому световодов и кровеносных трубок в обломке титанового каркаса, плывущую

походку и углы губ, застывшие, как и глаза.

— Здравствуй, любимая. Я здесь. Ты не зажда-лась?

— Ты же обещал вернуться, — сказала Лариса, ответив на его спокойный и нежный поцелуй.

— Нет! Ты же мертв! Почему — ты?! Я вез ее сюда, вынес из коридоров, спас, и сейчас...

Серые глаза взглянули на лейтенанта с непонятным выражением.

— Благодарю, юноша. Спасибо, ты хороший парень, вижу. Будем знакомы — Артур Третьякович, Ферзь. Еще раз спасибо, друг.

Рука несильно сжала ладонь Генри, и лейтенант по одному этому прикосновению понял формулу горизонтов этого странного парня.

— Лариса, я отнесу тебя на корабль. Ты отдохнешь.

Девушка кивнула.

Артур сделал несколько шагов по направлению к крейсеру и повернулся к стоящему рядом молчаливому майору.

— Жан. Доброе утро — день, точнее. Я считаю задание выполненным и вопрос закрытым. Не ищите Стрэнжера — я нашел его там, на орбите. Его тело в джампере. Постарайтесь похоронить его с высшими почестями, хотя черт знает, зачем это ему сейчас...

Ферзь отвернулся и зашагал по траве чужой планеты, неся на руке и остатке от руки ту, которая сможет заставить его забыть, наверное, этот день.

Генри Доррейгаузер сделал движение, словно желая протянуть вслед просящие руки. Ладонь пило́та легла на его плечо.

— Не надо, малыш, — Андриан криво улыбнулся. — Это не твой день. Не твоя жизнь. Это Артур — кажется, никто не знает, из чего этот мальчишка сделан и почему побеждает! А нам с тобой, видно, — тут Михай встал и протянул юноше руку, — осталось только раскрывать рот...

— И радоваться, что ему не пришлось пока в голову гасить пальцами звезды! — буркнул под нос майор, подзывая людей: — К джамперу, ребята. И пусть на судах приготовятся к салюту...

Рассвет в этот день был трудный, и солнце устало ползло через зенит.



*У этой поэмы странная судьба: все ее знают, все ее слышали, но почти никто ее не читал. Она была написана по ассоциативной связи с присуждением ее автору премии нашего журнала «Аэлита» в 1983 году и впервые прочитана на торжественном собрании фэнов и писателей по поводу вручения этой премии (правда, там еще отмечалось 25-летие «Уральского следопыта»). После поэма разошлась в магнитофонных записях и списках с них, но «официально» так и не публиковалась. У поэмы была возможность родиться с выходом в свет первой книги стихов, песен и баллад ее автора, — книга готова, подарочная миниатюра, иллюстрированная рисунками автора, сверстана и выведена в оригинал-макет, но... не находится спонсора (не мецената, ибо классическая миниатюра форматом со спичечный коробок может дать неплохую прибыль). Что ж, пусть поэма родится на этой странице. Читайте.*

Владислав КРАПИВИН

## АЭЛИТА-47

Был месяц май...  
Избитая строка.  
Но месяц был —

здесь никуда не деться.

Теперь, когда нам больше сорока,  
Мы бережем по каплям  
память детства.

Был май.  
Катились звезды в лебеду,  
Что проросла у стареньких калиток.  
В те дни — себе на счастье и беду —  
Я прочитал впервые «Аэлиту».  
Меня сжигали радость и тоска,  
Звенел, как космос,

деревянный город,

И словно тень от марсианских скал,  
Лежала тень киосков на заборах.  
Нас было двое.  
Улетать на Марс

Нам помогала детская считалка.  
И честно забывал я каждый раз,  
Что Аэлиту звали просто Галка.  
У Аэлит прекрасная душа  
И дар чудесный — неземной и ясный:  
Умела Галка слушать, не дыша,  
То, что другим я доверял напрасно.  
Но горькая судьба у Аэлит:  
Им суждены разлуки и печали.  
Пришел июнь.  
И Галку увезли.  
И Марс — погас.  
И звезды — замолчали.

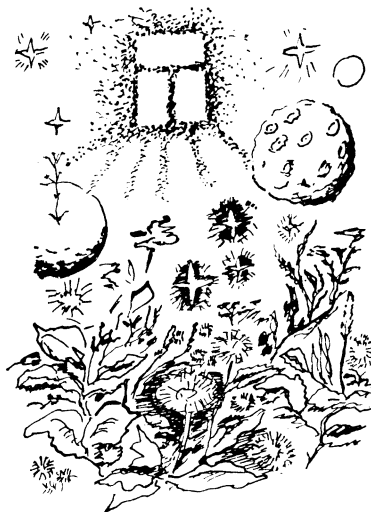
2.  
Но не проходит сказка без следа.  
И след остался.  
На пороге лета  
Мы, прежде чем расстаться навсегда,

Открыли с Галкой новую планету.  
Из мягкой глины мы скатали шар —  
Размером с мячик.

И на этой глине,  
Смущаясь, каждый нацарапал имя  
Соломинкой — взамен карандаша.  
Потом гвоздик набрали луговых —  
Они росли по нашим переулкам —  
Ромашки дикой, кашки и травы,  
Которую зовут пастушьей сумка.  
Мы разожгли огонь на пустыре...  
Узор из листьев, стеблей и соцветий  
Оттиснули на глиняной планете  
И шарик прочно обожгли в костре.  
Он теплым был, когда его в земле  
Зарыли под крыльцом

у старой дачи...

...Пускай наш шарик через сотню лет  
Найдут другие девочка и мальчик —



Тогда времен сомкнется долгий круг,  
Тогда окаменевшая порода  
Ребятам донесет тепло от наших рук  
И запах трав сорок седьмого года.

3.  
Давно снесли дощатое крыльцо,  
А шарик наш еще никто не трогал,  
И все еще не замкнуто кольцо...  
Но это не беда, в конце концов,  
Меня другая жжет сейчас тревога:  
Что если вдруг из черной глубины,  
Хлыстами метеорными избитый,  
Придет корабль

на край земной орбиты

И даст сигнал для жителей земных?  
Рябыми от метеоритных ран  
На рубке будут броневые плиты...  
И в этой рубке встанет Аэлита  
И, сжав волненье, глянет на экран.  
И будет ждать ответа, не дыша.  
И вдруг увидит...

Обожженный шар?  
Он будет черным среди черной тьмы,  
Огнем ракетным начисто

спаленный...

И никаких следов травы зеленой.  
И никаких следов, что жили мы,  
Что жизнь была порою нелегка,  
Что много было в ней необъяснимо,  
Но небо все же часто было синим,  
И белыми, как вата, облака,  
И что любили дети малевать  
Большое солнце в уголке рисунка...  
И что росла на улицах трава:  
Полынь, ромашка и пастушья сумка...  
...Пусть все же будет,

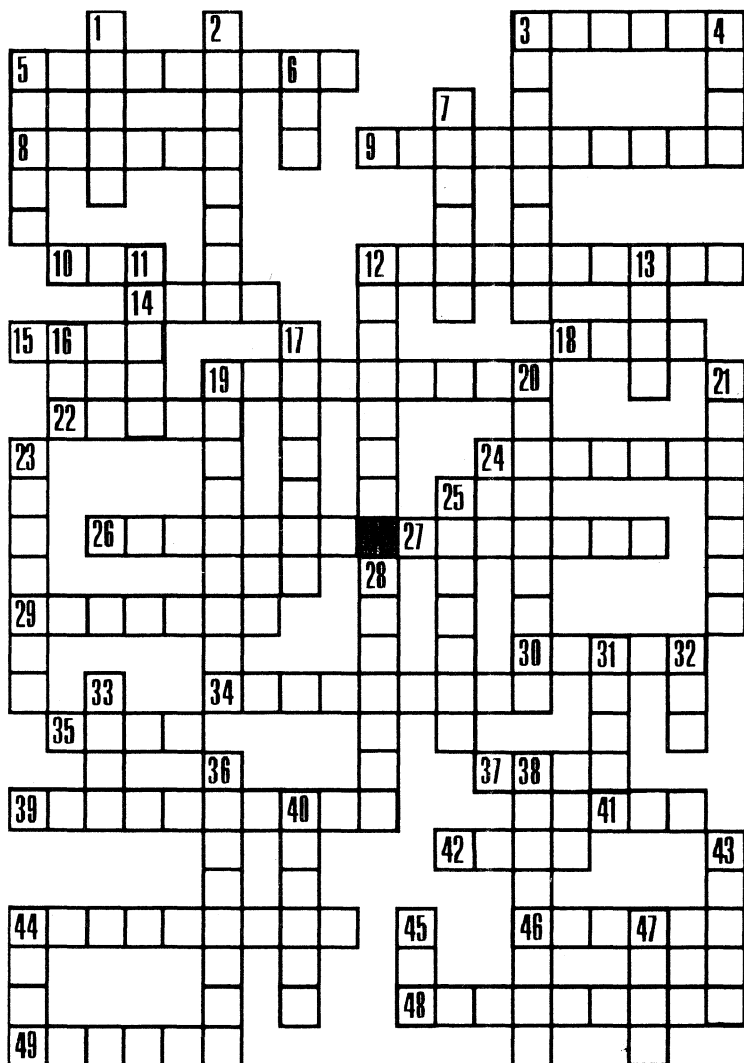
чтоб сомкнулся круг

В слиянии земных и звездных рук.

КРОССВОРД

# «ТИГР ПРОВОДИТ ВАС ДО ГАРАЖА»

(по произведениям Сергея ДРУГАЛЯ)



**ПО ВЕРТИКАЛИ:**

1. Планета меломанов.
2. Самое сильное качество П.П.Гигантюка.
3. Одно из двух свойств, за которое змея в особенности любила кибера.
4. Подземный зверь.
5. Полосатая лошадка.
6. Хвойное дерево.
7. Представитель ИКИ, один из создателей робота.
11. Сиденье Отшельника, перетаскиваемое им с места на место.
12. Кормилица Грома.
13. Один из обитателей бассейна директора ИРП.
16. Зверь, не желающий говорить и умеющий только ругаться.
17. Орудие для прекращения пункта 18 по горизонтали.
19. Ученое звание директора ИРП.
20. Специализация художника, съевшего собаку на мутантах.
21. Голос ученого секретаря теорианского совета космонавтики.
23. Еще один обитатель бассейна директора ИРП.
25. Существо, способное загромождать эфир всякой чепухой.
28. Марсианский зверь.
31. Второй (по значению) злодей на Эколе.
32. Иван Иванов — ... и чародей.
33. Стервятник, которому надо большое мужество иметь.
36. Мирское имя Отшельника.
38. Камень, кусок которого — жалкое подобие ножа.
40. Труды Олле по ... и жесту, которые давно стали классическими.
43. Собачий ребенок.
44. Вместилище силы и достоинства с толстым белым пузом.
45. Кем приходится директор ИРП охотнику Олле.
47. Это просто ..., который не может без Олле, а Олле не может без него.

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:**

3. Дерево, использованное вентами для переноски Нури и Олле.
5. Средство для межзвездного передвижения.
8. Полудрагоценный камень, использованный для отделки интерьера особняка Фжольфо Четвертого.
9. Вещество, закипевшее в Трезоре.
10. Пещерный ..., большой засоня.
12. Зверь с хвостом сбоку посередке.
14. Любимый камень знатока палеофольклора.
15. То, ради чего Айболит бегал за оленем.
18. Звук, издаваемый Варсонофием, иногда более 60-ти децибел.
19. Продукт, созданный Нури для Большой государственной машины.
22. Лирический ..., прорезавшийся у Льва Матюшина на пункте 1 по вертикали.
24. Великий математик, теоремой которого загромождается эфир.
26. Прибор для уборки дома, которого так не хватало вентам.
27. Место заточения экипажа на Цедне, выбранное Васей Рамодиныным.
29. Вторая специальность Нури Метти — механик-....
30. Самый большой мозг.
34. Медвежья болезнь.
35. Пес Олле.
37. Вместилище не традиционного топлива для махолета.
39. Способ остановить мгновение.
41. Хобби Рахматуллы Хикметова.
42. Птица с расширением сердца.
44. Лекарство от всяких болезней.
46. Зверь, наиболее близкий знатоку палеофольклора.
48. Прежняя специальность Рахматуллы.
49. Пуджик — сибаритствующий ....



Ефим АФАНАСЬЕВ

# МАТВЕЕВЫ — НЕОПАЛИМОЕ ДРЕВО

Родоначальник обширного литературного семейства — Николай Петрович Матвеев (Амурский) был сыном русского лекаря и алеутки индийского происхождения. Его отец — Петр Матвеев — тоже был не без способностей — писал о жизни моряков и о природе. Может быть, здесь берет начало литературное древо Матвеевых, листья которого разлетелись по всему свету.

Николай Петрович родился в 1865 году. Его отца — лекаря — списали с корабля Балтийского флота и направили в русское императорское консульство, в город Хакодате. По пути он встретил девушку-камчадалку Февронию. Вскоре они поженились... Беспokoясь за судьбу первенца, Петр Матвеев перебрался на службу в город Николаевск-на-Амуре, где сильно простудился и вскоре умер. Жена поплакала-погоревала да и вышла замуж за отставного солдата.

Жизнь в семье отчима была несладкой. В зимнюю стужу юноша ушел от отчима и пешком добрался до Владивостока. Стал учиться в кадровой школе военного порта, освоил ряд специальностей по кораблестроению. Работал модельщиком на судостроительном заводе, но его все время тянуло к литературе. Писать стихи, рассказы и очерки начал в двадцать лет. В 1904 году в московской типографии И. Д. Сытина вышла его книга «Уссурийские рассказы».

Скопив денег, он купил дом, а затем небольшую домашнюю типографию. Здесь печаталась газета «Приморский край» и иллюстрированный журнал «Природа и люди Дальнего Востока». Еще несколько лет спустя во Владивостоке вышел «Краткий исторический очерк города Владивостока» Николая Амурского и первая книга его стихов. В его доме на Абрековской улице перебивало много интересного народа, в том числе литературного: легендарная революционерка Е.К. Брешко-Брешковская, Сергей

Лазо, А. Фадеев, владелица гимназии М.В. Сибирцева, поэт К. Бальмонт. К этой кампании вышедший недавно 3-й том энциклопедического справочника «Русские писатели 1800-1917 гг.» добавил путешественника В.К. Арсеньева, поэтов Н. Асеева, Д. Бурлюка, А. Несмелова, публициста Н.В. Ремезова, народовольцев Л.Я. Штернберга, Л.А. Волкенштейна, И.П. Ювачева (отец Д.Хармса). В такой вот среде росли и воспитывались дети Николая Петровича и Марии Даниловны (в девичестве Поповой), с малых лет приобщались к типографскому станку. А их было не мало, листочков матвеевского древа, пятнадцать едоков...

Когда в 1919 году во Владивосток пришли белогвардейцы, Николай Петрович, как неблагонадежный, был вынужден покинуть город и уехать с семьей в Японию. Трех сыновей и трех дочерей, оставшихся тогда в России, ждала трагическая судьба. Четверо — Зотик, Гавриил, Петр и Венедикт — погибли в годы сталинских репрессий. Одно за другим получал Николай Петрович с родины известия, как забирали, а потом расстреливали его детей. Сам он умер в Японии, в городе Кобе, в сорок первом. Правительство Японии на свои средства установило памятник на могиле Матвеева.

Присмотримся теперь к некоторым листочкам огромного матвеевского древа — древа талантов и удивительных судеб.

Заметной личностью был во Владивостоке Зотик Николаевич Матвеев, ученый-японец и краевед. В Дальневосточном университете он читал лекции по всеобщей истории стран Дальнего Востока, вел большую исследовательскую работу, писал библиографические труды. В начале тридцатых возглавил библиотеку филиала Академии наук СССР, был одним из авторов «Сибирской советской энциклопедии» и обладателем уникальной домашней библиотеки. Его консультациями и книжным собранием

пользовались многие ученые и студенты университета, историки и писатели, в том числе Вл. Арсеньев, автор «Дерсу Узалы», поэт Евг. Долматовский, писатель Александр Фадеев. Кстати, дочь З.И. Матвеева — Татьяна Зотиковна собирает биографический материал о поэтической семье Матвеевых.

Когда-то в отцовской типографии вышел сборник стихов, подписанный псевдонимом Март. Набирал его сам автор — Венедикт Николаевич Матвеев. Потом были другие сборники. Поэт редактировал журналы «Глашатай», «Великий океан» и тоже не избежал застенка. Его реабилитировали через 20 лет после расстрела. Но литературный дар он успел передать сыну.

В годы Великой Отечественной войны Иван Венедиктович Елагин (Матвеев) из оккупированного Киева был увезен в Германию, а освобожден американскими солдатами и переправлен в США. И жил на американской земле русский поэт, преподавал русскую словесность в университете Питсбурга. Он был забыт Союзом писателей России, но в США и Германии выходили сборники его стихов — «Тяжелые звезды», «Курган»...

Не был обделен литературным даром и Николай Николаевич Матвеев, поэт, краевед, очеркист. Под псевдонимом Николай Бодрый публиковались его литературные работы, он стал организатором журнала молодых поэтов и писателей «Рычаг». Это он — Николай Матвеев — подарил нам талантливую поэтессу и исполнительницу первых авторских пе-

сен Новеллу Николаевну Матвееву. (Помните: «Я ступила на корабль, а кораблик оказался из газеты вчерашней»).

Еще одной жертвой ГУЛАГа стал Петр Николаевич Матвеев, спортсмен и собиратель афоризмов. Любители военной тематики знают книги его сына, военного летчика Льва Петровича Колесникова.

Книгой интересных мемуаров осталась в литературе Мария Николаевна Матвеева (в замужестве — Евтушенко). Ее сын — Валерий Евтушенко тоже пишет и печатает стихи. Написал две исторические книги о морях.

Книжка стихов Гавриила Николаевича Матвеева (псевдоним — Эльф) тоже вышла в домашней типографии отца. Он печатался в периодике Владивостока и Иркутска, был штурманом дальнего плавания. Когда-то ему удалось спастись от белогвардейцев, а вот от сталинской охранки оказалось мудрено уйти...

И это далеко не все еще «листья» матвеевского древа...

Да, не забыть бы Георгия Николаевича Матвеева, одного из юных наборщиков отцовской типографии на Абрековской улице. Его стихи, рассказы, мемуары печатались во многих наших изданиях. Георгий Николаевич и поныне здравствует в поселке Ново-Подрезково Химкинского района под Москвой. Свою недавнюю книжку «Было время. Стихи разных лет» он недавно подарил редакции «Уральского следопыта».





Зоя ШЕПЕЛЕВА

«ГРУСТЬ ЗАПЛЕЛАСЬ РАЗБОЙНО  
В ВОЗДУХ РОДНОГО ДОМА...»

\*\*\*

Быть ли тебе, деревня?  
Кротки твои узоры.  
Солнце рекою древней  
льется в леса и доли.

Без доброты начала  
нет аромата хлеба.  
Песня тебя качала  
в зыбке родного неба.

Грусть заплелась разбойно  
в тихую радость клена,  
в мятный, ржаной и хвойный  
воздух родного дома.

Если холмы снегами  
время ознобит больно —  
память, живое пламя,  
нежно тебе и вольно.

Мир — голубое время,  
счастье зеленых звуков.  
Где-то посеет семя  
милое племя внуков?

\*\*\*

Подглядела изба невнарок:  
у промерзших сосновых ворот  
розы алые сыпал рассвет  
в голубой перламутровый снег.

Выбегали, румяней зари,  
девки, кутаясь в песни свои:  
удало оглашал небосклон  
молодой, озорной перезвон.

\*\*\*

Ласково слились березы с небом,  
с голубой весной.

Пахнет месяц теплым,  
свежим хлебом,  
звонкой вышиной.

А вдали, по заревой равнине,  
с серебра полей  
плещет ветер аромат полыни  
в радость журавлей,  
что летят

над ждущей шума рощей  
в милые края.  
Росный воздух

крылья им полощет,  
след хранит земля.

Грезят птицы в гулкой воле синей, —

как в краю отцов  
скроет зелень в свой медовый иней  
будущих птенцов.

\*\*\*

Звезды. Раздолье.  
Туманно и тихо  
дремлет река. Росный путь не пылит.  
Едут из поля,  
устало и лихо  
светят рубахи под звуки копыт.

Верно, унылых  
счастливят подковы:  
в потемках дождутся скорей  
милые — милых;  
хозяек — коровы;  
и дети — родных матерей.

\*\*\*

На березах — парча.  
На осинах — кумач.  
Дарит платя с плеча  
осень — огненный мяч.

Оглянись, погоди,  
зрелость — осень-краса:  
облетит, обгорит  
золотая коса!

Красишь землю, любя.  
Ветер ловок и смел.  
Дождик метит в тебя  
бесприютностью стрел.

Будет холод и лед.  
Встретишь зиму нага.  
А наряд загребет  
злою горстью пурга.

\*\*\*

Не скужится на золото осень.  
Расплескала без меры лазурь.  
Ветер бойкий до срока приносит  
первый плач нависающих бурь.  
Разрумянилось все — до избытка —  
в хороводных просторах, в глуши.  
Увяданье — багряная пытка,  
горевое веселье души.

\*\*\*

Жизни доля высокая,  
лаской света рожденная,  
и меня светлым праздником

стороной не прошла:  
со звездами высокими  
да полями привольными  
леса милую сторону  
мне отчизной дала!

Мёдом трав одурманенной,  
пеңем птиц зачарованной,  
мне от края зеленого  
не уйти никуда:  
жить мне пленницей радостной  
в мире росном и солнечном  
все, дарёные временем,  
голубые года!

Сердце глупое, ласковой,  
горячей да внимательной  
песней красок и запахов  
среди просторов цветы:  
милый матушке, солнышку  
да родимой сторонушке  
за любовь беззаветную  
поклонись до земли!

\*\*\*

Ты, родная Русь,  
птица белая.  
Ярославлин плач  
сердцем слышала.  
Ты ль не ведала:  
не в ночи беда  
зноом волчьих глаз  
разгорается,  
дикость лютых сил,  
злых врагов орда  
ко твоей красе  
примеряется?  
Но жива твоя  
воля знатная,  
в вихре черных бурь  
возродилась  
и в глуши тоски  
сила статная  
в опереньи крыл  
укрепилась!  
И несут тебя  
крылья мощные  
с Куликовых круч  
в дали мгlistые.  
И горят калин  
гроздья сочные  
цветом всех побед  
в зори чистые.



Владимир ШИЛОВ

# ИВАН ЛЮБИМОВ — ОСНОВАТЕЛЬ БЕРЕЗНИКОВ?

Многие города России и мира имеют своих «отцов-основателей». Москва, Санкт-Петербург, Рим...

Жители Перми связывают ее возникновение прежде всего с именем В.Н.Татищева, участника Полтавской битвы и автора «Истории Российской...»

Березники получили «статус города» в 1932 году — Постановлением Президиума Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета от 20 марта. В акте о его рождении было записано: «Город Усолье и рабочие поселки: Веретию, Дедюхино, Ленву, Усть-Зырянку и Чуртан Березниковского района Уральской области — объединить в один город. Объединенному городу присвоить наименование — Березники.

В городскую черту объединенного города включить следующие прилегающие к нему населенные пункты с их усадебными и земельными угодьями: селение Березники, станцию Усольскую Пермской железной дороги и пристань того же названия на реке Каме, станцию Солеварни Пермской железной дороги и пристань того же названия на реке Каме, селение Зырянку, деревню Камень (Сергиеву), селение Басево и вновь возникший поселок на территории сельскохозяйственного Усольского комбината». Этот «исторический акт» подписал Председатель ВЦИК М.И.Калинин.

Значит, Березникам в 1996 году «официально» исполняется всего 64 года. А вот березниковская типография (ныне издательский дом «Типография купца Тарасова»)

летом 1995 года отметила свое 100-летие. Березниковский краеведческий музей в том же году отпраздновал 70-летие. Как видим, некоторые учреждения Березников

старше самого города?!

И возникают вопросы: с какого года и от какого места вести начало Березников и кого считать «отцом-основателем»?

Казалось бы, местом можно считать территорию старого города Усолья, которая в 1981 году вроде как относилась к Березникам. Усолье впервые упоминается в источниках под 1606 годом, и возникло оно благодаря Никите Строганову (поэтомуслободку Новое Усолье часто называли Никитским). Упомянутые мной издательский дом и краеведческий музей ведут свои «родословные» именно из исторической части Усолья, где они первоначально и располагались (дом Кузнецова — типография, дом («палаты») Строгановых — музей).

Но вряд ли, на мой взгляд, рождение Березников следует вести от 1606 года и из исторической части нынешнего города Усолья. Село Новое Усолье, получившее в 1918 году статус города,

имеет свою интересную, самобытную историю. Экономическим потенциалом он обязан прежде всего добывающей здесь соли. А экономика Березников связана со строительством и пуском в 1883 году первого в России содового завода. Ведь до него соду для промышленных нужд (в основном для развития стекольной, текстильной,



Иван Иванович Любимов

мыловаренной промышленности и переработки нефти в керосин) ввозили из-за границы.

И вот в Березниках была получена первая сода. Как сообщала газета «Пермские губернские ведомости» (1884, 14 янв.), образцы этой соды были посланы Д.И. Менделееву, а он уже 1 марта 1884 года на заседании отделения химии Русского физического общества сообщил свое заключение о новом заводе и о том, что березниковская сода чрезвычайно чиста и высокого качества.

Сегодня АО «Сода» — уникальное и значительное производство не только в Березниках, но и в масштабах всей России. Таким образом, годом рождения современных Березников можно считать год 1883.

Основателем же березниковского содового завода был частный предприниматель купец 1-й гильдии Иван Иванович Любимов. Его можно считать и основателем Березников.

Неординарная личность И.И. Любимова (1838-1899) замечательна — как и история крупнейшего города на Верхней Каме.

По мнению историка Н.П. Баяндиной: «...Любимову удалось создать хозяйство, напоминающее современную холдинговую компанию. Машиностроительные, химические и транспортные предприятия, основанные пермским купцом, дали толчок экономическому развитию Прикамья и во многом определили судьбу крупнейших городов, профиль их промышленного развития...»

Первоначально И.И. Любимов продолжал доставшееся ему от отца пароходное дело, заведя на Каме первые пассажирские пароходы американского типа. Кстати, в пермском Прикамье в середине XIX века число пароходных компаний росло как на дрожжах. В 1858 году в Перми даже появился завод для постройки и починки пароходов, устроенный англичанином Гуллетом, — впоследствии завод купил И.И. Любимов. С 1863 года устанавливается регулярное пассажирское сообщение вверх по Каме до нашего Усоляя. В 1877 году Любимов возводит завод для постройки и ремонта речных судов. Тогда же стараниями Любимова по Каме начинают курсировать двухэтажные пароходы американского типа. Первенец, кстати, носил название «Березники»!

На своем механическом заводе (который когда-то принадлежал тому самому Гуллету, а затем Тету) Любимов построил даже несколько морских шхун. Однако в 1878 году у камских пароходов появилась опасная конкурентка — Уральская железная дорога. Но предпринимчивого Любимова это мало коснулось. По его инициативе горнозаводская ветвь железной дороги от Перми до станции Чусовой была продолжена до верховьев Камы с конечной станцией — Солеварни. Эта железная дорога обеспечила подвоз кизеловского угля и дала выход на водный транспорт.

И вот в 1881 году уже всем известный энергичный и удачливый предприниматель подписывает контракт с изобретателем аммиачного способа производства соды бельгийским химиком-технологом и коммерсантом Эрнес-

том Сольвэ, который разработал более совершенный аммиачный способ получения соды из поваренной соли. И в 1883 году на березниковском заводе получили первую соду высокого качества. А после того, как в 1890 году вошел в строй второй содовый завод — на Северном Донце (в Донецке), ввоз соды в Россию из-за границы совсем прекратился.

Упомянутая Н.П. Баяндина писала: «На Березниковском содовом заводе господствовал режим строгой секретности. Вся организация производства и управление подчинялись этому требованию. На заводе никогда не делали общих чертежей аппаратуры и машин содового производства. Существовали только чертежи деталей аппаратов. Также засекречивали режим производства. Высокие оклады руководящего персонала не давали даже мысли оставить работу. Заработная плата директора составляла 6000, инженера-технолога — 3000, химика — 1800 рублей в год. Рабочие получали от 15 до 40 рублей в месяц. До революции на заводе насчитывалось до 1000 рабочих».

При содовом заводе существовал театр, симфонический и духовой оркестры, больница на 30 мест даже с операционной комнатой.

Деятельность купца Любимова в Верхнекамском крае не ограничивалась названными отраслями. В 1860 году он купил участок земли с заброшенным солеваренным заводом Пыскорского монастыря и восстановил его. Расположенный недалеко от Березников другой солеваренный завод в горном городе Дедюхине сдавался казной в аренду, и первым его арендатором стал И.И. Любимов, который тоже первым из предпринимателей-солеварщиков устроил работу солеварниц по баварскому способу и стал применять паровые машины в технологическом процессе.

Незадолго до смерти Иван Иванович хотел завести нефтяное дело на Кавказе, но смерть, последовавшая 19 февраля (ст. стиль) 1899 года в Ялте, помешала ему.

Любимов известен как общественный деятель, меценат и просто широкой души человек. Краевед В.С. Верхоланцев в книге «Город Пермь, его прошлое и настоящее» писал: «Благодаря своей доброте, Иван Иванович не прекращал своих предприятий даже тогда, когда они несколько лет приносили ему убыток, не желая тем лишать заработка сотен народа».

Несколько лет Любимов был в Перми городским головой. Он имел звание коммерции советника, и удостоился всех русских орденов до св. Владимира III степени включительно, а также бриллиантового перстня с вензелевым изображением имени Великого князя Алексея Александровича. По инициативе Любимова в Перми было основано Алексеевское реальное училище. Для него он пожертвовал свой дом. Стоит отметить, что и супруга покойного И.И. Любимова тоже пожертвовала 25000 рублей на торговую школу. Е.И. Любимова слыла в Перми очень щедрой благотворительницей.

Общественности Березников стоит подумать о создании памятника или бюста основателю нашего города.



Николай ЯМОВ

# ТАТАРСКОЕ ПОБОИЩЕ

## ГИПОТЕЗА

Осенью 1662 года «калмыцкие воинские люди», «воровские татары» и «воровские башкирцы», напад на Белослудскую слободу (волость), сожгли в ней все деревни дотла. Жителей всех побили, а иных в полон взяли, чтобы продать в рабство. И весь скот угнали.

Сожгли татары и башкирские «юртишки» (волости) на речке Дуван-Ай и родичей всех побили. Тарханы — башкирские воины — в то время несли государеву службу в Туринском остроге. Ими командовал Яман-Гул Усенинов.

Крестьяне в белослудских деревнях жили с осени 1644 года, когда основал слободу верхотурский боярский сын Василий Иванович Муравьев. Границы слободы были от речки Боровлянки до озера Ирбитского и до верховьев реки Ирбита. Он же ставил там и острог Белослудский, да дела государевы позвали его на Верхотурье.

Узнав о «воровском» набеге, он поспешил к острогу, да припоздал. Когда приехал на Ирбиту, острог Белослудский был уже в осаде.

Татары потребовали сдать им острог. Но воины русские сдаваться отказались. Заявили татарам: «Пусть умрем мы здесь, но други наши отомстят за нас!»

Татары подожгли Белослудский острог и сказали: «Кто выйдет безоружным, тот будет помилован!» Да никто из воинов не вышел.

Потом пошли татары на слободу Ирбитскую. Дойдя до деревни Зайковой, жечь ее не стали. Пербив жителей, они разграбили все, что можно было, и поставили в Зайковой свой лагерь — для штурма Ирбитской слободы и острога Ирбитского.

Туринский воевода отказался высылать подкрепление ирбитскому приказчику Моисею Литвинову, так как беломестных и служилых казаков у него было мало, а башкирская конница ненадежна — может перекинуться на татарскую сторону.

В остроге началась паника. Не хватало свинца и пороха. Гарнизон был малочисленным. Приказчик Моисей Литвинов пребывал в растерянности: то ли ждать в остроге и погибнуть в огне, то ли без боя отступить к Туринскому острогу.

Но тут приехал Василий Муравьев и взял руководство на себя. Паника улеглась. Муравьев решил встретить татар в «чистом поле».

Он приказал собрать в острог всех, кто может держать в руках топор или рогатину. Отправил в Туринский острог скорого гонца с памятью (письмом), которую сам написал и печать черно-восковую ставил.

Свое войско Муравьев вывел к деревне Старой Шмаковой. Поставил на высоком холме, повелев воинам своим делать вид, что именно здесь они будут ждать своих врагов. Перед ними была неглубокая ложбина, за ложбиной снова место высокое, и дно ложбины из-за того высокого места с зайковской стороны «видеть не можно».

Вечером, в лучах заходящего солнца, войско русское было как на ладони. На высоком месте с зайковской стороны не раз показывались татарские конники — осматривали подступы к русскому войску.

А как начало темнеть, Муравьев велел поставить засады, чтобы они к ложбине той татар не допускали. И велел возить в ложбину длинные жерди с острыми вершинами да колья, да вицы таловые. И велел заграду делать, называемую «перетыкою».

...«и поныне крестьяне огороды так городят. Иные огороды бывают и без столбов, на «перетыках» одних». (Землемер Заев, 1796 г.)

Стали они колья в землю парно бить (перетыки), а потом в каждую перетыку ставили жердевые колья вершинами в зайковскую сторону, а комелья их в землю копали. Всю ночь заграду делали! А засады на высоком вражеском месте сидели, не допуская татар к ложбине.

Под утро Василий Муравьев, оставив на холме

малое войско, в основном из крестьян, основное вывел вперед и, разделив его надвое, поставил в «заградах боковых». Рано утром «калмыцкие воинские люди» и татары «великим скопом» пошли на острог Ирбитский, отрядив впереди себя малый отряд. Не дождавсь о него вестей и увидев пред собой на высоком бугре войско русское, с визгом и криком поскакали на него.

Набрав максимальную скорость, татарская конница рассыпалась лавой, насколько позволяла местность, чтобы смять, растоптать, изрубить, переколоть. Преград для такой лавы нет. Только обрыв или глубокий овраг могли ее остановить. Но татарская разведка таких на подступах к русскому войску не обнаружила. Была неглубокая с пологими берегами ложбина, но препятствием для конницы она не являлась. Вот только дно той ложбины не просматривалось до самого последнего мгновения.

И было страшным мгновение то!

Осенний утренний туман спустился в ложбину, скрывая острия гигантских копий. Кони первой цепи, окунувшись в туман, были буквально пронзены копьями и повисли на них! Кони следующих цепей, в прыжке преодолев острия копий, повисли на копьях перетык. Те, что сумели остановиться, были сбиты скакавшими сзади. «И получилась в месте том заграда неодолимая!»

А ирбитские казаки в это время начали «из заград боковых пищальми палить, да из пушек малых постреливать часто».

И поднялась средь татар паника. Иные поскакали к Зайковой деревне, те, что остались, «не убоившись», приступили к загодам боковым, идя под пули пищальные.

И уже нечем было заряжать пищали, так как

свинца и пороха было мало. А татары, видя, что стрельба стала реже, приступили к загодам еще плотнее! Василий Муравьев хотел заградчиков снять и в лес отвести. Да послышался тут с Ирбити топот конский. Это башкирские тарханы, жажущие мести за родичей своих, летели как на крыльях! И вел их Яман-Гул Усенинов. И страшны были лица их. Они встали перед загодой цепями. И из больших луков своих стали калмыков и татар расстреливать в упор. А потом, разобрав в середине заграду, поскакали на врагов, давя и рубя саблями.

Не выдержали татары и калмыки, побежали «пеши и конны»

И теперь еще зовется то место, напротив деревни Старой Шмаковой — «Татарское побоище». Потому что бились там «татара» с «татарами», ибо русские поселенцы не отличали татар от башкир. Одеты они одинаково и язык их схожий.

В той великой сече погиб верхотурский боярский сын Василий Иванович Муравьев. Это он рядом с маленькими деревушками поставил на высоком крутогоре острог-таможню (ныне площадь В. И. Ленина в Ирбите).

Не велик был тот острог, всего 205 сажень в окружности. Посредине — торговая площадь. И двой ворот: в одни торговые люди заезжали с привезенными товарами, платя пошлину, а в другие выезжали с купленным товаром, тоже пошлину заплатив. Для того отчасти и задумывался острог, чтобы прекратить на Ирбити беспошлинную торговлю.

Он же — Муравьев — поставил на Ирбити государевы житницы и мельницы, поселил торговых людей, казаков служих и беломестных в остроге и за острогом. И тем самым дал начало граду Ирбитскому.



Юрий МИТРОФАНОВ

# ФИЛЬКА

В 1965-году я работал радистом в топографической партии, которая базировалась в поселке Таборы Свердловской области.

После работы почти ежедневно уходил в сопровождении Тарзана вверх по течению реки Черная. Просиживал там до самого заката, после чего ставил точку на прожитый день. Хорошо у костра под звуки ночной тайги пить чай, слушать тайгу и звуки жизни ее ночных обитателей. Тарзан лежал рядом, дремал чутким собачьим сном.

Как-то в начале августа мы с Тарзаном возвращались домой раньше обычного. Дул свежий западный ветер и из-за горизонта напоззала сизая грозовая туча. Солнце, еще не закрытое ею, ласкало землю теплом. Тарзан, трусивший впереди меня, вдруг резко кинулся в сторону и исчез за зарослями шиповника. Вскоре раздался его злобный лай. «Это не глухарь, — подумал я. — Кто же? Опять ежик?» Ежей в той местности водилось много.

Однако в этот раз Тарзану повстречался не еж, а филин — молодой еще, с желтизной у клюва и неокрепшими крыльями. Что заставило его так рано покинуть родное гнездо? Кто знает, тайга неохотно раскрывает свои тайны. Но как бы там ни было, а птенец остался один на один с безжалостной к слабому природой. Летать, а значит добывать себе пищу он еще не мог. Но вот инстинкт самозащиты был у него развит, как водится, с рождения. Потому-то очень умело защищался он от Тарзана: упал на спину головой к зарослям шиповника, выставил вверх когтистые лапы и грозно щелкал мощным клювом. С какой бы стороны не пытался подступиться к нему Тарзан, его неизменно встречали нацеленные в морду острые когти.

Нахлобучив не без труда на филина свою противошнурную куртку и спеленав его рукавами так, что он не мог шевелиться, понес его в избушку. Как только я вытряхнул дома Фильку (так я его назвал), он сразу же занял свою оборонительную позу, хотя и напрасно: Тарзан остался на улице, а я нападать не собирался. Оставив ему на ночь тазик с водой для питья, я ушел к себе.

Ночью, под шум дождя и раскаты грома мой невольный пернатый пленник вел себя спокойно: не метался по комнате, тихо сидел в противоположном от двери углу, только светились глаза.

Наступило утро следующего дня. Покормив Тарзана, я задумался: чем же кормить мне птенца? Сырого мяса не было, поэтому решил предложить ему свежей рыбы, которой в Черной водилось много. Набросал, не подходя к нему очень близко, самой мелкой, еще порезав ее на крохотные кусочки. Пока я это делал, Филька щелкал клювом, страдая меня, и не обращал на еду никакого внимания. Каким же было мое удивление, когда через полчаса

я не увидел ни одного кусочка рыбы. «Значит не объявляем голодовку — обратился я к Фильке, — вот и хорошо». И снова принес ему рыбы. Дело пошло на лад.

Уже спустя несколько дней Филька не проявляя ко мне нерасположенности и не щелкал угрожающе клювом, а наоборот, выжидательно смотрел на меня. Но если я пытался подойти ближе, чем обычно, то он снова начал грозно «ругаться», как бы предостерегая: я, мол, не из тех, кто даст себя в обиду.

К осени, когда по окончании полевого сезона партия перебазируется в Екатеринбург, я надеялся поставить Фильку, что называется, на крыло.

Отсутствием аппетита Филька не страдал — съедал все, что я приносил. Правда, угостить его мясом никак не удавалось. Но через некоторое время предоставилась и такая возможность. Однажды я отнял у Тарзана задавленного им в тайге зайчонка. Еще и отчитал его за «нарушения» правил: сезон охоты не начался. А зайчонок пошел на «стол» Фильке. После этого он стал относиться ко мне еще дружелюбнее. Во всяком случае, я мог подходить к нему почти вплотную — он уже не старался пугать меня. Только сердился, когда я пробовал погладить его. Сразу же превращался в того Фильку, которого я увидел впервые.

Как-то я был дольше обычного занят утренней связью. Филька, привыкший получать завтрак в положенное время, не вытерпел. «Пи-у, пи-у» — донеслось из другой половины избы, где обитал он (взрослые филины клокочут, издавая характерные звуки; могут изобразить мяуканье или дикий хохот, в хорошем же настроении ухают). Впервые Филька попросил еды сам. Пришлось ненадолго прервать связь, что б накормить его. Под конец полевого сезона Филька уже не чурался меня, но все-таки следил за тем, чтобы я не переходил границу дозволенного. Теперь он уже совершенно не походил на того желтортого птенца, которого я подобрал. Перья отросли, пригладились, на голове появились, как и положено, «рожки». По ночам он чаще стал гулять по комнате, постукивая когтями об пол. Близилось время, когда можно было отпустить его на свободу. В последние дни я усиленно кормил его, благо начался охотничий сезон и проблем с мясом не было.

И вот настал день расставания. Вечером я оставил открытой дверь. Утром Фильки уже не было — улетел. Не скажу, что я очень скучал о нем: свободной птице — свободный полет. Наоборот, испытывал радость от того, что смог помочь птице, попавшей в беду.

Просиживая погожими вечерами у костра на берегу Черной, я не раз видел на фоне звездного неба бесшумно мелькнувшую тень большой птицы и, конечно же, думал, что это мой Филька.

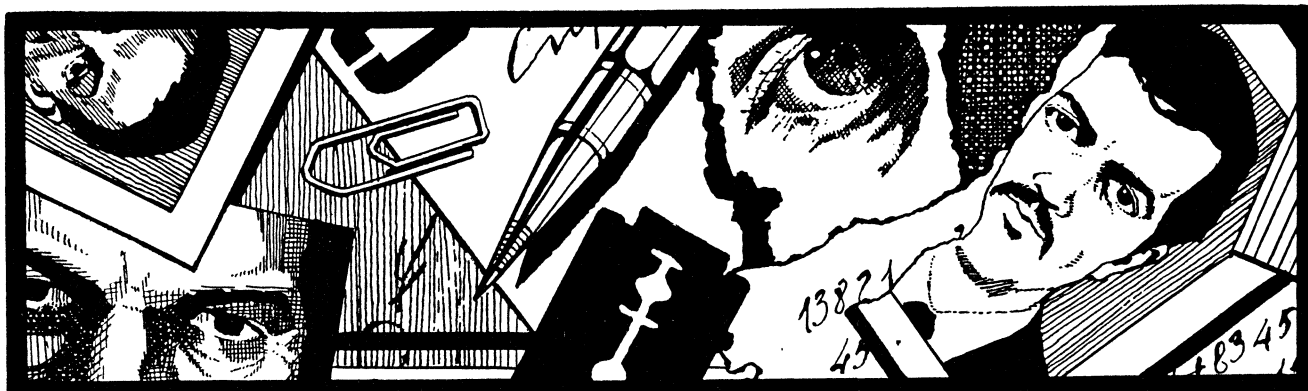


Андрей ИЛЬИН

# ЗАПИСКИ НЕВИДИМКИ

(ПРОХОДНОЕ ДЕЛО)

Рисунки Татьяны ЗЛОКАЗОВОЙ



Тогда возможен третий вариант... В конечном итоге я отработал с десяток вполне реалистичных планов спасения. А чем еще заниматься в замкнутом пространстве запертого трюма, как не думать?

Любой из моих планов обещал 65-90 процентов успеха при возможной гибели 10-40 процентов пленников. Не самые плохие показатели. Наверное, ими были бы довольны самые вьедливые преподаватели Учебки.

Наверное?

Нет! — честно признался я сам себе — такие результаты не принял бы самый последний конторский инструктор. Да, я победил тактически — я завоевал свободу. Но я проиграл стратегически — я развалил легенду, я нарушил основополагающее правило Конторы, я пытался сохранить жизнь в ущерб данному мне заданию, в ущерб конспирации!

Моя жизнь, равно как жизнь всех пленников, не может служить оправданием провала! Провал — абсолютный показатель. Провал — это всегда раскрытие маленького кусочка большой Тайны.

Если сохранение жизни не вредит делу, можешь позволить себе жить, если вредит — будь добр умирай, хоть один, хоть за компанию с тремя десятками сослуживцев: число здесь роли не играет. Когда для сохранения Тайны существования

Конторы надо будет уничтожить всю Контору, это будет сделано безотлагательно, и последний отдавший приказ о ликвидации начальник, убедившись в четком исполнении указания о повальной гибели подчиненных, не дрогнувшей рукой сделает себе хакири.

Такая дисциплинированность поддерживается не сознательностью (сознание не может поставить чужое задание выше собственной жизни) — безнадёжностью. Каждый работник Конторы знает: если ты поколебался, завалил операцию из-за естественного желания сохранить жизнь, у тебя ее все равно отнимут. Во имя сохранения Тайны. Ради прецедента неотвратимости наказания. Чтобы другим было неповадно. Чтобы не возникал соблазн ставить свою жизнь выше общей цели. Жизнь не может быть значимей Тайны!

Именно поэтому Контора практически не знает провалов. Страх неотвратимости наказания удерживает людей от предательства. Бессмысленно убегать от случайной смерти, чтобы попасть в лапы запрограммированной.

Я выиграл в единоборстве с бандитами и тем проиграл — вчистую. Я допустил самый крамольный из всех возможных для спеца проступков — возжелал жить любой ценой. Я думал о жизни, а не о сохранении Тайны. Если Контора об этом узнает, я буду строго наказан, даже за мысленный допуск такого.

*Продолжение. Начало в № 7*

Я расслабился. Я унесся в фантазиях непозволительно далеко. Стоп. Теперь без ошибок. Забыть о жизни, забыть о придуманных планах спасения! Теперь только в рамках разыгрываемой роли. Я туп, неразвит, до безумия опасаясь за свою жизнь и в то же время совершенно не умею ее защищать. Я обреченный на умирание обыватель. При приближении смерти, как бы мне это ни было противно, я буду плакать, молить о пощаде, лизать сапоги палачей, а если они надумают меня избить, напрягу всю волю, чтобы не ответить инстинктивно на удар встречной смертельной атакой. Я позволю себя колотить, как только они пожелают: выбивать зубы, ломать ребра, отбивать внутренности. Я позволю с живого сдирать с себя кожу и в конечном итоге убить, но даже в последнее мгновение жизни не разрешу себе отступить от утвержденного мною образа. Только в одном случае я могу позволить себе выказывать свои навыки — если впоследствии о них некому будет рассказывать!

Теперь только так! Шаг вправо, шаг влево — считать предательством!

Весь следующий день мужики продолжали, но уже более вяло строить планы спасения. Они изошли напустопоржнюю болтовню, не оставив сил на дело. Они проиграли, не начав борьбу. Вместе с ними фантазировал на заданную тему и я, понимая лучше, чем кто-либо, какую несусветную чушь несу.

К вечеру люк распахнулся.

— Эй, в трюме, живы еще? — раздался радостный голос сверху. — Хотите о себе радио послушать?

Просунули внутрь приемник:

«...захваченных в качестве заложников. Милиция ведет расследование. Всех, кто может сообщить о местонахождении похищенных людей или дать любую другую информацию относительно данного дела, просим звонить по телефону 02...»

— Ну что, слышали? Вы теперь знаменитые!

Радости от свалившейся вдруг на их головы славы никто не ощутил.

— Лучше бы жрать дали, — раздался голос.

— А жрать заложникам не положено!

— Эй, ты, шестерка, — прервал пустую болтовню командир, — передай своим начальникам, чтобы они дали еды, воды и отвели женщин на opravку. Иначе...

А что иначе? Что, кроме угроз, могли обещать наглухо запертые в трюме люди?

— А пулю в лоб не желаешь? — психанул на «шестерку» охранник. — Ну-ка подойди к свету!

— Я сказал — воды! — не испугался командир. Он не был профессионалом, но в трусости его обвинить было нельзя.

— На дне трюма лужи есть. Вам хватит!

Люк захлопнулся.

Но через несколько часов в пожарном ведре в

трюме спустили что-то напоминающее похлебку. Значит, как-то на бандитов воздействовать можно! Значит, все-таки заложники им зачем-то нужны! Будем иметь это в виду.

Следующий день принес сюрприз.

— Три человека ко мне! — скомандовал бандит, стоя над срезом люка.

— Пока вы не удовлетворите наши требования, наверх никто не поднимется! — категорически заявил командир.

— Что? Даю три минуты!

— Может, зря? Может, лучше их не злить? — заробел кто-то.

По трюму загрохотали чужие подошвы. «Пять человек, три пистолета, автомат, обрез, еще пистолет в подмышечной кобуре, нож...» — автоматически подсчитал я. Мужики выдвинулись вперед. Бандиты действовали на удивление бездарно: спустившись, сгрудились толпой, оружие уперли в одно место, вместо того, чтобы равномерно рассредоточить по людям. Автоматчика, способного держать под угрозой весь трюм, выпустили вперед, в наименее выгодную позицию, где его можно было достать одним прыжком. Они даже не оставили охранника-наблюдателя у люка! Они абсолютно уверовали в свое всеисилие и не думали о безопасности.

Я, чудак, разрабатывал хитроумные планы, мозги напрягал, а здесь, кажется, довольно одних кулаков! Резко шагнуть, задрать вверх ствол автомата, ударить его владельца ногой в пах, пальцами другой руки достать глаза левого соседа (он, судя по повадкам, наиболее опасен, с него и начинать), согнувшегося от боли автоматчика толкнуть на спящего бандита, прикладом и ногой одновременно выключить двух оставшихся преступников. Не тратя времени на добивание, вскарабкаться с автоматом на палубу, занять оборону. Полминуты на все про все. Даже стрелять не требуется!

Но события развивались иначе, не в профессиональном русле. Когда любители противостоят любителям, неизбежна банальная драка.

— Мы требуем, — настаивал командир.

— Три человека, — угрожающе сипел главарь бандитов.

— Мы отказываемся подчиниться...

— Последний раз...

Бандиты, толкаясь рукоятками пистолетов, полезли в толпу. Ну не безумцы ли?! Для чего предназначено огнестрельное оружие, как не удерживать противника на расстоянии? А они в рукопашную прут, уравнивая тем возможности пистолета с банальным столовым ножом. Похоже, их обучали тактике ведения боя в ближних, за танцплощадкой городского сада, кустах. Отсюда и тяга к бестолковой, стенка на стенку, потасовке. Подводит их хулиганское детство...

Истошно закричали женщины.



Ближние к бандитам мужчины, пытаюсь оказать сопротивление, неумело замахали кулаками и тут же упали на колени, зажимая разбитые в кровь лица. Среди них был и я. Скучная мне досталась роль — жертвы — и не умеющего за себя постоять пацифиста.

Что-то реальное успел сделать только командир. Вырвавшись вперед, он, увернувшись от тычка обреза в живот, хорошим прямым ударом в челюсть сшиб с ног самого крупного бандита. Расширевший главарь ударил его пистолетом по затылку. Черту под дракой подвел выбравшийся из свалки автоматчик — длинная очередь, громоподобно прозвучавшая в замкнутом пространстве металлического трюма, оглушила и нападавших, и защищающихся. Заложники испуганно отхлынули к одной из стен.

— Падлы! Гниды вонючие! — ругался главарь бандитов, утирая кровь с разбитой губы. — Перестреляю гадов!

Рядом с ним недвижимо лежал командир.

— Ты и ты, поднимите его наверх, — приказал бандит, угрожающе поводя пистолетом. — Ну! — щелкнул курком.

Заложники, один из пилотов и выживший инкассатор, повиновались. Когда дело было сделано, вниз никто не спустился. Хлопнул люк. Узников стало меньше на три человека.

Вечером нам снова дали послушать радио. Переданное сообщение повергло всех в ужас.

«...Тела убитых заложников были обнаружены около городской свалки после анонимного звонка в городской отдел милиции. Преступники продолжают настаивать на своих требованиях, угрожая новыми убийствами. Еще раз обращаемся к помощи населения...»

Дикторша бесстрастным голосом передавала текст, от которого у всех сидящих в трюме волосы на голове поднимались по стойке «смирно».

То есть даже так! То есть трупов они не боятся! Игра идет на полном серьезе, и наши вчерашние собратья по несчастью взяты не для уборки гальяона или допроса, как мы предполагали ранее, а лишь в качестве дополнительного аргумента в затянувшемся между властями и преступниками противостоянии? Их отвели подальше и хладнокровно пристрелили лишь для того, чтобы подтвердить серьезность декларированных ранее угроз.

Мол, сказали убьем — получите три трупа!

Однажды произнесенное слово «заложник» обрело совершенно реальное для узников значение. Их взяли в залог под чужие жизни и могут затребовать в любой следующий момент. Всякая фраза в словесной перепалке, вроде «Мы подтверждаем серьезность своих требований» или «Мы вынуждены поторопить события», может обернуться очередными выстрелами из пистолета в затылок. В мой в том числе!



— Послушали? — поинтересовался главарь бандитов. — Все поняли? Тогда черкните записки своих родственникам. Мы перешлем, в случае чего. А еще письмецо в милицию, чтобы пошевелились. Пожалобней пишите, а то они там твердолобые, нормального языка не понимают. Складно напишите — еды дадим. Как закончите — шумните.

Теперь стало понятно, почему они так заботились о нашей информированности. Им не доставало весомого психологического фактора — коллективной мольбы о помощи.

И пленники писали, молили пойти на все требуемые бандитами уступки. Они проиграли, потому что хотели сохранить жизнь любой ценой, пусть даже ценой унижения. Их разделили, и теперь властвовали над их душами и телами. Они были готовы на все, лишь бы сохранить свои жизни.

К исходу следующего дня из массы пленников бандиты выдернули еще одного обреченного человека. На этот раз обошлось без драки — силы сопротивления заложников были сломлены изъятием из их среды наиболее боеспособных и задиристых мужчин. Заложники не пытались сопротивляться. Они безропотно подчинялись, надеясь лишь на одно — что до них очередь дойдет не сегодня. И даже выбранный в качестве очередной жертвы мужчина не протестовал — шел, потупив глаза, на заклатие, как бессильный, ничего не желающий понимать агнец. Но униженная смиренность его не защитила — через несколько минут раздался одиночный выстрел.

Дело принимало все более скверный оборот. Так, по одному они могли перестрелять всех заложников. Я имел все шансы сохранить тайну, запечатав ее, словно джина в кувшин, в оболочку собственного тела, а уж труд бросить этот дорогой для меня сосуд на дно самого глубокого моря возьмут на себя бандиты. Что ж, будем безропотно ждать своей участи, заботясь только и исключительно об интересах конторы.

Но неожиданно события изменили свое плавно-трагическое течение. Непонятно какими соображениями руководствуясь, бандиты отделили мужчин от женщин, расселив их по отдельным каютам. Что их заставило это сделать? Боязнь нового бунта? Опасение, что эмоциональность женщин рано или поздно облечется в слова, раздражит сильный пол, устыдит их самолюбие? Но зачем тогда разделять мужчин, разводить их по камерам-одиночкам? Чтобы они не сговорились, не передали друг другу информацию?

Бандиты явно не владели ситуацией. Я, наблюдая происходящее изнутри, прекрасно понимал, что новый бунт невозможен, что за призрачную возможность оказаться в живых в дальнейшем каждый готов пожертвовать жизнью жизнью соседа. Об общем сопротивлении не могло быть и речи. Каждый нашел десятки аргументов в поль-

зу пассивного ожидания, убедил себя в их абсолютности: бандиты вооружены и готовы стрелять в любой момент, пленники, наоборот, ослаблены долгим полуголодным заключением. Идти в бой — значит провоцировать их на резню. А так остается шанс дожидаться помощи извне. Наконец, самодеятельная борьба может нарушить планы милиции, помешать их действиям, направленным на освобождение заложников... Слова, аргументы, умозаключения, за которыми стоит исключительный страх. Страх умереть на день, на час раньше уготованного судьбой срока.

На сегодняшний день пленники охраняли себя лучше самих бандитов. Любой зародыш сопротивления давился раньше, чем обретал форму действия. «Не смейте об этом даже думать! Вы развяжете им руки! Они станут стрелять! Если вам не дорога своя жизнь — пожалейте чужие...»

Неужели преступники слепы? Неужели до сих пор не поняли, с кем имеют дело, не считали с лиц рабскую покорность? Или они преследуют какие-то свои хитрые цели?

Как бы там ни было, изменение режима содержания под стражей предоставило мне шанс на спасение. Вернее, даже не шанс, а призрачную надежду на него. Я остался один без круглосуточного пригляда пусть сочувствующих, но все равно чужих глаз. Один на один с врагом, который в случае неудач уже не сможет рассказать об удивительных способностях, вдруг выказанных пленником. Фактически я получил право на попытку индивидуального спасения! И я не хотел ее упускать.

Освободиться от наручников, которыми меня приковали к койке, было не так уж и сложно. Открыть дверь каюты — тем более. Обезвредить, не поднимая лишнего шума, одного-двух встреченных в коридоре охранников — мне по силам. Гораздо сложнее было выжить без снаряжения, без нормальной одежды, обуви, спичек в окружающей тайге. Топать сотни километров в легких полуботинках и рубаше с коротким рукавом, потому что пиджак у меня предусмотрительные бандиты забрали еще несколько дней назад. Не могу же я выйти в ближайший населенный пункт, где неизбежно привлеку к себе внимание. Я имею право вынырнуть не ближе, чем в соседней области. Волки меня в таком виде, наверное, не сожрут — испугаются, но комафы, но гнус — точно! Самое печальное, что у меня нет даже примерного представления, где я нахожусь, в какую сторону идти, чтобы не забраться в безнадежный тупик. Риск много выше среднего. И все же лучше он, чем ожидание стука и приглашения на палубу. Человек должен иметь право на выбор. Я предпочитаю мучительную и долгую смерть в дебрях тайги легкой и мгновенной, но навязанной мне чужой волей. Я хочу умереть так, как хочу умереть я!

Я начал действовать. Обшарив по миллиметрам

все оставленное мне наручниками свободное пространство каюты, я нашел случайно завалившуюся под матрас скрепку. То что надо! Припомнив занятия по «взломке», я, словно увидев на классной доске чертеж замка наручников, стал с помощью пальцев и зубов фигурно изгибать скрепку в разные стороны. Первая попытка не удалась, и мне пришлось трудиться еще три часа, чтобы познать секрет замка. Секрет оказался до смешного простым: механизм запора износился до такой степени, что нормальная отмычка к нему не подходила. Она была слишком «правильная».

Я разболтал изогнутые на скрепке углы и выступы и этой, теперь уже ненормальной, отмычкой вскрыл замок. Снова закрыл и снова открыл. И так тридцать раз подряд, чтобы убедиться в бесперебойной работе «ключа».

Уходить я решил ближайшей ночью. Оставалось лишь прихватить в последний момент кое-какие могущие пригодиться мне в тайге предметы.

Но бандиты перерешили мое решение. Я опоздал. Нет, они не надели на меня еще три или пять дополнительных наручников, с ними я, наверное, смог бы справиться. Они не поселили ко мне в каюту дюжину наблюдателей, здесь бы тоже я что-нибудь придумал. Они поступили мудро и элегантно — запустили моторы и отогнали судно от берега, бросив якорь на мелководной банке.

Теперь они могли отстегнуть наручники и открыть каюты — ходи, броди, дыши морским воздухом. Бежать все равно некуда. Можно одолеть десять вооруженных противников, можно победить в рукопашной схватке свирепого медведя-шатуна, можно попробовать справиться с идущим на тебя танком, но с морем?! Я не страдаю манией величия и не претендую на полномочия господ бога. Я лишь обычный, во плоти и крови человек, который умеет чуть больше, чем остальные. Но не до такой степени, чтобы согреть собственным телом тысячу кубов морской воды до комнатной температуры!

В этой, не намного выше нуля градусов, водичке я, используя свои способности и преподанные мне на спецдисциплинах навыки, прожил бы много дольше обычного человека. Возможно, на целых... пять минут. За это время я успел бы проплыть лишние сто метров, нахлебаться морской горечи, промерзнуть до самых костей и сто раз покаяться, что выбрал такую ужасную смерть вместо более легкой, от пули в голову. Увы, законы физиологии обойти невозможно, и тысячи замерзших в Арктике моряков и летчиков это доподлинно знают, но рассказать об этом уже не могут.

Шлюпку я один не смогу спустить так, чтобы не поднять всех на ноги. Сброшенный спас-плот привлечет внимание гулом сработавшего газового баллона, к тому же он плывет не куда надо, а куда ветер дует. А ветер дует в море!

Нет, это природное препятствие мне было не

одолеть. Лучше выбросить за ненадобностью кандалную скрепку-отмычку и не мучить себя надеждами на спасение. «Готовься к достойной смерти», — убеждал я сам себя. Но раз допущенная в голову мечта о лучшем не желала так запросто ее покидать.

Неужели ничего нельзя сделать? Ну придумай же что-нибудь?

А что? Уничтожить всех бандитов, захватить корабль и, подняв на нем гордое знамя свободы, отбыть на Большую землю? Так? И чтобы там спасенные заложники восторженно живописали подвиги своего товарища? Да я с митинговой, по случаю успешной операции, трибуны сойти не успею! Так и скончаюсь на глазах восторженной публики от чрезмерно ударившей в голову с расстояния двести пятьдесят метров радости! Те мои противники этих хулиганов-надомников не напоминают. Они оружием в физиономию не тычут — они его используют по назначению.

Есть, конечно, способ, разом решающий все проблемы. На экзамене по конспирации меня за него даже, наверное, похвалили бы. Уж больно он хорош! Захватить судно, но никого не спасать а, наоборот, открыть кингстоны и затопить его со всем экипажем, бандитами и заложниками, чтобы никто никому ничего не мог рассказать. И спасилелты, чтобы случайно кто не всплыл, заранее попрытывать. Один оставить и еще один спасательный плот для себя. Очередная трагедия на море, разгул стихии, ошибка экипажа и... никакой утечки информации! Идеальный план! Но уж больно затратный с точки зрения человеческих жизней.

Вот если бы судно подошло поближе к берегу на ночевку. Тогда бы я как-нибудь просочился, протек сквозь щели в обороне. И оно, конечно, рано или поздно подойдет, не болтаться же ему на рейде до льда. Но станут ли ждать так долго бандиты? Не придут ли они завтра-послезавтра по мою заложную душу? Лоторея! Поторопить бы их как-нибудь образом. Но каким?

Сделать опасную для судна пробоину? Для этого надо как минимум иметь толую шашку. Слить пресную воду? Подвезут катером. А если и пойдут для закачки, то днем. Заполнят баки и уйдут.

Что еще может вынудить преступников обратиться к помощи берега?

Болезнь члена экипажа? Довольно катера. Эпидемия? Как ее вызвать? А вызвав, самому остаться на ногах? Раскрытие местоположения заложников? Захватить радиорубку, передать сообщения через судовую радиостанцию?.. Опять засветка меня как спеца. Замкнутый круг! Если ничего не делать, неизбежно шлепнут, что лишит меня жизни, но сохранит Тайну. Если ввязаться в бой, обязательно придется продемонстрировать свои способности, что позволит выжить, но раскроет Тайну. Вот положение! Может, лучше вены вскрыть:

все не так унизительно, как пассивно ожидать чужого приговора.

И все-таки что может заставить экипаж подойти к берегу?

Погода? Я ею не управляю. Лжеприказ шефа? Я не знаю ни его самого, ни формы из связи. Огни Святого Эльма? Морское чудовище, вылезшее из пучины на палубу? Черт рогатый? Призрак министра внутренних дел на баке?

Стоп! Я, кажется, начал нервничать! Надо успокоиться. Надо помнить, что я ничего не проигрываю, не найдя решения. Только жизнь. А к ее утрате в каждое следующее мгновение меня подготовили еще на первом курсе Учебки. Жизнь агента не учитывается при решении оперативной задачи...

Итак, на чем я прервал свои рассуждения? На морском чудовище? На чудище, несущем смерть экипажу? Ну, давай, давай, раскручивай дальше. Фантазируй! Если чудовище поможет решить задачу, я стану чудовищем!

Может ли быть для бандитов что-нибудь страшнее собственной смерти? Да ничего! Легко отбирающий чужую жизнь обычно панически боится потерять свою. Слишком хорошо он знает, как легко можно заставить душу расстаться с телом. Смерти не бояться!

Но если я начну убивать их, они быстро вычислят меня и, защищая свои жизни, уничтожат. Пусть не вычислят, но, как минимум, удвоят бдительность. Начнут нести службу как положено и в конце концов ухватят меня за хвост. К тому же чем более выдающихся я достигну в этом деле успехов, тем раньше придет подмога. Как в сказке! Больше срубил дракону голов — больше их выросло!

Тупик.

А ну-ка вернемся к контрольному слову, с которого я начал. Чудище. Чудовище. Жуть морская. Почему его из поколения в поколение боялись моряки? Потому что оно убивает? Да. Но это лишь часть правды. Моряк в море всегда под смертью ходит — шторма, эпидемии, корсары. Отчего же страшнее всего чудище морское?

Да оттого, что они от него защититься не умеют. Оттого, что эта смерть необычна и загадочна в отличие от какого-нибудь там дизентерийного поноса или кинжала джентльмена удачи. Вот они, два искомых кита, на которые я буду ставить твердь своей теории спасения — загадка и невозможность защититься.

Да, бандиты боятся смерти, но, встречая ее нос к носу, отбиваются руками, ногами и зубами. Пока у них есть хоть малая возможность спастись, они будут драться! А если от нее нельзя отбиться с помощью пистолета или ножа? Если она будет неотвратима, как восход солнца?

Тогда она станет ужасной! Вот во что мы будем играть в ближайшее время. Они взяли в заложники людей, и я сам на своей шкуре убедился, как это

страшно, когда чья-то чужая воля распоряжается твоей жизнью, когда каждая следующая минута может обернуться твоей смертью. Они взяли в заложники нас — я возьму в заложники их. Всех! Мы поменяемся ролями, и я посмотрю, как им это понравится.

Каждую ночь их будет настигать тихая, невидимая смерть. Каждый день они будут гадать, кто следующий. Я не доставлю им удовольствия обратиться к сообщникам на земле. Их смерти будут естественны и тихи, и никто не сможет заподозрить в них зло умысел. Просто люди будут умирать: один, второй, третий. Они не смогут предъявить ни одного трупа со следами насилия и, значит, не смогут попросить подмоги. Их никто не убивает, зачем же дополнительные стволы и охранники?

Более того, даже друг перед другом боясь прослыть трусами, они не станут открывать потаенные подозрения. Они будут молчать и молча умирать.

И тогда их настигнет ужас, ибо нет ничего страшнее смерти, которую ты не видишь, но которая неотвратно приближается. Я создам ужасную легенду о корабле смерти. Я многократно подтвержу эту легенду, чтобы ни один сторонний человек даже под дулом пистолета не захотел ступить на его палубу, а те немногие, оставшиеся в живых, сами, по собственной воле, покинут корабль. Одним метким выстрелом я завалю не одного и даже не двух зайцев. Я не дам преступникам возможности отыграться по принципу зуб за зуб на заложниках, так как они будут совершенно невиновны. Я не спровоцирую усиление охраны, потому что для этого не будет явных причин. Я ослаблю боеспособность боевиков, лишив их полноценного отдыха. Кроме постоянных, лишаящих сна, изматывающих размышлений на тему «Кто следующий?» они будут вынуждены выполнять рабочие и охранные функции умерших сообщников. Наконец, и это самое главное я останусь рядовым заложником, спрятавшимся в тени страшной эпидемии смертей. Я не выкажу публично ни одной своей способности, отличающей меня от обычных людей. Невидимка останется невидимкой. Я сохраню Тайну, а если повезет, и жизнь!

Двое суток я готовил операцию. Для начала я «сдвинулся умом». Играя отчаяние, я часами лежал на койке, забравшись под матрац. Мне было очень важно, чтобы мои охранники привыкли к новому моему образу и к новому местоположению. Вначале они пробовали снять матрац, для остротки врезали пару раз по челюсти, потом и вовсе его забрали, но я поднял такой крик, что они вернули его на место, предварительно хорошенько избив меня.

— Дьявол с ним, с придурком. Нравится матрац тискать — пусть тискает.



Заглядывающие иногда в каюту охранники привыкли видеть вместо меня полосатый чехол и торчащую из-под него цепочку наручников, пристегнутую вторым концом к ограждению койки. Конечно, когда-нибудь в будущем в самый неподходящий момент они могли задрать матрац, но я сильно надеялся на их лень и инерцию. Люди — рабы привычек. Наблюдая десять раз одну и ту же картинку — матрац и цепочка, они автоматически домысливают под матрацем меня. Прием сработал. Открыв каюту и увидев уже ставшую привычной картину, они почти сразу же уходили.

Чтобы еще более уменьшить их бдительность и заодно заинтересованность в ворошении матраца, я «опустил» свой образ, извините, пару раз сходяв под себя. В каюте закрепился устойчиво отвратительный запах, а вид перекрашенного под маскировочную накидку матраца отбивал охоту за него хвататься. Теперь меня почти не тревожили. Ну чем может угрожать совершенно свихнувшийся, опустившийся, утративший человеческий облик узник? Лучше наблюдать за другими, крепкими, не потерявшими внутренней злобы мужиками. Мало ли что они выкинут.

Я думаю, подобный нечистоплотный прием сбег меня не только от чрезмерной опеки, но и повысил шансы на жизнь. В первую очередь избавляются от представляющих угрозу противников. К тому же кому интересно возиться, то есть снимать

голыми руками с койки, волочить по коридору и потом в мертвом состоянии везти в известное место такого засранца. Захочется потом этими руками за хлеб браться во время обеда или пот со лба утирать? На эту чисто человеческую брезгливость я и рассчитывал. Да я бы с ног до головы в дерьме извалялся, если бы это хоть немного помогло делу! Брезгливость ведет к гибели. Брезгливость из нас выбили еще в Учебке на занятиях по психологической подготовке, когда в анатомическом театре заставляли голыми руками копаться во внутренностях трупов. Как будто я там чужое дерьмо пальцами не месил! А тут свое, единоутробное, уж как-нибудь переживу.

От реализации следующего этапа плана зависел весь ход операции. Мне нужно было найти способ незаметно покинуть каюту. Дверь отпала почти сразу: коридор всегда таил опасность. Больше подходил иллюминатор. На вид он был таким маленьким, что, казалось, в него не пролезет и голова. Но я знал, что это не так. Во время учебы, на предмете «затаивание», мне приходилось прогискиваться в такие щели, что восьмилетнему ребенку не под силу. На это существовала своя техника. Вначале мы наблюдали поведение кошек. Мы заставляли их пробираться во все более узкие отверстия, замечая, как они это делают, что пропихивают вначале, что следом, как изгибаются, как дышат. Потом мы ползали сами. Стимул при вы-

полнении упражнения был самый прямой — пока не пролез, ни на обед, ни на отбой не отпускают.

— Мы никогда не сможем пролезть в такую малюсенскую дырочку, — канючили мы.

— Ерунда, отверстия подобраны индивидуально, строго в соответствии со строением ваших тел. Мы знаем, что говорим. Но если вы не хотите есть...

Мы очень хотели есть и продирались сквозь невозможно узкие дыры, не жалея ни сил, ни кожи. Инструкторы нас не жалели и, наблюдая лохмотья содранной кожи, а то и мяса, флегматично заявляли:

— Значит, они были лишние!

Хорошо, что тогда они нас не жалели, и еще хорошо, что у меня был отменный аппетит, а то как же пролез бы я в эту дыру!

Прежде чем лезть, я разделся, чуть смазал края иллюминатора слюной и примерился. Голова прошла в отверстие довольно свободно, значит, можно было протиснуть и все остальное. По краям иллюминатора я, чтобы иметь упор для ног, привязал свернутую толстым жгутом занавеску, точно такую же быстросъемную лямку выпустил наружу. Можно пробовать.

Выпустив вперед левую руку, прижав плечо к щеке и одновременно «сдуть» по методикам великого фокусника Гудини мышцы, я нырнул в круглое отверстие. Правой рукой отжимаясь от веревочной петли, совершая корпусом круговые движения, я ввинчивался в иллюминатор, словно шуруп в стену. О-хо-хо-хо! В курсантские времена я это упражнение проделывал легче. Нарос за последние годы жирок! Спасибо преступникам, согнавшим за минувшую неделю с меня жировой излишек. За это благоденствие им теперь и расплачиваться. Выбравшись наполовину наружу, я вернулся на исходные. Тренировка была завершена. Можно было переходить к делу.

Первым умер радист.

В ту ночь он задержался в радиорубке, и это решило его судьбу. Ковыряясь в разобранном передатчике, он не подозревал, что двумя палубами ниже из узкого иллюминатора, крутясь, обдирая кожу и чертыхаясь про себя, ползет, словно червяк из яблока, его смерть.

Упершись ногой в наружную веревочную петлю, я дотянулся пальцами до среза палубы и, подтянувшись, осмотрелся. Горело только одно окно радиорубки. Переступая голыми ступнями по холодному металлу палубы, я приблизился к объекту своего сегодняшнего вождления — к живому человеку. Я был заряжен смертью, как снаряд порохом. Я был чудовищем, выползшим из пучины моря. Я был самой смертью, и я не собирался никого щадить!

Радист сидел, склонившись над столом, и, перебирая детали, напевал что-то себе под нос. Он был в хорошем настроении. Тем печальнее для него.

Когда негромко скрипнула дверь, радист обер-

нулся. Он увидел странную картину — совершенно голого, посиневшего от холода человека, дружелюбно улыбающегося и тянущего ему приветственную руку. Он был уморителен, это голый человек, и радист широко заулыбался в ответ.

Поди, мужики во корки мочат! Известные хохмачи. Притаились где-нибудь и предвкушают потеху.

Радист не узнал свою смерть. Наверное, он думал, что это будет старуха с косой или затаившийся в подворотне человек с кистенем.

— С легким паром, что ли? — спросил он, подерживая неизвестную ему игру, и встал.

Я отключил его несильным ударом в солнечное сплетение, затем посадил обратно на стул, воткнул в розетку два провода и, разведя их, поднес к его ушам. Я не испытывал утрызений совести. Я не был человеком, убивавшим другого человека. Я был заложником, а он — одним из тех, кто взял меня в заклад. Я не хотел его убивать, я только пытался вернуть принадлежащую мне собственную жизнь. Я соединил провода через его голову, он затрясся в крупном электрическом ознобе. Он трясся до тех пор, пока из него не выскочила душа.

Я убрал провода, воткнул в розетку сетевой провод разобранного передатчика, засунул внутрь него чужие пальцы и уронил мертвое лицо на открытую плату.

Всякий нашедший его утром подумает, что радист в нарушение правил техники безопасности работал с включенным радиоприемником, сунул пальцы куда не следует, попал под удар током, на мгновение потерял сознание и упал лицом в хитросплетение оголенных проводов. Это его и добило. Сам виноват — не работай с необесточенным прибором! Хотя, конечно, жалко парня.

Едва ли радиста потащат за тридцать земель на вскрытие. Для этого придется раскрыть множество секретов: где случилось несчастье, на каком корабле, при каких обстоятельствах? Не могут такого допустить преступники. И, значит, истинные причины смерти уйдут на дно или в землю вместе с телом. Некому здесь заглядывать ему в уши, чтобы обнаружить следы микроожогов, тем более когда причина смерти вот она, перед глазами.

Надев висевший на спинке стула черный спортивный костюм (радист все равно не расскажет другим, был он здесь или нет), я покинул радиорубку.

Стоя на импровизированном иллюминаторном трапе, я разделся, проскользнул в свою каюту, надежно припрятал костюм и хорошо послужившие мне занавески, застегнулся на ручниками и лег спать. Кошмары меня не мучали. С чего бы? Разве плохо спит собравший урожай хлебопашец или забивший последний гвоздь в раму столяр? Я должным образом сделал свое дело. Чего же переживать? Когда решение принято, надо действовать,

а не угрызениями совести мучаться. Если позволить себе сомнения, провал неизбежен.

— Идя на операцию, затвори дверь, — учил когда-то инструктор по боевой подготовке. — Размышления по поводу — смертельная роскошь. Или останьтесь дома, или хлопните дверью!

Я своей двери в ближайшие недели отпирать не собираюсь!

Проснулся я от более оживленных, чем обычно, хождений по коридору.

— Это ж надо как не повезло.

— Ночами спать надо, а не в приемниках ковыряться. Энтузиаст тоже мне...

Слышал я обрывки разговоров. Весь день ко мне никто не заходил. Похоже, занимались покойником.

Ничего, скоро мертвец на корабле перестанет быть для них событием. Привыкнут. Я приложу к этому все усилия.

Вечером я вновь стал собираться на дело. Я не хотел допускать перерывов. Это расслабляет жертвы, позволяет им надеяться на то, что все происходящее — случайность. Постоянство смертей — важнейший психологический фактор. Ночь — труп, ночь — труп. Страшны не мертвецы — страшна их еженощная прибыль.

Пора. Уже привычным путем я выскользнул в иллюминатор, поднялся на палубу. Сегодня, благодаря заимствованному у покойного радиста костюму, я был почти невидим. По понятным причинам экипаж корабля не злоупотреблял освещением. Ни к чему им была лишняя, привлекающая внимание иллюминация. Да и мне ни к чему. Черное дело не расположено к свету. Палуба была пуста. Только где-то возле трюма выхаживал одинокий охранник. Помехой он мне не был.

В первую очередь я прошел вдоль бортов, замечая иллюминаторы, в которых горел огонь. Пленники, естественно, сидели в темноте, свет был привилегией команды и охранников. Зацепляя за леер заграждения обрывок подобранный на палубе каната и вставляя ноги в специально завязанные петли, я спускался к светящимся стеклам, заглядывал внутрь. Более всего мне подходила одна каюта, где на койке, громко храпя, спал не однажды видимый мной в трюме охранник. Рядом с ним на полу стояла початая бутылка водки.

Судя по всему, его каюта была крайняя в коридоре. Поэтому долго слоняться по внутренним помещениям не придется.

Я спустился по трапу вниз. Тускло освещенный коридор. Ориентироваться во внутренних катакомбах судна мне было еще трудно, но, слава богу, сильный храп, доносившийся из-за одной двери, помог мне определиться.

Дверь была открыта. Я быстро протиснулся внутрь. Теперь можно было не спешить. Я встал в изголовье койки, взглянул в лицо обреченному. Кажется, это он ударил меня во время бунта, в

трюме. Время возвращать долги. Нет, мстить я не хотел. Давным-давно я был отучен от человеческих слабостей. Нельзя убивать, подчиняясь чувствам, это приводит к ошибкам и, как следствие, к поражениям. Убивать надо, следуя не желанию, а лишь необходимости. Производственный необходимости. В данный момент необходимость была самая прямая. То, что она не противоречила чувствам (я косвенно спасал своих товарищей по трюму, мстил хладнокровным убийцам), роли не играло. Точно так же, если бы была необходимость, я убил бы и заложников, ну пусть бы с меньшим чувством удовлетворения, но убил бы! Так меня учили.

Пьяный охранник заворочался, перевернулся на спину. Закинул назад голову. Он что, специально подставляется, чтобы мне удобнее было его прикончить? Даже не по себе как-то. Аккуратно, указательными пальцами я зажал ему сонные артерии. Он проснулся, но ровно настолько, чтобы увидеть какого-то человека перед собой и почувствовать точечное давление пальцев на шею. Он попытался что-то сказать, может, даже закричать, но глаза его поплыли и закрылись. Мозг, лишенный притока крови, не поступающий через пережатые артерии, отключился. Ему досталась легкая смерть — в блаженном сне. Ему повезло. Он такую не заслужил.

На всякий случай, подвернув его руки под тело и придерживая его голову левой рукой, я правой с силой надавил на его желудок. Недавно съеденная пища вместе с водкой и желудочным соком хлынула по пищеводу в ротовую полость. Бандит судорожно задергался, забулькал. Я держал его три положенные минуты и еще одну на всякий случай. Он так и не открыл глаза.

Это была вторая смерть.

Уходя, я еще раз бросил взгляд на лежащий на столике пистолет ТТ. Был велик соблазн прихватить его с собой, но это бы нарушило правила принятой мной игры. Пропажа оружия обязательно навела бы преступников на опасные мысли. Ладно, будем обходиться тем, что имеем.

Я легко покинул каюту и по уже накатанному пути добрался до своей койки.

Днем в воду плюхнулось еще одно зашитое в мешковину тело. Преступники ходили мрачные и какие-то пришибленные: двое похорон за два дня было уже слишком!

— Допились, мерзавцы! — слышался мне через перегородки незнакомый голос неизвестного бандитского начальства. — Допраздновались! Допоминались! Если у кого сегодня увижу в руках бутылку — пристрелю на месте! Все! Хватит балдеть! Будете службу тащить! К вечеру проверить всех пленников, привести в порядок судно. И еще это... почистить оружие. Развели бардак!..

Я его за язык не тянул. Он сам это придумал. Он сам выбрал третью смерть.

Следующая ночь была переломной. Два предыдущих происшествия наверняка родили в душах людей смутные подозрения. Хотели они того или нет, они искали объяснения происшедшему. Ужаса еще не было. Была загадка. За двумя последовавшими друг за другом трагическими случайностями они пытались разглядеть облик врага. Если они его найдут, они успокоятся. Явный противник, как бы силен он ни был, дает возможность сопротивляться или хотя бы создает такую иллюзию. Люди, увидевшие опасность, начинают действовать. Любое действие ослабляет страх и рождает надежду. Вдруг одолеем, вдруг выкрутимся.

Ужас внушает только невидимая опасность, опасность, лишенная облика. Если завтра, пережив еще одну смерть, они не найдут живого, с руками ногами врага, они начнут искать объяснения за пределами реальности. Непонимание рождает мистику. Они будут искать все более фантастические объяснения обрушившейся на них эпидемии смертей и, конечно, найдут их. Следующий несчастный случай лишь утвердит их домыслы. Отсюда следует, что сегодняшнее происшествие должно быть наиболее «чистым». Бандиты должны наглядно, собственными глазами убедиться в его случайности. Даже шальной мысли не должно мелькнуть в их головах относительно чьего-то участия в будущей трагедии. Картинка должна быть очевидна, наглядна и однозначна, как школьный букварь. Никаких истолкований! И я знаю, как ее нарисовать.

На этот раз я покинул каюту под утро, догадываясь, что после стольких треволений бандиты уснут не сразу. Интересующий меня иллюминатор я нашел сразу. За столом, уронив голову на лежащие руки, спала моя очередная жертва. Рядом лежал пистолет, он-то меня и интересовал.

Просунувшись в иллюминатор по пояс, я, опираясь руками на стол, плавно втянул внутрь ноги, стек на пол. Все движения я продолжал очень медленно и потому бесшумно. Плавно выпрямившись, я встал у безмятежно спящего бандита за спиной.

— Эгей! Просыпаться пора, — сказал ему в самое ухо.

Спящий встрепенулся, приподнял голову, одновременно потянувшись к пистолету. Все-таки здорово они напуганы, если даже во сне об оружии думают.

Схватить ствол я ему не позволил, быстро обвил правой рукой горло и сжал ее в локте. Корпусом навалившись на его согнутую спину, я нейтрализовал попытку встать. Левой свободной рукой придержал кисть, приближающуюся к рукоятке пистолета. Противник обмяк и спокойно улегся на стол.

Теперь на завершение операции мне требовалось не больше минуты. Взяв пистолет, я затолкнул в его дуло уголок найденного в кармане жертв

носового платка, крутнул пару раз, растер смазку по ткани. Чтобы разнообразить колер, смазал грязь еще в нескольких местах.

Неаккуратно они содержат личное оружие, неаккуратно. Меня в молодости за такую грязь на неделю бросили на уборку унитазов: не умеешь поддерживать чистоту в малых объемах — потренируйся на больших, там все проще, там даже ничего разбирать не надо: везде рукой достать можно. Научили! Всю остальную жизнь мое оружие блестяло, как выставочный финский фаянс.

Передернув затвор, я загнал в ствол патрон, прочие вместе с обоймой вытащил и положил на стол. Теперь осталось вложить пистолет в руку лежащему без сознания бандиту, направить дуло ему в лицо и нажать спусковой крючок. Вбежавшие в каюту через пару минут разбуженные соседи увидят агонизирующее тело, дымящийся в руке пистолет, а на столе обойму и испачканный смазкой платок.

При всей неразвитости бандитов, они, я думаю, смогут на основании увиденного составить логическую цепочку причин и следствий. Для этого не надо обладать способностями Шерлока Холмса. Слишком все наглядно. Днем начальник распорядился привести в порядок оружие, вечером дисциплинированный подчиненный разобрал, почистил (конечно формально, но тут уж кто как может) свой пистолет. Но уж так вышло, что по собственному ротозейству забыл вытащить из ствола загнанный туда ранее патрон. Надумав проверить действие спускового механизма, он взвел курок, думая, что пистолет пуст, заглянул в дуло, одновременно нажав спуск, — оружие, конечно, выстрелило. Трагедия.

Что ж, не он первый, не он последний. Такое и в армии случается. Недаром твердят из года в год старшины новобранцам: «Прежде чем приступить к чистке оружия, проверь, сколько патронов в обойме! Не поленись!»

А этот поленился!

Примерно так будут рассуждать завтра добровольные следователи. А что они еще могут предположить? Что темной ночью из иллюминатора, куда голову-то, не обрезав уши, не пропихнуть, вылезает голый злоумышленник, чуть не через весь корабль никем не замеченный пробирается в чужую каюту, шутя справляется со здоровенным вооруженным мужиком, который даже пикнуть не успевает... Нет, это слишком сложная, слишком длинная гипотеза, чтобы прийти в голову простым парням-боевикам. Они привыкли верить своим глазам и делать выводы на основании того, что видят. О присутствии какой посторонней силы может идти речь, если выстрел еще не дозвучал, а они уже были в каюте? И куда бы мог спрятаться этот неизвестный злоумышленник? В шкаф? Так они не дураки — перероят всю каюту снизу до-



верху. В коридоре? Но он мгновенно заполнится людьми. В окно? Не смейте. В такую дыру ребенок не протиснется. К тому же там море. И, главное, откуда здесь взяться злодею? Заложники заперты по камерам да еще для верности прикованы к койкам наручниками. Свои? Но зачем и кому это надо?

Вот именно этот почти мгновенный доступ к умирающему телу должен был абсолютно убедить сотоварищей жертвы в случайности трагедии. В стопроцентной случайности и в то же время в страшной, мистической закономерности: третья ночь — третий труп!

Именно это мгновенное проникновение посторонних на место происшествия требовало от меня точности более чем ювелирной. Ювелиру что, заперол украшение — расплавил золото и снова ковыряй его резцом. А я чуть просчитался, чуть запоздал — и получаю пулю в торчащую из иллюминатора задницу. А она у меня одна-единственная, и не из золота, и в переплавку не пустишь.

В своей каюте я тридцать раз отрепетировал быстрый уход. Прыжок на стол, нырок ногами вперед в дыру иллюминатора, завис на срезе палубы. Десять секунд — идеальный результат, двадцать — допустимый.

Соседям убитого, чтобы услышать выстрел, проснуться, протереть глаза, выскочить из каюты в коридор и открыть дверь, потребуется как минимум вдвое больше времени. А может быть, они еще застыдятя объявляться на народе в неглиже. Может, захотят на всякий случай прихватить оружие, а его еще взять надо, взвести. Так что резерв времени у меня имеется, но рассчитывать на него опасно, двадцать секунд и ни мгновением больше! А там пусть хоть вовсе в каюту не являются. Мое дело петушиное — я прокукарекал...

Раскрыв ладонь все еще находящегося в бессознательном состоянии бандита, я впихнул туда рукоять пистолета, затянул указательный палец на курок, поднял голову жертвы за волосы. Дуло пистолета взглянуло в закрытый глаз человека. Мне оставалось лишь нажать чужим пальцем на курок.

Но произошло то, что случается рано или поздно во время любой операции. В мою тонко и витиевато сплетенную интригу вломился неуклюжий, непредвиденный, все разрушающий случай! Случай, который девяносто девять раз подряд может положить подброшенную в воздух монетку, обыкновенную, не ту, которая находится у меня в потайном месте, на «орел»!

В дверь стукнули и почти сразу, не ожидая приглашения, открыли. Я мгновенно сдвинулся влево. Что увидел входящий? Своего сидящего на стуле друга и склонившегося над ним незнакомца в черном, чем-то очень знакомом спортивном костюме. Положение было более чем критическое. Впервые за многие годы я растерялся. Что предпринять?



Достать визитера в проеме двери я не мог. Стрелять — значило начисто разрушить всю затеянную игру, перейти к открытым боевым действиям, в которых я так или иначе проиграл бы. Перевести рукопашную в коридор — наверняка разбудить всю команду.

На поиски и принятие решения мне была отпущена даже не секунда — ее малая часть. Неожиданный визитер еще не сумел до конца осмыслить увиденное, а я повертел в голове уже дюжину вариантов действий. Не подходил ни один.

Ситуация была патовая. Пока гость наполовину торчал в коридоре, все мои ходы вели к обоюдному размену фигур. Я, конечно, убивал его, но неизбежно засвечивал себя. Ничья, равная моему поражению. Увы, на их поле фигур гораздо больше, чем на моем. У меня вообще, похоже, один король, самовольно возложивший на себя функции ферзя и нагло скачущий через клетки, пока противник вышел до ветру. Нет, размениваться мне никак невозможно. Ладно в шахматах, там короля уважают — не рубят, только матом пугают, а в моей партии еще как рубанут — просто в лапшу расшпикуют. Есть один-единственный шанс завершить начатую партию — затасать противника на свою территорию и уже здесь с ним покончить. Только вот как его пригласить, чтобы он не отказался? Еще мгновение — и он, переважив увиденное, отскочит в коридор, предварительно громко хлопнув дверью.

Надо рисковать!

Расплывшись в самой, на какую только был способен, подкупающей улыбке, я заговорщицким тоном рыкнул:

— Быстро зайди! Ты нас засветишь, — и на треть высунул из-за своего плеча голову бессознательного бандита, как будто бы он заинтересовался, кто там пришел.

Замечено: уверенный, командный тон в первое мгновение заставляет человека подчиниться. Он действует инстинктивно, еще не зная, что за этим последует. Альпинистов такие инстинкты, когда на голову падает булыжник, спасают (услышал крик — не раздумывая, прилип к стенке) — моего незваного визитера погубили. И еще его подвела высунувшаяся из-за моего корпуса знакомая голова. Не мог же он догадаться, что башкой этой, словно кукловод куклой, управляю я. Он зашел внутрь.

— Закрой дверь! — гаркнул я.

И он закрыл дверь.

Я уже знал, что буду делать дальше.

Гость был достаточно хорошо тренирован. Он начал приходить в себя уже на второй секунде. Он отметил неестественную неподвижность головы своего товарища, увидел закрытый глаз, оценил мой странный вид. На третьей секунде он готов был действовать. Но этой секунды у него уже не было. Я отпрянул направо, отклонил за волосы голову.

Визитер заметил второй закрытый глаз и безвольно отвисшую челюсть. И еще он увидел зрачок пистолетного дула. Больше он не увидел ничего. Я нажал курок! Пуля разбила ему голову — он так и не успел вернуться в спасительный коридор.

Теперь отпущенного мне после выстрела времени явно не хватало. Самое малое, его нужно было умножить на два. Я собирался воевать с одним противником, а их неожиданно оказалось двое. Отсюда и двойной временной норматив.

Моя голова работала, как запущенная на полную мощность вычислительная машина. Мне надо было решить уравнение с тремя неизвестными. Причем мгновенно. Заранее приготовленное домашнее задание оказалось решенным неправильно. Мне надо было устранить второго бандита, успеть незаметно выскочить наружу (это все нетрудно), и, самое главное, придать двойному убийству облик несчастного случая. За сорок секунд!

Разыграть между приятелями дошедшую до стрельбы ссору, отыскать второй пистолет и выстрелить в еще живого бандита? Мол, произошла киношная, в духе вестерна дуэль?

Нет, не успею!

Я уже чувствовал, как ворочаются в койках разбуженные выстрелом соседи. Нет, ничего кардинально нового я придумать не смогу. Будем действовать в рамках первоначального, но чуть более широко трактуемого плана.

Я загнал вытасценную обойму обратно в пистолет. Значит, так, мой подопечный чистил пистолет, к нему в гости зашел приятель. То ли балуясь, то ли случайно чистильщик нажал спусковую собачку по недоразумению заряженного пистолета. Пуля — ах, какое стечение обстоятельств! — попала не в стену, не в дверь, а прямехонько в лоб товарища. Стрелок расстроился и, следуя секундному порыву, замешанному на раскаянии и страхе неизбежного наказания... да, да, да, именно так, кончил жизнь самоубийством! Довольно правдоподобно.

Я вложил дуло пистолета в рот жертве невнимательности, только что угробившей друга, и нажал курок. Убитый упал, но сделавший дело пистолет остался в его руке.

Все! Секунды для эвакуации. Я уже слышал стук дверей и шаги в коридоре. Запрыгнув на стол я уже не ногами, как планировал, а рыбкой нырнул в иллюминатор. Треснула ткань костюма, хрустнула раздираемая в кровь кожа. Наверное, лишь полсекунды не хватило входящим, чтобы увидеть в иллюминаторе мои улетающие в ночь пятки. На лету срывая импровизированный трап, я свалился в море. В воду я вошел по всем правилам большого спорта, как прыгнул с вышки в олимпийском бассейне. Почти без всплеска.

Опасаясь, что кто-нибудь случайно мог заметить мой прыжок, я поднырнул под днище судна и всплыл с другой его стороны. Береженого бог бе-

режет. Даже если кто-нибудь что-нибудь и видел, подумает, что ему показалось, а потом за общим шумом-гамом он и вовсе забудет о странном происшествии.

Доплыв до якорной цепи, я поднялся до среза палубы, повис на пальцах и так, перебирая руками, дополз до своей каюты. Идти по палубе я не рискнул из-за поднявшейся на судне тревоги. Спустил еще несколько секунд, я «спал» на родной коечке, накрывшись очень мне пригодившимся на этот раз матрацем.

Следующую ночь я решил пропустить. И так перекрыл норматив чуть не вдвое. Пора отдых дать и себе, и бандитам. Мне нужно не расслабляться — мой счет еще не кончен!

Весь последующий день корабль ходил ходуном. Бесперывно бегали, ругались, кричали люди. О заложниках забыли напрочь. Не до них. Третьи сутки — и еще два покойника!

Теперь, я думаю, среди членов команды и боевиков неизбежно образуется оппозиция, требующая немедленно покинуть судно. Командиры, конечно, бунта не допустят — пригрозят страшными карами, рывкнут. А дальше что? Разрастающийся страх приказом не избежать, ночные кошмары не уменьшить, тихие разговоры по углам не запретить, сомнений не разрешить. Можно призвать к бдительности, наобещать, что подобное больше не повторится, начать искать скрытого, забирающего каждую ночь по одной, а то и по две жизни врага. Только кого искать — ехидного с рогами и копытами черта или тетушку Фортуну, повернувшуюся к кораблю исключительно задом. Врага нет. Есть злой рок. Никто никого не убивал — все умерли сами! Один влез пальцами под напряжение, другой, перепив, захлебнулся в собственной рвоте, третий дурак пристрелил случайного визитера и застрелился сам. Все обычно. Все вполне объяснимо.

По отдельности!

Но вместе! Но с такой ледящей душу последовательностью! Видно, сам дьявол забавляется здесь игрой в кегли. Только вместо фигурок использует тела людей: попадает шаром — и нет человека. Не зря, видно, кляли их почем зря заложники, не даром посылали на их головы изуверские кары. Видно, дошел до небес их голос. Ой, нехорошо будет! Проклятое это место. Проклятое! Попомните мое слово, будут еще покойники!

А это я обещаю. Будут!

Продумывая следующую вылазку, я прикидывал в уме, сколько их там, живых бандитов, еще осталось и успею ли я вести их на нет в ближайшие недели, если продолжать такими темпами. А, пожалуй, что и справлюсь, если не лениться...

Ночью судно не спало. По палубам, по трапу, по коридорам бухали чужие подошвы. В приоткрытый иллюминатор густо тянуло табачным дымом. Встревоженные люди не желали расходиться по

каютам, собирались кучками, курили и говорили до самого утра. Психологический надлом был близок — надо было лишь дожать. Совсем чуть-чуть. Малую капельку.

Нужен был еще труп — не через неделю, не через три дня, когда люди подуспокоятся, — немедленно. И снова в результате вполне понятного, если рассматривать в отдельности, несчастного случая. Только случая! Насилия они сейчас ожидают, как спасения! Вид погибшего от пули или ножа товарища для них будет радостью, равной выигрышу на один лотерейный билет трех автомобилей.

Нет, только несчастный случай! Четвертый в ряду предыдущих! Вот тогда они взорвутся, вот тогда они забузят! И если не ринутся дружным гуртом в монастырь замаливать всю оставшуюся жизнь грехи, то судно к берегу направят точно.

Я вообще удивляюсь их долготерпению. Что же это за начальник, который умудряется удерживать их на месте такое количество времени? Это надо талант иметь или палубы судна медом мазать, чтобы ноги прочь не шли. Увидеть бы этого человека, дознаться, где он прячется. Дотянуться бы пальцами до его шеи. Ну ничего, я терпеливый, я подожду...

Пятый труп я вынужден был добывать на палубе. Спускаться в каюты после того, что там произошло, было опасно. В одиночестве, хотя сами не могли бы объяснить почему, бандиты старались не оставаться. Ночевать тем более. Кажется, они начинали завидовать заложникам, наглухо запертым.

Протискиваясь сквозь свой иллюминатор мне пришлось очень аккуратно, чтобы не содрать затянувшиеся раны. Я здорово ободрал бока во время последней операции, но считаю, это была не самая высокая плата за четырех поверженных врагов. Можно было и головы лишиться, а не только десятков миллиметров кожи.

Пробравшись по левому борту вдоль бака, я застал в тени палубных механизмов и стал поджидать очередную жертву. Я нервничал, я не мог долго находиться на палубе. В любой момент в мою каюту мог зайти какой-нибудь страдающий бессонницей охранник и обнаружить взамен узника подложенную под матрац табуретку.

Прошло тридцать минут. Я уже собирался сворачиваться, когда наконец объявился обреченный. Не очень твердой походкой он брел вдоль борта, иногда поглядывая через леера ограждения. Что его сюда привело, я не догадывался, но наверняка знал, чем для него закончится неосторожная ночная вылазка.

Дождавшись, когда незнакомец прошел мимо моей засады, я бесшумно поднялся, пристроившись к нему сзади, прошел несколько шагов. Он остановился, почувствовав мое дыхание, обернулся.

— Ты кто?

— Боцман, — ответил я первую пришедшую в голову глупость. — Смотри, — и быстро ткнул пальцем вверх.

Бандит не успел подумать о том, что делает. Он, следуя инстинкту рядового исполнителя, услышавшего команду, задрал голову вверх. Несильным ударом ребром ладони в горло, я свалил его на палубу. Не спеша, но и не затягивая дела я подтащил обездвиженное тело к фальшборту в том месте, где наружу свисал обрывок сети, используемый как дополнительная импровизированная трап-лестница. Вытянув ее угол, я засунул в одну из ее ячеек и заклинил богинок жертвы.

Перед тем как сбросить тело за борт, я снял с его руки роскошные, с позолоченным циферблатом часы, оторвал одну сторону ремешка и аккуратно зацепил их за случайный выступ на корпусе на расстоянии, создавшем иллюзию, что до них можно дотянуться рукой, перегнувшись через фальшборт. Любопыт, потеряв такие роскошные часы, захотел бы, пока они не свалились дальше, достать их. Вот и пятая жертва несчастного случая попыталась... Бедолага лег животом на парапет, потянулся, да не рассчитал, потерял равновесие, перевесился корпусом и упал в воду. И все бы могло кончиться благополучно, если бы нога по воле рока не запуталась в сетке: так он и повис вниз головой, наполовину погрузившись в воду. Утоп, конечно. А часики вот они, лежат, тикают уже не принадлежащее хозяину время. Печально.

Это некрасиво висящее раскачиваемое водой тело, по моему мнению, должно бы переполнить чашу терпения оставшихся в живых. Слишком жуткая получилась картинка.

И, похоже, я достиг результата. Днем с палуб были слышны громкие речи, беспорядочный топот. Кажется, даже пытались выбрать якорную цепь, но потом все стихло. Или они все ушли? Но я не слышал ни ударов шлюпки о борт, ни гула моторов катера. Или смирились с судьбой, или произошло что-то еще.

Ночью я решил произвести разведку и, если представится случай, добрать очередного покойника. У меня в редакционном портфеле было заготовлено еще три сценария роскошных — пальчики оближешь — несчастных случаев: в машинном отделении, на камбузе и на палубе, в районе грузовых крап-балок и стрел. Дело было только за исполнителем главной роли, его-то я и предполагал отыскать в ближайшую ночь. Но, как говорится, гладко было на бумаге...

Поднявшись после полуночи на борт, я удивился царящему там покою. Я был уверен, что после последнего ЧП они приберут палубы или хотя бы навесят дополнительное освещение. Но все было, как и всегда, беспорядочно и темно. Странно, конечно, но я не в претензии. Мне чистота и лишний свет не в подмогу. Мое дело темное.

Озадачивает только их терпеливость. Какие-то они непробиваемо толстокожие. Ну ничего, сегодня я постараюсь их удивить. Сегодня я буду действовать в лучших традициях фильмов ужасов: крови, мяса, жути не пожалею. Ну держитесь!

Во мне бунтовал творец. Я такие эффектные сценарии пишу, такие режиссерские ходы нахожу, а зритель остается ранодушным. Но я их растревожу, наизнанку вывернусь, но за живое задену! Мастер я в конце концов или нет?!

Мне бы задуматься о той тишине, насторожиться, а я творческого признания возжелал, удила поглупому закусил. Не понравилось мне, что зритель действовал не по моему режиссерскому, а по своему усмотрению. Обиделся.

Меньше чем за час облазив судно, я убедился, что экипаж его не покинул. Тем хуже для них. Сегодня я ставил целью разведку и лишь попутно, если повезет, операцию, но теперь в лепешку расшибусь, но шестого покойника добуду.

Изрядно повозившись с грузовыми стрелами и лебедками, я подготовил предпосылки для несчастного, с производственным уклоном случая. Полагаться на везение, ждать очередной жертвы, которая могла прийти, а могла и задержаться, я не стал — отправился на охоту. Подкараулю где-нибудь главного героя, пристукну слегка, оттащу на сценическую площадку и там разыграю трагическое, в одной картине (на большее просто времени нет) действие.

На судне, как и в любом другом общественном месте, легче всего застать человека в буфете или в туалете. Эти два помещения в силу понятных физиологических потребностей не может миновать ни один человек. Столовая ночью на судне не функционирует, а вот галльон действовал исправно. Возле него я и организовал очередную засаду.

Ждать пришлось недолго — по коридору затопали каблучки, показался долговязый, зевающий, протирающий кулаками глаза матрос. Или бандит? Или совмещающий обязанности в одном лице матрос-бандит? Неважно. Все они здесь одной краской мазаны. Красной.

Он шел, покачиваясь, спотыкаясь, натываясь на стены, на ходу расстегивая штаны. Он все еще никак не мог проснуться. С таким проблем не будет.

Я впустил его в галльон, подождал, пока он делает свои дела (нашим легче, меньше на несколько сот граммов на плечах вдоль лебедки тащить), и, услышав звук текущей воды, встал за дверью. На выходе я ударил его костяшками пальцев в висок и присев, подставил под бесчувственно падающее тело плечо. Даже поднимать, взгромоздить на себя не пришлось. Сам куда надо лег и какую нужно позу принял. Торопливо, чтобы случайно еще кого в коридоре не встретить, но тем не менее совершенно бесшумно я выбежал на палубу.

Напрямую до места было шагов пятьдесят, но я шел по затененным малопосещаемым местам и намотал втрое больше. Возле лебедек я снял с плеча ношу и потянулся к тросам. На завершение работы мне требовалось не более трех минут.

«Завтра сделаю выходной, — думал я, освобождая массивный крановый крюк, — а вот послезавтра...»

А вот послезавтра я уже ничего не сделал.

В самые глаза мне ударил мощный прожектор. Подчиняясь уже не разуму — он так быстро реагировать не умеет — но наработанному в ходе многочисленных тренировок рефлексу, я отпрянул вправо и наткнулся на упертое в лицо дуло автомата.

Поднырнуть, вырвать оружие, убить противника ударом кулака в кадык, откатиться, взвести затвор... автоматически выстраивал я действия. Но не успел продумать и половины, когда мне в спину, чуть повыше лопатки, уперся еще один ствол.

— Только не надо подныривать, выбивать, убежать, — предостерег голос сзади, — без шевелений!

Значит, это не случайность, и, значит, кроме этих двух как минимум есть еще один человек, который находится возле прожектора.

Я попробовал чуть сместиться в сторону, чтобы проверить плотность контакта. Но дуло сзади словно приросло к телу.

Хватко действуют ребята. Миллиметра надежды не оставляют.

— Но-но, не балуй!

Ствол автомата спереди больно вдавился в мой живот. Хорошо вдавился, чуть не на дециметр. Теперь, дергайся не дергайся, ничего не выйдет. Зажатый двумя стволами, словно букашка в коллекции иглоками, я не мог даже шевельнуться. Если бы напор был не таким сильным, я бы мог попытаться неожиданным рывком ускользнуть в сторону, предоставляя противникам возможность пристрелить друг друга. Но в таком положении я непременно потащил бы зацепившиеся за одежду и тел дула за собой и получил бы две пули: одну сзади, другую спереди. По той же причине я не мог выбить оружие. Мне некуда было отпрыгнуть.

Чужие руки обшарили мне карманы, подмышки, пах.

— Пусто!

Еще бы ни пусто! Я не мародер — трофеев с трупов не брал. И, кажется, зря. По крайней мере сейчас мог бы изобразить происшествие как попытку случайно вырвавшегося заложника завладеть оружием.

Но зачем я тогда тащил оглушенного бандита чуть не через все судно на грузовую площадку?

Я испугался оставаться в освещенном коридоре, боялся, что он придет в себя, поднимет шум.

Чего ж не пристукнул сильнее?

Страшно. Я никогда человека пальцем не тро-



гал, а тут вдруг убить! Я и в первый-то раз еле сил набрался его ударить...

Вот это хорошо! Потому-то он и жив остался. Это похоже на правду, это подтверждается действиями. Мне главное, чтобы они не связывали предыдущие пять случаев с этой неудавшейся попыткой. Те мертвецы не мои, о них я даже не знаю! Я лежал себе на койке, ковырялся в замке наручников, пока он вдруг, бац, не открылся, а как он открылся, я начал о побеге мечтать, хотел пистолет добыть, а потом шлюпку спустить и до берега добраться...

Теперь продумать детали: как выбрался, как на палубу поднялся. Главное, чтобы за всеми моими действиями стоял не план, а случайность. Случайно наручники расстегнулись, непонятно как в иллюминатор пролез. Сам не пойму, как умудрился на палубу подняться. Не иначе без сознания был! Не упомяну, с какой веревки спортивный костюм снял...

— Шагай, — скомандовал все тот же голос.

Это пожалуйста. Это я с удовольствием. Только как вы меня поведете? Так же: одно дуло в спину, другое в живот? Пятиться будете? Или с бочков в келье возьмете? Тогда у меня появляется надежда.

Чихнуть для аргументации движения (на чих они, надеюсь, стрелять не будут), резко упасть на спину и ударить по рукам, удерживающим оружие, ногами. Наверное, все же пристрелят, но могут и не успеть. Ах да, еще тот за прожектором. Похоже, придется сгнить в воду. Ну что, попробуем?

— Ой, мужики, секунду. А-а-а-а!.. — начал я свой смертельно опасный чих.

— Кончай гримасничать!

— Сейчас, мужики, сейчас. Что-то в нос попало. А-а-а!

Чихнуть я не успел. А успел увидеть мелькнувший в свете прожектора чужой, летящий мне в висок кулак!

— Левша, — успел отметить я и отключился.

В той темноте мне было блаженно. Не надо было никого убивать, не надо было ни от кого спасаться. В той темноте я был свободен.

Глаза я открыл уже в каюте, вернее, не в каюте, а в каком-то подсобном, вроде склада, помещении. В нем не было иллюминатора, не было ничего, напоминающего мебель, только несколько стеллажей-полок и зарешеченная лампа под потолком. Руки и ноги у меня были связаны, а сам я лежал на металлическом полу.

— Очухался, — сказал уже знакомый голос.

Я догадывался, что нахожусь в кладовой не один. Вряд ли меня до прихода в сознание оставили бы без присмотра. Демонстративно застонав и одновременно шевельнувшись, я, не до конца открывая глаза, скопился в сторону. Три человека. Один с автоматом наперевес. Другой возле двери. Третий стоит ко мне спиной. Что-то нехорошее,

что-то зловещее почудилось мне в этой третьей фигуре, словно потусторонним холодком дохнуло на лицо.

Но вдаваться в подробности я не стал. Не до лирики. Даже если это окажется сам Джек Потрошитель, что с того? Изменить что-либо я не могу. Если Потрошитель, значит, выпотрошит, если Франкенштейн, значит, оживит. Это не суть важно. Жизнь я уже проиграл. Главное, как вместе с этой жизнью унести в тартарары Тайну.

Все-таки меня поймали за руку, и, как бы ни были тупы бандиты, они могут начать сопоставлять факты. Отсюда моя задача — запутать их, поставить как можно более глухую, скрывающую правду дымовую завесу лжи. Засыпать безудержным словоизвержением проклюнувшуюся ненароком истину. Такой будет моя тактика. Раскисать, плакать, каяться, врать напрапалую, снова каяться и снова врать. До бесконечности. Я им такую словесную дизентерию устрою, что сам черт не расхлебает.

Теперь повторить новую легенду. Подтвердить каждый ее пункт фактическим материалом. Это я смогу. Любой факт — палка о двух концах: каким хочешь, таким и поворачивай. Начнем с самого начала...

Продолжая лежать неподвижно, я на самом деле работал на пределе своих возможностей. В считанные минуты я выстраивал каркас легенды и на него, как на скелет, налеплял события последних дней. В нормальных условиях такая работа потребовала бы недели. Мне нельзя было упустить ни единой мелочи. Я должен был быть очень убедительным.

Каюта... Наручники... Иллюминатор...

Я не догадывался, что вся моя титаническая работа — лишь пустое времяпрепровождение играющего в мудреца идиота. Что ровно через минуту столь тщательно собранная легенда рассыплется на микроскопические кусочки, словно сброшенный с крыши небоскреба глиняный горшок.

Я суетился, не в силах понять всю глубину постигшей меня катастрофы. Мои слова были никому не нужны. Меня никто не собирался слушать. Самое мудрое, что я мог сделать, — это отдохнуть перед последним броском в ледяную воду реальности. Расслабиться, подумать о вечном. А я изводил себя напрасными надеждами. Строил планы!

Остановись, чудак! Тебе уже ничего не поможет. Твоя игра сделана. Время подбивать бабки!

И то, что должно было случиться, случилось.

Тот, стоящий между бандитами человек, обернулся. Кто бы мог за таким простейшим физическим действием предполагать такие разрушительные для меня последствия. Казалось, я на полном скаку ткнулся головой в бетонную стенку. Только что видел горизонт, дорожки, скачущих рядом соперников, препятствия, которые мне предстояло

брать, перспективы — и вдруг, хлоп, не вижу ничего, кроме издохшей кобылы, собственной вдребезги разбитой башки и неодолимой безнадежности монолитного бетона.

На мгновение я даже утратил контроль над мышцами лица. Моя челюсть приотвалилась, и глаза вылезли из орбит. Хороша была, наверное, моя физиономия в этот момент! Недавно упорядоченные, как патроны в пулеметной ленте, мысли мгновенно разбежались врассыпную, подобно неожиданному освещенным яркой лампой тараканами. Гениальные наработки, составившие костяк легенды, превратились в прах. Все ранее произошедшее представилось глупым, бессмысленным и наивным. Как детская боязнь купания в ванной новобранцу, призванному служить три года на подводной лодке.

Оказывается, ничего не было нужно. Вообще ничего! Ни в трюме безропотно подставлять другую щеку, когда бандиты съездили по одной. Ни под себя ходить ( вот ведь до чего докатился по глупости). Ни об иллюминатор шкуру ободрать. Ни бандитов, беря лишний грех на душу, по одному давить. Ни-че-го! Я проиграл изначально!

Сев за партию, я умудрился не сделать ни одного правильного хода. Я мечтал о победе, думал, что в капусту крошу противника, а на самом деле играл в поддавки. То есть я-то в поддавки. А он по нормальным правилам и в полную силу. Так выиграть невозможно: я подставляюсь — он рубит, я снова подставляюсь — он опять рубит. Уже и фигур на доске нет, а я все считаю, что до триумфа осталось всего два хода!

Короче, слепец, но еще и дурак безнадежный. Ничего не вижу, если вижу — не понимаю, а если понимаю, то неправильно истолковываю.

Я посмотрел на человека, лишившего меня не только будущего, но и прошлого! Это был он!

— Да. Это я, — очень просто сказал человек.

Это был местный Резидент!

Это не мог быть Резидент! Это невозможно! Это противоречило самой логике и здравому смыслу.

Но это был он!

Он!!!

Но как, каким образом они умудрились меня найти? Как вычислили мое местоположение? Как договорились с бандитами, угнавшими самолет, о доступе на корабль? Заплатили? Пообещали помощь? Выступили в качестве парламентариев-посредников? Я начинал приходить в себя, начинал мыслить. Выламывая мозги, я искал ответы на вопросы, которые раньше мне даже не приходило в голову задавать.

Где я допустил прокол? Возле самолета хвоста не было! Голову на отсечение даю. Да и если бы они вычислили меня до посадки, то до нее бы и повязали!

Может быть, нашли список заложников, составленный милицией? Ерунда! По фамилии меня

опознать невозможно: у меня новая фамилия, новое имя и новые, ни разу не использованные до этого документы.

По фотопортрету? Но бандиты нас не фотографировали. К тому же лицо у меня иное, более похожее на фото в паспорте, чем на прежний облик. Нет, не сходится. Никак не сходится!

Может, среди угонщиков случайно затесался их человек, который меня каким-то образом узнал?

И тут меня, уже наповал убитого, убили еще раз.

— А никакого угона и не было, — ответил Резидент на незадачный вопрос. — И заложников не было. Это наш самолет.

О готовящейся ревизии Резидент знал заранее. Человек из Центра предупредил его за шестнадцать дней. Ревизоры еще только паковали чемоданы и получали командировочные, а он уже знал, как нейтрализовать их деятельность. При этом облик спецбригады ему был безынтересен. Он не рассматривал их фотографий, не читал ориентировок с указанием роста, веса, цвета, особых примет. Он не интересовался даже их численным составом.

Человек сообщил цель и сроки выезда. Этого было довольно. Ревизоров не надо было вычислять, не надо было опознавать в толпе прибывающих в город командировочных, достаточно было знать о их прибытии. Они сами по собственной воле выйдут на ловца, выкажут себя своим поведением и повышенным интересом к определенному роду объектов.

Ревизия, о которой известно, теряет свой смысл.

Резидент хорошо подготовился к проверке. В убыстренном темпе он завершил все дела, какие могли его хоть как-то скомпрометировать операции, притормозил начало других. Он создал искусственный вакуум в делах, не укладывающихся в должностные обязанности. Все лишние люди были отправлены во внеочередные отпуска до особого распоряжения. На места его обычного пребывания было наложено вето — никто, ни под каким видом не мог в них показаться в объявленный период. На крайний случай были отработаны аварийные каналы связи.

В облегчение работы себе, а заодно и ревизорам в доме напротив его штаб-квартиры была освобождена жилплощадь. На одного ответственного квартиросъемщика вдруг свалилась неожиданная радость — нашелся чудак, который согласился его двухкомнатную поменять на свою двухкомнатную же, но полнометражную в более близком от центра районе. То есть вначале, конечно, было объявление, расклеенное на ближайших подъездах, но потом из всех предложенных квартир он почему-то выбрал именно его. Планировка ему, видите ли, понравилась. Ну не чудак ли? Для убыстрения разъезда он даже машину умудрился найти. Просто сказочно повезло..

Однако торопившийся с обменом новый хозя-

ин в квартиру сразу не въехал, а, предполагая капитальный ремонт, до времени сдал ее случайным жильцам. Был он привередлив — одним, предлагавшим хорошую цену, отказал, отказал другим, а вот третьих пустил.

Очень уж они походили на ревизоров. Зачем же отказывать тем, ради кого и была затеяна вся эта возня с разменами. Ревизоры заступили на пост. Резидент стал вести образцовый образ жизни.

Игра началась.

Въедливый топтун-охранник, честно с утра до вечера обивающий тротуары определенных улиц и просиживающий штаны в случайных кафешках и скверах, ничего подозрительного не заметил, потому что ничего подозрительного и не было. За ревизорами никто не следил. А зачем? Ревизоры делали угодное прежде всего ревизуемому делу: фиксировали полезную, выставляющую их в самом выгодном свете информацию. Стоило ли им мешать?

Хитрые машинки писали разговоры исключительно на бытовые и официально-производственные темы. Сверхдорогая записывающая пленка тратилась впустую. Хронометраж ежедневных маршрутов Резидента тоже ничего не мог дать. Он ходил строго туда, куда и насколько нужно.

От случайных дураков и непредвиденных происшествий ревизоров охраняла бригада из трех человек, неделю назад по случаю нанятых жэком для ремонта изношенной бойлерной, жэку тоже очень повезло — полная бригада со своим инструментом и за такую божескую цену! Вообще в последнее время вокруг этого дома многим везло. Резидент перестраховывался, он не мог допустить прокола из-за какой-нибудь досадной, вроде нахального квартирника грабителя, случайности. Сорванная ревизия автоматически влекла за собой другую, контрольную. А в том, что его предупредят второй раз, Резидент уверен не был.

Мало беспокоила Резидента и фигура Контролера. Что он мог выявить? Добросовестную работу ревизоров и охранника? Дело идет гладко, слежка не обнаружена, происшествий нет. Все о'кей. О чем и доложено по инстанции. Проверяемым даже не надо было знать его в лицо. Зачем? Если он хочет оставаться невидимым, пусть будет! Важен не он — важны возложенные на него функции. Приехал, подтвердил чистоплотность работы бригады и уехал к себе обратно строчить отчет. Для этого-то, для отчета он и был нужен. Без его официального подтверждения результаты проверки могут подвергнуть сомнению. Чем добросовестнее он будет работать, тем надежнее подтвердит подsunутую ревизорам легенду, тем в большей степени на руку сыграет проверяемым.

Так и крутилась эта карусель — ревизоры писали дезу, охранник охранял их от несуществующей слежки, Контролер собственноручно написанным отчетом заверял результат их работ.

Все было прекрасно до тех пор, как вдруг, после успешного завершения всех работ, ревизоры не вернулись в уже покинутую квартиру. Это было вопреки всем правилам подобных операций. Это было ЧП! С этого мгновения весь тщательно продуманный и многократно обсчитанный план заговорщиков стал рассыпаться на отдельные плохо состыкуемые друг с другом части.

Не лежала к тому у Резидента душа, но пришлось объявлять спешную мобилизацию и все наличные силы вплоть до последнего агента-курьера бросать в бой. Каждую минуту, каждый шаг ревизорской бригады пасли несколько пар глаз.

Наверное, это был самый серьезный просчет подследственных. Они выказали свое присутствие. Но что было делать? Им ни в коем случае нельзя было допустить контакта ревизоров с Контролером. Он единственный мог дать приказ о продлении операции, но лишь в случае чрезвычайных обстоятельств. Приказ он дал. Значит, он выцепил какую-то тревожную информацию. Соединение его подозрений с техническими возможностями ревизоров могло дать очень взрывоопасную смесь. Догадки не должны были получить объективных подтверждений! Любой ценой! Тогда кто поверит Контролеру? Домыслы без доказательств — «пшик», пустое сотрясение воздуха. Пока он бьется с конторскими бюрократами, доказывая свою правоту, пока, настаивая на проверке, пишет рапорты, можно свернуть работу и рассыпать по звеньям не одну, а десятки таких цепочек. Ни одна самая пронизательная комиссия, даже если он ее добьется, не подтвердит его подозрений. Это если она будет, что сомнительно. Максимум чего он сможет добиться, не владея дополнительной информацией, — списания перерасхода, вызванного продлением ревизии на двое суток по статье «непредвиденные траты». Тоже хлеб, все-таки не из своего кармана платить.

Нет встречи — нет доказательств — нет комиссии.

Но встреча состоялась и, как подозревал Резидент, не без посредства угнанного охранником «уазика». Не зря же он чуть не полсуток выписывал кренделя по городским улицам. Слежка ничего не заметила, но это лишь доказывало успех противной стороны.

Резидент, несмотря на протесты измученных двухсуточной облавой сыскарей, настоял на повальной проверке всего маршрута следования ревизорского «уаза». Осмотреть все: тротуары, окна, подворотни, откуда можно выстрелить сообщение, канализационные и кабельные колодцы, не пропускающая ни метра. Несколько бригад, замаскировавшись под дорожные, аварийные, газовые службы, прочесали город. Через четырнадцать часов на одном из люков нашли ободок из уплотнительной рези-



ны. Резидент вызвал инженеров, обычно помогавших решать вопросы технического обеспечения. Они провели электронную контролсложку, ощутив своими чувствительными приборами каждый квадратный дециметр указанных им территорий. Когда они обнаружили микрофоны на окне и в машине, было уже поздно. Восстановив в памяти (а память у него была профессиональная) все до последнего слова и вздоха разговоры, проведенные во всех прослушиваемых помещениях за последние двадцать часов, Резидент понял, что Контролер дознался до главного — до человека в Центре.

Ситуация достигла критического уровня.

Упущенный человек, о котором не был известно решительно ничего, обладал, кроме личных познаний, смертельно опасными для дела доказательствами. За несколько часов он превратился из досадной помехи в угрожающее катастрофой явление. Не взять его в ближайшие часы значило проиграть все.

Задача была аховая: словить человека, не зная ни его фамилии, ни имени, ни внешнего облика, ни его местонахождения, ни даже пола и возраста. Абсолютная загадка. На основании полного «ничего» искать того, кого не знаешь! Как в сказке: пойдите туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. Но это сказочное «не знаю что» хоть не убегало, а Контролер, если не дурак (а какой он дурак, когда провернул такую контригру), должен был улететь из этого милого городишка во все ноги, еще и руками помогал, потому что более опасного места на земле для него быть не могло. В жертле просыпающегося вулкана безопаснее.

Снова и снова Резидент ломал голову над неразрешимой задачей — как вычислить в полумиллионном городе человека, не владея ни единственным параметром, необходимым для его опознания? Можно найти ответ в математическом уравнении с двумя неизвестными, с тремя, но со всеми? Неизвестна его легенда, неизвестен его облик, непонятно, каким образом он проник в город и как собирается уходить. Нет ни одного человека, с которым он в ближайшем обозримом будущем должен иметь встречу. Пустота внутри безвоздушного пространства! Бездна.

Нельзя проверить биографии всех жителей и гостей города! Открыть триста тысяч, если не считать кормящих матерей, детей и лежащих при смерти стариков, оперативных дел? По три дня на каждое, сколько это получается? Две с половиной тысячи лет? Многовато! Конечно, можно было попытаться расспросить ревизоров, но что бы они сказали? Резидент прекрасно понимал, что, затевав такую игру, Контролер не станет демонстрировать свою физиономию по любому поводу. Ну выяснится, что он не женщина, а мужчина неопределенного, от двадцати до пятидесяти лет, возраста. Что среднего роста, не одноногий, не одно-

рукий. Прекрасно. Количество дел снизится в три раза, и тогда на повальную проверку потребуется всего восемьсот лет вместо двух с половиной тысяч начальных. Серьезный выигрыш!

Резидент попытался объяснить сообщникам свои выводы. Доказать бессмысленность действий, направленных против ревизоров. Зачем поднимать лишний шум? Зачем привлекать внимание, нарываться на новую, более серьезную проверку? Его не послушали, не одна его голова свалится на плаху, не по одной его шее должен будет хряпнуть карающий топор в случае утечки компрометирующей информации. Когда в доме пожар — пригодны любые способы его тушения.

Бригаду догнали, но, как и предполагал Резидент, ничего путного из этого не вышло. Ревизоры оказались парни не промах. В прямом смысле слова. При попытке захвата они положили чуть не ползвода боевиков-любителей.

Спецы не вылезли из «уазика», при виде милицеейской машины и гаишника, машущего им жезлом, как предполагал наспех разработанный план. Они умели видеть больше, чем обыкновенные водители. Они умели делать выводы.

— Приготовьтесь. Это не милиция, — предупредил охранник, изобразив на лице виновато-покорное выражение.

— Ваши документы, — заорал издали липовый патрульный, подбегая навстречу «уазика».

Зачем ему суетиться, зачем орать, если он представитель власти? Стой себе спокойно и жди, когда к тебе на цирлах допрыгает очередной нарушитель. И почему у гаишника машина ПМГ? Это разные ведомства. Неувязочка.

Сзади притормозили, остановились три, одна за другой легковушки.

Странно: им никто этого не приказывал. Жезлом не махал. Или здесь такие дисциплинированные водители, что сами напрашиваются на проверку документов и еще слезно просят пробить дырку за позавчерашнее нарушение.

Из автомобиля, стоящего рядом с патрульным, вылез второй милиционер, потащил из кармана пистолет.

Это уже вовсе занятно. Интересно, почему из кармана, а не из кобуры? И почему ТТ? Этот пистолет давным-давно снят с вооружения. Или это не милиционеры, а летчики-истребители времен второй мировой войны, совершившие вынужденную посадку? Но тогда при чем здесь бляхи на груди?

— Засада, — спокойно сказал охранник-водитель одними губами и вытащил оружие.

— Командир, ты чего? У нас все в порядке! — радостно закричал он, открывая навстречу идущему дверцу. Одновременно он переключил скорость на заднюю.

Милиционер подошел и растерянно замер — он не знал, что делать дальше. Он должен был толь-

ко остановить машину и выманить пассажиров наружу.

— Вот путевоочка, вот права, — дружелюбно начал тараторить водитель, высунувшись из кабины.

Он представлял идеальную, как на стене в тире, мишень. Слепцу не промахнуться! И второй милиционер не выдержал.

— Вот техпаспорт. Вот. Смотри, — почти к самым глазам гаишника поднес листки бумаги охранник.

У вставшей сзади машины щелкнули замки дверей.

Все в порядке? Командир? — и, увидев направленный пистолет, неожиданным ударом в плечо толкнул гаишника в сторону, под ударившей выстрел. Пуля вошла милиционеру в позвоночник, чуть ниже лопаток. Он так и умер, ничего не поняв. Другой рукой, не задирая пистолет, от живота, охранник сделал два выстрела в неудачливого стрелка и сидящего на своем месте водителя.

Боевики из стоящей сзади машины поставили на асфальт ноги.

— А ты говорил, не в порядке. А ты не верил! — злобно сказал охранник, вжимаясь в сиденье и одновременно вдавливая в пол педаль газа.

«Уазик», стремительно набирая скорость, осаживал назад.

Боевики так и остались стоять наполовину на улице, когда бампер «УАЗа» врезался в передок «Волги», столкнув машину на несколько метров в сторону, откуда она приехала.

Не успевшие сделать ни одного выстрела боевики катались по асфальту, хватая руками сломанные ребра и ноги. А ведь их предупреждали! Сколько раз в детстве говорили в транспорте: «Вы или выходите, или оставайтесь! Застрелвать в дверях опасно — можно расшибиться!»

Развернувшись и проезжая мимо, охранник двумя контрольными выстрелами нейтрализовал приходящих в себя и пытающихся вытащить оружие раненых бандитов. Он спешил достать вторую машину, пока находящиеся там не очухались.

Его план удался наполовину: троих, стремящихся вылезти из автомобиля, противников он уничтожил, истратив ровно три патрона. «Одна пуля — один труп», — учили его на курсах специальной подготовки. «У вас не так много патронов, чтобы разбрасывать их понапрасну». Он был хороший ученик и хорошо усваивал уроки.

Два других пассажира машины успели выскочить и открыли беспорядочную, но очень интенсивную стрельбу. На этих ушло четыре патрона, но и они успели разнести передок «УАЗа» чуть не в клочья. Теперь это была не машина — металлолом.

— На выход! —скомандовал охранник. — К лесу. Я последний!

Он оберегал, не позволяя ввязываться в бой введенным ему ревизорам. Он не был героем — он соблюдал должностные инструкции.

Технари не спешили выбраться — у них тоже была инструкция. Своя. Они спешно запускали самоликвидаторы. В эти мгновения они думали не о смерти, а о все тех же пенсиях, надбавках, квартирах. Они знали, что если случится утечка информации, никаких из перечисленных благ их семьи не получат. О смерти они не думали. Они понимали, что все кончено. Они знали правила игры.

В третьей машине оказались профессионалы. На две принятые в грудь и в голову пули они ответили одной, возвращенной в цель: бегущий впереди технарь, вскрикнув, упал на землю и уже не поднялся. Второй, пытаясь ему помочь, был ранен в бедро и руку. От автомобиля длинными очередями стучал автомат. Охранник, оглядевшись, оценил обстановку и потянул из кармана гранату. Он твердо знал свои обязанности.

Он успел завалить еще одного противника, прежде чем, увидев новую подъехавшую машину, выдернул из гранаты чеку. Ревизорская бригада самоликвидировалась в полном объеме; сначала аппаратура, потом обслуживающие ее люди.

И все же охраннику не повезло. Он допустил серьезный брак. Он не хотел стрелять в знакомые лица. Он доверился гранате, а не пистолету, позволявшему проконтролировать свою работу, и один из обреченных остался жив.

Тяжелораненого технаря попытались вернуть с того света с помощью спешно вызванной реанимационной бригады. Но он, понимая, чем это будет чревато, только плевал кровью в лица врачей и рвал из вен трубки. Он умер и лишнего слова, кроме матерных проклятий, не сказал.

Дурацкая операция не принесла ничего, кроме трупов, позора и шума. Дело с немалым трудом замаяли: изобразили дорожную аварию, столкнув «уазик» с идущим на полной скорости «КРАЗом» бензовозом. Такой фейерверк устроили, что, кроме горстки пепла, ничего найти было нельзя. Еще два дня силами бесполезных в деле легкораненых собирали отстрелянные патроны и гильзы.

«Уазик» раскатали, дело замаяли, но к решению проблемы не приблизились ни на йоту. Контролер-таки, остался на свободе, так и остался невидимкой. Единственный результат всего этого тарарама работал на него — силы, на которые мог опираться Резидент, за счет убитых и раненых уменьшились чуть не на пятнадцать человек. И это когда каждый человек на счету, когда предстояло перекрывать все въезды-выезды из города!

Резидент, не желая никого видеть и выслушивать столь же идиотские, как и захват ревизоров, планы, заперся в кабинете. Он понимал, что был единственным человеком, способным противостоять Контролеру. Среди всей этой мелко- и крупномافیозной швали он один был профессионалом. Один. Другим — Контролер.

У них была одна школа, одни учителя, одина-

ковый стиль мышления, они играли по единым, известным только им правилам. Они были похожи, как близнецы, только жизнь развела их по противоположным знакам: одного — в плюс, другого — в минус. Только он мог понять ходы противника, попытаться отыскать в его обороне уязвимое место. Помощников у него не было и быть не могло. В принципе. Все прочие люди мыслили иначе, необязательно хуже, но иначе. Они никогда не смогли бы понять логики поступков людей, подобных Резиденту и Контролеру, так же, как не смогли понять поступок подорвавших себя гранатой ревизоров. Зачем, если можно было еще бороться, отстреливаться, наконец, торговаться? Они искали в зависимости от своего интеллекта и воспитания корыстные или героические мотивы и тем загоняли себя в тупик. Ни выгода, ни романтизм не могли двигать ими. Ими руководил затверженный, усвоенный на уровне рефлексов Устав и расчетливый, на грани цинизма реализм. Если прямой, наиболее рациональный способ решения проблемы требовал лишить какого-либо человека жизни — он умирал. Если требовал самоубийства самого агента — тот, не задумываясь, кончал с собой, как это сделали ревизоры. Это не было ни ужасно, ни печально — это было выгодно Делу. Это было самое простое и действенное и потому предпочтительное из всех прочих решение.

Так мыслил Резидент, так мыслил Контролер. В этом, особом стиле мышления и следовало искать точки соприкосновения. Искать выход.

Резидент поставил себя на его место. Что бы сделал в его положении он? Вернее, что бы он не мог не сделать?

Он бы не мог покинуть поле боя, не подобрав хвосты! Он должен максимально чисто убрать после себя территорию. Куда там лондонскому дворнику, с него за пропущенную соринку не спросят, а со спецов, случись такое, голову снимут вместе с погонами. Это значит, что хотя бы один раз Контролер объявится возле объекта.

Он оберегал, не позволяя ввязываться в бой вверенным ему ревизорам. Он не был героем — он соблюдал должностные инструкции.

Контролер обязательно попытается изъять приемники, промежуточные передатчики, снять микрофоны, даже после самоликвидации они представляют улику. В крайнем случае он попытается узнать, стоят ли они еще на месте или нет, понять, насколько близко к нему подобралась преследователь. Конечно, он их не изымет и не снимет. Он очень осторожен и наверняка, учует слежку за версту. Но придет. В этом Резидент был уверен.

Это рефлекс. Это необъяснимая логикой тяга, ведущая преступника на место совершенного им преступления. Как лиса, уходящая от погони, метет свой путь хвостом, так и он будет стараться уничтожить ведущие к нему следы-улики. Не се-



годня, так завтра он пройдет здесь. Его не надо искать, его надо просто ждать.

Но как среди многих, прошедших по улице прохожих найти одного-единственного неизвестного человека? Как узнать среди тысяч текущих мимо люд одно, которое к тому же совершенно неизвестно.

Безнадежное, бессмысленное занятие.

Отловить и допросить все эти тысячи? Утопия. Потянуть за каждым хвост слежки? Тысячи хвостов? Даже если за одним человеком пустить одного шпика — таких сил не наберешь.

Но должен же быть выход! Не бесплотный же дух Контролер. Не невидимка же в самом деле. Должен же он, пройдя здесь, оставить хоть какой-то самый малый след.

След!

Оставить след...

Следы...

Резидент снова и снова проговаривал зацепившее его слово, вертел его и так и эдак, пробовал на вкус. След. Что-то было в нем очень тревожное, приближающее к решению проблемы. След в жизни. След за горизонт. След, оставленный на земле.

Ну, конечно, следы! Человек ходит по почве, по земле, ногами! Он не птица, он не умеет летать, ему нужна опора, в нее впечатывает он каблуки. «Топ, топ, топает малыш». — Как в песне. Идущий человек всегда оставляет следы! Это неизбежность, которую не научились избегать даже спец...

Ноги.

Вот оно, решение!

Резидент вызвал физика. Физик использовался редко. Он давал такие советы, какие никто, кроме него, дать не мог. Резидент ценил узких специалистов. Иногда они были незаменимы. Иногда они были ценнее целой роты боевиков. Он ценил их и потому прикармливал. Не очень жирно, но методически. Физик работал заведующим кафедрой в местном техническом университете. Когда-то ему срочно понадобились деньги, и он попал на крючок. С тех пор он время от времени подрабатывал в неизвестной ему организации, выполняя не всегда понятную ему работу. Он подозревал, что работает на «безопасность». Ему так было удобнее.

— Что произойдет, если улицу полить раствором радиоактивной жидкости? — спросил Резидент.

— Полгорода схватит дозы.

— Это второстепенно. А можно ли будет читать следы ушедшего человека?

— Если концентрация будет достаточной.

— Посчитайте насыщенность раствора и подготовьте двадцать приборов, способных принимать сигналы с расстояния до двух метров. Сколько на это потребуется метров. Сколько на это потребуется времени?

— Неделя, — ответил физик.

— Пять часов! — объявил Резидент, — За каж-

дую сэкономленную минуту вы получите один процент от общей суммы, за каждую просроченную минуту мы снимем полтора процента.

— Это невозможно!

— Это возможно. На этом листе напишите все, что вам нужно...

Приборы были готовы через четыре с половиной часа. Это стоило Резиденту трети резервного фонда. Но это стоило того!

Поперек всех улиц и переулков, по всем мостовым и тротуарам, где мог пройти Контролер, был разбрызган радиоактивный раствор. Ширина фонающих полос была выбрана таким образом, чтобы даже очень широко шагающий человек ступил на нее дважды. То есть, чтобы запачканными оказались обе подошвы обуви.

Радиация не имела ни цвета, ни запаха, она не была различима для человека, не имеющего специального прибора. Она никого не могла насторожить или напугать.

Радиация не напоминала клей, грязь или липучку вроде репейника, но она намертво прилипла к обуви. И ступив на нее раз, человек тащил ее дальше, куда бы ни шел.

Тысячи не видимых всем, не видимых Резиденту следов расползались по городу во все стороны. Где-то на остановках и перекрестках они кучковались, образуя пищащие радиоактивные лужи, где-то расходились по одному. Каждый человек, в тот день ступивший на меченый асфальт, нес легко читаемую информацию об избранном им маршруте. Их были тысячи, меченных невидимой меткой прохожих. Много, но уже не первоначальные триста тысяч! Это была уже совсем другая цифра. С ней можно было работать. Можно было надеяться на какой-то результат.

Конечно, внешние шпики, охранявшие Зону, его не узнали. Они не могли его узнать, потому что не представляли, кого искать, но это было уже не важно. Хотел того Контролер или нет, он, переступив невидимую контрольно-следовую полосу, дал начало следу, который неизбежно должен был вывести к нему. Он сам, своими собственными ногами вырисовывал стрелку, указывавшую его путь! Невидимка лишился своего главного преимущества — невидимости!

Дальнейшее было дело техники.

На подходах к вокзалам, аэропортам, на перекрестках магистральных дорог, на остановках встали «слухачи». Молодые, симпатичные парни тащили в руках над самой землей спортивные сумки и «дипломаты», на поясах у них болтались плееры, в ушах торчали наушники. Они не привлекали ничего внимания. Нормальные парни. Ходят или стоят на месте, кого-то поджидая, балдеют, слушая только им известную музыку. Ничего необычного. Необычное было в «дипломатах» и сумках — чувствительные, настроенные на нужную волну счет-

чики Гейгера. К ним через неработающие плееры тянулись провода наушников. И слушали парни не очередную модную попсу, хотя и пританцовывали ногами в такт незвучавшей мелодии, — слушали чужие следы. И как только в наушниках раздавались щелчки при приближении какого-нибудь прохожего, они давали условный знак — и вдогонку тому прохожему, отделившись от недалекой веселой компании или выйдя из ближайшего магазина, шел опытный «топтун».

Так из огромного высеивалось малое. Множество людей, испачкав радиацией подошвы, разошлись по делам. Тысячи — по работам и магазинам, сотни — по домам, десятки отбыли за пределы города. Всего-то десятки.

Если быть совершенно точным — девяносто шесть человек!

И среди них был Контролер.

Резидент рассчитал правильно. Контролер не мог задерживаться, ему нужно было как можно быстрее покинуть смертельно опасный город, и, значит, он не мог миновать контролируемых «слухачами» транспортных развязок.

Резидент ждал результатов. Вся информация через телефонную, радио- и курьерскую связь стягивалась в его кабинет. Пять диспетчеров, не отводя от столов взглядов, не отрывая от ушей раскалившихся трубок, вели черновую выбраковку поступающих сообщений, отбрасывали явную шелуху, уточняли подробности, в конспективной форме переносили услышанное на бумагу, ставили в зависимости от степени интереса возле каждого пункта один, два или три восклицательных знака. А если сомневались — «вопрос». Зам. Резидента анализировал уже предварительно просеянную информацию, сводил листы воедино и подавал на стол шефу. Решение должен был принимать он. И все равно, несмотря на предварительное высеивание и обработку, выходящие объемы были огромными. Уследить за динамикой событий было почти невозможно.

— Номер семь. Блондин. Выше среднего, тридцати-сорока лет. Глаза карие. Шрам. Фамилия выясняется. Купил билет до Москвы. Возвращается в город...

— Номер восемьдесят четыре. Шатен. По паспорту Степанов Семен Иванович...

— Номер пятьдесят три и номер одиннадцать. Встретились с группой людей...

— Номер... номер... номер...

Из девяноста направленных из города следов треть в силу возраста, комплекции и внешнего облика их хозяев и тому подобных объективных обстоятельств отпала сразу. Еще треть подозреваемых удалось проверить на месте, идентифицируя их через родственников, место работы и другие внушающие доверие каналы. Осталось около тридцати попадающих под подозрение объектов.

И все же Резидент допустил ошибку — опасаясь, распорядился в первую очередь проверить аэропорт, поезда дальнего следования, межобластные автобусы и магистральные дороги. Он пытался захлопнуть каналы, по которым беглец мог уйти разом и далеко.

Но, словно что-то почувывший. Контролер не воспользовался быстрым транспортом, предпочтя медленную, но верную скорость черепахи мгновенному, но опасному скачку газели. Кто мог предположить, что, стремясь возможно поспешнее покинуть подконтрольную Резиденту зону, он станет забираться в нее еще глубже.

До местного задрипанного и загаженного автовокзала «слухачи» добрались в последнюю очередь. Не столько в надежде на результат, сколько для очистки совести туда послали снятого с основного направления человека.

— Быстро смотайся туда и обратно. На все — час!

В это время все прочие лихорадочно разрабатывали двенадцать наиболее перспективных, как им тогда представлялось, следов.

Но подозреваемые отпадали один за другим. Сыскари тянули пустышки. Именно тогда тот, посланный наудачу дозиметрист, доложил о следе, обнаруженном на платформе местного автовокзала. Вначале Резидент не обратил на это сообщение внимания. Мало ли какая приехавшая из деревни бабуля обежала магазины, не поленилась, добралась чуть не через весь город до подконтрольного района, испачкала подошвы стоптанной боты и, затоварившись, отбыла обратно до своей любимой теплой печки. Стоит ли из-за этого бузу поднимать, оголять более перспективные участки. Но по мере отбраковки следов Резидент все чаще возвращался мыслями к автовокзалу, он затребовал узнать расписание движения всех автобусов и места их стоянок возле платформ. Сопоставив точки и время нахождения на платформе грязных следов, он вычислил искомый автобус и конечный пункт его движения.

Туда, повинувшись какому-то безотчетному подзрению, он послал человека с «плеером». Тот должен был выходить и слушать каждую остановку. Скоро сообщение сыскаря рвануло бомбой — в той деревне, куда шел автобус, следы не повели ни к одному дому. Они долго топтались по базарной площади, зашли в магазин, дощатый туалет и снова вернулись на остановку.

Пассажир местного автобуса ехал в никуда!

Далее следы обрывались. Резидент обложился справочниками, картами, расписаниями и быстро установил, что через десять часов после приезда в деревню искомого автобуса с той же остановки уходил другой автобус, направляющийся в соседнюю область.

Резидент спешно направил несколько поисковых групп в неподведомственный ему областной центр.

Он был почти уверен, что попал на след, но тем не менее разработку прочих направлений не исключил: мало ли какие бывают совпадения.

Может быть, это странный пассажир предпочел такой окольный и долгий путь из соображений экономии. Может, у него водитель автобуса деверь, который на этом основании взял его без билета. Может быть, он краевед, или психбольной, или эта деревня дорога ему как память детства. К чему гадать? Надо ждать сообщений. И сообщение поступило.

Поисковики, проверяя счетчиками вокзалы и аэропорты, наткнулись на стучающий в уши след. Это был один-единственный след на целый город. Всего лишь один, так нужный Резиденту след. Один, а не несколько тысяч, как было в начале операции.

«Слухачи» шли по нему как собаки-ищейки по хорошо натоптанной волчьей тропе. Они должны были настигнуть Контролера через час, через полчаса, через минуту. Но они опять опоздали. Контролер успел переодеться. Счетчик Гейгера привел к мусорному баку. Сыскари нашли аккуратно запакованную в бумагу фонащую обувь и одежду. След прервался, но сомнений не оставалось: не найдется ни одного здравомыслящего человека, способного вдруг по какой-то непонятной прихоти выбросить в мусор полный комплект еще вполне приличной одежды. Это мог быть только Контролер. Он был рядом, в нескольких метрах. Но он был все еще не известен.

Наверное, «дома», где все было схвачено. Резидент решил бы на облаву: закупорил входы и выходы аэровокзала, отсеял подозрительных и тем или иным способом дознался правды. Но здесь была не его территория, и как бы отнеслись органы к захвату среди бела дня целого вокзала, можно было только гадать.

К тому же Контролер, почуяв неладное, мог сбросить интересующую Резидента посылку или придумать еще какую-нибудь гадость, до которых он, как показал опыт, был большой выдумщик. Нет, Контролер нужен был в комплексе с товаром, желателен застигнутым врасплох и очень желателен не в городе, где трудно контролировать ситуацию в целом и его действия в частности.

Он нужен был на «необитаемом острове», где, кричи не кричи, ему не смогли бы помочь ни случайно подвернувшиеся представители органов правопорядка, ни доброты прохожие, бросившиеся на призыв о помощи. Он нужен был там, где подведомственные Резиденту люди могли контролировать ситуацию.

Резидент знал такие места, но он все еще не знал Контролера! И, значит, чтобы не потерять единственного интересного хозяину гостя, тот должен был зазвать на вечеринку всю его компанию. Захочет ли эта компания — вопрос второй.

Резидент определил следующую задачу — вычислить рейс, на котором может отбыть Контролер, и изолировать его до установления личности вместе со всеми пассажирами, исключая детей и уж совсем немощных стариков. Первое было нетрудно: из не очень-то бойкого расписания заштатного, оттертого на второй план новым аэровокзалом-гигантом аэропорта было ясно, что в ближайшие часы ожидается только один рейс «кукурузника» местной авиакомпании. Резидент догадывался, что Контролер купит билет именно на этот, местный, совсем не совпадающий с истинным направлением его движения, рейс. Резидент научился понимать преследуемую жертву, уловил логику его поступков — он всегда выбирал очень дальнюю, окольную, но на самом деле очень прямую дорогу. На его месте Резидент поступал бы точно так же. В деле, которым он занимались, прямо не всегда означало быстро.

Второй пункт программы — изоляция нескольких десятков собирающихся лететь этим рейсом пассажиров — был много сложнее. Как изъять из нормальной жизни и при этом избежать протестов, скандалов, опасного сопротивления, вмешательства властей? Как нейтрализовать родственников пропавших? Как убирать случайных свидетелей? Как транспортировать их на тот самый остров?

Выход был простой и элегантный — позволить пассажирам сесть в самолет, в который они сесть хотят! Тогда не надо их запугивать, тащить, отстреливаться от встрянувшей милиции, отмазываться от свидетелей. Они придут туда, куда надо, по собственной воле, собственными ногами. Они предъявят билеты, рассядутся по местам и в это мгновение будут изъяты вместе с самолетом. Товар принят согласно описи, надежно упакован и в полной целостности и сохранности едет, точнее, летит в пункт назначения. Дело за малым — за самолетом.

Резидент приказал доставить ему пилота, подвизавшегося у местной мафии на левых полетах на левом же самолете в дальние стойбища для обмена водки на мясо, шкуры и песцовый мех.

Пилота притащили через двадцать минут в состоянии жесточайшего алкогольного похмелья. Он еле двигал руками, ногами и совсем не двигал языком. Он был в переходном от живого человека к трупу состоянии.

— Я даю час на его поправку, — приказал Резидент, — делайте, что хотите, хоть перелейте ему всю кровь, хоть жарьте на огне. Его дальнейшее здоровье меня не интересует. Мне он нужен только на один день. Через час доложите результат. Если он умрет в процессе лечения, я с вас не спрошу. Если он будет жив, но не сможет держать штурвал самолета, полетите вы. Все!

Через час пилот, бледный, как смерть, слегка

покачиваясь на ногах, но в здравом уме и памяти стоял перед Резидентом.

— Этому — кофе и рюмку коньяка. На сбор — четыре минуты.

В это время проникший на взлетное поле неизвестный злоумышленник свинтил несколько очень важных гаек с мотора уже готового к полету «Ана». Диспетчер срочно вызвал бригаду ремонтников. Рейс был отложен на десять часов.

В это же время несколько мужчин за обещанные деньги перекупили у многодетной мамы, древней старушки и старика посадочные билеты, проведя их, как положено: одни сдали — другие приобрели, через кассу. Свободных мест в самолете не оставалось.

За пять минут до отправки была проведена подмена пилотов. Вел переговоры, принимал машину, запрашивал взлет один экипаж, а взлетал уже другой. Резидент хотел быть уверенным, что самолет полетит туда, куда нужно. Ему надоели непредвиденные случайности.

Внешне все выглядело досадным недоразумением на летном поле: в нарушение инструкции, а чего только не может случиться во второстепенном аэропорту, возле уже загруженного пассажирами «Ана» проезжал бензозаправщик. И бывает же такое, заглох возле самой кабины, заслонив ее от диспетчерской. Пока водитель демонстративно крутил ручку, пытаясь запустить заглохший мотор, два притаившихся в ближайшей лесопосадке снайпера двумя одновременными выстрелами сняли сидевших на своих местах пилотов. Никто ничего не заметил, только на стеклах кабины объявились две аккуратные, с недалеко разбежавшимися в стороны трещинами, дырки. Под прикрытием бензовоза по специальному складным приставным лестницам в кабину, предварительно продавив стекла, влезли дублеры, так они и летели дальше усиленным — двое живых, двое мертвых пилотов — экипажем. И все дальнейшие действия летчиков, их сопротивление и разговоры с угонщиками были не более чем инсценировкой, заранее выстроенной актерской игрой. Их никто никуда не угонял! Они летели сами.

Силы милиции, диспетчеров и вспомогательного технического персонала аэропорта, способные помешать реализации задуманного плана, в этот момент были отвлечены жестокой дракой, неожиданно возникшей в здании вокзала.

Чуть не десяток человек с ножами и даже одним (в последствии оказавшимся стартовым) пистолетом гонялись друг за другом по залам ожидания и служебным — «Посторонним вход запрещен!» — помещениям, грозя врагам и случайным защитникам самыми страшными смертями. Кое-как усмиренные, они раскисли, долго извинялись, вдвое заплатили за причиненный материальный ущерб и, в заключение, не без участия персонала

распили мировую, отказавшись писать друг на друга какие-либо заявления. В общем-то они оказались неплохими ребятами.

За выяснением подробностей ужасной погони, за подсчетом изломанной мебели, выбитых стекол и нанесенных синяков никто не заметил другого, менее шумного события: похищения рейсового, бортовой номер 2119, самолета.

Сам разыгранный перед и для пассажиров, а до того многократно отретированный угон самолета прошел без сучка и задоринки. Загрузкой в условленном аэропорту лжеинкассаторов, у которых мешки были плотно набиты не деньгами, а старыми газетами, аргументировалась причина угона. В просто захват Контролер вряд ли поверил бы. А здесь преступникам было во имя чего рисковать. Куш был солидный.

Обезвредив инкассаторов, бандиты вынужденно вступили в единоборство с отчаянными, не испугавшимися огнестрельного оружия пассажирами, впрочем, чуть не на треть такими же заговорщиками, как и они сами. Конечно, все можно было сделать тише, без «убийств» и кровавых драк, но кто бы поверил в бескровный угон. Пока кровь не заструится, пока перед глазами случайных свидетелей не выскочит чужая жизнь из разбитого тела, все происходящее будет казаться игрой понарошку. По-настоящему впечатляет только смерть. Это слишком серьезно, чтобы быть мистификацией.

Кроме задач правдоподобия Резидент, расписывая сценарий угона, преследовал еще одну, стратегическую цель — ему было важно лишить людей воли к сопротивлению. Он не мог допустить импровизированной, которая могла кончиться неизвестно чем, драки и потому организовал запрограммированную. Он шел впереди событий. Он выпустил пар, который еще даже не угрожал котлу взрывом, но который в потенциале мог его вызвать.

Тот, так понравившийся своим героическим поведением нефтяник отлично сыграл свою роль. Неудивительно, ведь был он не нефтяник, а профессиональный и вовсе не бездарный, но спившийся, постепенно опустившийся и впоследствии посаженный на иглу актер. Его привлекали, когда разыгрываемая роль требовала ведения длительных диалогов и монологов, когда надо было верить тому, что говоришь. Простые боевики на таких прокалывались уже после десятой минуты. Они довольно убедительно умели молчать, умели бросать отдельные, вроде «Господа, обед подан», реплики, но терялись, когда монолог требовал импровизации или превышал две страницы машинописного текста. Для этого требовался талант и опыт. И тем, и другим Актер обладал.

Роль ведущего за собой людей, оказывающего сопротивление похитителям народных ценностей лидера он играл с удовольствием. В этом было что-

то эпическое. Шекспировское: вместо сцены — парящий в небе самолет, массовка — вооруженные бандиты и испуганные пассажиры, антураж — деньги набитые в мешки, и плюс к тому его почти премьерная, героическая роль.

Актер не задумывался, кому была нужна его роль и в каком спектакле он призван играть. Он уже очень давно не задумывался ни над чем. Он жил мгновением: вначале мгновением игры и потом другим, еще более сладким мгновением получения очередной заработной платы. Он не был опустившимся наркоманом: такой никому был бы не нужен. Его старались держать в форме и даже периодически лечили. Но он был зависим и тем совершенно подчинен своим хозяевам.

Сегодня он играл заглавную, может быть, более важную по сравнению со всеми предыдущими роль. Роль Иуды. Пока он убедителен, пока ему внимают люди — они обречены, они не способны оказать сколько-нибудь действенного сопротивления, потому что вдохновляющий их лидер — провокатор, доводящий до сведения захватчиков любой направленный на спасение план действия и тем сводящий его на нет. Давно известно, если хочешь привести людей в тупик, не плетись сзади, выбивайся в лидеры, перехватывай знамя, пусть все остальные воодушевленно топают за тобой, сами не зная куда.

Лидера для нынешних лжезаложников избрал Резидент.

Теперь Резидент не опасался ничего. Он был уверен, что Контролер на борту. Даже если актер переиграет, даже если «убитые» инкассаторы не выдержат полуторачасовой неподвижности, даже если Контролер поймет, что его дураят, изменить он уже ничего не сможет. Западня захлопнута и для надежности поднята в воздух.

В жизни нет суперагентов, способных прыгнуть с летящего самолета без парашюта и остаться в живых. Но он и не успеет прыгнуть. Ему просто не позволят. Его перехватят раньше. Несколько пар надежных глаз и среди них одна пара профессионального психолога внимательно наблюдают действия и реакции пассажиров. Для того и продолжает актер разыгрывать этот фарс, чтобы по мельчайшим признакам, по мимике лица, по выражению глаз из толпы, сидящей в салоне, вычислить одного-единственного интересующего Резидента зрителя.

Возможно, Резидент не узнает, до чего докопался, какие выводы сделал Контролер, тогда об этом не узнает и никто другой, до выяснения истины живым из этого самолета не выйдет ни один человек. Таковы реалии игры.

Резидент не спешил: время работало на него. Контролер не мог убеждать, он мог только раскрыть свое инкогнито в попытке побега. Что и требовалось. Теперь нужно было только ждать результата.

Менее всего организатор столько грандиозной

операции опасался вмешательства внешних сил. Он учел и это. В начале, когда план только оформлялся, эта проблема признавалась одним из самых узких и спорных мест.

Что предпримет администрация, узнав о таинственном угоне вместе с экипажем и пассажирами рейсового, местного сообщения, самолета? Не поднимет ли сама, испугавшись такого ЧП, в ружье все наличные силы МВД, безопасности, ГО, спасателей? Не обратится ли за содействием к войскам местного гарнизона? Не запросит ли помощи Центра? И не докопаются ли они совместными усилиями до истины?

Нет, не поднимет, не не обратится, не запросит. Потому что угона не будет! Будет самолет прилетевший с требуемым грузом в нужное время, в нужное место. А для всех прочих? Для всех прочих случится авиационная катастрофа. Трагедия в небе. Такое, увы, бывает. Самолеты, они тяжелее воздуха и поэтому имеют дурную привычку падать вниз. Вот он и упадет.

Нет АНа. Развалился по кускам над морем. Все погибли. Только расплывшиеся по воде масляные пятна и кое-какие плавающие части корпуса и смогут найти спасатели. Когда заранее знаешь о предстоящей катастрофе, можно очень хорошо к ней подготовиться.

Техническую сторону легенды аварии обосновали специалисты. Они постарались учесть все: конструктивные особенности самолета, степень изношенности его механизмов и узлов, погодные условия, посещаемость предполагаемого места аварии судами и самолетами и пр. Пилоту надо было лишь в точности исполнить рекомендации: занять требуемый эшелон высоты, попасть в поле зрения нужных локаторов, привлечь внимание случайных наземных наблюдателей в заранее определенных местах, чуть сбиться с маршрута при полете над морем и, наконец, сыграть голосом тревогу, передавая несколько заранее оставленных и предназначенных для ушей диспетчеров фраз прежде, чем спикировать к поверхности воды. И уже после «аварии», изменив курс на 110 градусов, над самыми волнами тянуться в условленное место на берегу.

И сколько бы потом ни искали водолазы самолет и останки людей, они ничего не отыщут, потому что ничего нет — люди спрятаны на небольшом стоящем на мелководье судне, самолет разобран и зарыт в укромном месте в землю.

Поиски продлятся еще день или неделю, а потом в связи с чрезмерными для имеющегося водолазного снаряжения глубинами (а как же иначе, именно такая глубина для места аварии подыскивалась) или из-за неблагоприятных погодных условий поисково-спасательные операции будут прекращены. Членам семей экипажа и пассажиров будет выплачена единовременная материальная



помощь и выдан символический, предназначенный для захоронения прах. Нет людей, нет розысков, нет проблем.

Пассажиры, и среди них Контролер, окажутся в полной власти Резидента. Он сможет держать их день, два, неделю, месяц, их никто не хватится, потому что на земле их уже не будет. О том, отпустить людей впоследствии, когда будет вычислен Контролер, или найти какой другой выход из двусмысленного положения, Резидент не думал. Это было не его ума дело. Он решал чистые, как в учебнике по арифметике, задачи. Реализовывать их, подчищать хвосты предназначалось другим.

В самом деле, не может же отвечать за судьбу человека, вышедшего из пункта А в пункт Б и пропавшего согласно условиям задачи пятьдесят километров, ее автор. Может, у того гражданина от таких расстояний ноги до мяса протрутятся, может, его машина сойдет или хулиганы до полусмерти изобьют, что же, автора учебника, заслуженного педагога, любимца детей под суд отдавать? Так что — считать это особо тяжким, преднамеренным, с особо отягчающим обстоятельствами убийством или красивым теоретическим изыском неглупого математика?

Таким талантливым теоретиком и был Резидент. Он выдумывал задачки и находил оригинальные способы их решения. Его интересовало, чтобы сошелся ответ, а какой ценой — не суть важно. Его так учили учителя. Он ничего не выдумывал сам.

Однако практика рождала обстоятельства, не позволявшие ему растягивать операцию на недели. Например, ее затратность. Боевики хотели за свою работу получить деньги, каждый день хотели есть. Для этого раз в три дня в дальний поселок ходила машина, которая съедала массу горючего и командировочных для водителя и экспедитора-грузчика. А еще простаивало (а команде плати, а дизтопливо доставляй) целое судно. Плюс упущенная выгода от бесполезного просиживания трех десятков задействованных в операции людей? Плюс...

— Кончай с Контролером! Сколько можно тянуть? — торопили Резидента сподвижники, — эта волянка разорит нас вчистую.

Они были простые, как статьи Уголовного кодекса, эти мафиозники, и не понимали, что чрезмерная бережливость может быть убыточнее разумного мотовства. Сэкономленный сегодня червонец запросто может обернуться в будущем тоже червонцем, но другим, составленным не из рублей, а лет. Цифра одна — десять, а «сумма» разная!

Но боевики и корабль, и машины не принадлежали резиденту, и он вынужден был прислушаться к мнению сотоварищей. Он вынужден был торопить события, рискуя завалить всю операцию. Предложение о попытке — никуда не денется, сам все расскажет — он отбросил сразу. Во-первых,

Резидент понимал, что человек, прошедший Учебку, язык лучше проглотит, чем развяжет его. А уж сопротивляться физической боли он научен. Во-вторых, под костедробильными пальцами палачей-любителей каждый запертый в трюме пассажир мгновенно признается во всех смертных грехах, вплоть до собственноручного разрушения Трои в каком-то там веке до нашей эры. Таким образом, вместо одного разом объявится толпа Контролеров. Столько Резиденту не надо. Он гоняется не за количеством, а за истиной.

Отказавшись от попыток (чему бандиты несказанно удивились — у них и не такие молчуны болтали взахлеб), пришлось, идя на компромисс, согласиться на провокацию. Это было интересно, это понравилось. Однако, как и подозревал Резидент, соблазну интеллектуального или физического участия в сопротивлении творящим насилие угонщикам Контролер не поддавался, предпочтя слиться с общей серой, бестолковой для боя массой пленников. Накинул на волчьую личину кудрявую шкуру безобидного ягненка и затесался в общее стадо. Один серый баран среди массы серых баранов. Поди его отыщи! Актера, начинающего подозревать, что его действительно пленили, и находящегося по этому поводу на грани нервного срыва, из трюма изъяли вместе с двумя играющими роли пилота и инкассатора подручными статистами. Взамен в качестве катализатора, усиливающего в головах бродильные процессы, заложникам дали прослушать талантливо съмитмированную радиопередачу. Передача прошла с успехом, вызвав живой отклик у слушателей, исключительно для которых и была предназначена.

Дальше планы Резидента опять зашли в тупик. Заключение в трюме могли сидеть и год. Возможны голодные бунты охраны подавит: еще бы им, здоровым, вооруженным мужикам, не справиться с истощенной толпой подслеповатых от постоянной трюмной темноты заключенных. А дальше что?

Резидент не узнает истины. Контора, встревоженная пропажей целой ревизорской бригады, пришлет новую; пепел после того случившегося в результате столкновения «УАЗа» и бензовоза пожара просеют, взвешают, переберут, черт его знает чего еще сделают и, обнаружив недостачу кое-какого оборудования, начнут искать Контролера. Весь район перетряхнут, каждого жителя перещупают, землю на метр вглубь перекопают, а не успокоятся. Им гарантия сохранения Тайны важнее затрат и финансовых потерь.

Нет, нужен Контролер позарез! Черт с ним и с тайной его, хоть бы тело залопучить. Пока Контора живого или мертвого его не отыщет, покоя не будет! А так изобразили бы несчастный случай или, еще лучше, подсыпали его пепел в общую ревизорскую кучку. Контора бы его опознала, она бы смогла! она по составу последнего вздоха может

усопшего идентифицировать, а здесь пепел. Глядишь, дело бы закрыли и продолжилась бы негромкая, но сытая перифирийная жизнь.

Нет, года у Резидента не было и полгода не было. Можно потянуть с розыском Ревизоров недели три: пока сформируют другую бригаду, пока пройдут по цепочке событий, пока проведут экспертизу... Две точно. Но больше?

Как же заставить Контролера выказать себя? Как выманить из надежного убежища обезлички? — ломал мозги Резидент. Чем он отличается от других? Внешностью? Едва ли. Контора не держит выдающихся в смысле роста, веса, комплекции, красоты и тому подобных отличий работников. Ей интересны серенькие, с усредненным обликом мышки, которых не различить невооруженным глазом, не запомнить, не опознать на очной ставке. Еще при наборе в Учебку «шкафов» и смазливых красавцев безжалостно отцеживали. Личных меток, вроде подмышечной татуировки, указывающей группу крови, как была у работников гестапо, или особых шрамов, Контора тоже не ставит. Даже ребра ладоней и костяшки пальцев не набивает. Далеко смотрит начальство. Так бы сейчас выстроил пленников в ряд и, как на санпроверке в школе, заставил показать руки. Вот они, специфические мозольки. Зачем колотил ручкой о стенку? Признавайся!

Но у Контролера наверняка ручка обыкновенная. В меру рабочая, в меру интеллигентная, средняя, как и он сам. Подходящая под любую легенду.

Чем еще он может отличаться? Мышлением? Это уж точно. Но в голову к нему не влезешь, мысли не прочитаешь. А было бы интересно. Очень интересно!

Что еще? Думать! Думать!

Навыки?

Умеет он, бесспорно, много, но если до сих пор сдержался, их не использовал, то, значит, и впредь поостережется. А почему? Интересный, кстати, вопрос. Что ему мешает во имя спасения своей жизни применить пару-тройку спецметодов?

Сохранение тайны. Это понятно: тайна — дело святое. Тут не поспоришь.

А почему тайну трудно сохранить? Потому что вокруг свидетели, потому что каждое мгновение его наблюдают чьи-то глаза. Как же он может спасти себя и заодно всех пленников, если впоследствии они же первые из чувства благодарности его заложат.

Вот это уже ближе! Пытаясь распознать его по действиям, загнали в наиболее невыгодные для этого условия! Не глупость ли? Контролер никогда не станет оберегать свою жизнь, если это угрожает разглашением Тайны. Он предпочтет умереть в полной безвестности, чем быть скомпрометированным популярностью.

Отсюда есть надежда. Убрать всех подозритель-

ных из трюма, а это, кроме нескольких мужчин, еще одна очень занятая женщина. Агент, это он только в правописании мужского рода, а в жизни случается и наоборот. Расселить по отдельности, предоставить свободу действий. Захочет же он расширить круг известной ему информации, вызнать, где находится, сколько человек на судне, есть ли в наличии шлюпки и другие далеко не второстепенные мелочи. Проведет разведку, а для этого попытается покинуть каюту-камеру. Тут его можно и схватить.

Хотя, нет. Спешить не стоит. Явную слезку он непременно учует, судно — не улица, в замкнутом пространстве трудно вести скрытое наблюдение без особой техники и специальных обученных людей. Нет, пусть порезвится, войдет во вкус, поверит в собственные силы. Один случай — это может быть только случай, везение освободившегося от оков пленника-любителя. Так можно и ошибиться. Несколько случаев — закономерность. Почерк профессионала. А чтобы он в первую же попытку не сбежал, надо отвести судно подальше от берега и еще снять с надувных плотов баллоны автоматического газозаполнения заклинить спусковые механизмы шлюпок. Тогда деваться ему будет некуда. Там, возле шлюпок, плотов и еще на всякий случай возле трюма, где содержатся пленники, и следует его ждать. Туда особое внимание. Рано или поздно он объявится.

И Контролер объявился, но совсем не так, как предполагал Резидент. Тут ход их мыслей не совпал. Контролер не стал разрабатывать версию побега, не попытался тихо уйти с судна. Он пошел в атаку. Один против целой банды головорезов. Такого от него никто ожидать не мог. Он решился на отчаянную, казалось бы, самоубийственную борьбу. Он не продирался к спасительным шлюпкам, он прорывался к телам противника! Он пришел туда, где его не ждали.

Первый труп воспринял досадным недоразумением даже Резидент. Он не ожидал ни самой атаки, ни столь оперативных, уже во вторую ночь, действий Контролера. Во второй труп он не поверил, хотя все было очень естественно: перепил человек, оторвался неловко и утонул в собственных нечистотах. Не такая уж редкая смерть для пьющих.

Происшествие со случайным убийством и последующим самострелом лишило его иллюзий. Он не мог поверить в три подряд случайности, когда рядом находился человек Конторы. Контора и случай — трудно сопоставимые понятия. Там, где появляются ее люди, рок сдает свои позиции.

К сожалению, боевики осознать этого не могли. Командиры честили почем зря покойных нарушителей дисциплины, проверяли условия содержания оружия, гоняли заслуженных боевиков, как сопливых новобранцев. Резидент только усмехался про

себя. Наивные дуралеи. Понапихали полные карманы пистолетов и думают, стали суперменами. Да им хоть по гаубице вручи, так и останутся фраерами, играющими в «казаки-разбойники». Как будто бой выигрывается руками и засунутыми в них стреляющими железками. Первый раз столкнулись с настоящим противником и даже не смогли узнать его в лицо! Протрите глазки! Он передавит их поодиночке, как котят, а они будут продолжать ожидать начала битвы. А битва давно начата и уже вчистую проиграна.

Резидент собрал командиров и попытался еще раз в доступной для них форме объяснить ситуацию. Командиры, выслушивая, как им казалось, незаслуженную, с привкусом барства нотацию, морщились и всем своим видом демонстрировали, что сами с усами, не первый год за рукоятки пистолетов держатся. Последовавшие после беседы вопросы — «А как же наручники?», «Можно ли три раза выбраться из каюты и не быть замеченным?» и т.п. — убедили Резидента в их непробиваемой тупости.

Продемонстрировать бы им на их же безмозглых башках пару боевых, на поражение приемов, рассказать про Контору — по-другому бы оценили его слова. Но нельзя, не положено им знать то, что не положено.

— Не убедил я вас, — подвел итог Резидент. — Жаль.

— Да ладно вам. Если есть кто, поймает мы его. Если, конечно, есть!

— Недеюсь, завтрашний труп прояснит ваши мозги!

Оставшись один, Резидент успокоился. Нет худа без добра. По крайней мере теперь была стопроцентная уверенность, что объект на судне. Погибли боевики? Бог с ними! Такого добра не жаль. Жизни всех и вместе взятых не перевешивает одной — Контролера. Если для раскрытия инкогнито беглеца понадобится еще десять смертей, Резидент согласится на двадцать. Не удастся в ближайшие недели дезинформировать Контору — все это пушечное мясо ни его самого, ни себя не защитит, хоть в танки их посажай. Не жизнью бандитов жалко — упущенного времени.

Резидент еще раз в памяти перебрал всех сидящих по каютам пленников. Оценил их внешний вид, линию поведения, потенциальные возможности. Наиболее подозрительными были двое. Ночью он поставил в засады наиболее дисциплинированных и здравомыслящих бойцов. Но смерть пришла из других кают.

Бандиты, наблюдая качающийся, бьющийся о борт головой труп, впали в истерику: пять смертей подряд при отсутствии видимого противника были не для их нервов! Командиры загнали настаивавших на немедленной эвакуации бойцов в каюткомпанию и нашли Резидента.



— Что делать? — спросили они.

Резидент разложил на столе схему палуб и внутренних помещений.

Ночью судно не спало. На мачтах, на кранбалках были посажены и замаскированы наблюдатели. На палубе установили три накануне привезенные видеокамеры. В коридорах, возле специально пробитых из кают глазков, притаились боевики. В пяти кабельтовых от судна поставили на якорь шлюпку: там было два человека с приборами ночного видения, которые должны были отслеживать борта. Резидент сел в зашторенный рубке, возле телевизионных мониторов. Теперь оставалось лишь ждать, когда Контролер выйдет на охоту. Лишь бы он не сделал перерыва.

Контролер не сделал перерыва. Контролер вышел.

Со шлюпки доложили: «Из иллюминатора по правому борту вылез человек».

Резидент взглянул на схему. Вот уж чего он не ожидал! Обитатель семнадцатой каюты — Контролер? Ничем себя не проявивший, принимающий издевательства как неизбежность? Зажмуривающий при ударе глаза? Контролер?

Зажмуривающий глаза... Ничем себя не проявивший... Принимающий издевательства... Середнячок...

Тюфяк.

Мямля.

Вот именно! Серая мышка на сером фоне. Идеальный портрет невидимки. Идеальный портрет Контролера. Он, профессионал, должен был понять это раньше! За размазанным по матрасу дерьмом противника не разглядел!

Резидент с досады чуть не грохнул по столу переносной радиостанцией. Но не грохнул. Раз и навсегда его отучили выражать эмоции публично. Единственное, что он позволил себе сделать, — это жирным крестом перечеркнуть на схеме каюту №17. Работа была закончена. Контролер был известен.

Контролер еще успел пройти по палубе, успел обездвигить облюбованного им для шестого убийства боевика, успел вытащить его на палубу.

Он не подозревал, что каждый его шаг отслеживается. Он крался, затаивался, не зная, как комично это выглядит на экране монитора. Он унижал себя соблюдением уже ненужной конспирации.

— Свет, — распорядился Резидент. — К захвату.

Шестой смерти не состоялось!

Резидент говорил час. Это была странная беседа, где один, свободно двигаясь по камере, беспрестанно болтал, другой, валяясь, спеленутый по рукам и ногам на холодном полу, молчал, ни единого раза не раскрыв рта. Это была нормальная беседа победителя и побежденного.

Он не задавал вопросов, он спокойно излагал

суть дела, и это спокойное перечисление событий было безнадежней отчаянной перестрелки одинокого лучника с превосходящими силами вооруженного автоматическим оружием противника.

Он говорил не для меня. Я ему, исключая некоторые мелочи, был уже не интересен. Он говорил с равным себе, гарантирующим сохранение тайны зрителем. Кто еще мог понять степень его профессионального триумфа, как не подобный ему? Боевики? Но они не догадывались о сотой доли того, что доподлинно знали мы. С ними было неинтересно. Только игроки равного класса могут по достоинству оценить перипетии сыгранной партии. Шахматиста поймет только шахматист, а не любитель игры в подкидного дурака. Он вел беседу так, как хотел он. Он завоевал такое право, решив абсолютно неразрешимую задачу. Он-таки пошел туда, не знаю куда, и нашел то, о внешнем облике чего не догадывался. Прямо былинный богатырь какой-то! Алеша Попович! Жаль, что мне досталась роль снятого с дерева Соловья Разбойника.

— Может, ты подозреваешь, что я блефую? — спрашивал Резидент. — Тогда это странно. Какие еще нужны аргументы? Я вот он. Ты вот он. Ты знаешь, что я Резидент, я знаю, что ты Контролер. Операция провалена, ее участники, включая руководителя, раскрыты. Чего еще надо? Игра в кошки-мышки завершена. Кошка съела мышку?

Тут он бил в точку. Если судить не по приключениям, а по итогу, то порученная мне работа завалена вчистую. Он знает меня в лицо, говорит со мной — вот лучшее тому доказательство. Все прочее — детали операции, других ее участников он вычислил еще раньше. Единственной оставшейся загадкой был я сам. И он ее разрешил. Незвестных ему событий и тайн не осталось. Вот только дискетка...

— Может, поговорим по-свойски? — предложил Резидент.

Мне чертовски надоело изображать молчаливого, безразличного ко всему дундука. Терять мне, похоже, нечего. Проиграть более чем я проиграл, невозможно. Какой кодекс нарушу, решившись на диалог со своим врагом? Чести? У Конторы нет чести и нет кодекса, кроме обязательного к исполнению приказа вышестоящего начальства. Начальство же отсюда за тридевять земель. Вряд ли мне придется писать объяснительные по поводу несанкционированного раскрытия своего инкогнито.

Выпустить меня отсюда живым они уже не смогут. Это ясно. С этим надо смириться. Это нужно принять как должное. Я не знаю случая, когда в подобных обстоятельствах раскрытого противника оставляли бы в живых. Стоит ли в таком случае напрягаться, изображать ничего не понимающего, ничего не признающего слепоглухонемого олигофрена? Унижать свое человеческое и профессиональное достоинство?

Пожалуй, нет. Хотя напоследок побыть тем, кто я есть на самом деле. Без легенд, без чужих фамилий и биографий, без несвойственной мне мимики и привычек, без каждоминутного контроля за собственными языком и движениями. Естественным, таким, каков есть. Великий соблазн для человека, вечно зажатого в тесных рамках какой-либо заданной обстоятельностью роли.

Наверное, я соглашусь. Ведь я уже практически покойник, а покойнику все равно. Он уже не принадлежит Конторе, а только господу богу. Это последние мои дни или часы. Могу я их прожить, согласуясь не с Уставом, а со своими желаниями, тем более что своей откровенностью я уже никого не подведу. Я уже и так всех, кого возможно, подвел предыдущими действиями. Куда уж дальше?

— Ремни вы, конечно, не развяжете? — на всякий случай спросил я, заранее догадываясь об ответе.

— Конечно, нет. Сам понимаешь, нам тебе свободу действий давать нельзя. Мы еще не нашли то, что нас интересует. Нам тебя еще перетряхивать до самых кишок. Так что потери, если можешь.

— Хоть матрац подстелите.

— Подстелим.

Я догадывался, что произойдет дальше. Я понимал, для чего нужна была вся эта болтовня. Пока шеф трепался, на самом деле зорко наблюдая за пленником (чужим глазам это дело не доверил, только своим), подчиненные в спешном порядке оборудовали «заделочную». Все, что я мог предпринять, я мог предпринять только немедленно. Потом будет поздно.

Я пошевелил кистями. Связали профессионально, без изъянов. Ногу примотали к ноге и, согнув, привязали через спину к шее. Руки, сведя за спиной локти, приторочили к телу. Сопротивление было исключено. Ни пнуть, ни толкнуть противника было невозможно. Мумия. Муха, закрученная в кокон паучей паутины! Единственное, на что я был способен в этом положении, это жалобно жужжать, ожидая, когда паук вонзит свою жало в мое сердце.

— Дискетку, конечно, не отдашь? — на всякий случай спросил Резидент.

Я пожал плечами. Мол, что будет, то будет — готов отвечать за свою безалаберность, приведшую к утрате ценного имущества.

Как они будут искать, я знал. Вначале по нитке распустят одежду, потом ощупают, заглянут во все естественного происхождения тайники, потом потащат на рентгеновский аппарат. Хотя нет, не потащат. Откуда ему здесь на судне взяться? А потащат меня, сердешного, прямиком в анатомичку, положат на обитый оцинкованным железом стол и начнут резать на тонюсенькие кусочки, каждый такой кусочек протирая словно тесто между пальцев. Вдруг я вшил посылку под кожу? Такие приемы известны. Но я этого уже не увижу и, честно говоря, от того не расстроюсь. Поганое зрелище,

особенно когда это касается не чужого, а собственного горячо любимого и дорогого организма.

Может, мне лучше самому отыскать вождленную посылку? К чему людей утруждать? У меня одних кишок, которые тоже придется перебирать-перещупывать — чуть не восемь метров! Замаешься! И, главное, все равно ничего не найдут. Может, облегчить жизнь им и себе?

Или только себе? Тогда...

Я еще раз пошевелил пальцами. Пожалуй, шанс есть. Хорошо, что палачи не требовали от своих пленников соблюдения санитарно-гигиенических норм: чистить руки перед сном, мыть уши и руки, подстригать ногти и тому подобное. В пионерском лагере, с его жестокими правилами, я был бы обречен, а здесь, где порядки более либеральные, возможно, потеряно не все.

Я попробовал подушечками пальцев ногти. За это время они порядком подросли и превратились в не самый слабый инструмент. Не ножницы, конечно, но выбирать не приходится.

Быворачивая кисти, я нащупал веревку, удерживающую мои ноги в закинутом назад положении. Это была сплетенная из отдельных волокон сизалька. Отлично! Выщипывая отдельные нити, я стал не столько подрезать, сколько истирать их встречным движением ногтей. Все равно что пилить чугунную гирю маникюрной пилкой. Скоро я почувствовал, как мои ногти от чрезмерных нагрузок отслаиваются от пальцев. Лишь бы кровь не пошла. Ее капли можно легко заметить на полу. А боль — это дело привычное, ее я перетерплю.

И все это время, пока ногти мои незаметными для постороннего глаза движениями пилили веревку, я вынужденно поддерживал «легкую» беседу с Резидентом. Молчать мне было нельзя. Молчание — признак заговора или по меньшей мере напряженности. Разговаривай о чем угодно: о подробностях проваленной операции, о несбывшихся планах, о погоде, о женщинах, о достоинствах «Спартака» или «Торпедо»... Только не закрывай рот. Говори!

— А если бы я не появился в тот день на меченных улицах? — задавал вопрос я.

— Тогда бы мы.. — предполагал Резидент.

— Тогда я...

— А мы...

Великосветский треп, чушь собачья. Но этот разговор нужен был обоим болтающим сторонам.

Резидент поддерживал беседу, потому что знал: неодолимо только молчание. Говорящий человек неизбежно увязает в водопаде собственных слов, утрачивает бдительность и может, сам не желая того, натолкнуть собеседника на опасную догадку. Кроме того, говорящий человек труднее расстается с жизнью. Молчун встает под дула взведенных винтовок легче. Совершенно понятная цепочка. Говорю — значит мыслю, мыслю — значит сущес-

твую, существую — значит надеюсь. Говорю — значит надеюсь? Наверное, так. Когда жертва перестает общаться с палачом, это означает, что выбор состоялся, что больше ни на что надеяться нельзя. Такого человека можно только убить. Как информатор он бесполезен.

И оттого Резидент говорил.

И говорил я. Потому что надеялся. Потому что ногти мои пилили, стирали, рвали волокна лишавшего меня свободы каната. Я сделал уже треть работы и знал, что осилю и оставшуюся. Чего бы мне это ни стоило! У меня был серьезный стимул.

Нет, я не думал о спасении. Я мечтал о большем. О смерти! Об избавлении от предстоящих мне мук. Что жизнь? Бывают ситуации, когда она становится самым страшным, непереносимым наказанием, когда счастье ассоциируется не с ее продолжением, а с ее немедленным завешением. Я это доподлинно знаю. Я сидел на пыточных креслах. Случалось. Приглашали! И даже я, подготовленный морально, знающий, как сопротивляться боли, молил судьбу о вечном забытии как о великой радости. Очень мне хотелось облобызаться со старушкой с косой. Желанна она была мне в эти моменты больше, чем прыщавому юнкеру великосветская шлюшка.

Повторять такие опыты мне не хочется. Боже упаси! Между просто смертью и смертью от мук я избираю первое. За то и борюсь!

Когда канат поддался, беседа иссякла.

— Ладно, — сказал я, — тебя интересуется дискетка?

Резидент кивнул.

— Если я буду молчать, последует «разделочная»? Со всеми вытекающими и выползающими последствиями?

Резидент снова согласно кивнул.

— И искать дискетку вы будете, естественно, без наркоза?

— Конечно, — подтвердил Резидент. — Ты же сам все знаешь. Я понимаю — боль не заставит тебя распустить язык, но мои молодцы в это никогда не поверят.

— Если дискетка находится, на что я могу рассчитывать? — попробовал торговаться я.

Если бы я был не из Конторы, Резидент наобещал бы мне золотые горы, на тех горах золотую же дачу-избушку с золотой женой в придачу. Но я был Контролер, и он ответил честно.

— Приятную смерть.

Это было много. Это было чертовски много. Хорошая еда, горячая ванна, приличная одежда и легкий укол в вену. Барство на границе с вечной чернотой.

— Есть другие варианты. Но сам понимаешь...

Я отрицательно мотнул головой. Другие варианты меня не устраивали. Мне было довольно блаженной смерти.

— Дискетка на палубе в районе кормы. Могу показать.

Резидент внимательно смотрел на меня. Он раздумывал. Он не спешил верить. Почему я так быстро согласился? Чего добиваюсь? Он перебирал версии, выискивая скрытую опасность.

Опасности не было. Сделать я ничего не мог. С другой стороны, у него не было выхода: сомневайся не сомневайся, он вынужден был принять мои условия. Без передачи. Показываю сам.

— Смотри, а то позабуду, — зло подшучивая, торопил его я.

Резидент вызвал охрану.

Пять командиров вошли в помещение и развернули кусок брезента. Это еще зачем?

Я не замерз.

Брезент расстелили, меня словно чурбак уложили в центр и, подняв за край, понесли. Ясно. Резидент страшется, боится, что я сброшу ценный груз по дороге. А так, что бы из меня ни выпало, все окажется в брезенте. Предусмотрительно!

— Эгей, ровней несите. Без тряски. А то у меня морская болезнь сделается, — злобил я своих носильщиков.

Они отвечали мне ненавидящими взглядами. Понятно, будь их воля, они бы меня на куски разорвали за погибших товарищей, за свои пережитые в эти дни и ночи страхи. Жаль, но ничего не выйдет. На куски меня будут рвать другие, специально обученные люди. Не достанусь я вам, ребята.

— Вы что, в ногу шагать не умеете? В армии не служили? По слабоумию?

Для успеха задуманного плана мне нужна была их ненависть.

Вышли на удивительно пустынную палубу. Похоже, для манипуляций со мной Резидент привлекал только командиров. Рядовой состав заботливо оберегали от излишней информации. Странно было увидеть судно при дневном свете. Ночью все выглядело по-другому. Не так безнадежно.

— Куда?

— На корму.

Возле фальшборта я велел остановиться.

— Тпру, пристяжные! Кладите меня на спину, — скомандовал я.

— Ты лучше говори, где? — взвились носильщики.

— Что-то у меня с головой. Какая-то забывчивость, когда кричат, — пожаловался я наблюдающему за происходящим Резиденту. — Когда молчат — помню, а когда кричат... Может, мне в медпункт?

Я юродствовал, максимально используя возможности момента. Я издевался, пока они не могли позволить себе заткнуть мне рот короткой зуботычиной.

— Положите его, — распорядился Резидент. Меня уронили спиной на палубу.

— Вот спасибо, ребятки, что покатали. А овса вам вон тот дядя задаст. Заслужили...

Ближний боевик незаметно, но очень болезненно ткнул меня в бок носком ботинка. Разогрелись ребятки, кипят как самовары на углях.

— Пусть этот, — показал я головой, — залезет вон под тот рундук.

Резидент приказывающе кивнул.

Один из бандитов встал на колени и полез руками под приваренный стойками к палубе какой-то, вроде пожарного, ящик.

— Где?

— Глубже. Глубже.

Ему мешал выпирающий из ящика крюк арматуры.

— Еще дальше.

Плавным рывком я оборвал последнюю сохранившуюся нить каната. Мои ноги были своодны. Секунду я помедлил, приготавливая мышцы к действию. Я сжимал себя, словно гигантскую пружину.

— Еще глубже. Еще. Сейчас помогу!..

Совершенно неожиданно для всех окружающих я, рывком распрямив ноги, мощнейшим ударом толкнул стоявшего на карачках боевика в торчащий зад. Он ничего не мог сделать. У него не было опоры, его руки были вытянуты вдоль палубы, его колени проскальзывали по гладкому металлу. Он упал вперед и в голову ему с хрустом вошел арматурный крюк. Он так и остался стоять на коленях с руками, засунутыми под рундук.

Все вздрогнули. Все смотрели на дергающееся на пруте тело. Облик такой мгновенной и неестественной смерти был ужасен.

Именно на эту секунду я и рассчитывал. Именно эта секунда была мне нужна. Не оглядывая результаты своей работы — пусть другие, кому она назначена, любуются, я прыжком со спины вперед встал на ноги, попутно сильным ударом головы в челюсть послав в нокаут еще одного, стоящего на моей дороге боевика. Краем глаза я увидел, как напрягся, приготовился к обороне Резидент. Зря, его жизнь мне была не нужна. Мне была нужна моя смерть.

Одним быстрым прыжком я достиг фальшборта, другим рыбкой перепрыгнул через него. Ледяная вода ударила в лицо, но это меня не волновало. Я не купаться собирался.

Если я правильно рассчитал и верно сыграл свою роль, обозленные боевики за мной не прыгнут. Не захотят они бултыхаться в холодной воде, спасая такую первостатейную сволочь. Приказ Резидента нарушить рискнут, а не полезут. Достал я их! Что и требовалось.

Я погружался все глубже, стараясь загрести ногами под корпус судна, где найти меня было сложнее. И еще, утасоющим сознанием я очень сожалел, что не запущен мотор. Работающий винт,



если под него удачно подставиться, в мгновение ока изрубил бы меня в лапшу.

На достаточной, как мне представилось, глубине, я разом выдохнул, выдавил из себя весь воздух. Сотни пузырьков забурлили вокруг меня. Это уплывал мой последний вздох. Это, весело искрясь и переливаясь, уходила моя жизнь.

И еще в этот последний момент своего существования я успел удивиться, что этих пузырьков так много. На троих бы хватило!

Больше я ни о чем не думал. Я умер.

Пришел я в себя в судовом медпункте.

— Как чувствуете себя, покойник? — спросил «доктор».

Судя по внешнему виду, это был не архангел Гавриил. С такими рожами в раю не держат. Значит, умереть мне не удалось. Как же они умудрились меня спасти? По всем прикидкам им не должно было хватить времени. Растерянность, препирательство, поиск, подъем тела — минимум десять минут.

Зашел Резидент.

— Очухался? — спросил он.

Я отвернулся. Думал ангельские лики узреть, я вижу все тех же персонажей.

— Очень жаль, что ты держишь меня за дурака. Обидно! Ты что думал, что я позволю тебе утонуть? Позволю покинуть наш благословенный корабль по-английски? Ошибаешься. Здесь жизнью и смертью заведу я. У нас дисциплина.

Теперь юродствовал он. Я слушал.

— Ты думал, я не подстраховывался на всякий случай? Наивно...

Пузырьки! — вспомнил я. Он заранее послал аквалангиста. Он был готов к моей выходке. Наверное, я теряю квалификацию, если мои ходы стало так легко просчитать.

— Да, аквалангист и еще утопленная на дне сетка. Нам достаточно было включить кран-балку. Даже шлюпку опускать не пришлось.

— Расстрою тебя еще больше — анатомического театра не будет. Я выкупил твою посылку. За рубль!

Значит, нашли! И тут я тоже проиграл.

— Признаюсь, поработать пришлось порядком. Свою каюту ты не признаешь — осталось голое железо. Ни коек, ни шкафов, ни отделки. Вот к чему приводит упрямство. Испоганили помещение.

Я терпел. Теперь праздник громыхал по его улице.

— Вообще дело закончено и подшито в папку. Информация уйти не успела. Контролер в наличии. Остальное — дело техники. Осталось утрясти маленькую проблемку. Последний честный ответ на честно заданный вопрос. И на этом все.

Пароль дискетки?

Я категорически мотнул головой.

— Это последнее слово?

Я молчал.

— Тогда все. Считаю, отмучился.

Он был нормальным парнем, Резидент. Он не желал доставлять мне лишних страданий. Он избавлял меня от анатомички.

Резидент вызвал подручных.

— В расход, — коротко сказал он. — И не загибайте. Охрану, наручники не снимать до самого конца. Выполняйте.

— Прощай, Контролер. Извини за доставленное неудобство. Я бы завершил все лично, но не могу, народ требует жертв. Обидел ты их очень. Не имею возможности отказать. Не поймут. Так что потерпи. Немного осталось.

Ведите.

Меня вывели на палубу. Судно стояло возле берега. Похоже, чтобы не отвлекать лишних сил на мою персональную охрану, мне, откачав вкатили дозу наркотиков. Интересно, сколько времени я валялся в отключке. Хотя какое значение имеет время для человека, у которого оно практически закончилось. Прошлое не в счет, когда отсутствует будущее.

— Давай шагай, — толкнули меня в спину охранники.

Несмотря на мои застегнутые за спиной наручниками руки, пальцы они держали на курках. Запугал я их. Жаль, не до смерти.

Непонятно, зачем они ведут меня на берег. Отчего не шлепнули на судне? Не хотят тащиться с тяжелым телом по шатким сходам? Предпочитают, чтобы жертва ходила сама, своими ножками?

— Направо, — скомандовали провожатые.

Мы завернули за небольшой выступ берега. Теперь понятно. С десяток боевиков, лениво покуривая и переговариваясь, ожидали меня. Решили отпугаться, потешиться напоследок. Не отпускают детские хулиганские привычки бить всем скопом одного беззащитного человека?

— Все, сука, готовься. За ребят наших... — угрожающе прошипел один, проверив, однако, на всякий случай запоры на моих руках.

Рыцари печального образа. Благородные мстители. Мать их!

— Только, мужики, не сразу в полную силу, чтобы всем досталось, — крикнул кто-то из толпы.

Били меня долго и с удовольствием. Каждый желал достать меня ногой или кулком лично. Так сказать, присоединиться к обряду мести. Все это создавало ужасную сутолоку. Драчуны мешали друг другу, наступали на ноги, толкались локтями и оттого злобились еще пуще.

— А ну — дай я! А ну — расступись! — орали они.

Будь их меньше, эффективность ударов была бы куда выше. Я, словно мячик, летал от кулака к кулаку, но по-настоящему травмирующих ударов



получил не больше десятка. Мне своротили скулу, рассекли бровь, разодрали плечо и спину, кажутся, сломали ребро. Со стороны я, наверное, представлял ужасное зрелище — весь в крови и лохмотьях разорванной одежды. Случись мне иметь дело с профессионалом, он убил бы меня одним ударом. Не пришлось бы так мучиться...

Все, устал. Пора отключиться.

Я упал, поджал ноги к животу и «потерял сознание».

Не без удовольствия они попинали меня еще минут пять.

— Эй, мужики, кончайте. Мне его еще расстреливать, — кричал кто-то, отталкивая вошедших в раж драчунов.

Все-таки Резидент требовал контрольного выстрела. Ему нужны были гарантии.

Меня окатили водой, поставили на ноги.

— Все, амба! Шагай!

Заплетаясь ногами, прихрамывая, я поплелся к месту казни. Недалеко — шагов двести.

Вволю натешившиеся боевики расходились, потирая ушибленные о мои кости пальцы. Они уже не видели во мне угрозы. Расшибленный, еле удерживающийся на ногах кусок мяса, на что он еще годен, кроме как быть положенным на сковородку. Отбивная, одним словом. Охранять и довершать дело со мной остались трое.

— Быстрее, быстрее, — торопились они.

Я взошел на небольшое возвышение. Впереди был довольно крутой склон оврага, сзади море. Прямо кинематографический для такого дела пейзаж. Сцена расстрела главного героя. Дубль первый и единственный.

— Остановись там.

Я встал.

Может, отпрыгнуть, побежать — мгновенно подумал я, но тут же отказался от этой мысли. Мучить себя напоследок, бежать израненный ногами, сотрясать отбитые внутренности? Бессмысленно! Они достанут меня из трех стволов через десяток метров, а до кустов добрых пятьдесят.

Боевики тянули, о чем-то препираясь.

— Ну вас к дьяволу! Я не полезу. На черта надо! Наручники не мои. Они все в мозгах будут, а мне с ними возиться, — возмущался самый молодой, — или сейчас снимайте, или пусть пропадают.

Значит, стрелять будут в затылок — понял я. Чистоплюи! Наручники оттереть им противно. Башку пульей разнести не противно, а тряпкой повозить... Мозги мои им не нравятся. Так оставьте их хозяину. Мне они в отличие от вас вовсе даже не противны!

— Да, ладно, черт с ним, отстегните ему наручники. Куда ему бежать? Он на ногах еле стоит, — согласился старший. — Чего спорить. Тут деловто на две минуты.

Я напрягся. Обстоятельства резко изменились

— мне освобождали руки! Мои пока еще остающиеся на месте мозги быстро просчитали расстояние. До кустов было сорок пять, а не пятьдесят метров. Существенная поправка. Четыре — до боевика с карабином (тоже оплошность, на расстрел лучше автомат брать). Пять — до другого. Что у него? «Макаров»? Эта хлопушка меня не пугает. Прицельность у него, как у слепого глазомер.

Молодой подошел ко мне, расстегнул наручники. Играя на расслабление противника, я пошатнувшись, упал на колени, с трудом поднялся. Я слаб, для меня каждый шаг — мучение, у меня переломаны все кости. Я безопасен. Меня можно даже не стрелять, я и так умру через пяток минут. Такое я должен был внушать впечатление.

— Сдвинься, — приказал молодой, взводя ТТ.

Это — с готовностью. Такие перестановки мне только на руку.

Холодный ствол уперся в затылок. Через секунду должен был раздаться выстрел, уносящий мою жизнь. Всего через секунду... Нет, через целую секунду! Для таких, как я, это много. Чертовски много в ситуациях, где поставлена на кон жизнь. Он еще должен собраться, должен напрячь руку, нажать (это тоже действие, требующее дополнительных мгновений) курок. Главное — не опоздать.

Когда фаланга его указательного пальца вдавила спусковую собачку, моего затылка под дулом уже не было. Пуля и горящий порох выбили мне дорожку на макушке, но не больше. Волосы не башка — отрастут новые.

Мгновенным ударом локтя в солнечное сплетение я вывел боевика из строя. Он охнул, мешком осел мне на подставленные плечи. Именно этот прием давал мне шанс на сохранение жизни. Во всех других случаях я был бы покойником уже через секунду. Я получил надежную защиту, бесплатный, из чужой плоти и крови, бронезилет.

Длинными прыжками я побежал вниз по склону. От перегрузки страшной болью отозвались внутренности, ноги и все тело. Но когда дело идет о спасении жизни, на такие мелочи внимания не обращают.

Быстрее, еще быстрее!

Бандиты на секунду растерялись. Но именно на ту, которая решала исход побега. Им надо было броситься мне вслед. Они были налегке — я с ношей на спине, и они, конечно, догнали бы меня. Но у них в руках было оружие. Они не были психологически готовы к рукопашной. Они предполагали стрелять, а не скакать по склону, словно зайцы. И в мгновение моего прыжка они автоматически вскинули стволы. Но они не могли стрелять. Им было некуда стрелять. Я отсутствовал. Перед дулами была спина их товарища.

Пока они соображали, пока выискивали мишень для своих пуль, я в спринтерском рывке успел одолеть расстояние, давшее мне приличную фору.



Теперь так легко, как вначале, они догнать меня не могли. У меня в запасе было несколько метров.

Следующим их чувством после растерянности был испуг. Они вдруг поняли, что смертник может уйти, что расстрел не состоится, что они ответят за его потерю своими головами. И они стали стрелять. Вначале по ногам. Но попасть по мелькающим пяткам из неавтоматического оружия очень сложно, а до кустов уже оставалось не более десяти метров. Они испугались еще больше: «Уйдет!» И, наплевав на своего напарника, стали стрелять в корпус. Они были неплохими стрелками, я услышал, как несколько пуль ткнулись в спину моего, в прямом смысле слова, телохранителя. Я с трудом устоял на ногах.

Правда, эти выгаданные у смерти мгновения меня не спасли. Сейчас они убедятся, что я жив, и доделают свою работу дополнительными выстрелами в упор.

Используя единственный призрачный шанс, отсрочивающий роковые выстрелы, я притворился мертвым. В падении специально перевернулся на живот, чтобы лицо мое оказалось погруженным в воду. Это убеждает, это доказывает, что человек умер. Вдыхал я самым краешком рта в момент, когда лицо мое приподнимала мелкая речная волна.

Изображая труп, я ждал точки контрольного выстрела. Я был уверен, что он прозвучит. Вот

сейчас! В эту или следующую секунду! Тяжелое это дело — ждать затылком выстрела и не пытаться спастись бегством, не позволить себе даже малое шевеление.

Но они не выстрелили. С патронами. С патронами у них, что ли, напряженка?

Подойдя, бандиты за шиворот потащили меня к берегу. Мой труп им зачем-то был нужен. Вот здесь, на сухой травке, когда они станут меня переворачивать, я дам бой. Бой я, конечно, не выиграю, но одного из них за собой прихвачу. Скучно мне путешествовать по реке забвения в одиночку.

— Тяжелый, гад, — возмущались боевики, выволакивая меня на землю.

— Мертвяки, они всегда такие...

Я приготовился к действию, но опоздал! Случайный сук, воткнувшийся мне в закрытое веко, заставил меня вздрогнуть. Увы! На неожиданную боль, например, на впившуюся в зад иголку, реагирует даже спящий на гвоздях йог.

— Да он жив! — вскрикнули бандиты, отскочили на несколько метров, щелкнули затворами и курками оружия.

Сейчас они и выстрелят.

— Эй, ребята, вы чего? — услышали все спокойный голос.

На другой стороне ручья, на полянке, по-портовски сложив ноги, сидел, просьпая сквозь пальцы табак в сложенную углом бумажку, старик. На

коленях у него лежала потрепанная тозовка-мел-кашка, в ногах валялся вещевой мешок.

— Ты откуда, дед?

— От папы с мамой. А вы чего мужика мучите?

— Это, дедуля, преступник. Бандит. Он жену свою зарезал. Ступай давай отсюда.

— А, тогда понятно. Тогда, конечно, — согласился старик. — А почему милиции нет?

— Мы и есть милиция. Уйди, дед, от греха.

— А почему без суда, без этих, как их, адвокатов?

Боевики переглянулись. Въедливый дед попался, так просто не отстанет. Видно, надоело ему бирюком в тайге сидеть. По живому слову истосковался. Общения жаждет.

Старший боевик незаметно повел глазами. Другой, отойдя в сторону, отправился к ручью, ненароком наводя на деда дуло карабина.

— Тут, дедуля, понимаешь, дело такое секретное. Я сейчас подойду, расскажу.

— Ты бы, паря, не шел, а оттуда рассказывал. У меня с ушами в порядке.

— Ах, ты, сука! — выругался боевик, вскидывая карабин.

Выстрелить он не успел. Каким-то неуловимым движением дед поднял винтовку. По сравнению с карабином тозовка хлопнула глухо, еле слышно, как-то по-игрушечному. Боевик выронил оружие, схватился руками за лицо. Маленькая пятимиллиметровая пуля вошла ему точно в глаз.

Дед-то, видать, был охотником. Привык белок в зрачок бить, чтобы шкуру не попортить. И этому не попортил — целехонький боевик. Только мертвый.

Оставшиеся бандиты мгновенно вскинули оружие. Одного — ударом ноги в пах и другого в подбородок — обезвредил я. Второй смог по достоинству оценить меткость случайно встреченного охотника. Он сыпанул очередью из автомата под ноги старику. Чуток промахнулся, видно, поторопился. В свою очередь тот, даже не шелохнувшись под ударами камешков, выбитых из земли, послал одну пулю, но куда надо, боевик увидел вспышку выстрела и больше не увидел ничего, потому что глаз не может видеть пули, прошедшей сквозь него.

Все. Два выстрела. Три трупа.

— Ну ты даешь, дед, — восхитился я, потянувшись рукой к выроненному убитым боевиком автомату.

Прозвучал выстрел. Автомат, отброшенный ударом пули, отлетел на полметра.

— Не балуй! — предупредил дед.

— Ты чего? Ты ж меня только что спас! — удивился я.

— А это ничего не значит. Сегодня спас, завтра не спас. Кто ты такой, я не знаю. Может, ты и впрямь жинку порешил. Мне что ты, что они — все едины. Ты вона как лихо того парня вздул. Он и

охнуть не успел. Ты вот что, паря, отойди, за ради Христа, шагов на десять.

Я повиновался. Как стреляет дедок, я видел. Изображать мишень для его очередных спортивных-прикладных упражнений мне не хотелось.

— Вот так. А теперича видишь ту березку? Вот и подойди к ней, не поленись. Ближе, еще ближе. Теперь прикоснись. Чай, не грязная.

«Что он задумал?», — недоумевал я. Если пристрелить, зачем гоняет по полюне? Если отпустить, зачем угрожает дулом винтовки? Неоднозначный дед какой-то...

— Дальше-то что?

— А дальше, мил человек, охвати березку во-круг руками и ногами. Сделал? Теперича руки засунь под коленки. Не падаешь, нет? Вот и ладно. И ползи теперь по стволу вниз, скока можешь. Понял?

Ай да дедок! Это же надо, что учудил! Таким приемом японцы еще во время войны пленных рассаживали. Веревки экономили. Заставят обхватить ствол, навалятся сверху, так, чтобы человек, сползая вниз, ногой ногу заклинил, руки под ремень запустят или свяжут — и вся недолга. Век будешь сидеть, не поднимешься. Не могут ноги из такого положения без помощи рук распрямиться, не могут тело поднять. И главное, чем больше так сидишь, тем больше они затекают. Самураи таким образом целые рощи обсаживали. Стволов не видно — одни фигуры солдат плененной стороны, ни заборов не надо, ни колючей проволоки.

Правда, в моем случае есть один маленький изъян — присаживаюсь я сам, на плечи мне никто не давит. Можно попытаться приостановиться на половине, тогда остается возможность выдернуть ноги вбок.

— Ниже. Ниже, давай! — командовал старик, зорко наблюдая за моими действиями.

— Не могу. Некуда, — отвечал я, изображая чуть не до кряхтения усердие.

— А ты постарайся, мил человек. Напрягись.

— Все, — категорически заявил я.

— Все? — не поверил дед.

— Да некуда дальше! Хочешь — проверь.

— Это ладно. Это проверим, — согласился дед.

Но подходить ко мне не стал, так проверил. Вскинул свой винтарь, да и ба-бах по стволу над самой моей головой. Пуля, сдирая волосы и кожу, вцепилась в дерево. Даже не в миллиметре (не было того миллиметра), выше моей макушки! Я инстинктивно осел.

— А говорил некуда, — довольно сообщил дед и дослал в патронник новый патрон.

— Я все понял, дед. Все понял! — закричал я, пригибаясь под следующим выстрелом.

Трудно иметь дело с любителем. Ведь снесет башку ненароком!

— Вот теперь ладно, — заключил старик. Пе-

рейдя через ручей, обогнул березку и еще раз на всякий случай нажал мне на плечи сверху. Кисти моих рук он связал шнурком, выдернутым из ботинка убитого.

— Я таким макаром япошек еще на Хасане на столбы рассаживал. Они и научили, — хвастался дед. — Ты пока посиди. А потом мы побалакаем.

Дед сходил за хворостом, развел костерок, вскипятил на нем воду в пол-литровой засаженной кружке и, заварив, стал гонять чай, поглядывая на меня да подсушивая промоченные в ручье портянки.

— Ты чей будешь-то?

Подумал я соврать, рассказать очередную байку-легенду, да плюнул: с двойным дном дедок, не понравится ему выдуманная наспех история — останусь здесь до окончания века, пока меня либо подручные Резидента не обнаружат, либо муравьи заживо не съедят. Лучше ближе к правде.

Рассказал я деду всю свою историю, кроме, конечно, Конторских тайн. А что поделатъ, если этот занюханый таежный охотник покрепче других спецов оказался. Такой все по глазам читает... через мушку прицела.

С дедом мы поладили. Похоронив убитых — «не по-божески так-то зверью на растерзание оставлять» — мы ушли на его заимку. Трофейное оружие нес я, снаряжение и магазины — дед.

— Доверять-доверяй, но приглядывать не забывай, — так определил дед свое отношение к окружающему миру.

Жил он, судя по внешнему облику заимки и царящему там порядку, основательно. Каждая вещь была под рукой, каждая знала свое место.

Его таежная эпопея началась еще в пятидесятом. Отвоевав на малой дальневосточной и потом еще два полных года на большой войне, он, не боящийся ни бога, ни черта, по недоумству перенес фронтовые привычки в гражданскую жизнь. Он думал, страшнее массивированного минометного обстрела страхов быть не может.

Мирная эйфория быстро подвела его под казенный монастырь. Вначале на него раза два-три капнуло начальство, а потом он в бога, в матушку и в министра внутренних дел обложил молоденького — сопли на пуговицах блестят — лейтенантика-особиста.

На многочисленные ордена и медали не посмотрели — кого тогда можно было удивить этим железом, — и молодому капитану впаяли срок.

В зоне капитану не понравилось. В первые же недели своего лагерного летоисчисления капитан повел с местными буграми долгий, схоластический спор на тему высокой моды. Он утверждал, что добротная, генеральского сукна шинелька в чем-то элегантнее рваной, засаленной телогрейки. Урки настаивали на обратном. Местные оппоненты выставили в качестве дополнительного аргумента два

сломанных капитанских ребра. Он — россыпь их передних зубов.

Бугры приговорили неумного капитана к досрочному избавлению от лагерных мук.

Так, на одном маленьком капитане сошлось два, один другого строже, приговора. Ему оставалось только бежать. На очередном молевом сплаве бревен он очень удачно упал в воду и «утонул» на глазах многочисленных заключенных и охраны, раздавленный тяжелыми сосновыми стволами.

Отдышав под бревнами через специально заготовленную трубочку почти час, утопленник всплыл. Его, конечно, искали. Но искали вниз по течению, а он ушел вверх. Он учел ошибку своих предшественников, стремившихся к югу, туда, где теплее, где стучит колесами железная дорога и где всех и ловили.

Капитан пошел на север. Там он случайно встретил живущего отшельником охотника-промысловика. Тот не только не передал его в руки ближайшему милицейскому патрулю, что само по себе удивительно, но и принял как равного. Совместными усилиями под избушкой они вырыли схрон, куда беглец прятался, если к охотнику наведывались беглецов-зэков гэпэушники, но найти они ничего не могли, потому что их натасканные на человечину собаки отказывались подходить к избе, пропахшей медвежьим духом. На этот случай охотник держал ручного медведя.

Так они жили, совместными усилиями добывая прокорм, шесть лет. Охотник оказался тоже не охотником, а беглым, но лет на десять раньше, заключенным, в прошлом жандармским унтером. Откуда он раздобыл документы, бывший жандарм не распространялся. Когда он умер, документы по наследству достались беглому капитану, который собрал пожитки и отъехал еще на тысячу верст дальше. Тогда-то он и «подрос» чуть не на двадцать лет. Но сильно это в глаза не бросалось. Таежная жизнь не молодила, отпущенные по гурь борода и усы способны состарить и подростка.

Пропустив все амнистии, новоиспеченный охотник к людям не вышел и так и жил своим уставом, наведываясь изредка в ближние поселки сдавать шкуры и прикупать патронов и соли. Его, кроме дней выборов, не беспокоили. Вплоть до сегодняшнего дня.

Так, единым узелком судьба связала работника государственной системы безопасности и беглого, живущего по чужому, доставшемуся ему от царского жандарма, паспорту, зэка. Чего только на этом свете не случается. Диву даваться можно!

Два дня дед, не отходя, отпаивал, обмазывал меня травяными настоями. На третий я решил возвращаться. Я не мог поступить иначе. Там был Резидент, там была дискета. Мне не с чем было являться под светлы очи начальства. Что бы я

рассказал, особенно после гибели ревизоров? Резидент не дурак, найдет способ навешать на меня всех возможных и невозможных собак, хоть на мертвого, хоть на живого. На мертвого предпочтительнее.

Реабилитировать меня могла только дискета. Я мог либо ее добыть, либо погибнуть. Без середины. Другого выхода из этого леса для меня не было.

Выбросив кровавые лохмотья, я экипировался в снятую с убитых боевиков одежду и обувь. Моральная сторона трупного мародерства меня волновала мало. Что мне заботиться о душе, когда надо сохранить в целости ноги. На хромых ногах и душа спотыкается. Мне бы живым выбраться, а грехи я как-нибудь замолю после. Тем более это не самый тяжелый из всех, что я совершил за свою жизнь. Было бы кому замаливать, а там разберемся.

Дед подозрительно наблюдал за моими сборами.

— Чудак-человек, днями еле ноги унес и опять башку в капкан суешь. А как захлопнется? Чего не живет спокойно?

— Дела, дед, дела, — односложно отвечал я.

— Важнее жизни дела нет.

Ну дедок, прямо афоризмами чешет! Наконец, я решился подобраться к главному, давно терзавшему меня вопросу.

— Дело, поди, горячее будет... — закинул я хитрую удочку.

Но такого матерого окуня, каким был старик, моя дохлая наживка не заинтересовала. Возраст не тот на что попало клевать. Такого и бреднем не ухватишь, а я удочками размахался.

— Говорю, кулачками дело не обойдется.

— Ну? — спросил дед.

— Оружие дашь? — плюнул я на соблюдение дипломатического этикета.

— Чего не дать, бери. Вона они за заимкой в овраге валяются, — подозрительно легко согласился дед.

— А патроны?

— А патроны не дам. Мало ли ты в кого ими пулять думаешь. Чужая душа — потемки.

— Ну ты даешь, дед! Ты же сам видел — в кого. Сам двух убил! — возмутился я.

— Те, кого я убил, меня первого стрелнуть хотели. А тех, что ты рассказываешь, я не видал. Ты сегодня их постреляешь, а завтра скажешь: «Погорячился».

Вредный дедок, возразить бы ему в три этажа на такие слова, да нельзя, спаситель все-таки.

Обогнув заимку, я спустился в овраг, вытащил из мокрой травы карабин. Он хоть и без зарядов, но уважение внушает. А патроны — дело наживное.

— Ну все, дедок. Не поминай лихом, — начал прощаться я.

— Погодь-ка, — прервал меня старик и, ворча себе что-то под нос, полез за печь.

Неужто за патронами? Не выдержал все-таки. Не взял на себя грех отправлять безоружного человека на автоматы. Давно бы так. А то изображает из себя пацифиста-надомника. Слышал я его проповеди, знаю, как он противника от оружия отвращает. Не откажешь, если ближе чем на семьсот метров стоишь.

Дед нагреб три полные горсти патронов. Я, благодарно заглядывая ему в лицо, подался вперед, но он, не обращая на меня внимания, рассовал патроны в карманы.

— С тобой пойду. Сам гляну. А то вы молодые, горячие, сперва на курок жмете, а потом фамилию спрашиваете.

— А патроны-то?

— Там дам, — отрезал старик.

Вышли мы часа на три позже, чем я планировал. Дед спешки не терпел — собирался основательно, как будто жить в другое место переезжал.

— Ты хоть автомат возьми, — попробовал убедить его я.

— На что он мне? Я к своей винтовке глаз пристрелял.

Тоже верно, оружие привычку любит. Новое, оно, может, потехничнее, поэффективнее будет, но с заковыркой, о которой можно узнать слишком поздно.

— Пока пятьдесят обойм не отстрелял, ствол в дело не бери, — рекомендовали в Учебке инструкторы по огневой подготовке.

Спецз оружие к руке годами притирают. С женщиной столько не милуются, как с этими железяками. Еще бы, от них впрямую жизнь зависит. Каждая стрелковая единица имеет свои характеристики, особенности, свой, если хотите, отличающийся от прочих характер, свой нрав. У этого пистолета спуск плавный, долгий, у этого — тугой и быстрый, здесь отдача влево забирает, здесь вверх дергает. Не учел такую мелочь — и летит пуля в молоко вместо угрожающего тебе смертью противника.

Так что не так уж и не прав дед, предпочитая свою древнюю, проверенную в деле тозовку автомату новейшей системы. Тот свой десяток пуль отмолотит за секунду — и хоть не рассветай, а куда они попадут — еще большущий вопрос. А мелкашка успеет один выстрел сделать, но куда надо.

Я и сам бы с удовольствием этот ширпотреб не брал, если бы мог из чего другого выбирать.

Дорога назад представилась, на удивление легкой и короткой. Мы не плутали, не шаркались по бурелому, не продирались сквозь ветки, не проваливались в овраги и болота, а шли по хорошо натоптаным тропам прямо к искомой цели. Воскресная парковая прогулка в сравнении с моим недавним таежным походом.

При приближении к морскому побережью я стал раздумывать о том, как нейтрализовать эн-

тузиазм своего лесного спасителя. Он был профессиональным охотником, но не разведчиком. Он знал повадки самых свирепых таежных хищников, но даже не догадывался, на что способен человек. Любая его ошибка могла стоить головы нам обоим. Он сделал свое дело: сохранил мне жизнь, подлечил, самой короткой дорогой привел к объекту. Оставалось лишь выцыганить у него горсть-другую патронов. Больше помочь мне он не мог, потому что не должен был знать моих дальнейших планов. Он и так за эти дни услышал более чем достаточно. Еще самая малость — и масса опасных сведений могла превысить критическую точку, после которой опекаемый Конторой больной обычно не выздоравливает. Я был признателен своему ангелу-хранителю и не хотел отвечать на добро параграфом служебной инструкции.

Самое важное, что я не мог объяснить дедушке всю опасность его настырности. Это тоже было бы разглашением большой Тайны. Не всей, но вполне достаточной для печального исхода.

— Послушай, дедуля, — пытался выбраться я из щекотливого положения. — Подмога скоро подспеет. Наверняка подспеет. Моя задача — удерживать силы противника в поле зрения до подхода основных сил. Если ты хочешь помочь в добром деле — отследить тылы. Я не умею смотреть одновременно вперед и назад. Перекрой подходящие дороги и тропы. Если по ним кто-нибудь пройдет, сообщи мне. Это спасет меня и хорошее дело.

Господи, какую пионерскую ахинею мне приходится иногда нести! Слово в игре «Зарница» участвую. Как перекрыть одному человеку несколько троп сразу? Как сообщить? Возле меня телефона нет. Хорошо, если бы дедок внял моим увещаниям, поторчал в засаде пару дней и, естественно, ничего не обнаружив, отбыл обратно на свою заимку. Ну есть же у него здравый смысл. Не прибегать же мне в самом деле к крайним мерам.

Не знаю, слова, интонации или выражение моих глаз убедили старого охотника, но он согласно кивнул и, забросив мелкашку за спину, отправился к ближайшим кустам.

— Эй, а патроны-то? — недоуменно воскликнул я. Дедок вернулся и отсчитал мне пять зарядов. Вот зануда!

— Старик, мне не хватит этого даже на три минуты боя! — возмутился я.

— А зачем тебе стрелять? Тебе наблюдать надо, подмогу ждать, — справедливо возразил дедуля. — Так что пять штук даже лишку.

— А если что случится?

— А если что случится, стрельни, я услышу, приду остальные дам.

Прибил бы деда на месте, кабы не должок в виде безвозмездно подаренной мне жизни.

— Будь, дед!

— Буду, сынок!

НП я оборудовал прямо на берегу под поваленной вершиной к воде елью. Ее ствол и ветки создавали надежную тень, скрывающую меня от посторонних взглядов и в то же время не препятствующую наблюдению. Лицо и руки, чтобы они не отсвечивали в солнечных бликах и еще чтобы их не жрал гнус, я густо намазал землей. Хлестать себя по щекам, отмахиваясь от докучливых кровососов, я не мог. Любое движение на фоне неподвижности привлекает внимание. На несколько ближайших часов мне предстояло замереть, слившись с близким неживым окружением — вот ствол, вот камень-валун, вот измазанный землей и вдавившийся в землю я. Все одинаково неподвижные и молчаливые. Одним словом, неодушевленная природа. Ландшафт.

Уже в первые часы наблюдения я заподозрил нелады: людей на судне и возле него явно поубавилось, но, главное, не было признаков, указывающих на наличие Резидента. Никто не бежал получать дополнительные указания, никто не носил начальству обеды. Мелкие командиры прибавили в суете и в голосе — верный признак, что более высокое начальство отбыло. И вообще жизнь текла как-то вяло и неинтересно.

Неужели Резидент вместе с боевиками рыщет по тайге в поисках сбежавшего пленника? Вряд ли, скорее всего он отбыл в город, готовить встречу неизбежной, как ночь Конторской проверке. Центр действия сейчас смещается туда. Здесь подбираются уже ничего не могущие изменить остатки. Значит, там ему и быть. Резидент не плетется в хвосте событий, он имеет привычку забегать вперед.

Но если он там, зачем я здесь?

Дождаться ночи и уходить в город — принял я единственно верное решение. Бог знает, сколько суток мне придется топтать ножками по тайге в обход бандитских кордонов. Тупо сидеть в засаде там, где уже никого не может быть. Мелюзга, вроде наблюдаемых мною храбрых боевиков, не в счет. Эти могут быть интересны только районному отделу милиции. Не дело шарохать из пушки по воробьям, тратя заряды, предназначенные людоеду-медведю.

Но сразу уйти мне не удалось. К вечеру к самым сходням, разбрызгивая гальку, подкатила машина. Из нее выскочило несколько вооруженных и чрезвычайно возбужденных боевиков, поднялись на судно. Им навстречу вышла охрана. На палубе возник импровизированный митинг. Боевики кричали, прерывая друг друга, махали оружием, указывая в сторону берега.

Похоже, они отыскивали свежие могилки своих братьев по штыку и кастету. Тогда их возмущение можно понять.

Митинговых страстей я не опасался: чем больше шума, угроз, публично произнесенных клятв,

тем меньше дела. Покричат, посуетятся — глядишь, на действие сил не останется. Подустанут, спать пойдут. Эмоции, как свисток в паровозе: чем громче свист, тем меньше пара остается на то, чтобы колесо крутить.

Однако на этот раз я ошибся. Разговорами дело не ограничивалось. Командиры митингующих боевиков, неожиданно прекратив суету ушли с палубы. Отсутствовали недолго, минут тридцать, но, как выяснилось, достаточно для того, чтобы в корне изменить ситуацию. Им потребовалось примерно двадцать шагов по палубе, чтобы подняться в радиорубку, открыть дверь и включить передатчик. Остальное сделал Резидент. Он умел в секунды из ста неизвестных извлекать одно единственно верное решение. Такой ход мог придумать только человек Конторы, который хорошо знал условия игры, который был абсолютно уверен, что чудом избежавший смерти пленник не побежит сломя голову по тайге прочь от места своего заточения, а, наоборот, презрев опасность, пойдет навстречу своим преследователям, чтобы в мутной воде стихийной погони словить свою золотую рыбку счастья. Он был уверен, потому что этот пленник был не просто пленник, но Контролер. И он думал, как Контролер, и действовал, как Контролер, и иначе быть не могло. Человек Конторы не может уйти, не подчистив хвостов!

Мне бы понять это чуточку раньше, мне бы упредить события, но я благоденствовал в тиши своего прибрежного убежища. Я ожидал вечера, чтобы под прикрытием темноты тихо и неблагодарно покинуть своих недавних негостеприимных хозяев.

Я опоздал.

Командиры вытащили мегафон. Еще до того, как они открыли рот, я понял, что сейчас произойдет.

— Эй, ты! Мы знаем, ты прячешься где-то близко! Ты слышишь нас? Если ты не объявишься, мы каждые пять часов будем убивать по одному человеку. Ты понял? Пять часов — один человек! Их жизнь зависит от тебя!

Боевики тащили по палубе плачущую женщину.

— Ее мы убьем первой. Время пошло, — крикнул бандит с мегафоном и приставил ко лбу заложницы дуло пистолета.

— Минута.

— Две.

— Три!

А это уже придумал не Резидент. Этого он сделать не мог. Не оттого, что он такой нравственный и сердобольный человек, жалеющий бездомных кошек и не переносящий вида крови. Вовсе нет. И кошек он, равно как и существ покрупнее, может, не моргнув глазом, отправить на живодерню. И вид крови его не смутит, хоть даже налитой через край ванны. Он не мог такого совершить, потому что подчинялся определенной логике поведения. Он никогда не допускал крови, если это не диктова-

лось необходимостью, если ее можно было избежать. Он не мог убить, когда этого не требовалось. Он делал не более того, что необходимо. Не станет же слесарь, ссылаясь на усердие, накручивать на болт лишнюю гайку или дворник добровольно выметать соседний, незакрепленный за ним участок. К чему им лишняя работа? Дай Бог со своей упорядиться.

Резидент мог бы убить заложников, если бы это позволило ему вычислить меня. Он, не задумываясь, отправил бы на тот свет вдсятеро больше людей, если бы был уверен в результате. Но в данной ситуации?.. Он прекрасно понимает, что ради спасения чужих все равно обреченных жизней я не пожертвую единственной своей. Не оттого, что я ее ценю, а оттого, что в данный момент она превратилась в инструмент следствия и потому уже не принадлежит мне. Ее собственница — следственная служба Конторы. И только она может ею распоряжаться.

— Пять!

— Шесть!

Ну встану я, крикну, как очень положительный герой широкоформатного романтического фильма: «Вот он я! Мразь! Отпусти женщину!» И дальше что? Меня сразу пристрелят. Женщину следом, как и прочих заложников. Как же их могут не убить, если их уже нет. Все они две недели назад сгинули в холодной морской пучине в результате трагической катастрофы, случившейся с рейсовым самолетом, и похоронены родственниками. Как же это может быть, чтобы покойники вернулись с того света, объявившись живыми, здоровыми перед округлившимися глазами своих близких. И что те у них спросят? И что они расскажут? Нет, не пережить им той катастрофы. Умрут они так или иначе. Зачем мне доставлять убийцам дополнительную радость, приплюсовывая к списку жертв очередную свою фамилию. Поддаться эмоциям, сыграть им на руку, сделать то, чего они и добиваются? Нет, если я хочу сыграть против врага, я должен, не реагируя на угрозы удалиться в свои и исполнить запланированную работу. А они исполняют свою.

И я бы ушел, я не сторонник красивой, но бесполезной и даже вредной для дела смерти. Я бы ушел, если бы не одно, не зависящее от меня обстоятельство... Готовясь переждать самое трудное, я отвел глаза в сторону.

— Восемь!

— Девять!

— Десять!

«Одиннадцать!» бандит сказать не успел, он сказал: «О..», - и упал на палубу, схватившись руками за лицо. Из-под его пальцев густо ползла кровь. Никто ничего не понял. Кроме меня. Я услышал слабый хлопок и увидел то, что увидел. Так мог стрелять только один известный мне человек,

и этим человеком был мой знакомый дедок. Похоже, тылы мои уже никто не охранял.

Бандиты попадали на палубу и открыли ураганную пальбу наугад. Они не столько пытались поразить невидимого ими противника, сколько унять свой испуг. Пули хлестали по берегу, выбивая каменную крошку из валунов. Плотно садят! Так можно и на неприятности нарваться!

Окаменевшая в первое мгновение женщина, пришла в себя и, пытаясь спастись, побежала к сходням. Спрятавшийся за кнехтом боевик повел стволом в ее сторону. Вряд ли кто при такой интенсивной стрельбе сможет выделить еще один выстрел. Мой выстрел. Я вскинул карабин и поймал чужое лицо в рамку прицела. Теперь я не смогу навредить ни себе, ни делу. Теперь я волен в своих эмоциях. Добрые поступки, если они не мешают основной работе, у нас не возбраняются. Это личное дело каждого...

Я, конечно, стреляю похуже, чем дедок, и не смогу с такого расстояния взять зверя, не попортить шкуру, но этого и не требуется. Мне этого хищника в заготконтору не сдавать. Мне его только убить требуется.

Выстрел.

Бандит откинулся головой за кнехт. Но женщина это не спасло. По меньшей мере несколько пуль ударили ей в спину, опрокидывая через фальшборт в море.

Вновь стрельба пошла по нарастающей. Сейчас они перегруппируются и пойдут в атаку или, того хуже, отгонят судно подальше, высадутся где-нибудь на берегу и прочешут местность. А с другой стороны подкатит вызванная по радиции подмога, которая охватит побережье подковой, вытеснит опасных стрелков к воде и там спокойно, словно мишени в тире, расстреляет из полусотни стволов. И на весь этот предполагаемый бой у меня в наличии всего четыре патрона!

Похоже, надо рисковать.

— Старик! — крикнул я, повернувшись лицом к берегу, чтобы рассеять звук, не дать возможность противнику просчитать по нему мое местоположение, — ты меня слышишь, старик?

Пули заколотили метрах в тридцати от меня. Черт, еще пара фраз, и они нащупают место моего убежища. Неторопливой беседы у нас явно не получится. Но если я не скажу то, что должен сказать, за мою жизнь все равно никто не даст гроша ломаного. Только старик, если услышит меня и поймет, может спасти ситуацию. Только он с его выдающимися способностями. Мне такое не под силу.

— Старик! Антенну! Антенну! Антенну!!!

Мне важно было отсечь сухопутную подмогу. С оставшимися мы как-нибудь совместными усилиями справимся. Фонтанчики пуль поползли влево, пытаясь нащупать мое тело.

Старик молчал.

Я еще раз прикинул расстояние, отделившее срез ствола от антенны, технические возможности карабина и свои. Нет, как минимум, три патрона на пристрелку, в остатке один. Не осилю. Это будет напрасная трата зарядов. Мне бы их хотя бы штук двадцать, тогда, может быть. Ну, дед, ну, скряга! Предупреждал же я его!

Единственное, что я мог предпринять, — это попытаться не допустить боевиков с палубы во внутренние помещения. Чтобы не выдать себя выстрелом, сместился дальше за ствол и в месте, где ветви были наиболее густы, отыскал узкую щель-амбразуру. Теперь мне было сложно отсматривать все пространство палубы, но зато я отлично наблюдал ее участок, прилегающий к дверям. Будь я не ограничен в зарядах, довольно было бы вести психологическую, неприцельную пальбу по двери и ближним стенам, чтобы отбить охоту у кого бы то ни было приблизиться к простреливаемой зоне. Но весь мой боезапас состоял из четырех патронов — мне надлежало пугать редко, но метко.

Удобно устроив карабин, я стал поджидать жертву. Скоро таковая, переползая по палубе от укрытия к укрытию, приблизилась к зоне досягаемости выстрела. Я тщательно выверил расстояние, и в мгновение, когда он рванулся в дверь, нажал курок. Ветки съели пламя выстрела, так что я остался невидимым. Боевик всплеснул руками и осел на пороге, как и я рассчитывал, загородив проход своим телом и тем усложнив задачу следующего хрябреца. Я не испытывал иллюзий: рано или поздно боевики перестанут лезть на рожон и найдут обходной путь в радиорубку.

Следующий заряд я потратил на бандита, пытавшегося пробежать опасную полосу вдоль дальнего фальшборта. Его я в последний момент зацепил за бедро. Он упал и, опираясь на руки, быстро отполз назад.

На этот раз ответного шквального огня не последовало. Похоже, у бандитов поистощились «пороховые погреба», а для того, чтобы пополнить боезапас, им надо было, как минимум, прорваться в каюты. Не сэкономил патроны только стрелок, распушавший очередь за очередью из иллюминатора кормовой каюты. Похоже, рядом с ним стоял ящик со снаряженными магазинами. Будем надеяться, что он не умеет обращаться с передатчиком, а если умеет, не догадывается бросить автомат ради телеграфного ключа. Но, конечно, лучше было бы подстраховаться. Я прикинул, как можно выцепить его из иллюминаторной амбразуры. Нет, двумя пулями здесь не обойтись. Да и десятью едва ли.

— Эй, паря, ты живой? — услышал я сверху, от корней упавшего дерева знакомый голос. — Я патроны принес.

Нет, таки сказану я старику пару ласковых, не смотря на его седины, когда все это закончится. То





жмет патроны, как Гобсек золотой дублон, то, когда не спрашивают, предлагает. Пора было выбираться из убежища, которое в любое следующее мгновение могло превратиться в смертельно опасную ловушку. Прояви дедок хоть малую неловкость — и заметившие его боевики разнесут в щепу прикрывающие меня ствол и ветки.

— Старик, автоматчика видишь? — негромко спросил я.

— Ну?

— Я сейчас к тебе буду перебираться, а ты его пугни.

Автоматчик, да у которого еще обойм не меряно, был мне наиболее опасен. Остальным меня еще выцеливать надо, а поэтому достаточно стволом в сторону повести.

С Богом!

Одну за другой я выпустил последние пули в прятавшихся на палубе бандитов, заставив их на мгновение притихнуть, и, быстро выскочив из убежища, пробежал четыре шага вперед. Пятый шаг я сделал нелогичным. Я не продолжил траекторию бега, а отпрыгнул назад. Несколько пуль ткнулись в землю впереди меня. Еще шаг назад и рывок вверх по склону. Самое приятное, что автомат молчал. Или стрелок меняет рожок, или дед отогнал его от иллюминатора. Снова прыжок в сторону, упасть, откатиться, вскочить на ноги — осталось совсем немного...

Дедок спокойно лежал за стволом сосны, выцеливая кого-то на палубе судна.

— Там еще один рядом был в каюте, — сказал старик, не отрывая глаз от мушки винтовки.

Значит, был? Похоже, что автоматчика дед испугал до смерти. Как он умудрился отыскать его в темноте иллюминатора? Но стрелки меня уже не волновали.

— Антенна? Как антенна? — с ходу спросил я.

— Там много железок. Какая антенна то? — спросил дед.

— Мачту видишь? Теперь левее, еще, еще. Понял?

— Ага, — сказал старик и прилег щекой к ложу винтовки. — Теперь вижу.

Он выстрелил пять раз, пока перебитая антенна не упала на палубу.

— Теперь ладно?

Дело было сделано. Еще с полчаса мы, переползая с места на место, постреляли по судну. И даже зацепили одного боевика. Вот и весь итог. Бой принимал затяжной, позиционно-оборонительный характер, впору было копать блиндажи, окопы полного профиля и протягивать по фронту колючую проволоку. Лимит нашего превосходства, заключавшийся во внезапности нападения, был исчерпан. Каждый боевик нашел себе надежное убежище, за которым сможет пересидеть и не такой град пуль.

Вечером под прикрытием темноты они пере-

группируются, тем или иным способом переправятся на берег и с помощью подошедшей подмоги с двух сторон, взяв в клещи, раздавят нас, как собаку докучливую блоху зубами.

Если мы хотим спасти свою жизнь, то делать это нужно незамедлительно. Каждая упущенная минута лишает нас нескольких десятков метров, отделяющих от опасного побережья. Каждая минута закрывает еще одну свободную тропу.

— Не пора ли нам, старик, прощаться? — внес я, как мне казалось, наиболее разумное в данной ситуации предложение. — Пока не поздно.

Ответ старика меня насторожил.

— А как же остальные?

Но еще более меня насторожило плавное движение ствола тозовки от судна в мою сторону.

— Мы можем для них что-нибудь сделать? — ответил я вопросом на вопрос.

Реально мы могли сделать очень немного. Отсидеть в кустах еще час или десять, подстрелить еще одного или двух бандитов, дожидаться атаки и схлопотать по десятку пуль в жизненно важные органы. Все. Хотя нет. Еще мы могли начать фронтальное, в полную ширину моих и дедовских плеч наступление на превосходящего числом и закрепившегося на своих позициях противника при массивной поддержке аж двух стволов стрелкового вооружения? Такого враг, конечно, не выдержит, со смеху полопадется.

— Дед, можно вдвоем в наступательном бою одолеть два десятка вооруженных головорезов и остаться живым хотя бы в течение одной минуты? Что об этом говорит наука тактика? Или вы японцев один к десяти лажили?

Старик молчал.

— А что делать, когда наступит ночь и мы не сможем контролировать их перемещение?

Старик молчал.

— Пошли дед. Заложникам мы не поможем, только бандитов озлобим. Так они людей просто пристрелят, а по злобе измываться будут. Пошли? А?

Я сделал движение в сторону. Старик проследил меня дулом тозовки. Ну не стрелять же упряма! Я сел.

— Чего ты добиваешься? Нашей смерти? Ну пошли, постоим минутку на берегу, доставим ребяткам удовольствие.

Старик опустил винтовку.

Конечно, старик был прав. Негоже оставлять на убой живых людей. Что они, назначенный на колбасу мясо-молочный скот? Да и ситуация не была столь безнадежной; как я желал, чтобы она выглядела. Способы освободить заложников существовали, но уж очень дохлые, как оттаявший по весне комар. А уж возможность выжить в них и вовсе приближалась к минус единице.

Я бы рискнул, поставив свою жизнь на кон, тем более что цена ей — две строки в рапорте, но в

голове моей была заключена не принадлежащая мне информация. Я вообще не был человеком, я был сейфом на двух ножках. Сейф может принять самостоятельные решения? Нет! Он должен ждать, когда его откроют.

Согласно пунктам Устава, поправкам к пунктам и дополнениям к поправкам, а также должностным инструкциям и, наконец, здравому смыслу, мне следовало избежать опасного, не влезающего в рамки задания приключения. Мешающее тому обстоятельство — устранить любым известным способом. Сейчас этим обстоятельством был старик-охотник, несколько дней тому назад спасший мне жизнь.

Ладно, допустим, влезу я в драку, прихвачу вместе с собой на тот свет полдюжины бандитской мелкоты. А главарей упусти! Подрежу у гидры несколько коготков, через неделю новые отрастут. Любители пострелять всегда найдутся. И потянется кровавый след дальше.

Так что логичнее сделать? Покрыть своей смертью преступную организацию или пусть ценной жизни не понимающего, что творит, старика прервать кровавое действие? Пойти на одно вынужденное убийство, чтобы не допустить сотни? Что в этом аморального, противоречащего нормам человеческого общежития? Вы спросите будущие жертвы, что они об этом думают и согласны ли положить свои сто голов против одной, пожившего на этом свете старика. Не однозначно? То-то. А сам старик согласится на такой обмен или сердце екает?

Другое дело, что я не могу рассказать деду всю подоплеку дела, объяснить, что, отпустив бандитов восвояси, мы вернее достигнем отпущения, чем если будем отстреливать их по одному. Погибнуть мне сегодня — то же самое, что объявить им полную амнистию.

Вот и выбирай между должностными предписаниями, долгом, логикой и эмоциями. Поступить благородно сегодня, рискуя обрести завтра бесчестье, или поступиться сиюминутными принципами ради скорого триумфа справедливости? Лично я предпочитаю последнее. Но дед? Но его пяти-миллиметровая тозовка! Никак они не хотят соглашаться! Так что делать?

Я сомневался еще несколько секунд, пока не принял решение. Поиздевался дедок надо мной вволю, теперь моя очередь. Он хочет скандала? Он его получит! Сам напросился.

Я сбросил предохранитель, развернул карабин на старика. Он встречно вскинул тозовку. Теперь мы напоминали дуэлянтов-гусар, сильно повздоривших и мгновенно протрезвевших, когда дело дошло до пистолетов. Ни тот ни другой не опускал оружия. Мы уравнили свои возможности.

А ты, дедок, думал один можешь пугать людей?

— Теперь слушай! — сказал я. — Только па-

алец с курка сними, а то со злости ненароком бабахнешь.

— А ты за мой палец не болей. Ты за себя болей, — отвечал старик.

— Тогда так. Не хочу тебя расстраивать, но ты влип, крепко влип! Спас ты, дед, не бедного странника, а вполне конкретного работника службы безопасности и все, что ты мне рассказал, ты рассказал должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Я тебе конечно, благодарен, но покрывать не стану. Откровенничал ты зря. Десятой доли содеянных тобой преступных эпизодов хватит на то, чтобы запереть тебя в лагере до конца дней. Побег, подмена документов, последнее двойное убийство. Ах да, еще плюсуем два трупа на корабле. Или три? Это, если въедливый прокурор попадется, вышак. Грустно, дедок. Грустно?

Я увидел, что у старика затрясся на курке палец. Не переборщить бы. Возьмет да пальнет с расстройства. Нелегко такое разочарование перенести — спас, обогрел, рассказал все как человеку, а он возьми и поставь под карающий меч. Свинство! Это если цензурно выражаться. А лучше не выражаться, а давануть на собачку — и поминай обидчика как звали.

— Эй, дед, ты не волнуйся, я еще не все сказал. И пальчиком не грози. Он у тебя, между прочим, на курке лежит.

Дед поморщился, но ничего не ответил. И палец не убрал. Все-таки приятно иметь дело с профессионалом. Другой бы давно пальнул с перепугу, а этот не спешит, уверен в своих силах, уверен, что успеет упредить мои действия. Наивный, не знает он всех наших уловок.

— Короче, сидишь ты, дед, в дерьме по самые уши. Не позавидуешь. И выхода у тебя всего два: на гашетку жать и пулю мою встречную в лоб получать или в точности выполнить то, что я тебе сейчас скажу.

Разозлился дед, заиграл желваками. Не любил он такой тон, еще с тех давних времен, когда выбивали у него показания в следственных кабинетах. Пахнуло ему в ноздри знакомым духом. Но и выхода у него не было — или слушай, или обменивайся встречными пулями. На то и расчет. Злобность дедова мне в деле не помешает, а вот неверие в мои угрозы может.

— Кораблик ты возьмешь один. Не без моей помощи, но один! По крайней мере, все должны считать именно так. И заложников, если они живы, освободишь один, и бандитов покараешь, если они доброго языка не поймут, тоже в одиночку. Это мое единственное и главное условие. И не дай Бог, хоть одной живой душе расскажешь обо мне и моих действиях. Считай тогда себя коренным жителем тундры. Лишнее слово — лишний год рудников. Я не шучу. Если будут спрашивать о втором стрелявшем стволе, изображай ничего не понимающего

лесного идиота: да, кто-то бегал, кто-то стрелял, но кто, ты не знаешь и, куда он делся, не ведаешь. На том и стой. Твоя свобода за твоими зубами хороится: раскроешь лишку, выпорхнет — не поймает. Подтверждение требуется? Документы, ордера, постановления?

Дед помотал головой. Для узнавания ему было довольно моего чекистско-следственного тона.

— Вот и ладно, будем считать, ты подписал расписку о неразглашении. А теперь к делу.

Я демонстративно убрал карабин. Мгновение помомневшись, старик сделал то же.

— Сука ты, — сказал он.

А это сколько угодно. Это в мою характеристику не впишут.

На том и порешили.

Суть дела в отличие от преамбулы я изложил быстро.

— Главное, не допускай их в рубку и к якорям, — в заключение повторил я, — если они уведут судно, наша карта бита.

Сам я, спустившись к небольшой, впадавшей в море речке, начал собирать бутылки. Нет, я не хотел богатеть за счет сдачи дармовой посуды, я хотел разжиться дополнительным оружием.

Как я и рассчитывал, бандиты трезвенниками не были — бутылки я нашел в изобилии.

Не стало дело и за бензином. Прокравшись за кустами к бочкам с горючим, предназначенными для заправки автомобилей, я пробил одну из них сбоку ножом и заполнил пять бутылок. Горлышки я заткнул обструганными по размерам сучками. К ним привязал обрывки случайной тряпки. Фугасные гранаты системы «Молотовский коктейль» были готовы. До Ф-1 они, конечно, не дотягивали, но в деле сгодиться могли.

Следующий этап операции, стапятидесятиметровый заплыв, обещал мне крепкий насморк или пулю в голову. Вообще-то я предпочитал насморк, но меня могли и не спросить.

Ближе к темноте я не без удовольствия срубал у старика шмат копченого сала, чтобы обеспечить организм тепловыми калориями. И без удовольствия шагнул в воду. Одежду я, конечно, не снимал. Это только в кино героини-красавицы прыгают в холодную воду голяком. Понятно, им не выжить надо, а свои мужские достоинства восторженным зрительницам продемонстрировать. Более того, кроме своей одежды, я поддел снятую со старика меховую безрукавку. Лишние пять минут жизни мне не в тягость, а без красоты я обойдусь. Чем больше на мне будет надето, чем плотнее будет одежда, тем позже до моего тела доберется холодная вода.

Чтобы не булькнуть камнем ко дну, я затолкал под куртку на живот пук сухого камыша, а чтобы не всплыть на поверхность, как надутый воздушный шарик, набил мелкими камнями. Таким обра-

зом, я стал похож на маленькую подводную лодку. Хочешь всплыть — сбрось часть камней из карманов. Потянула вниз намокшая одежда — опять-таки избавься от части балласта. Надумал погрузиться глубже — вытяни пару палочек камыша. Прямо подводный атомоход. Жаль, с очень ограниченным районом плавания и еще более ограниченным запасом воздуха. Ну, ничего, тут мы применим старинный, придуманный еще первобытными разведчиками способ подводного дыхания через толстую соломинку. Главное — подобрать оптимальную глубину. слишком близко к поверхности — можно ненароком бултыхнуть коленом, слишком глубоко — легким не хватит силы преодолеть давление окружающей воды. Тактику плавания я отработал за камышами на реке. Недурно, надо бы добавить лишних камней, так как морская вода более «тяжелая» и сильнее выталкивает человека.

Как только солнце село за горизонт, я отправился в недалекое, но очень неприятное путешествие.

— По местам стоять, со швартовых сниматься! — скомандовал я сам себе. — Принять балласт в правые цистерны! Срочное погружение!

Нырнул. Поверхность вечернего моря почернела и увидеть меня было практически невозможно. Плыл я очень медленно не оттого, что не спешил, а оттого, что хотел максимально долго сохранить тепло. Чем быстрее человек плывет, тем сильнее его тело омывается холодными водами. Я кое-как согрел протиснувшуюся к телу влагу и не желал ее менять на новую, более холодную. Все море я все равно не обогрею. Я один, а его вон сколько! Мне бы под одеждой и между слоями температуры удерживать.

Вот и судно. Тень от него я заметил сразу, так как плыл на спине, животом вверх. Так было намного удобнее удерживать дыхательную соломинку и контролировать глубину погружения. Обогнув корму, я приблизился к иллюминатору жилых кают и под самым бортом поднял из воды руку.

Теперь все зависело от добросовестности старика. Если он запоздает, я скоро замерзну до состояния бесчувственной сосульки и тихо опущусь ко дну морскому на радость местной трупопитающейся живности и самого дедка, счастливого, избежавшего лагерных лесозаготовок.

Но дед оказался на высоте. Ровно через секунду после моего знака пуля, пущенная из карабина, вышибла стекло иллюминатора. Я сбросил из карманов каменный балласт, вытянул из-за пазухи снаряженную бутылку, сорвал с пропитанного бензином запала полиэтилен и чиркнул вытасенной из герметичной упаковки (плотно закрытой и обмазанной сосновой смолой стеклянной пол-литровой банки) зажигалку. Вспыхнувшую бутылку я со всей силы бросил в разбитый иллюминатор каюты. Раздался звон, ахнула яркая вспышка пламе-

ни. Теперь счет пошел на секунды. Держа в вытянутой вверх руке, чтобы, не дай Бог, не замочить, зажигалку, я подплыл к следующей каюте. Новый выстрел, звон стекла, вспышка запала, новый бросок, взрыв бензина.

Я играл в очень опасную, непозволительно опасную игру. Любая случайность могла погубить меня в любое следующее мгновение: прицельный выстрел боевика с палубы, упавший сверху осколок иллюминаторного стекла и — наверное, самое страшное — взрыв не попавшей в дыру иллюминатора боевой бутылки. В последнем случае я бы просто сорел, облитый пылающим бензином. Нырнуть в толщу воды сразу я не смог бы из-за набитого за пазуху камыша.

Третья бутылка.

Топот, крики на палубе. Сейчас я увижу высушенный из-за фальшборта ствол. И это будет последнее, что я увижу.

— Он здесь! Здесь!

Выстрел, звон разлетевшегося стекла и почти тут же еще один, гораздо более тихий вскрик и падение мертвого тела на палубу.

Дед что, с двух рук палит? Карабином — в иллюминатор, тозовкой — в боевика? Ведь выстрелы разделяло не более четырех секунд. Как за такое время можно успеть переменить оружие, прицелиться и, судя по проклятиям доносящимся сверху, попасть в цель? Гений! Ему бы инструктором в Учебку, а не по лесам зарывая талант в землю, шастать.

Четвертый иллюминатор. Четвертая бутылка. Все! Пора уходить. Пятую бутылку я использовать не успею.

Для пущей убедительности, чтобы побольше страху нагнать, я решил забросить последнюю бутылку на палубу. Не пропадать же посуде впустую. Сильно загребая ногами, я максимально высоко высунулся из воды и, запалив тряпку, швырнул «гранату» вверх. Эффект получился потрясающий — бутылка рванула в воздухе, над палубой, над залегшими на ней боевиками, разбрызгивая во все стороны осколки стекла и горящий бензин.

Как же это вышло? Это же просто бутылка и просто горящая тряпка. Нет в ней взрывателя! Как же бензин мог взорваться в целой, неразбившейся бутылке? Что за мистика?

Лишь спустя секунду я осознал, что за мгновение до взрыва я услышал выстрел. Они почти слились — хлопок и вспышка пламени. Старик? Старик?! Неужели он умудрился подловить летящую в воздухе бутылку? Неужели смог попасть в нее пулей? Не дробью, как при стрельбе по летающим тарелочкам, — пулей! Это уже что-то из репертуара цирка. В жизни, в реальном бою такого не бывает!

Эту мысль я додумывал уже под водой. Расстегнув одежду, я выпустил камышовый наполнитель,

глубоко нырнул и что есть силы погреб к берегу. Вынырнул, услышал выстрел с берега — не дает дедок высунуться боевикам, снова занырнул, снова всплыл, снова нырнул. Река, камыши.

Судно разгоралось, как добротный пионерский костер, освещая все вокруг ярким светом. Из иллюминаторов выплескивались языки пламени. Такой фейрверк им не остановить. Нет у них больше судна. То есть пока есть, но минут через сорок не будет. Куда же вы денетесь, brave ребята? К нам на берег запроситесь? А мы еще и не пустим. Мы злопамятные!

Пробираясь сквозь кусты, я добежал до старика.

— Все нормально? — крикнул я.

Старик молча кивнул. По палубе в огне пожара носились испуганные фигуры.

— Справа возле пожарного щита, — скомандовал я.

— Вижу, — ответил дед.

Выстрел!

Минус один.

— У носа. Плывет к берегу, — сказал я.

Выстрел!

Минус два.

Двое боевиков, презрев опасность, бросились к сходням. Нахрапом решили проскочить.

Минус три и четыре.

— У мостика.

— А зачем его? Он в стороне!

Как мне было объяснить старику, что теперь меня интересовали командиры. Командиры, которые видели меня возле Резидента, которые знали пусть не много, но гораздо больше других бандитов. Именно они могли поведать будущему следствию о некоторых странностях в моем поведении, именно они могли быть косвенной причиной утечки информации.

— Зачем?

— Не задавайте вопросов! — отрезал я.

Выстрел.

Следующего командира я выцелил сам.

Минус шесть.

Семь...

Восемь. Последний опасный мне командир. Ничего. Они заслужили эту участь. Они командовали бойцами, творившими зло. Они ответственны дважды. Как исполнители и как вдохновители, отдававшие приказ. Виновны дважды, а умирают только один раз. Они еще легко отделались. Не по заслугам!

Девять. Затих пытавшийся отстреливаться боевик, спрятавшийся возле грузовых стрел.

Кажется, пора прекращать вакханалию смертей.

— Эй, на палубе! — крикнул я. — Оружие бросить на сходни! Всем собраться на носу. Стреляю без предупреждения!

Пожар, раздуваемый ветром, набирал градусы. Судно не сулило ничего, кроме смерти.

Еще один боевик попытался спастись вплавь. Минус десять.

— Собраться на баке!

На сходни полетели карабины и пистолеты. Бандиты потянулись к носу судна.

— Открыть заложников! — приказал я.

Трюм отдраили. На палубу, суетясь и толкая друг друга, полезли заложники.

— Заложникам — к сходням! Мужчинам подобрать оружие.

Один из бандитов метнулся к пленникам, схватил потащил женщину, закричал: «Я убью ее! Выпустите нас на берег!» Ну не терпелось ему открыть счет второму десятку. Старик ткнул в него пальцем. Я согласно кивнул.

Минус одиннадцать. И опять без порчи шкуры.

Заложники, истерично рыдая, что-то выкрикивая, сбежали по сходням, собрались, сгрудились в кучу на берегу. У трех оставшихся среди них мужчин в руках поблескивало оружие.

Деморализованные, испуганные, потерявшие весь свой свирепый вид боевики, прикрываясь от близкого пламени, теснились к сходням.

— Спускаться по одному, — крикнул я. — При попытке к бегству — стреляю.

И для пущей убедительности сделал выстрел над самыми головами. Боевики инстинктивно пригнулись.

Спасенным заложникам-мужчинам я приказал встать с двух сторон поодаль от сходней. Двое — один с повадками отставного офицера, другой — охотника — с оружием обращаться умели. Им нести охрану. Третьему и женщинам обыскивать и вязать преступников.

— Ну что, дедок? Я тебе больше не нужен? Сам справишься? — спросил я не без озорства в голосе. — Вон ты какой, в одиночку целый корабль захватил!

Старик, не отрываясь от прицела тозовки, поморщился, сплюнул досадливо в сторону.

— Ладно, не держи зла! Но помни, в тундре погода холодная, а печка в бараке одна на всех. Это я кроме шуток! Я свои слова держу и щадить, если что, не буду.

— Это я видел, — проворчал дед.

— Тогда все?

— Все.

— Будь. А где пленных разместишь? — уже уходя, на всякий случай спросил я.

— Не твоя забота, — огрызнулся дед, но вдруг размягчел. — Лес большой, стволов на всех хватит.

Я представил, как будут высиживать, обвив ногами березки, бандиты, и расхохотался. После таких сидений им скамья подсудимых будуаром представится, а прокурор в сравнении с дедом — отцом родным.

— Я пошел.

— Ступай. Только в лесу не заблудись. — буркнул дед. Ну что поделаешь, вредный старикашка, не может, чтобы за ним последнее слово не осталось.

— А за подарок все же спасибо, — поблагодарил я.

— За какой?

— За тот, который жизнь! — ответил я, забросил на плечо карабин и пошел от берега.

Мой путь был в город. Мне еще надо было повидаться с Резидентом. Люб он мне стал. Вот не скажу чем, а люб. Жаль, без взаимности! Ну да ничего, я ухажер терпеливый.

Время торопило меня. Я должен был успеть добраться до города раньше, чем бандиты обнаружат остов сгоревшего судна и пропажу всей команды. От одной-двух случайно вернувшихся на базу групп боевиков старик с помощью поставленных под ружье новых рекрутов отобьется, а вот от целенаправленной карательной экспедиции, призванной замести следы преступления, вряд ли.

Но еще мне следовало спешить, чтобы застать Резидента врасплох, до того, как он узнает о случившемся и, поняв, что его противник жив, примет упреждающие меры. Сейчас, когда я утратил главный козырь, когда моя внешность перестала быть инкогнито, единственной возможностью прорваться к объекту была внезапность.

Внезапность диктовала всю тактику операции. Позволить себе недельную прогулку по тайге я не мог. Скорость стоила риска. Зная из рассказов старика примерное местоположение ближайших поселков, я направился к второстепенной грунтовке, связывавшей лесхоз с другой, более оживленной магистралью.

Выбрав на дороге разбитый, в глубоких ямах участок, я засел в ближних кустах. Две машины пришлось пропустить. Третья — бортовой, приспособленный для перевозки горючки «Урал» подошел мне как нельзя лучше. Я дождался, когда он притормозит перед препятствием, и легко заскочил в кузов. Опасаясь возможной проверки, я забился между огромным, в треть борта, баком и пустыми двухсотлитровыми бочками, закрывшись сверху вонючей, пропитанной соляркой ветошью. Едва ли бандиты станут марать руки о такую невозможно противную мазутку.

Через три часа я был на трассе. Еще через два — на окраине города. Вспомнив курсантскую молодость, я в первую очередь направился в сберкассу за «своими», снятыми посетителями со счетов и неосторожно положенными в наружные карманы, деньгами. Во-вторую — в магазин, где обзавелся подходящей мне для дела одеждой. В третью — в баню, где смыл с себя солярный запах. Четвертый пункт обязательной программы — обзаведение надежными документами — я пока отложил. Я очень спешил. Каждая секунда стучала гвоздем,

вбиваемым в гроб, против меня. Если планируемая операция сорвется, документы мне будут все одно ни к чему. Между походами в сберкассу, магазин и баню я успел сделать три анонимных звонка в милицию, «безопасность» и исполком по поводу счастливо спасшихся во время авиакатастрофы пассажиров. Я очень надеялся, что поднятый по этому поводу шум и организованная спасоперация отобьют у бандитов охотку строить планы мести. К Резиденту, опять-таки из соображений экономии времени, я решил подбираться без обычной в таких ситуациях подготовки. Нахрапом. В лоб. Это был тот случай, когда хождение вокруг да около не в пользу. Или пан, или уже окончательно и бесповоротно пропал! Я знал, где он живет, знал, что рано или поздно он там объявится — значит там и ладить засаду. Лучше всего было обосноваться у соседей напротив по лестничной площадке. Они были натуральные, без второго дна. Это я установил во время тех, положивших начало последующим приключениям, наблюдений. Два старичка-пенсионера, изредка посещаемые детьми. Жалко было их тревожить своим бесцеремонным визитом. Но дело превыше эмоций. На операцию я снова шел через общественный туалет, где уже в который раз за последний месяц изменил внешность. Жизнь, как у популярного артиста, который из грим-уборной не выходит. Действительно, в буквальном смысле «грим в уборной». На этот раз я работал с особой тщательностью, так как был уверен, что наружная слежка за подъездом ведется. Не полный же ротозей мой противник! Пока он собственными глазами моего тела не увидит, страховка будет действовать. Я бы на его месте не только посмотрел, но еще и пощупал, и пальцем поковырял, чтобы на куклу не нарваться. Так что сидит где-нибудь шпик-соглядатай. Непременно сидит! Дай Бог, чтобы один.

А когда до Резидента докатится эхо произошедших событий, их дюжина будет. И еще полста на ближних перекрестках. Сейчас Резидент себя бережет, а тогда меня ловить будет. А это далеко не равные по значимости цели. В последнем случае он не попытается, так что надо успевать.

Из грим-туалета выходил не я, выходил неблагодарный сын собственных, живущих по соседству с Резидентом родителей, лет тридцати молодой человек в типичной для него одежде, с типичной для него походкой и манерой держаться.

Хорошо нам память на Учебке натренировали. Больше месяца назад и всего два раза я его видел, казалось, за ненадобностью забыть напрочь, а нет — приспичило — все до последней мелочи вспомнил. Даже неродную, отличающуюся цветом и формой пуговицу на куртке! Даже перстень на безымянном пальце. Конечно полного портретного совпадения при столь ограниченных технических возможностях я добиться не мог. Но общего сход-



ства — вполне. В сутолоке по характерному внешнему облику, по индивидуальному почерку движений и жестов. Ступил он именно так, а не иначе, повернул голову, кашлянув, прикрыл рот по-особенному рукой, и мы понимаем, что это — наш знакомый. Используя эти внешние атрибуты, характеризующие личность, я и стану перестраивать свой облик под требуемый образец.

А для страховки (ведь не все же мелочи поведения другого человека я могу вспомнить) к подъезду подойду не один. Подгадаю еще одного-двух визитеров и, глядишь проскочу. Внимание, рассеяное на два-три объекта, на столько же теряет свою остроту.

По крайней мере двух шпииков я выделил из толпы, продвигаясь к объекту. Они мазнули по мне взглядом, «узнали» (значит, не разучился я еще рисовать) и стали шарить глазами дальше. Конечно, если бы они наблюдали пристально, то заметили бы ошибку, но сзади напирала требующая особого внимания группа незнакомцев. Под ее прикрытием я и проскочил.

Позвонив в «родительскую» дверь, я отступил назад и, чтобы прикрыть лицо (мама — не шпиики, она сына тридцать лет изучала), стал озабоченно тереть лоб. Мне поверили — дверь отворилась, и я мгновенно протиснулся внутрь.

Женщина, конечно, никакого сопротивления не оказала, только ойкнула и тихо опустилась на стул,

когда я продемонстрировал специально приобретенный для этой цели топорик. Женщина была достаточно интеллигентна, чтобы вспомнить красочные криминальные описания Достоевского. Ну, не отключать же ее в самом деле ударом кулака в грудь. Неловко как-то.

Десять раз извинившись, я привязал хозяйку к стулу и вместе с ним перенес в дальнюю комнату, предварительно заклеив рот широкой полосой лейкопластыря. Те же манипуляции я провел с ее до последнего мгновения мирно спавшим мужем.

— Сидите тихо, — очень вежливо попросил я, — не нервничайте. Ни ваших жизнью, ни ваших вещей я не возьму. Я просто поищу кое-какие ценности, спрятанные здесь первыми жильцами. Так уж получилось. Как найду, тихо исчезну. Договорились?

Хозяева согласно закивали головами. Я бы тоже на их месте согласился.

Для пущей верности я зашторил окна, включил громче приемник и перешел в коридор. Это был мой новый НП. Два часа я неотрывно наблюдал в глазок лестничную площадку. Резидентская дверь внешне ничем не отличалась от прочих, но суть приближалась, могу поспорить, к дверце среднего банковского сейфа. Ни отмычкой, ни домкратом такую дверь не возьмешь. А если и откроешь, специальный электронный сторож зафиксирует проникновение в помещение чужого. Нет, в лоб на

такое препятствие лезть не резон. Дождемся прожатого.

И я ждал. Такая наша работа. 99 процентов времени забирает ожидание. 17 раз по площадке проходили люди. Дважды задерживались, но, не постучав и не позвонив, уходили. Наконец, из-за наблюдаемой двери вышла роскошная женщина, в роскошной же упаковке. Ну вот, а подозревал, не скопец ли на идейной почве Резидент. Оказывается, нет. Очень даже в норме мужик. Где же ты, красавица, три недели назад была? Что-то я тебя не упомню. Не иначе как от чужих глаз в Сочи тебя упрятали. Вон как загорела.

Резидентскую пассию сопровождал свирепого вида, с оттопыренным внутренним карманом, молодец. Это правильно, такое тело без хранителя оставлять опасно. Хитрец Резидент. Приставил человечка не столько от опасностей фифу оберегать, сколько от соблазнов. На лицо злоупотребление служебным положением. Широко живет Резидент. С нашим братом, честным служакой, не сравниться. Мне любимую собаку иной раз накормить проблема, а этот целую банду служек содержит. Видно хорошо платят за измену.

Я подошел к окну. К тому же ее и казенная машина развозит! Красивая жизнь. А может это не Резидент — злоупотребитель, а я — лопух? Может мне, как региональному представителю, все это — машины, телохранители и тройка подобных красоток — по штату положено? Может, контора меня обкрадывает, еще к тому же урезая на каждую операцию смету чуть ли не вдвое?

Дама с охранником вернулась через час. Сунула «хитрый» ключ в замочную скважину. Пожалуй, пора. Я распахнул дверь, возможно шире разведя руки и уголки губ, закричал:

— Здравствуй, хозяйшюшка!

Телохранитель напрягся, потянулся к карману, но тут же расслабился. Он узнал меня. Вполне понятно. Он знает, как минимум, по фотографиям или видеокассетам всех жителей подъезда и их постоянных гостей. Такая уж работа.

— А я беспокоюсь, куда она подевалась? А она вот она! — шумел я, играя в меру пьяного и оттого не в меру дружелюбного соседа. — А это кто? — протянул для пожатия растопыренную пятерню.

Охранник брезгливо поморщился. Об исполнении служебных обязанностей в этот момент забыл. Не распознал он в пьяненьком недомерке-соседе угрозы. И напрасно. Не пришлось бы ему, согнувшись в три погибели и хватая губами воздух, лежать на затоптанном, грязном и холодном полу лестничной площадки.

— Давай, давай, соседюшка, открывай, — подбадривал я растерявшуюся от таких перемен дамочку. А то твой дружок — кивнул я на отключенного телохранителя — стынет. Ну!

Резидентская пассия повернула ключ, открыла дверь.

Я вытянул из кармана телохранителя пистолет — ого, Стечкин! — и втащил его хозяина внутрь.

Ворочая бесчувственное тело, я продумывал тактику разговора с дамой. Вначале напугать, потом подольстить или наоборот, сперва подольстить, потом напугать. На испуг в чистом виде женщины поддаются редко. Им, в отличие от мужчин, небезынтересна личность нападающего. Злодею с внешностью и манерами великосветского повесы они презентуют свои ценности с большей охотой, чем замызганному дворовому хулигану. Спросите, от кого женщина предпочтет принять смерть, и 99 процентов ответят, что лучше от романтического, вот с такими глазами, такими плечами и прочими романтическими атрибутами героя. Мужчинам же гораздо важнее, не кто, а что у них будут забирать. Более того, даже в момент смертельной опасности даму интересует, какое впечатление она производит. Грабитель, он хоть и грабитель, а тоже в штанах ходит.

Нет, к женщине, если не хочешь занять в ее лице смертельного врага, надо пододец иметь.

— В общем так, милая соседюшка, — сказал я, закрыв дверь и убедившись, что квартира пуста, — попал я в такую передрягу, что вынужден тебя просить мне помочь.

На «ты» — это обязательно. Это доверительно, почти интимно. Это действует. Особенно на таких избалованных вниманием и великосветским этикетом дамочек. Никакой размазни. Никаких там «Вы» и «будьте любезны». Вежливое, но твердое «ты»!

— С тебя требуется одно — молчать!

Кажется, она разочаровалась. Такое романтическое начало из-за такой пустячной просьбы.

— Грозить тебе смертью не стану. На такую красоту руку подымать — грех великий.

Вот она и лезть. Расслабилась? А теперь страхом, как ушатом холодной воды. Лезть без страха — это флирт. А во флирте женщину не переиграть.

— Смертью грозить не буду, а вот личико бритвой исполокую. И не станет такой сказочной красоты. Одни шрамы.

И обязательно подтвердить угрозу действием. Без этого тоже никак не обойтись. Словесные угрозы — это не по-мужицки. Порычать, пошуметь и ничего не сделать — только свой имидж злодея портить. Женщина в мужчине — хоть в сказочном принце, хоть в ночном бандите — силу ценит, неотвратимость поступка.

— Блузка дорогая? — спросил я.

— Да. Французская, — автоматически ответила резидентская красотка, не понимая, при чем тут это.

— Очень жаль! — сказал я, одним движением от шеи к животу раздирая блузку в клочья.

Такое женщин убеждает стопроцентно. Ты мо-



жешь на ее глазах резать десяток людей, и все равно это не впечатлит ее так, как безжалостное уничтожение модной, хорошо сшитой престижной вещи! Этот поступок сродни вандализму, преступлению против человечества. Вот так, не задумываясь — раз и все! Ужас! Он готов на все!

— Это, чтоб ты иллюзий не испытывала, что я свои обещания не держу, — объяснил я, задерживая надолго вождельный взгляд на открывшейся груди.

Это в компенсацию материального убытка моральным приобретениям. Без этого я стал бы просто злодеем, а мне надо быть интересным злодеем. Подумаешь блузка, их еще дюжину купить можно, важнее, что под ней. Что женщину беспокоит больше — она сама или надетая на ней одежда? Да ни одна самая захудалая дама, случись с ней такое, не махнет, к примеру, осиную талию или стройные ноги на весь гардероб от Кардена. И правильно. Для чего красивая оболочка, если под ней отвратная суть.

Моя дама, конечно, ойкнула и закрылась, но мой восхищенный взгляд оценила. Она и прочие части своего туалета ради подобного взора не пожалела бы, да я на них не посягал.

От поэзии взаимоотношения полов я перешел к прозе производственной деятельности.

— Хозяин когда объявится? — спросил я.

— Скоро.

— Тогда переоденься по-домашнему и приготовь чай, — распорядился я. — У тебя гость в доме!

— Переодеваться, конечно, придется при вас? — фыркнула она.

— Безусловно! Не лишать же женщину удовольствия.

Хозяин позвонил через полчаса.

— Ты дома? — спросил он.

— Да, — ответила моя подопечная, косясь на опасную бритву, которой я демонстративно подрезал ногти.

— Все в порядке?

— Да.

— Я буду через десять минут.

Ради этих двух «да» и записки «Я буду через минуту» я распивал чай в чужом доме с миловидной, но в общем-то совершенно неинтересной дамочкой. И грудь у нее, к слову, не очень-то и роскошная. Так — серединка на половинку.

Пассия вместе с охранником перекочевала на стульчики в квартиру напротив. Так они и сели друг против друга, сомкнув рты, как в сеансе одновременной игры.

Я тщательно убрал в квартире все следы неуставных действий и, встав за портьерой, стал ждать.

Приход Резидента был не таким, как я предполагал. Совсем не таким...

Он открыл дверь. Он прошел в кухню. Он прочитал записку. Но он не успел еще снять пиджак,

как в дверь позвонили. Три сводящих на нет мои планы гостя ввалились в квартиру. Четверо против одного — это если не безнадежный, то очень жесткий расклад.

Я плотнее обхватил рукоять трофейного Стечкина враз вспотевшей ладонью. Без шумовых эффектов мне, похоже, не уйти.

— Извини за неожиданный визит, — сказал старший.

Резидент неопределенно пожал плечами.

— Где она?

— У соседей, — ответил Резидент. — Полчаса болтать будет точно.

И впрямь у соседей. В корень зрит коллега. Только болтать не будет по причине того, что рот залеплен пластырем. Как бы она от такого неприглядно продолжительного речевого воздержания не скончалась.

— Обстоятельства изменились, — продолжил старший.

— ?

— Мы потеряли судно. Заложники освобождены.

— Он?

— Подробностей мы не знаем. Информация получена от своих людей в милиции. Что предприятие Контора?

Я чуть не вывалился из-за портьеры. Так запросто о запретнейшей из тайн?! Мы среди посвященных о ней иносказательно говорим, намеками да полунамеками, а эти бухают как есть! Просто в разговоре! Как об обыденном. Как о погоде! Как о бутылке пива! Это даже неуважительно! Или, может быть, у меня слуховые галлюцинации?

— Она уже предприняла. Выезжает дубль-реvizия. Я сегодня получил подтверждение.

— А наш человек?

— Он ничего не может сделать. Далее тянуть невозможно. Он исчерпал свои возможности.

Гости переглянулись.

— Что вы советуете?

— Прочесать все прилегающие к базе леса, перекрыть пути проникновения в город...

— Вы считаете необходимым перехватить заложников?

— Мне плевать на заложников! Это ваша головная боль. Меня интересует Контролер. Если он доберется до ревизоров, мы можем заказывать коллективную панихиду.

— Но вы утверждали, что подготовленная контрверсия о его участии в гибели первой ревизорской бригады нейтрализует проверку.

— Да, но только в случае его исчезновения. Если он выживет, все пойдет прахом. Как минимум, они будут вынуждены проверить его слова. Мертвый, он подтверждает канву легенды, живой — опровергает. Он не будет молчать, он будет защищаться! А узнал он немало!

Ах, Резидент! Ах, мерзавец! Мало, что угробил ревизоров, еще и пытается переложить вину на меня. Двух клопов одним пальцем! Хоть и подло, но как действительно!

Контролер рассорился с ревизорами, перестрелял их сгоряча и, опасаясь неизбежной кары, отбыл в неизвестном направлении. Разом объявлены и гибель ревизоров, и исчезновение Контролера. Дыру дырой заштопал! Умелец!

Были два разрозненных и равнозначно опасных для Конторы происшествия: ликвидация бригады ревизоров и пропажа контролирующего их ответственного работника, остался один — исчезновение преступника — Контролера, уничтожившего доверенных ему людей. Супер ЧП! Взбунтовавшийся Контролер, он же Резидент одного из регионов, обладатель почти полного пакета Тайны! Понятно, Контора забудет мелкие ревизорские разборки и все силы бросит на мою поимку. А ну как я надумаю за кордон утечь? И, естественно, в поиске будет задействована местная резидентура. Мой главный враг! Вот завязочка! Меня по приказу Конторы будет ловить тот, кого для той же Конторы вылавливаю я!

Умный мужик Резидент, ничего не скажешь. Непонятно только, как он с такими выдающимися способностями столько лет в регионах умудрился просидеть. По таким талантам маршальская звезда горячими слезами плачет.

Одна неувязочка случилась. Спасибо старичку-охотнику, вовремя отдыхавшему на берегу безымянного ручья. Контролер остался жив! И весь идеально сработанный план стал пригоден разве только для гвоздика в общественном сортире.

Хотя лично мне радоваться рано. Я еще не в ревизорском отделе Конторы сижу. И кто кого словил, я — Резидента или он — меня, неизвестно. Как говорится, кто скажет раньше «гав», тот и будет прав. Живым меня отсюда он не выпустит.

Гости долго молчали, переваривая сказанное Резидентом.

— Лично вы можете повлиять на ситуацию?

— В самой малой степени, — честно ответил Резидент.

Сообщники переглянулись еще раз и так же неожиданно, как появились, стали собираться обратно.

— Вопрос пока остается открытым. Завтра встречаемся в обычном порядке.

Все встали, двинулись в коридор.

Неужели пронесло? Неужели везение еще не оставило меня? Даже не верится.

Хлопнула входная дверь.

Я решил выждать, дав пять минут Резиденту на то, чтобы очухаться, и те же пять минут его гостям на то, чтобы они отъехали подальше. Третьи лица в предстоящем мне деле лишние, как в любви. Оно касается только двух человек — его и меня.

Двух равных силами и опытом противников. А кто возьмет в этом почти месячном противостоянии верх, покажет ближайшее будущее. Долго я торил дорогу к Резиденту, и вот до желаемой встречи осталось пять минут. Всего пять минут! Уж как-нибудь дотерплю.

Резидент, вернувшись из коридора, опустил в кресло. Он уставился в одну точку и замер, упревая руки в подбородок. Сейчас он не напоминал опасного, непредсказуемого недруга. Сейчас он был лишь отчаянно уставшим человеком. Было даже как-то неловко тревожить его покой своими настырными домоганиями. Но, с другой стороны, сам виноват: тот, кто желает жить лучше других, должен быть готов к крутым поворотам судьбы. Чем выше вскарабкался, тем больней падать.

Истекло 4.5 минуты. Я перенес тяжесть тела на правую, опорную ногу, приготовившись левой к решительному, как с обрыва вниз, шагу.

Во входной двери заскрежетал ключ.

— Катя. Это ты? — спросил, не поднимая головы, Резидент.

Какая Катя? Какая может быть Катя, когда она в соседней квартире, повязанная по рукам и ногам сидит.

Какая Катя?!

Я отпрянул к стене. Неужели гости вернулись? Но как они открыли дверь?!

— Я сейчас! — крикнул Резидент.

Он все еще расслабленно сидел, не понимая, что происходит. Он думал, что вернулась дама его сердца, а это пришла совсем другая дама — старая, с длинной бритвенно заточенной косой, которой легко косить травостой и головы неосторожных смертных.

Я увидел то, что не мог заметить Резидент. По коридору, почти припадая спинами к стене, на цыпочках крались три одетые в темное фигуры. У переднего поперек живота висел короткоствольный, вроде УЗИ, автомат, другие были вооружены пистолетами с накрученными на дула набалдашниками глушителей.

Передний поднял, показал два пальца, развел их в стороны, сжал кулак, выставил большой, махнул им в проем двери.

Все ясно: двое одновременным шагом проникают в комнату, отступают за дверные косяки, третий с автоматом за висает в двери, страхуя разом комнату и входную и прочие ведущие в коридор двери.

Секунда — шагнуть вперед. Еще одна — отшатнуться в сторону. Мгновение — вскинуть оружие. Две секунды с небольшим до открытия огня. Стрелять будут двумя стволами разом. Ни единого шанса для Резидента. И очень мало для меня, если высунусь.

Можно из засады уложить трех противников, не опасаясь встречного выстрела, если у против-

ника оружие в карманах покоится или, в крайнем случае, на предохранитель поставлено. Пока сообщают, пока его в боевое положение приведут — перед мертвыми их очами уже ангелы хороводы водить будут.

Но этим ни тащить из карманов, ни взводить пистолеты не требуется! Они уже выгашены и уже взведены — только на курок жми, не ленись. Пока одного отстреливаешь, второй мгновенно отскочит под прикрытие кресел, влет всадит в опасный угол пол-обоймы. Допустим, второго я достану в прыжке, и, допустим, его пули пройдут мимо. Но есть еще третий! Этот изрубит меня из автомата в лапшу и покропит сверху моей же кровью. Он просто нажмет курок и поведет дулом от стены к стене. От этого гороха пуль мне не увернуться. Он самый опасный. Так что, если начинать, то с него.

Если начинать...

А если нет? Тогда проскочу. Наверняка проскочу. Два глухих, похожих на падение книги на пол выстрела Резиденту в голову, еще один, контрольный — за ухо — и быстрый уход. На все — минута. Комнату они, естественно, обыскивать не будут, не до того. Мне останется выждать за портьерой несколько десятков секунд и тихо и незаметно покинуть квартиру. Риск самый минимальный. Способные меня зацепить шальные пули по комнате летать не будут. Здесь предвидится не бой, а заказное, на три выстрела, убийство. Может, не лезть на рожон? Это липовых биографий много, а натуральная жизнь одна. Может, переждать потихому?

Но Резидент! Но дискетка!

Вечная дилемма между жизнью и долгом. Дискетка против меня самого? Не дороговата ли цена за 200 заключенных в ней слов?

Я еще взвешивал все за и против. Я еще пытался выторговать у судьбы право на биологическое продолжение своего века любой, пусть самой позорной, ценой. Я все еще размышлял в контексте безусловных — инстинкта сохранения рода — рефлексов. И уже действовал вопреки им, согласуясь с условными, выработанными в классах и тренировочных залах Учебки. Я решил затаиться, переждать, не лезть на гарантированную пулю и... подсчитал расстояние, отделявшее меня от противников, прикинул, как вернее использовать топографию квартиры, куда и как падать, когда и в кого вначале стрелять. Я решил любой ценой сохранить жизнь, но уже содрал носком левой ноги ботинок с правой. Я действовал вопреки решению своего биологического «я». Я действовал согласно параграфам Устава. Буква закона была во мне сильнее инстинкта самосохранения.

Я принял решение ничего не предпринимать в момент, когда уже всю действовал. У меня почти не было шансов выиграть без потерь бой, но у меня не было и шансов уклониться от него. Кто-то

посторонний, живущий во мне, но не жалеющий меня, отдал короткий приказ — стреляй! — и помимо моей воли задрал руку с оружием. Мне оставалось только подчиниться.

Все эти раздумья, сомнения, протесты, противоречивые решения вместились в трехсекундную паузу. На само действие потребовалось времени еще меньше.

Убийцы подняли оружие.

Я плавным, чтобы портьера не шелохнулась, движением бросил в дальний угол снятый ботинок. Его полет загородили стоящие в ряд стулья. Его не увидели. Его услышали. На долю мгновения убийцы скосились на неожиданно раздавшийся в углу звук и туда же, следуя за глазами, сдвинулись дула их пистолетов.

Все-таки они не были достаточно натасканы. Все-таки они ставили свою жизнь выше дела. Исполнители, прошедшие спецподготовку, никогда бы не отвлеклись на посторонние события, не завершив главного дела. Кроме того, в обязанности которого входила страховка ударной группы. Только он один имел право реагировать на внешнюю угрозу. Только он один мог убрать взгляд с объекта покушения и принять бой. Все прочие должны были, пусть даже ценой жизни, завершить дело. Только такой подход не оставляет жертве надежды.

Эти убийцы были любителями. Они беспокоились за свою жизнь больше, чем за порученное им дело, и потому проиграли и в том, и в другом. Они не выполнили задания и не сохранили жизнь.

Не раньше и не позже, а именно в то мгновение, когда ботинок ударился в стену, я выступил из-за портьеры. И еще не закончив движение, я сделал два выстрела; один — в автоматчика, другой — в убийцу, стоящего у правого косяка. Третий выстрел я, как и ожидал сделать не успел. Последний оставшийся в живых бандит обладал отменной реакцией. Он упал за второе свободное кресло на долю секунды раньше, чем дуло Стечкина нацупало его голову, и стал для меня недосягаем.

Осел в смертельной истоме так и не успевший нажать курок автоматчик. Упал, откинувшись головой на косяк, стоявший слева убийца. Упал я. Очень вовремя упал. Три пули в том месте, где только что находилась моя грудь, вляпались в стену, разбрызгивая во все стороны штукатурку. Кажется, я недооценил последнего противника. Он не только ушел из-под моего выстрела, но и успел точно в цель послать три своих! Сейчас он заляжет, как за бруствером окопа, за ближайшей мебелью и борьба приобретет затяжной и очень непредсказуемый характер. Стоячих мест в этом летящем в тартарары трамвае не осталось. Двое легли, потому что умерли, трое — для того, чтобы не умереть. Трое, потому что Резидент тоже упал,

и тоже вовремя. И у него с реакциями было все в порядке. И он тоже хотел жить.

Еще только услышав, нет, не выстрел, удар богинка, он переместился на пол. Он не вскочил с кресла, не прыгнул вбок, как это сделал бы на его месте всякий любящий баловаться оружием «чайник», — он резко оттолкнувшись ногами, завалил кресло на две задние ножки и, перевесив спиной, вместе с ним перевалился назад. В результате он оказался в наиболее выгодной позиции под защитой собственного, на котором сидел, кресла. Он поступил очень правильно, но не знал, что его смерть притаилась сзади, а спереди был только пустой ботинок.

Мой противник сделал еще пять выстрелов наугад, чтобы, выиграв паузу, переместиться в более надежное укрытие. Я, опираясь на локти, переполз за стулья.

Я ждал еще один назначенный Резиденту выстрел. Выстрела не было!

Либо у него перекошило патрон, либо он меняет обойму, мгновенно прикинул я. Есть шанс...

Я перекатился еще раз в сторону двери под прикрытием второго, мертвого убийцы. Теперь на пути чужих пуль встало подергивающиеся в агонии тело. На пути моих — ничего. Я вскинул пистолет...

В глаза мне смотрело матого поблескивающее кольцо дула! Он успел раньше меня.

«Браки заключаются на небесах» — не к месту вспомнил я расхожую фразу. Такое колечко действительно гарантирует вечную, до второго пришествия верность. Этот брак истинно и неодолимо крепок! Это колечко связывает меня священными узами родства с самой смертью. Но и мое колечко не в коробочке на бархатной подушечке покоится. Если вечная любовь, так обоюдная. Иначе я не согласен!

Брачующиеся обмениваются кольцами?

Прошла секунда. Ни он, ни я не стреляли. Такое случается, когда равные по силам стрелки вдруг сходятся в суতোлке боя лоб в лоб и за мгновение до того как давануть курок, понимают, что их выстрел будет одновременным и одинакового последним для обеих сторон. Что далее будет только смерть. Я оторвал взгляд от смертельного колечка и поверх мушки прицела увидел глаза. Это не были глаза убийцы. Это были глаза Резидента!

— Брось оружие, тихо сказал он.

Каким-то удивительным образом в падении через спину он успел сориентироваться и обезвредить посланного к нему убийцу. Как? Я мгновенно зыркнул в сторону глазами. У лежащего на полу неудавшегося наемника из глазницы торчала выломанная из днища кресла толстая деревянная ножка. В последний момент, откидываясь назад, Резидент успел раздобыть себе оружие, которое тут же пустил в ход. Неприятная смерть настигла его противника.

— Пистолет, — вновь потребовал Резидент.

— Взаимно, — ответил я.

Идиотская ситуация на грани могилы. Перетягивание каната — у кого первого нервы не выдержат.

Пауза затягивалась.

Почему я не стреляю? Понимаю, что всякий выстрел будет обоюдно смертельным, а он мне нужен живым? Я не для того его от убийц спасал, чтобы прикончить самому. Мне спешить некуда. Если мы умрем, то проиграем оба. Если будем жить — в выигрыше останусь я. В одном случае — ничья, в другом — фора мне.

Почему же не стреляет он? Живой я ему не нужен. Он несколько недель мечтал увидеть мой труп. Почему медлит сейчас? Загадка. Неужели боится встречного выстрела? Вовек не поверю. Тогда почему молчит?

И сколько мы так будем друг против друга стоять? Час, два, три? Сутки? И к чему придем? Утомимся, задремлем и так, под прикрытием сновидений мирно разойдемся? Чушь собачья! Никто в этой ситуации первое оружие не опустит. Так и будем век торчать, как мраморные статуи.

И все-таки отчего он, которому это в большей степени надо, не стреляет? Надеется, я не выдержу первым, дам слаbinу? Неужели надеется? После того как видел меня в деле? Не поверю! Не та школа, не то воспитание и у него, и у меня. Может быть какой-нибудь преступник перед милицейским дулом и может капитулировать. Но Контролер?! Но Резидент?!

Но ведь на что-то надеется, раз затягивает эту идиотскую дуэль. На что-то рассчитывает!

Ну конечно, надеется! А что ему делать, как не надеется! Ах, балда я балда! Три пули в стену, пять в молоко. Итого восемь. Да у него обойма пустая, а другую так быстро у убитого он выцарапать не мог! Он же меня на пушку, ту, которая в руках, берет! Он же блефует, а я, лопух, ему подыгрываю!

Я поднялся и, припустив оружие, спокойно спросил.

— Три плюс пять — восемь? я не разучился считать?

Резидент опустил пистолет.

— Два шага назад, руки на затылок в замок, — распорядился я, — пожалуйста, дискетку!

— Водитель наверняка слышал шум, — предупредил Резидент.

— Это ничего, — ответил я. — Дискету!

— Водитель будет не один. Я знаю, как они работают.

— Дискету!

— На что ты надеешься, Контролер?

— На здравый смысл Резидента! Для кого ты бережешь дискету? Для своих хозяев, которые только что послали к тебе трех убийц? Для себя,

так или иначе покойника? У тебя не осталось союзников. Ты обложен со всех сторон.

Я замолчал. Больше мне нечего было сказать.

— Дискету ты не получишь, — ответил Резидент после долгого раздумья

— Тогда пойдешь со мной.

Во входной двери заскрежетал ключ.

— Это они, — сказал Резидент. — Я предупреждал. У тебя есть секунда на уход.

Он был абсолютно спокоен. Слишком много на него сегодня было направлено стволов, чтобы беспокоиться еще из-за пары.

— Дискету! Я не сдвинусь с места.

Резидент усмехнулся и, не спрашивая разрешения, сел в кресло, приняв совершенно расслабленную позу. Он понимал, что стрелять я не буду.

Дверь открылась.

Я отшатнулся за косяк двери.

— Это я. Не стреляй! Прошу тебя, не стреляй! — закричал женский голос.

Это была его красавица-пассия. Значит они нашли ее и теперь, словно живым тараном, пытались пробить его оборону. Они вообразили, что резидент, чудом избежав кары, одолел убийцу, и теперь стремились довершить так неудачно начатое дело.

Резидент напрягся.

— Не стреляй, — одними губами попросил он.

Я неопределенно пожал плечами. Мой жест можно было истолковать и как согласие и как не согласие, и как сомнение; есть мне интерес свою голову за чужих баб закладывать!

В коридоре снова закричала женщина.

— Дискета в брелке, — сказал Резидент, бросая в мою сторону связку домашних ключей. — Сколько их?

Я прислушался и показал три пальца.

— Мне можно встать?

— Только без пионерских порывов. Первая пуля твоей дамочки, — предупредил я, нащупав слабое место в обороне Резидента.

Но мою пулю грех миновал.

Раздался выстрел, и уже мертвая женщина упала в комнату. Она должна была прикрыть нападавших и забрать на себя все наше внимание. Но я был готов к подобным, ниже пояса, приемчикам. Я отбросил падающее тело локтем правой руки, одновременно левой сделав три выстрела в темноту коридора. Раздался вскрик, но убитый нападающий не остановил двух других. Они ввалились в проем, таща впереди, как бронезащиту, старуху-соседку. Мне некуда было стрелять. Я увидел направленный в глаза ствол, упал, почувствовав, как пули сдирают с моей головы шевелюру (ну не везет моей прическе — быть ранней производственной лысине!), и выстрелил в дальнего, выступившего из-за старушки, нападающего. Кажется, зацепил, но убил — вряд ли. Ближний опустил пистолет, пытаясь отыскать им мое тело.

Я откатился, еще раз обманув пули. Но дальше мне катиться было некуда — на пути стоял шкаф. Можно было попытаться выстрелить сквозь старушку, но едва ли бы я добился желаемого результата. Пуля увязнув в чужой плоти, утратит ударную силу и вряд ли убьет моего противника сразу. Он успеет выстрелить еще как минимум три-четыре раза. Одна из пуль непременно достанет меня. По той же причине было бессмысленно стрелять в видимые ноги. Единственная возможность — попасть в выступающую за дулом пистолета голову. Не выцеливая — на это уже не оставалось времени, — я нажал на спуск.

Выстрел!

Я понял, что промахнулся! Теперь очередь была за ним. Я понимал, что через малое мгновение моя грудь встретится с чужой пулей. Мои возможности были исчерпаны. Его — нет.

Выстрел!

Голова нападающего дернулась, ударилась о косяк, по стене плеснула кровь.

Что за чертовщина?!

Второй выстрел!

Вскрик. Падение тела в коридоре. Что за добрый волшебник возвращает меня к жизни? Что за ангел-хранитель спустился с небес в сутолоку боя?

Я оглянулся. Резидент держал дымящийся Макаров.

Каким образом? Как он успел воткнуть новую обойму в отброшенный пистолет? Когда? Такая скорость невозможна! В принципе!

И вдруг я понял. У него действительно не было времени на то, чтобы перезарядить оружие. Но вся петрушка в том, что ему не надо было его перезаряжать. Пистолет был полным! До последнего патрона! Еще до того, как он уничтожил покушавшегося на него убийцу, тот успел сбросить пустую и на ее место поставить новую обойму.

И когда пистолет смотрел мне в лицо, он не был пустым! Мне в глаза была направлена девятимиллиметровая пуля! Довольно только было нажать на спуск, чтобы я покинул этот бранный мир.

Он не нажал на курок. Даже тогда, когда я первым опустил оружие!

Я не выиграл тот бой, как предполагал. Я был пощажен. А это неравно победе. Это совсем другое.

— Собери оружие, — сказал Резидент. — Уходим, — повернулся, подставив мне незащищенную спину.

Я подчинился ему молча, как новобранец старшему по званию командиру — не задумываясь, с готовностью и должным почтением. Я встал, обогнул сидящую на полу впавшую в ступор старушку, прошел в коридор. Мы спустились по еще пустой лестнице, вышли на улицу. Перед подъездом стояли два пустых автомобиля. У заднего мы прокололи три колеса, в передний сели сами. И опять

поехали не туда, куда считал нужным я, А куда желал Резидент. Каким-то неуловимо странным образом мы из заклятых врагов превратились в союзников. Больше месяца мы нащупывали кадыки друг друга, а нащупав, слились в братском объятии. Как такое можно объяснить?

Машину мы бросили посреди города на второстепенной улице, пересели на рейсовый автобус, потом еще на один, ехавший в противоположную сторону.

— Есть у меня одно чистое местечко. Там отсидемся три дня, — пояснил Резидент.

Я подозревал, что он не вполне прав, что лучше было бы незамедлительно уходить из города, пока щели не затянулись. Но что-то в его поведении, в его уверенности, в его изменившемся ко мне отношении заставляло меня не спешить. Это его вотчина, кто лучше его в ней может ориентироваться? И было у меня еще одно мешающее быстрому расставанию с Резидентом обстоятельство. Решающее обстоятельство.

Мы сменили еще один автобус, сели в электричку и, протопав пешком через лес пару километров, вышли к небольшому домику.

— Дача знакомого, — сказал Резидент, нащупывая под порогом ключ. — О ней никто не знает.

Его подход к делу мне не понравился. Профессионал не может оперировать подобными формулировками. Что значит — знакомый? Что значит — никто не знает? Не знают — так узнают! Не существует приятелей, которых невозможно вычислить. Это вопрос лишь времени. Даже встретившись с человеком раз, ты оставляешь след. Он что, в результате стресса утратил здравый смысл? Или затеял какую-то непонятную, с двойным дном, игру? Тут надо держать ухо востро!

Правда существует еще одно, более простое и более печальное для Резидента объяснение. Ему просто некуда больше пойти. Он загнал себя в ловушку, из которой нет выхода. Бывшие соратники приговорили его к смерти, в чем мы полтора часа назад наглядно смогли убедиться. Начав дело, они с еще большей степенью необходимости должны будут довести его до логического конца. Такого опасного свидетеля, превратившегося после неудачного покушения в еще более опасного противника, они упустить не могут. Это для них смерти подобно. Так что назад хода нет!

Впереди тоже никаких перспектив. Контора его не пожалеет, даже если поймет. Контора не умеет жалеть. В ее лексиконе нет такого слова. Десятой доли совершенных Резидентом поступков хватит для безрадостного приговора. В итоге выходит, что в затылок дышит один приговор, в глаза заглядывают десять! Гнусная статистика. Остаются прыжки в бок. Вправо — убить обладающего полной информацией Контролера и, заполнив любой из десятков имеющихся бланков паспортов, отбыть в

дальние края доживать свой век законопослушным рядовым гражданином. Или влево — махнуть в страны возможно более дальнего Запада, где опять-таки зажить тихой жизнью среднего буржуа.

Есть возражения?

Сколько угодно.

На территории страны его рано или поздно вычислят. Скорее всего — рано. В этом случае Контора ни времени, ни средств не пожалеет. Сама, конечно, останется в тени, но все прочие, не знающие о ее существовании силы через вышестоящую (куда уж выше!) власть поставит на уши. Министерские и областные начальники о том, что такое сон позабудут! По каналам МВД, безопасности и армии объявят всесоюзный розыск. Доведут ориентировку с портретом до каждого постового и участкового инспектора. Надо будет, комсомол привлекут, пионерские и октябрятские звездочки мобилизуют. У них глаза молодые, зоркие, ответственность к порученному делу повышенная, энтузиазма — через край.

Конечно, дело может спасти пластическая операция, но ее дома столовым ножом не сделаешь. Тут специалист нужен. А их — не пруд пруди, их нетрудно проконтролировать.

А есть еще отпечатки пальцев, стоп, зубы, специфические, присущие для каждого конкретного человека болезни. Все особенности и индивидуальные отличия работников Конторы учтены, оприходованы и хранятся в специальных сейфах на случай — в мертвом ли, в живом ли виде — опознания их владельцев. Не может беглец, адаптируясь в новом обществе, не встать на учет в поликлинику или ни разу не обратиться к зубному врачу. Вот и следок. А то, что его обнаружат, я лично не сомневаюсь. Надо будет, силами местных следователей и курсантов милицейских училищ, планомерно, город за городом, проверят все медицинские карточки всех вновь поставленных на учет больных. И еще пройдут по паспортным столам, выявляя недавно оформившихся граждан. Не так уж много их наберется.

А есть еще главное — стиль поведения. Спецы по поручению Конторы смогут по имеющейся в архивах информации очень точно нарисовать психологический портрет беглеца, с высокой степенью попадания предположить, где и под каким обликом он предпочтет скрываться, какие присущие только ему поступки совершит. Пропустят считающего, что он счастливо избежал все опасности, изменника через машину, и она, будьте любезны, выдаст пять-десять географических точек его наиболее вероятного нахождения.

Окончание в № 10-12



Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Антонина ЗАЙЦЕВА

# «ТЕМНАЯ СТОРОНА» ЖИЗНИ ОБЛАКОВ

## I. ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ или НЕБЕСНЫЙ ПОПТЕРГЕЙСТ?

*В бездонном небе легким белым краем  
Встает, сияет облако. Давно  
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем.*

**И.А.Бунин, 1909 г.**

Обычно мы смотрим на небо чисто утилитарно: определить погоду, узнать, как одеться, выходя на улицу. И наблюдаем за облаками, если уж они привлекли нас чем-то необычным.

Например, внешним видом.

Вот плывет по чистому небу розовое облако с темным пятном внутри. Сзади изогнутый хвост в виде перевернутой цифры пять. Оно идет с большой скоростью, но хвост не растягивается сзади, а все идет как одно целое (Свердловская обл.).

Еще одна — любопытная — туча в виде буквы Т выплыла из-за леса, зависла над ним ненадолго, затем двинулась вдоль дороги к очевидцам, остановилась напротив них. Постояв, пересекла дорогу, остановилась над столбом и медленно растаяла. Во время ее движения небо очистилось от дымки, стали видны звезды (Куйбышевская обл.).

Когда туча таяла, невдалеке на низкой высоте прошли три военных самолета. В соплах их были видны не факелы, а свечение в виде звездочек, как от бенгальских огней.

Разве может обычная туча останавливаться, где хочет, менять маршрут? Что за странные самолеты?

3 апреля 1978 года над Москвой пролетали 17 НЛО, очевидцы наблюдали и такую картину.

В безоблачном небе под углом 15-20° к горизонту висело ярко-желтое торпедообразное облако. Несмотря на ветер, оно стояло на месте. По облаку пробежали волны, и от этого поверхность его как бы пульсировала. Внутри его находилось темное тело с выступами, равное четверти облака и смещенное от его центра.

Справа внезапно появилось второе облако, прошло выше первого и стало разворачиваться. Первое тоже резко развернулось, и оба, сближаясь, слились в одно и исчезли.

Особенно интересны облака сверху. С.Алексеенко (журнал «Чудеса и приключения», № 6-94) часто приходилось летать из одного конца страны в другой, и в пути

он иногда наблюдал, как обычные с виду облака проявляли весьма необычные свойства.

Во время одного из полетов он заметил, как над облаками прямо на глазах выросла конусообразная облачная гора, из вершины ее начал подниматься дымок, словно опытный курильщик выпускал кольца дыма.

Как может на высоте 10 км, где температура почти минус 50°С, рождаться туман?

Над Сибирью, закрытой плотным облачным слоем, облака разлетались взрывным фонтаном, как будто кто-то стрелял по ним сверху или снизу.

А однажды облака двигались совсем уж необычно: квадратно-гнездовым способом. В каждом углу квадрата располагалось небольшое кучевое облако. Подойдя к северному берегу Белого моря — Канда拉克шской губе, они дисциплинированно перестроились в ленту, как бы взявшись за руки, и двигались над водой. На южном берегу лента разорвалась, из нее сформировались такие же кучевые облака и в прежнем порядке двинулись дальше, сохраняя между собой определенную дистанцию.

Переход «улицы» по сигналу «светофора»? Только вот чьим сигналам они подчиняются?

Описание другого очевидца: перистые облака, выстроившись ударной волной, шли своим центром точно на звезду Денеб, потом они распались и вновь собрались у точки зенита, и снова распались. Вполне осмысленное движение.

Облака при движении могут издавать шипение и свист.

Ранним летним утром 1938 года Н.А.Гостева из Малаховки (Московская обл.) собирала цветы. Вдруг слева из-за леса по наклонной линии снизу вверх мимо нее пронеслось что-то похожее на овальное серо-белое облако, немного желтоватое, плотное, размером больше самолета. Облако пронеслось мимо нее с усиливающимся свистом, который по мере удаления затихал.

По утверждениям очевидцев, облака могут притягивать предметы (как магнитом), нарушают работу приборов, мешая навигации судов.

В районе Бермудского треугольника неоднократно очевидцы замечали быстро плывущее по небу облако. В тот момент, когда оно заслоняло солнечный диск, исчезал ток и двигатели переставали работать. Какая-то невидимая сила тянула судно в сторону. Капитан Норман Бим наблюдал подобное облако в Бискайском заливе. Явление длилось около двух часов. Облако прошло, и все механизмы на судне вновь заработали нормально.

В некоторых случаях облака могут распространять зловещее сияние, испускать пламя, могут сражаться друг с другом (оказывается, и такое бывает в жизни облаков).

В архивах ВМФ хранится описание столкновения двух облаков, составленное бароном де Би.

2 (13) апреля 1716 года около 9 часов вечера на северо-востоке быстро поднялось от линии горизонта плотное темное облако, широкое внизу и заостренное в вершине. Направилось к зениту, в сторону наблюдателей. На противоположной стороне (северо-западе) появилось огромное блестящее тело, названное очевидцем кометой. А с севера поднялось второе темное облако и быстро направилось наперерез первому. Между ними появилось столбообразное свечение, сохранявшее свое положение несколько минут.

Со страшной силой второе облако столкнулось с первым. Появилось обширное пламя с дымом, осветив небо до самого запада. Дым поднялся градусов на 20 от горизонта, а лучи яркого и ослепительного пламени ударяли беспрерывно по всем направлениям, как при большом сражении флотов или армий. Картина для очевидцев была устрашающая.

В момент столкновения оба облака как бы разбились от сильного удара и направились на запад в сопровождении мелких облаков.

Появилось множество стрел, доходивших до высоты 80° от линии горизонта. Восточное облако окончательно рассеялось, за ним второе, и к 10 часам небо снова было ясным, и на нем, как ни в чем не бывало, горели блестящие звезды.

Эта картина по ряду моментов никак не может быть отнесена к атмосферному явлению — грозе...

Бывает, что с чистого безоблачного неба падают различные предметы: гвозди, кирпичи, бусы и монеты, а то вдруг автомобильное колесо свалится водителю на капот машины. Разве можно объяснить это атмосферными явлениями? Нас уверяют, что во время дождя тысячи лягушек, змей и рыб переносят смерчи, но как объяснить падение сверху кукурузных хлопьев во время голода? Или случаи, когда улицы города бывают завалены тушками целых сотен птиц? Кто бросает на крышу дома пакеты с печеньем? Невольно приходится думать, что кто-то невидимый проявляет себя время от времени, давая понять, что мы не одни существуем на белом свете.

Несколько фактов о красном облаке.

17 августа 1841 года люди, работавшие на табачной плантации в штате Теннесси (США), удивились, услышав стук крупных капель по листьям. Они падали из красного облака и напоминали собой кровь. Когда разыскали хозяина плантации и вернулись обратно, все поле было покрыто каким-то противно пахнущим веществом. Через два месяца научный журнал объяснил историю тем, что это была якобы шутка работавших на поле негров, которые раскидали куски разложившейся свиньи.

В 1880 году женевский профессор Брун, проверяя сведения о недавно прошедшем кровавом дожде, обнаружил на скалах чешуйки красного цвета. Он объяснил

необычный дождь появлением микроорганизмов «протококкус флювиалис», занесенных сюда ветром.

22 июля 1955 года в штате Огайо садовник Эд Мутц видел, как из небольшого одинокого облака (красно-розово-зеленого) лилась похожая на кровь маслянистая жидкость. Облако медленно ползло по небу. Тем временем капли этой жидкости, попавшие садовнику на кожу, стали жечь ее. Он зашел в дом, чтобы смыть их, а когда вернулся, облако исчезло. На следующий день деревья и трава, на которые попала «облачная кровь», съезжились и побурели.

В наше время, без сомнения, подобный факт сразу же объяснили бы пролившимся кислотным дождем.

В Сент-Мари (штат Мэриленд) жители наблюдали полет над городом огромной стаи уток. В небе произошел еле слышный взрыв, от чего птиц разметало в стороны. С ранами на телах, переломанными ребрами и крыльями, они упали на землю.

Кто, невидимый, устраивает взрывы в небе? Не от этих ли действий падает из облаков кровь? Может быть, не только птичья?

У нас в стране в 1989 году багрово-красное облако наблюдали с острова Кунашир, затем оно три часа неподвижно висело над морем недалеко от поселка Крабово-заводский, что на острове Шикотан. От него было такое сильное свечение, что резало глаза. Облако прошло над поселком на высоте 1 км. Внутри его виднелось черное пятно или что-то в форме шара. Из облака на этот раз ничего не лилось и не падало.

В августе 1956 года В.А. Трухив работал кочегаром на паровозе. Проезжая между Еланским и Пышминкой (Свердловская обл.), увидел белое светящееся облако, из которого пошли спиралевидные лучи и что-то упало вниз, а облако растаяло. Что упало, видно не было.

Хотелось бы напомнить, что подобное происходит при явлении полтергейста: из невидимой точки у потолка падают на пол разнообразные предметы, льется вода. Получается, что падение с неба предметов — дело рук небесного полтергейста.

## II. ХИШНИКИ или ЗАЩИТНИКИ?

*Небо в черном гневе.*

*Толпы туч. Рокот...*

***М.Павликовская-Ясножевская***

Пожалуй, А.Гук, жителю станции Тинская (Красноярский край), не очень-то захочется встретиться еще раз с туманом, который двигался ему навстречу 16 июля 1989 года.

А.Гук и еще три человека ехали на машине ночью по тайге. Недалеко от станции двигатель заглох. Все вышли из машины и увидели, что пространство за лесом залито голубоватым туманом, и он движется навстречу. Гук достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. В тумане тем временем появилось что-то в виде темной лохматой тучи, оно прошло слева направо и исчезло, потом снова появилось, прошло обратно и опять исчезло. Хотя



туман немного рассеялся, не было видно ни стволов деревьев, ни ветвей, они будто размазались, и часть тумана все еще колыхалась. Длилось явление минут 15. Потом машина завелась, и тогда только можно было ехать дальше.

С каких это пор туман стал останавливать машины?

Странный туман (или что-то под видом тумана), сгущаясь, превращается в вязкую жидкость, в которой могут исчезать (а то и гибнуть) люди. Так произошло 14 июля 1911 года, когда из Рима вышел прогулочный поезд. 106 пассажиров, радуясь жизни, осматривали из окон пронесившиеся мимо достопримечательности. Поезд приблизился к километровому тоннелю, и вдруг все покрылось молочно-белым туманом, который густел на глазах, превращаясь в вязкое вещество. Поезд вошел в тоннель и пропал навсегда. Два пассажира, почувствовав опасность, успели выскочить на ходу до тоннеля, они и рассказали о случившемся.

Самолеты также иногда сталкиваются в небе с густым кремообразным веществом, и что-то их охватывает, подобно невидимой руке.

11 декабря 1969 года Р.Айнтрайб, капитан мадагаскарских войск, вел самолет в хорошую безоблачную погоду на высоте 1200 м над Индийским океаном. Внезапно перед носом самолета возник жирный мрак, закрывающий

все поле зрения. Это не был обычный туман, дым или газ. Марево напоминало густой крем, в котором исчезли и горизонт, и море, как будто людей вырезали из мира, заключили в пустоту. Послышался странный вой. Кремообразное вещество мешало движению. Вверху сверкнула молния, осветив огненными стрелами небо, затем еще несколько. Связь с землей прекратилась, приборы не работали.

Внезапно, как будто подхваченный гигантской рукой, самолет с невероятной силой рванулся вверх и влево, затем в другую сторону...

35 минут самолет прыгал в темном креме. В конце концов масса рассеялась, заработали приборы, и летчик увидел водяные смерчи на воде, хотя никакого ветра не было. Осадков тоже, но над морем виднелись скопления тумана.

Через несколько мгновений море успокоилось. Истерзанный самолет сел на посадочную полосу, задев дерево, загорелся, но пассажиры уцелели.

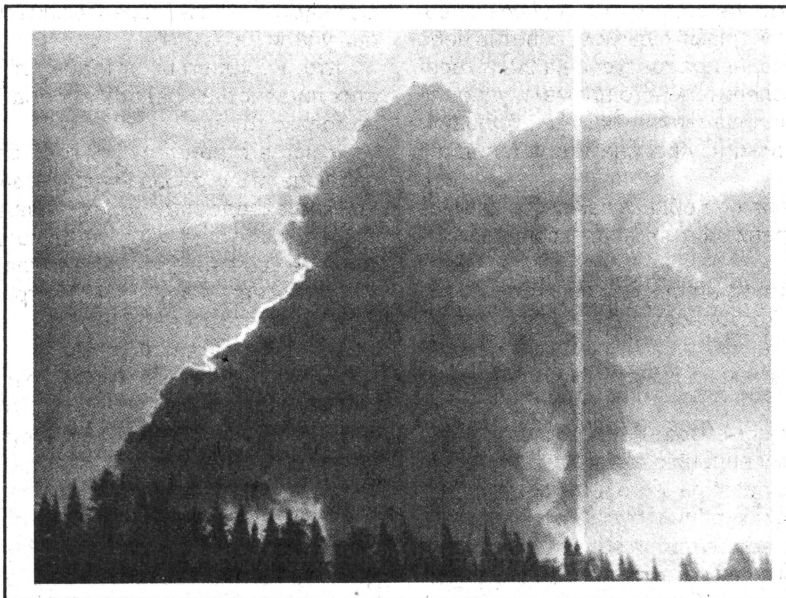
В Бермудском треугольнике, известном всему миру многочисленными исчезновениями морских и воздушных судов, вдруг так же внезапно, без всяких причин, налетает ураганный ветер, небо становится темным, что-то заполняет воздух вокруг кораблей, и кажется — какое-то вещество скрывает небо от моряков. Один моряк-очевидец заявил: «Нас колотили силы слишком мощные, чтобы их можно было назвать погодой».

Таких опасных районов на Земле насчитывается более десятка.

Не только туман и кремообразное вещество, но и некоторые облака ведут себя по отношению к человеку агрессивно. Многим известен случай похищения облаком целого полка солдат в первую мировую войну, когда Британия воевала с Турцией.

По свидетельству 22 солдат-пехотинцев, на высоту

«60» и окопавшихся там солдат опустилось облако серебристого тумана. Оно было твердым, плотным, размерами 800 футов в длину, 200 в высоту и 300 в ширину (1 фут — примерно 30 см). К высоте на подкрепленные солдатам промаршировал британский полк и, не останавливаясь, вошел прямо в облако. Где-то через час облако поднялось, но на высоте не осталось ни одного солдата, хотя из тумана никто не выходил. 250 человек исчезли бесследно.



После войны Британия сделала запрос Турции, потребовав возвращения военнопленных, но был дан ответ, что британский полк они не захватывали и даже не знали о его исчезновении.

Почему-то 250 солдат, приученных стрелять без промедления, особенно во время военных действий, как роботы, промаршировали прямо в огромное облако, не замечая ни его размеров, ни слепящего света, шли безо всякой паники, хотя не заметить его было невозможно: оно было таким ослепительным, что артиллеристы-наводчики не могли из-за этого обеспечить огневую поддержку входящим в облако солдатам.

Но было бы неправильным утверждать, что странный туман и облака несут только гибель людям.

Во время высадки союзнических войск в Северной Африке, по свидетельству британского морского офицера, весь союзнический флот являл собой отличную мишень для немецких бомбардировщиков. Люди на кораблях, естественно, чувствовали себя незащищенными. Но

вот, то ли в ответ на их немые просьбы, то ли по собственному желанию, в небе появилось огромное черное облако, остановилось над кораблями и стояло над ними в течение десяти дней.

В другом случае при отступлении английских войск под Монсом в 1914 году облака так же прикрывали движение армии.

Создается впечатление, что облачные структуры имеют разум и помогают иногда людям в критических ситуациях.

Весной 1980 года вертолет, в котором находились С.Алексеевко с летчиком, поздно вечером совершил вынужденную посадку на одном из карнизов Памира, метров 100 на 300 величиной. С трех сторон высились горы, а внизу была пропасть. Легли спать прямо на земле, укрывшись брезентом. Когда стемнело, из ущелья к ним выплыло длинное светящееся облако, свернулось неподалеку в клубок. Алексеевко повернулся лицом к нему, и когда уже стал засыпать, увидел, что от него к ним тянется «рука». Мгновенно вытащил фонарик, осветил землю: действительно, тянулась светлая облачная кишка-рука. Резанул по ней светом фонарика, и она медленно начала втягиваться обратно.

Алексеевко уснул и стал чувствовать, что замерзает, но потом почему-то стало тепло, и он, пригревшись, крепко заснул. Утром увидел, что облако увеличилось в объеме и заняло весь карниз, даже вертолета в десяти метрах не было видно. При появлении солнца облако уменьшилось до прежних размеров, несколько раз подпрыгнуло и плавно поднялось вверх. Летчик помахал ему рукой и крикнул: «Спасибо, дружище, за то, что нас ночью согрело!» Облако вдруг развернулось в длинную светящуюся на солнце ладью и быстро поплыло прочь.

### III. ЖИВЫЕ КАРТИНЫ

*Долины, скалы, лес мелькают предо мною,  
Сменяясь, как волна в потоке за волною...  
Тем вихрем образов упитесь — любо мне!*

**А.Мицкевич**

В 1885 году К.Э.Циолковский, родоначальник советского ракетостроения, увидел над горизонтом облако в виде очень правильного четырехконечного креста, которое через некоторое время трансформировалось в фигуру человека, как бы вырезанную из бумаги: четко были видны руки, ноги, туловище, голова.

И что интересно, этому изображению есть аналог в наши дни — подобное наблюдала О.Н.Суралева из г.Ставрополя.

19 июня 1995 года — день, когда чеченские террористы взяли заложниками мирных жителей в больнице Буденовска. И вот передали по радио, что автобусы с заложниками двинулись в Чечню.

Вечером О.Н.Суралева пошла в магазин, случайно посмотрела на небо и остановилась: прямо перед ней были необычные облака — они имели форму креста. Одновременно форма облаков напоминала фигуру анге-

ла, как бы указывающего путь следования автобусов с заложниками. Женщина поразилась: да ведь это облако — ангел, охраняющий несчастных, — и мысленно от всей души попросила его сохранить людей в пути.

Верующие люди, видевшие такие облачные фигуры, обычно склонны считать их посланниками Бога. Религиозная литература буквально изобилует описаниями таких видений.

Когда явление наблюдают многие свидетели, то приписать им всем одинаковое эмоционально-психическое состояние невозможно. Массовое видение в 1987 году произошло в с.Грушево на Украине. В небе на высоте 200 метров появился образ Божьей Матери. Картина привлекла в село тысячи людей, отрицать ее было невозможно, и тогда только стали известны факты проявления видений не только за границей, но и у нас в стране.

Рисуется изображение с помощью облака или чего-то паробразного. Так, 16 октября 1964 года в Италии, в присутствии Розы Катрини и ее соседки над садом образовалось облако и как бы застряло в ветвях терновника. Затем оно перелетело на другое дерево и обрело форму женщины с излучающей сияние короной на голове. В каждой руке женщина держала по цветку.

Человекообразные фигуры могут поворачиваться в разные стороны, улыбаться, могут разговаривать.

Жительница Екатеринбургa С.Ермакова утром 16 февраля 1991 года наблюдала интересную картину. По небу плыли очень красивые облака — кудрявые, разноцветные (розовые, белые, желтоватые). Вдруг над домом напротив появились две параллельные полосы и потянулись вверх. Как будто из кувшина вылетел джин, в профиль появилась женская голова с кокошником наверху, затем она сменилась профилем мужчины — волосы ежиком, на глазах появились очки. Лицо повернулось, но это оказалось уже лицо смеющегося мальчика, затем появилось женское лицо, без улыбки, и опять повернулось в профиль.

Всю картину смыло розово-фиолетовой полосой, и выше этого появилась фигура лисички. Первые картины быстро сменяли друг друга, зато последняя очень долго стояла на одном месте, и С.Ермакова срисовала ее прямо с натуры, а остальные сделала по памяти.

Фигура начала медленно подниматься вверх, потихоньку расплываться и разошлась маленькими белыми облачками. Небо стало чистое, голубое, как будто на нем ничего не было.

Иногда облачные видения предсказывают будущие события.

В 1579 году хан Кучум не раз наблюдал в Сибири облако, которое сменялось видениями битвы, причем они сопровождались соответствующими звуками. Небесные силы в виде огненного столба жестоко побивали воинов хана, и потому они порой уклонялись от сражения с воинами Ермака.

Перед Второй мировой войной несколько раз были в небе видения, изображающие раненых на носилках, перебинтованных людей, идущих куда-то вдаль. Слышалась стрельба, стоны, падали ядра. В народе предполагали скорую войну, но эти мнения никто не учитывал.

Каждому времени — свои сюжеты. Видения в соответствии с эпохой, достижениями науки и техники, мировоззрением, культурой и бытом людей меняются. Это интересно проследить на «картинах» разных лет, но моя задача — хотя бы коротко показать роль аномальных облаков, и поэтому взяты только те факты, где говорится об облаках.

Облачные видения можно фотографировать, как это было сделано в 1968 году в Египте при явлении в небе Божьей Матери и на Аляске в 1887 году, где регулярно наблюдался неизвестный город, который объяснили возникшим миражом.

С давних пор в разных местах Жигулевского водохранилища (в районе Самары) встают в небе изображения древнего храма, города или пейзажа. Небесная картина держится до 15 минут, как бы привязана к некоторым точкам наблюдения и не участвует в общем движении обычных облаков.

Существует гипотеза о городе, скрывшемся на дне водохранилища, который время от времени отражается в небе. Но практически от всех бывших городов остались на земле руины. Поэтому, если нет реального предмета внизу, то он не должен отражаться и вверху (если только в создании картины не участвует какой-либо проецирующий аппарат неподалеку, видимый нам или невидимый).

Еще более внушительно явление, в котором объекты выглядят материально и передвигаются по земле.

Павел Черников с братом оказались свидетелями такой картины. Недалеко от Прохоровского поля, где в войну проходила танковая битва, его машина неожиданно застряла. Попросили проезжавшего мотоциклиста сообщить в ближайший колхоз и вызвать на помощь трактор. Часа в 4 утра, увидев свет фар, подумали, что это прибыла помощь, хотели встретить спасителя, но увидели, что это не трактор, а фашистские танки. Сзади из утреннего тумана проглядывали еще несколько. Брат предположил, что это снимают кино, и пошел к головному танку, но споткнулся и задержался на несколько секунд. Головной танк мгновенно загорелся, за ним остальные. Вокруг танков рвались снаряды, башня у одного резко оторвалась и полетела вверх и в сторону... И все это происходило в абсолютной тишине.

Когда рассвело, туман исчез, и танки тоже. Братья, прятаясь за машиной, сходили на место, где взрывались танки, но там не то что башни оторванной — даже следов на траве не было.

Некоторые признаки: нахождение танков в тумане и исчезновение их вместе с туманом, полнейшая тишина во время обстрела, отсутствие следов — говорят об аномальном явлении, вернее, о признаках аномального явления, множество которых происходит в нашей жизни, они описаны в литературе. Картины прошлого действительно привязаны к определенным местам, но они появляются не спонтанно, а проецируются специально для человека.

Еще одно проявление изображений в небе — небесное письмо.

Одно из первых наблюдалось 31 мая 1928 года. К.Э. Циолковский стоял на балконе и почти у самого гори-

зонта увидел горизонтально лежащие буквы «ЧАУ», составленные из облаков. Под облачным слоем было что-то вроде плиты или гробницы. Они не изменяли своей формы, но пока Циолковский ходил в комнату за бумагой, слово исчезло. Циолковский понял его так: после смерти конец нашим мукам.

Современный вариант небесного письма, написанного туманом или паром, видели многие жители г. Сальска днем 15 сентября 1989 года. В синем небе, сменяя друг друга, появлялись цифры, обведенные квадратами, наподобие почтовых индексов. Длина знаков — во весь небосклон, высота каждого — несколько сотен метров. Опросили несколько десятков людей, ввели показания в компьютер, но машина ничего определенного сказать не могла. Цифровая информация постоянно менялась, записывать ее стали не с самого начала, и понять поэтому смысл послания оказалось невозможным.

Небесное письмо наблюдалось и ранее: это были большие и маленькие тексты, в прозе и стихами, на русском и иностранных языках.

Записки с грамматическими ошибками, кстати, падали во время полтергейстных явлений с потолка, слова писались на стенах в помещениях, делались несмысловые рисунки.

В июле 1991 года Мария Семенова из Башкирии рано утром увидела переливающийся разными цветами шар, вокруг него вращалось серебристое кольцо. Из шара стали появляться всевозможные геометрические фигуры, знаки препинания, возник силуэт автомобиля. А в завершение возникли три кружка и несколько полосок — как азбука Морзе.

Светящиеся шары, звездочки, бруски и другие виды НЛО неоднократно наблюдались неподалеку во время написания картин и текстов (в том числе и в районе Жигулей). Они и являются творцами небесных посланий.

(Не надо забывать и о виртуальных голограммах, трехмерных изображениях в воздухе, которые за границей предполагают использовать для проецирования над вражеской территорией во время военных действий).

#### IV. НЛО и ОБЛАКА

*Для кого на свете столько шири,  
Столько муки и такая мощь?  
Есть ли столько душ и жизней в мире?  
Столько поселений, рек и рощ?*

**Б.Л. Пастернак**

Т.М. из села Михайловка, глядя рано утром на звездное небо, увидела стремительно приближающийся к ней шар. Она испугалась. Шар остановился, вырос в размерах и превратился в двояковыпуклый диск, левая сторона его была в клубящемся серебристом тумане. Т.М. замерла от ужаса. На нее направился луч, и Т.М. оказалась в каком-то серебристом мешке. Мысли ее работали лихорадочно, но когда она почему-то подумала о детях, луч-дорожка от объекта пропал. Он опять превратился в светящийся шар и стремительно улетел в глубину неба. До-

лго после этого Т. М. чувствовала страх, было ощущение, что кто-то все время ходит за ней...

По свидетельствам очевидцев, часть НЛО при приближении бывает окутана туманом. Ярко светящийся шар испускает вокруг себя концентрические круги, по плотности и свечению напоминающие белую пелену тумана. НЛО может создавать облако: овальное, круглое, четко сохраняющее форму.

Екатеринбург, 1.11.1990 г. Вдоль трамвайных проводов катился небольшой огненный вращающийся шарик, от него исходили еле видимые спиралевидные волны. Вдруг на его месте образовалось круглое голубоватое облако диаметром метра три. Оно увеличивалось в объеме, словно раздвинулось. Из него выглянул яркий зеленовато-голубой, как у радуги, прямой луч.

НЛО с металлическим блеском может уничтожать мелкие кучевые облака: приблизившись к нему, они на миг закрывают объект, а через некоторое время, в зависимости от размера, исчезают.

Но 23.10.1984 г. Ю. А. Кокшаров, житель г. Камышлова (Свердловская обл.), наблюдал другую картину. Голубоватый шар размером чуть меньше Луны медленно опускался вниз на завод.

Вдруг на небе с противоположной стороны образовался с виду обычный туман, но светящийся изнутри. Он медленно подплыл к шару, как бы пленил его, и все это стало уплывать обратно. Шар стал расплывчатым. Часть тумана окутала завод и переливалась в его огнях. Это было красивое зрелище!

В некоторых свидетельствах очевидцев отмечается, что в облаке находится темное пятно или шар — похоже, в облаках скрываются НЛО. Шар, прячась в облаке, невидимый, ведет наблюдение за окружающим миром. Иногда он как бы специально позирует перед людьми, но когда он в облаке — он не расположен к общению.

1.11.1990 г. (Свердловская обл.). Над полем между селами Деево и Аромашево из белого облака возник шар матового цвета. Спереди и сзади него стали по часовой стрелке раскручиваться спирали такого же матового цвета, затем из них возник голубовато-зеленый луч. Вдруг это облако-шар с огромной скоростью понеслось наперерез проезжавшей по дороге машине. Водитель выключил двигатель и свет, но несмотря на это, облако-шар продолжало пикировать на машину и закрыло ее туманом.

Чтобы вырваться из плена, водитель включил мотор, рванул машину вперед. Облако мгновенно рассеялось, луч резко изменил направление и стал двигаться вдоль дороги, отступая назад. И долго еще виднелся в небе.

На некоторых фотоснимках часть НЛО выглядит твердой, а часть имеет облачную структуру. Может быть, они

материализуются из воздуха, а не появляются из какого-то измерения?

Весной 1984 года житель г. Камышлова В. Н. Задереев заметил над собой туманное пятно, которое за несколько секунд переместилось в сторону реки и висело там пять минут. Форма его из туманной превратилась в четко очерченное плотное темное кольцо, в центре которого туман стал рассеиваться, а внизу стали проскакивать разноцветные огоньки.

Когда туман рассеялся, то это оказался объект — перевернутая «тарелка» с иллюминаторами. Она пошла вниз, выдвигая три ноги. Не достигнув земли, вдруг она как-то непонятно исчезла.

Известны в истории человечества обряды вызывания облаков для полива засохших земель, а также изгнание их за чересчур обильные осадки. Метеорологические бездушные условия не способны исчезнуть или измениться по воле человека. Но другое дело, если вверху кто-то прислушивается к его желанию. Много колдунов (контактеров) было сожжено во времена инквизиции за контакты с небесными силами, в том числе и с облаками.

Л. Маллан, репортер из журнала «Тру», узнал от контактера Аллена Нунана, что два НЛО могут по его желанию появиться в безоблачном небе. Действительно, через десять минут два похожих на тарелки облака встали в ряд между зданиями по другую сторону улицы. По виду это были обычные облака, но было удивительно, что они появились тогда и там, где предсказывал Нунан.

Ури Геллер пролетал в 1972 году над Германией, его фотоаппарат лежал под свободным сидением. И вдруг он сам поднялся и остановился прямо перед Ури. Тот взял его в руки и подумал: может быть, это сигнал что-то сделать? Посмотрел в иллюминатор, но ничего не увидел, кроме голубого неба и белых туч. Сделал все-таки несколько снимков. На последних кадрах были совершенно отчетливо видны НЛО.

Некоторые облака, имея лишь внешний вид облаков, на самом деле являются НЛО. Или наоборот: особый вид энергии, обладающий разумом, но имеющий привычный нам вид тумана, облака, «крема», создает из себя НЛО и материальные объекты, принимает любой вид, даже человекообразную форму. Вспомните: и НЛО, и пришельцы полиморфны, концентрируются и тают в воздухе, мягкой формы, часто призрачны и т. д.

Хотя тема не закончена, но на этом я ставлю точку. Сделанный обзор фактов позволяет поставить новые вопросы и попытаться ответить на них.

Если пришельцы и НЛО, регулярно появляясь среди нас, так свободно и прекрасно чувствуют себя в нашей атмосфере, нужны ли им пятые-одиннадцатые измерения и параллельные миры?



Игорь НЕПЕИН

# «ЛЮБЯЩИМ ПРАВДУ, БЛАГОЧЕСТИЕ И ВЕРНОСТЬ» (Орден св. Анны)

Забытый нами выдающийся русский архитектор Константин Андреевич Тон, проектируя Большой Кремлевский дворец (1838-1849), создал пять парадных залов в честь русских орденов: «Андрея Первозванного», «Александра Невского», «Георгия Победоносца», «Святых Владимира и Екатерины». Двух первых залов — Андреевского и Александровского — ныне не существует. На их месте в 1932-34 годах по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица сооружен Зал заседаний. Здесь проходили съезды компартии — с XVII по XXI. О великолепии прежних помещений мы можем судить лишь по акварелям К.Ухтомского, выполненным в 1849 году, и по старинным фотографиям.

В честь иностранных орденов, вошедших в систему наград империи, залов нет.

Первым таким орденом стал орден св. Анны I-III степеней. Была и IV степень этого ордена, но награжденным этим орденом надо оговорить особо. В.Дуров в книге «Ордена России» приводит последовательность награждения орденами, которая существовала в России. Начинали со «Станислава» III-й степени и кончали «Андреем Первозванным». Об ордене св. Анны IV-й степени он пишет так: «Как видим, в эту систему не входит скромный орден св. Анны IV-й степени «За храбрость». Он считался не первоочередной боевой наградой, а исключительной, за личные боевые подвиги».

Орден святой Анны учрежден герцогом Голштейн-Готторбским Карлом Фридрихом в 1735 году в память своей супруги Анны Петровны, дочери Петра Великого, умершей в 1735 году. Напомним: это родители будущего императора Петра III.

Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие и верность». «Первые буквы латинской версии девиза «А, J, P, F» соответствуют первым буквам ла-

тинского написания фразы «Анна, императора Петра дочь» (В. Дуров).

В систему русских наград орден св. Анны вошел в 1797 году при императоре Павле I. «5 апреля 1797 года, в день коронации Павел провозгласил орден Анны российским императорским орденом с тремя степенями, низшая третья степень предназначалась по статусу для прикрепления на холодное оружие. В 1815 году была добавлена четвертая степень, знак которой и стал носиться подобным необычным образом». (А. Кузнецов. Орден и медали России. М., 1985. С 77).

Но награждать этим орденом в России стали гораздо раньше — еще в 1742 году. Кавалеры первой степени получали: ленту, звезду, крест. Лента — красная с желтой каймой по обеим сторонам — надевалась через левое плечо.

Звезда — шитая или кованая, серебряная — единственная из всех российских звезд носилась не на левой, а на правой стороне груди. Поэтому всех кавалеров ордена св. Анны I степени легко определить на портретах.

Крест первой степени ордена носился у бедра на ленте. Крест был золотой, покрытый красной эмалью. Пространство между сторонами креста заполнено ажурным орнаментом. Кавалеры второй степени ордена получали крест, который носили на шее, на более узкой ленте, чем первый. Крест третьей степени носили в петлице, а позднее — на груди.

Пожалуй, ни с одним орденом не происходило столько перипетий, как с орденом св. Анны. Упомянем лишь некоторые.

1815 год. Орден разделен на четыре степени. Анненское оружие стало низшей, четвертой степенью.

1828 год. К знаку ордена третьей степени, полученного за боевые подвиги, стали добавлять бант из орденской ленты. Прекращается награждение орденами св. Анны I-й и II-й степеней, украшенными бриллиантами. Вместо них на орденских знаках появилась императорская корона. Стали говорить: «Анна первой (второй) степени с императорской короной».

1855 год. К ордену, полученному за боевые заслуги, стали прикреплять по два скрещенных меча.

1874 год. Награждение орденами, украшенными короной, прекращено.

Разновидности ордена св. Анны:

1. Анненское оружие «За храбрость» (IV степень)
2. Знак Отличия ордена св. Анны (Анненская солдатская медаль).

Анненское оружие официально учреждено в 1797 году. При Павле на оружие прикреплялась третья степень ордена, при Александре — четвертая.

1829 год. На Анненском оружии, кроме знака ордена (небольшого красного эмалевого крестика), появилась надпись: «За храбрость».

1855 год. Анненское оружие «За храбрость» стали украшать Анненским темляком из красно-золотистой ленты с серебряными кистями.

О Знаке Отличия ордена св. Анны (Анненской солдатской медали) В.Дуров сообщает следующее: «Для нижних чинов была введена особая награда, представлявшая собой сначала узкую ленточку «анненских цветов», носить которую предписывалось на солдатском мундире (появилась еще в 1796 году, ее выдавали за выслугу лет). Установлением 1797 года ленточку заменили позолоченной медалью, на которой с одной стороны изображался такой же крест, как и на шпаге, а на другой — номер для сохранения верности счета сих раздаваемых наградений».

Вспомним наиболее знаменитых кавалеров ордена св. Анны I-й и II-й степеней.

В 1742 году в Россию прибыл племянник императрицы Елизаветы Петровны, сын ее родной сес-

тры Анны Петровны, Петр Федорович, будущий Петр III. Он и привез с собой ордена св. Анны, которыми в том же году были награждены «елизаветинские орлы» — крупнейшие и влиятельнейшие люди империи середины XVIII века. А многие были сознательно «забыты».

Александр Иванович Шувалов, граф, генерал-фельдмаршал. Родился в царствование Петра Великого, содействовал вступлению на престол его дочери, верно ей служил. Получил графское Российское достоинство, звание генерал-адъютанта и генерал-аншефа. Пожалован голубой лентой «Андрея Первозванного». В царствование Елизаветы Петровны управлял «страшной» — выражение князя Шаховского — Тайной канцелярией. Император Петр III возвел А.И. Шувалова в звание генерал-фельдмаршала.



Н.Н. Муравьев  
(1768-1840), генерал-майор, военный писатель.  
Н. Аргунов. 1817. ГИМ.

Петр Иванович Шувалов, граф, генерал-фельдмаршал, младший брат А.И. Шувалова. Начал службу при дворе Петра Великого камер-пажем, затем служил камер-юнкером при великой княжне Елизавете Петровне. Деятельно участвовал в перевороте 1741 года, а по восхождении на престол Елизаветы получил звание действительного камергера двора. С 1756 года П.И. Шувалов — генерал-фельдцейхмейстер (начальник всей русской артиллерии). Много сделал для ее развития и усовершенствования. Реорганизовал все артиллерийское дело, упорядочил хозяйство, активно способствовал развитию техники. Он впервые ввел «фурштаты» — воинские обозы и обслуживающие части, регламентировал вес орудий, лафетов, зарядных ящиков. Секретные шуваловские гаубицы-единороги громили немецкие армии во время Семилетней войны России с Пруссией. Одна из «секретных инвентованных гаубиц» Шувалова хранится в Артиллерийском музее.

Век восемнадцатый любил поиграть судьбами людей. Сын простого реестрового казака Алексей Разумовский становится тайным супругом императрицы Елизаветы. Он обладал приятным голосом и красивой наружностью. Пел в церковном

хоре своего села, а потом попал в придворную капеллу. Там его и встретила будущая Елизавета I. После дворцового переворота он тайно обвенчался с императрицей. Возведен в графское достоинство. В день своей коронации императрица возложила на него орден Андрея Первозванного и Александра Невского. А позднее произвела в фельдмаршаль.

В 1770 году анненским кавалером стал А.В. Суворов. Говорят, это был его любимый орден. До нас дошел портрет полководца с Анненским крестом на шее, других орденов на портрете нет.

Стремительную карьеру во время войны 1812 года сделал князь, генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский (1788-1865), участник войн с французами, русско-турецкой войны и заграничных походов русской армии 1813-1814 годов. Вот строки из его «Записок»:

«...15-го сентября 1813 года я был произведен в генерал-майоры, а теперь в Франкфурте пожалован в кавалеры ордена св. Анны I-го класса. Итак, начав Отечественную ротмистром гвардии, хотя уже тогда флигель-адъютантом, я получил с того времени чин полковника, Анну II-й, а потом с бриллиантами, третьего Владимира, Георгиевский крест, и в Франкфурте Анну первой степени, конечно, все это выше моих заслуг...»

Участие в восстании декабристов привело князя к ссылке в Сибирь.

Из военачальников рубежа XIX начала XX веков отметим генерала-от-кавалерии А.А. Брусилова. Он имел «Анну» всех трех степеней.

Орденом св. Анны первой и второй степеней отмечена и целая плеяда деятелей русской культуры.

По отношению к Александру Петровичу Сумарокову часто употребляется слово первый: первый директор русского театра в Петербурге (1756-1761), постановщик первой русской трагедии своего со-

чинения — «Хорев», сюжет которой заимствован из русских былин, издатель первого русского частного журнала «Трудолюбивая пчела». На овальном портрете А.П. Сумарокова, написанном в 1777 году великим Ф. Рокотовым, драматург изображен с золотисто-красной черезплечной Анненской лентой и серебряной звездой на груди.

Дошел до наших дней и портрет крупнейшего русского историка, князя Михаила Михайловича Щербатова с орденом св. Анны I-й степени.

Князь Щербатов может служить примером той блестящей образованности, которой достигли многие русские в царствование Екатерины Великой. Он обладал огромной даже по тому времени библиотекой, состоящей из 15000 томов, говорил на нескольких европейских языках.

Службу начал в Семеновском полку, дослужился до капитана, но вышел в отставку,

был членом Комиссии по составлению нового уложения, герольдмейстером — учли его исторические познания, в частности, знание генеалогии русского дворянства. С 1770 года том за томом выходит его «История Российская от древнейших времен» (всего 18 книг). Князь получает звание историографа, становится почетным членом Академии наук. Екатерина II поручает ему разбор Кабинетных бумаг Петра Великого и открывает доступ во все государственные архивы империи.

В сочинениях «О повреждении нравов в России» и «Письма к вельможным правителям государства» в мрачном свете нарисовал картину жизни русского двора после смерти Петра Великого.

Из анненских кавалеров XIX века отметим двоих: уральца архитектора и художника Андрея Никифоровича Воронихина (родился в селе Усолье Пермской губернии), и «первого нашего историка и последнего летописца» Николая Михайловича Карамзина.

Слайды на 4-й стр. обложки и фото Юрия ЛУНЕВА



**И.С. Дорохов**  
генерал-лейтенант, участник войны 1812 года.  
Художник Д. Доу.



## Аркадий КОРОВИЧ МАВЗОЛЕЙ «РОССИЙСКОГО КОЛУМБА»

Широко известно мастерство уральских резчиков мрамора. Пример его — роскошный мавзолей на могиле русского землепроходца и мореплавателя, «российского Колумба» Григория Ивановича Шелихова в Иркутске. В уральский мрамор вделаны медные изображения компаса, карт, якорей и шпаги. Высечены и золотом означены многочисленные тексты.

В Иркутской летописи читаем: «В 1800 году наследниками воздвигнут великолепный памятник, обложенный мрамором, в виде пирамидального обелиска на трехступенчатом подножии, вышиною 7 аршин с бронзовыми барельефами его портрета. Этот мавзолей работан в Екатеринбурге».

Работа длилась пять лет. На памятнике высечено: «Поставила сие надгробие в память почтенного и добродетельного супруга горестная вдова с пролитием горячих слез и сокрушенным воздыханием по господу. Стоит все на все 11760 рубли».

Биографы Г.И.Шелихова неоднократно отзываются о личности Натальи Шелиховой (в девичестве Резановой), а декабрист В.И.Штейнгель, кстати сказать, внук екатеринбургского купца, считал, что «внезапная смерть Шелихова была многими приписана искусству жены его».

По надписи на памятнике видно ее искусство держать себя на высоте «дам российских». Не случайно иркутский епископ Вениамин запрашивал Петербург о разрешении установить столь необычный и пышный памятник купцу, хотя и прославленному делами «о пользе и славе Отечества». Родственнику Шелихова — правителю дел Русско-американской кампании — Н.П.Резанову по тому же поводу пришлось объясняться с генерал-прокурором России П.Х.Обольяниновым. Резанов доказывал: «...Вижу я, что зависть иркутских купцов и недоброхотов к нам и в дружбе с ними пребывающего тамошнего епископа Вениамина, представляли сей родственный подвиг совсем в другом правительству виде. Первое, что это не монумент, а мавзолей, каковых здесь, в Невском монастыре, множество, а в Иркутске, конечно, это первый. Второе, что ставится не на площади и не

в городе... Третье, что он делает украшение монастырю и будет в потомстве памятником российской предприимчивости».

Царь Павел повелел: «Надгробие то поставить».

Прославить имя Шелихова, того заслуживающего, семье было за счет чего. Оставленный им капитал исчислялся в 9 357 700 рублей. Так что громадные по тому времени расходы на памятник составили совсем мизерную сумму.

Екатеринбургские мастера заказ на памятник получили от зятя Шелихова — Михаила Булгакова. До нас дошло письмо Михаила Мельникова Н.А.Шелиховой, писанное в конце 1799 года. Оно проливает свет на историю доставки огромного памятника из Екатеринбурга в Иркутск. Мельников писал: «Просил меня Михайло Матвеевич (Булгаков — А.К.) отправить из Томска мраморную мавзолею и дать на провоз пристойное число собственных денег, по коему и выполнено. Она мавзолея отправлена и денег надо от меня служителя на провоз тысяча рублей. По личному со мной свиданию в Томске Михайло Матвеевич 900 рублей отдал, а об остальных изволил сказать, чтобы получить в Иркутске». (Михаил Мельников — сын шелиховского компаньона по Русско-американской кампании Николая Прокопьевича Мельникова — был доверенным лицом по доставке памятника).

Кто же в Екатеринбурге творил это чудо камнерезного искусства? В 1800 году Екатеринбургской гранильной фабрикой управлял А.Ф.Бестужев, отец будущих декабристов братьев Бестужевых. Обя-

занность главного механика исполнял тогда Василий Астафеевич Коковин, известный камнерез, изобретатель и создатель особого станка для резки мрамора, отец уральского горного деятеля, начальника гранильной фабрики Я.В.Коковина.

Вот перед нами архивные формулярные списки о службе мастеровых гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода (ГАСО, ф.28, оп.1, д.1602.), которые работали на фабрике в 1795-1800 годах. С одиннадцати лет пребывали здесь мастеровые Прокопий Фролович Бегешов и Иван Иванович Одинцов, а сын известного уральского камнереза Петра Фролова — Дмитрий пришел на фабрику девятилетним и отдал ей почти 60 лет. Когда работал шелиховский мавзолей, они и были ведущими мастерами обработки мрамора, им доверялись самые сложные заказы. Им помогали Степан Фролов (второй сын Петра), Василий Ларишев, Федор Ковалев, Борис Ларионов, Петр Костоусов, Прокопий Менкин, а также непокорные начальству Наум Прытков, Яков Луканин, Роман Усольцев, Павел Попков. Все четверо имели от семи до девяти побегов, за что крепко наказывались плетью.

Заказы типа шелиховского монумента из мрамора поручались, как правило, старшим мастерам Степану Уварову, Егору Портнягину, Ивану Пономареву, Елисею Кузнецову, которые «здесь на гранильной фабрике обучены художеству выделки разных субтильных (разг. — тонких, трудных для исполнения. — Ред.) каменных вещей...»

За «народом мастеровых» на гранильной фабрике надзирал архитектурный помощник Савва Хвостов. Он был изготовителем чертежа или макета памятника. А рисунки готовили архитектурные ученики Василий Ольшешев и Семен Колокольников.

Памятник Г.И.Шелихову создавался в годы, когда на чальнике екатеринбургской канцелярии главного правления заводов был выдающийся горный деятель России Аникита Сергеевич Ярцев, хорошо осведомленный о деятельности и государственном вкладе землепроходца.

*г.Заречный Свердловской обл.*





Виктор ХОХЛАЧЕВ

# «НЕ УХОДИ ИЗ ДОМА, КОГДА КИПИТ САМОВАР»

(ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЧАЙНОЙ МАШИНЫ)

## Чайники для сбитня

Прообраз самовара был, по-видимому, известен еще древним римлянам. Необычные сосуды, найденные среди кусков пемзы и пепла Помпеи, наводят на мысль, что предназначались они для нагревания воды не на внешнем огне, а каким-то внутренним жаром. Те котлы, конечно, не имели никакого отношения к чаю. Скорее, они входили в инвентарь знаменитых римских бань (терм). К чаю же более причастны были восточные водогреи-кумганы.

Оригинальные чайные котлы имели хождение на родине чайного дерева — в древнем Вьетнаме, где свежие зеленые листья и побеги чайного растения обрабатывали паром или кипяченой водой, засыпая их в разнообразные глиняные и металлические сосуды с двойным дном. Приготовление живительного напитка, приятного на вкус, с хорошим ароматом и красивым светло-зеленым, слегка золотистым оттенком, носило церемониальный характер и по многообразию приемов напоминало кустарное хлебопечение. В одних домах лист перед заваркой мяли, в других — скручивали. Такого способа получения чая, чашку которого вьетнамцы выпивали перед началом каждого трудового дня, не было больше нигде в мире.

В России же задолго до самоваров в ходу были особые «кухни» — разного рода сосуды, по форме напоминавшие древнерусскую братину. Сверху они разделялись на два отделения: одновременно можно было варить щи и кашу — целый обед. Первое отделение потом стало использоваться и для чая, а позже появилось и третье — чайное — отделение. Но полностью «перепрофилировались» на чай и стали непосредственными предшественниками самоваров особые чайники с внутренним подогревом — сбитенники.

Сбитень — один из популярных старинных русских горячих напитков, который варили с медом, лечебными травами и набором пряностей. Появился он очень давно и особенное распростра-

нение получил в XVIII-XIX веках. В кипящей воде растворяли мед (заменяемый иногда патокой), клали лавровый лист, корицу, гвоздику, имбирь, кардамон, мускатный орех, шалфей, зверобой и кипятили. Вот один из рецептов приготовления сбитня (на 1 л. воды, в граммах): сахар — 150, лавровый лист — 2, гвоздика, корица, имбирь и кардамон — по 5; кипятили 10-15 мин., давали отстояться и процеживали. Смесь уваривали до темно-красного цвета, перекладывали в банки и хранили на холоде. Перед употреблением разводили горячей водой.

Сбитень, согревавший «желудок и душу», продавали не только в специальных лавочках, но и на улице, в трактирах, а позже — в чайных. Зимой продавцы сбитня носили его за спиной в огромных, покрытых теплой тканью медных чайниках. Фигура сбитенщика в прошлом веке была столь характерна для улиц российских городов, что изображение его можно встретить на лубочных картинках, старинных гравюрах и акварелях. Но главное, что не могли нарисовать художники, — труба для горячих углей, с поддувалом, встроенная внутрь сбитенника. В таком сосуде напиток не остывал даже на лютном морозе.

## Уральский водогрей

Собственно самовары своим рождением обязаны новым обычаям — внедрению в российский быт чайного и кофейного стола. И родиной таких самоваров считается Тула, где в 1778 году на Штыковой улице основал мастерскую чайных самоваров слесарь-кустарь Иван (Назар) Лисицын. Впрочем, несколько раньше самовары (правда, еще не для чая, а для сбитня) появились на Урале.

Упоминание о них обнаружено в реестре продукции Троицкого завода Турчанинова еще за 1767 год. Это дало основание предположить, что кустарным способом такие изделия могли изготавливаться еще раньше. Но самоварных дел мастера — безвестные кустари, — как правило, не ставили на

своих изделиях дату изготовления. Лишь сравнительно недавно в Екатеринбурге обнаружена старая запись, которая окончательно поставила под сомнение тульский приоритет.

Из архивного дела явствует, что в 1740 году на Уткинской пристани стража задержала шесть «незаконных» подвод, следовавших, дабы избежать оплаты пошлины, в обход Сибирского тракта. Специально вызванные из Екатеринбурга таможенные чиновники обнаружили при досмотре контрабандного груза медный, луженый на обе стороны «самовар с прибором». При расследовании выяснилось, что этот водогрей весом 16 фунтов (русский торговый фунт — 0,409 кг.) был сработан на Иргинском заводе, основанном в 1728 году.

Уральские историки установили, что первые самоварные устройства начали изготавливать на заводе знаменитого горнозаводчика Демидова. Они были похожи на котлы с крышками. Одни небольшого размера, простые и дешевые, другие богатые, украшенные орнаментом, отчеканенным по луженой поверхности.

Постепенно у самовара-сбитенника «выросли» ножки и ручки, появился кран, называвшийся поначалу самоварным вертком, с шишечкой, веткой и стеблом. Потом над трубой было надстроено гнездо для маленького чайника (это была реакция на удорожание чая: заварник можно было многократно заливать кипятком и «гонять» чай подкрашенные, уже почти лишённые запаха).

## Самоварная музыка

На Западе самовар сначала в шутку называли «главным русским изобретением». Но в каждой шутке есть доля истины, в этой — тоже. Суть изобретения, которое немцы (уже на полном серьезе) вписали в свой лексикон под названием «чайная машина» (Teemaschine), состояла в том, что самовар не только кипятил воду, но и сигнализировал о степени ее готовности, а точнее — о стадиях кипения.

При первой на поверхности воды у стенок сосуда появляются пузырьки. При второй начинается массовый подъем пузырьков, вода мутнеет — бьет «белым ключом». На третьей стадии происходит интенсивное бурление — пузырьки, всплывая, лопаются и брызжут.

Каждую из этих стадий можно воспринимать на слух: вслед за тонким «сольным» голосом слышится как бы шум слаженного пчелиного роя, затем раздаётся хаотичный сильный звук. Так вот, всю эту полифонию по-своему воспроизводит самовар — этот поистине музыкальный котел: сначала он «поет», затем «шумит» и, наконец, «бурлит». Второй сигнал как раз и служит знаком готовности кипятка. Прекращать кипячение нужно тогда, когда самовар «зашумит», то есть когда вода

в нем закипит «белым ключом». Поскольку перебурлившая, перекипяченная вода будет уже не «живой» водой, не  $H_2O$ , а «тяжелой»,  $D_2O$ , с изотопом водорода — дейтерием. «Мертвой» водой из народных сказок.

## Тульские надомники

Мировую славу русским самоварам принесли, конечно же, прежде всего тульские мастера. Город оружейников, осуществивших чуть ли не первую в отечественной истории конверсию, стал подлинной самоварной столицей России. Здесь сложились целые династии «самоварных королей»-фабрикантов: Баташевы (самые знаменитые), Балашовы, Маликовы, Шемарины, Воронцовы, Леонтьевы, Сомовы...

По их почину изготовление самоваров налажилось также в Костроме, Ярославле, Владимире, Архангельске и, естественно, в обеих столицах. Петербург, например, специализировался на выпуске мельхиоровых сосудов. (У тюменского коллекционера уникальных самоваров Г. Сидорова хранится петербургский экземпляр, на котором выбито двенадцать медалей, завоеванных фирмой-изготовителем на разных выставках конца прошлого — начала нынешнего столетий).

Хотя в начале XIX века самым крупным самоварным предприятием и производителем был Московский медный завод, Тула продолжала оставаться мощным центром изготовления русских медных самоваров. В 1808 году в городе действовало восемь довольно крупных заведений (не говоря о многих мелких мастерских в окрестностях); в 1850-м — уже 28, а в 1890 году — 74. Из 150 тысяч самоваров, произведенных в России в 1887 году, 120 тысяч были тульскими.

К концу XIX века самоварами в Туле занималось до 5 тысяч человек, большую часть из которых составляли надомники. Наружные стенки из латуниного цилиндра выковывали наводильщики. На специальных наковальнях-«кобылинах» формовали из спаянных медных листов фигурное самоварное тулово и два меньших цилиндра, образующих внутренних кувшин. Трудоемкая операция наводки проводилась в несколько этапов, с промежуточным отжигом заготовок в горне. Спаянные части жаровой трубы («кувшина») после наводки травили кислотой, потом лудили.

Продукцию наводильщиков и лудильщиков оттачивали токари — полировали ее. Потом она переходила в руки слесарей, которые отделяли кран, ручки и поддон. Затем сборщики подгоняли и чистили отдельные части, составляя из них готовый самовар. Столяры оснащали готовые изделия деревянными «хватками» и шишаками.

К этому надо добавить, что в подготовительных операциях участвовали литейщики, делавшие зем-

ляные формы и отливавшие ручки и краны, а также кузнецы, пробивавшие на прессах фигурные отверстия конфорок, отдушников, поддонов.

В конце прошлого века фабрика братьев Черниковых наладила производство самоваров с боковой трубой, что усиливало движение воздуха и ускоряло процесс кипячения. Тогда же к угольным самоварам добавились керосиновые, а в начале нашего века — электрические.

К этому времени только в Туле выпускалось около 150 фасонов различных самоваров, а общий «тираж» перевалил за 660 тысяч штук.

## От рококо до модерна

Русские самовары различались большим разнообразием форм — не в ущерб их «внутреннему содержанию». Они пережили все перемены моды — от стиля рококо и ампира до модерна. Были самовары в виде банки, кофейника, груши, кувшина и древнеримского кубка, крутобокие и круглые, как шар, тоненькие, в рюмку, желтой и красной меди. Один уральский умелец придумал этому немудреному, как говорил В. И. Даль, «водогрейному, для чаю, сосуду с трубой и жаровнею внутри» форму турецкого барабана, орнаментированного русскими мотивами.

А в коллекции инженера-механика из Архангельска В. Латкина обнаружился самовар в форме бочонка и желудка.

В тульском Музее самоваров (он открыт 7 ноября 1991 г. рядом с тульским Кремлем), где собрано 150 образцов, начиная с первого, лисицынского, можно увидеть и яйцевидные, и в виде византийской вазы, от шестиведерного до миниатюрного, всего на одну чашку, называвшегося «радостью холостяка».

Для состоятельных людей изготавливались дорогие самовары из серебра или накладного серебра по меди.

Стремление к удешевлению производства, к его стандартизации привели к единой цилиндрической форме. Ею стала обыкновенная «банка», позже никелированная. Но время от времени появлялись и оригинальные экземпляры. Один из них — «Петух» — был отлит по заказу известного русского художника В. М. Васнецова — в память о всемирной венской промышленной выставке 1873 года. Самовар стоял на лапах и опущенном хвосте, вместо крана у него была петушиная голова. На высокой трубе безымянный мастер вычеканил надпись: «Самовар, что море Соловецкое. Пьют из него за здоровье молодецкое», а по золоченым бокам конфорок вывел причудливой славянской вязью: «Без соли, без хлеба плохая беседа» и «Самовар кипит — уходить не велит». Запечатлена на нем и еще одна обиходная мудрость: «Где есть чай, там и под елью рай».

Фантазия мастеров не знала границ. Если тульские самовары украшал орнамент в виде свисающих полотенец с бантами и цветами, то московские — широкая кайма из лиственной гирлянды.

В коллекции бытового металла (чайники, самовары, утюги) московского архитектора В. А. Ревзина собраны сотни образцов одних только самоварных кранов.

Отличавшиеся изяществом отделки, детали самоваров превращались в фантастических рыб, дельфинов, в царские короны и даже в наполеоновскую треуголку. В искусных руках туляков братьев Соколовых, Николая Маликова, уральцев Ивана Пушкарева и Ивана Киселева, владимирских умельцев обыденная домашняя утварь, атри-



бут семейного уюта становилась произведением искусства.

## Как «поставить» самовар

Вкушение чая было обязательным трапезным ритуалом, без которого прожитый день казался серым, безрадостным. Но особый смысл придавал подготовительный процесс. Ведь что означало «поставить самовар»? Прежде надо побывать в бору или в ельнике и насобирать сухих, растрескавшихся шишек. Дома нарезать из предварительно просушенных сосновых чурок звонкие лучины. Или воспользоваться запасенными в кладовке щепками (после колки дров).

Остывший самовар надо разжигать заново — нетугими бумажными жгутами, а еще теплый от прежней работы — достаточно лишь раскочегарить. Дети обычно раздувают тлеющие головешки через поддувало, став на четвереньки и изо всех сил надувая щеки. Мужчины поступают иначе: снимают сапог, надевают его голенищем на трубу и... После игры на такой гармошке черный древесный уголь «занимается». Тут самое время загружать внутреннюю трубу-топку и для тяти ставить на нее Г-образный удлинитель. Да еще надо так пристроить самовар у окна, чтобы выхлоп пришелся в самый раз на форточку.

Каждая из этих операций была истинным священнодействием. Доверяли их не каждому. Ибо непутевый при разжигании самовара может «поставить» его порожним. Надо следить за тем, чтобы при горячих углях в котле всегда была вода, иначе может распаяться труба. Да и всегда с самоваром надо обращаться бережно. Когда вода закипит, нужно снять удлинительную трубу, надеть корону-конфорку, прикрыть самовар заглушкой (но не плотно), обтереть его и лишь после этого перенести на стол, на заранее подготовленный поднос или металлический лист. И только там водрузить чайник-заварник — поставить его для подогрева на конфорку. Если ждете гостей, лучше придать самовару праздничный вид — увенчать его расписным рушником и гирляндой сушек, а к чаю подавать расстегаи, кулебяки, блины и сладости.

К сожалению, жаровые самовары-деды стали постепенно выходить из употребления. Название «Тула» получил электрический полудитровый сосуд, который выпускается на заводе «Штамп» — вода в нем закипает за восемь-девять минут. Пошли в серию электросамовары емкостью 3, 4 и 4,5 л. А Великолукский завод «Электроприбор» производит термовыключатели для чайников, самоваров и подобных им кипятильников с трубчатыми термозлементами. После закипания воды устройство само отключает аппарат, отбрасывая от него электрошнур.

Горожане охотно покупают экстравагантный

электросамовар, изготовленный Днепропетровским электровозостроительным заводом. Местные журналисты окрестили новинку, в корпус которой вмонтирован чайничек, чаепитным чудом. В самом деле, какой комфорт! Быстро и гигиенично, никакой возни с топливом, никакого дыма и копоти. Время кипячения контролирует терморегулятор. Подача кипятка и заварки осуществляется простым поворотом ручки: повернешь краник влево — потечет крутой кипяток, вправо — побежит чайная заварка. И все же напиток из такого вот титан-кипятильника пьется без былого смакования. Ибо не в состоянии этот быстродействующий электроаппарат вложить в настой тот специфически терпкий вкус и тонкий аромат, которые издавна составляли душу жарового чая. Ни тонировка шабразного орнаментированного корпуса под старое серебро, ни имитация горящих угольков и живого огня в ложном очаге не спасают дело. Истинных чаевников все эти новинки самоварной индустрии, с переводом на «электрическую тягу», не очень-то радуют.

А врачи-диетологи, специалисты в области гигиены питания единодушно заявляют: электрические самовары, чайники, титаны и прочие электрокипятильники для приготовления питьевого кипятка не годятся. Кипятить воду нужно только на огне: вода, подвергнутая электролизу, становится «тяжелой».

Правда, в последнее время заметно повысилась тяга к традиционным «чайным машинам». В печати то и дело появляются объявления вроде таких: «Продаю старинный бронзовый самовар товарищества паровой самоварной фабрики наследников Василия Ивановича Баташева, выпуска 1898 г., в рабочем состоянии. На международных выставках изделие награждено двумя золотыми, двумя серебряными и четырьмя бронзовыми медалями...», «Продам медный тульский самовар 1907 г. Самоварное заведение А. А. Березиной, преємниці фірми С. В. Баташева в Туле...»

В торговых рядах появились самовары, расписанные «под старину». Выставки самоваров за последние 20 лет проходили в московском Зарядье, в Историческом музее, в Музее прикладного искусства, в выставочном зале «Тушино».

...Самовар — на удивление уютное творение. Как тоненько подпекает он себе в начале работы, как сопит и пыхтит, требуя внимания в конце ее, как смешит ребятишек, передразнивая людские лица искажающим отражением сверкающих боков!

Те самовары, что сохранились, как в заповеднике, на музейных полках, не были только водогрейными сосудами, они стали для своих хозяев «милыми спутниками». И кто знает, может быть, вздорожавшие энергоносители и психологический неуют вновь вызовут к жизни нехитрое устройство, которое отогревало поколения наших предков не только физически, но и душевно.



Михаил НАЙДИЧ

# ОСТРОВА НЕНАЙДЕННЫХ СОКРОВИЩ

(о золотых кладах и легковверных душах)

Кладоискательство в наши дни стало модной и прогрессирующей болезнью среди людей различных континентов, особенно американского. Предпочтение здесь отдается морским кладам — прежде всего, пиратским, когда-то давно оставленным или утерянным морскими разбойниками на необитаемых островах или на океанском дне вместе с останками кораблей.

Дело, впрочем, не столь уж и новое, в том числе и для наших краев. Войны, пожары, смутное время, — мало ли какие могли быть причины у людей, захоронивших свои сокровища в земле или иных местах. И это не смотря на строгое предупреждение Владимира Мономаха, сделанное им в знаменитых «Поучениях» еще в начале XII века: «В земле богатств не прячьте, то нам большой грех».

Но кому «грех», а кому удача! Иван Грозный, как известно, обнаружил клад в Софийском соборе в Новгороде. С подобной же целью посылал доверенных людей в Венгрию и Саксонские леса и Петр I.

Ныне профессиональные искатели за рубежом, разного рода авантюристы или просто честные люди, уставшие от безработицы и мечтающие в одночасье разбогатеть, постоянно отправляются на эти труднейшие и за малым исключением безрезультатные поиски. Ищут драгоценные камни и жемчуг, слитки и серебрянные сосуды, другие предметы значительной художественной ценности, но прежде всего — монеты. Почему именно их?

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов некую загадочность, которая неизменно сопутствует той или иной золотой монете. Памятник времени, государственная или частная чеканка, ценность экземпляра зависит не только от веса или номинала монеты, а прежде всего от ее редкости. А это, как вся нумизматика в целом, может иметь и прикладное значение. Долгое время, скажем, не удавалось найти театр Диониса, было лишь известно, что располагался он на холмах Акрополя. И что же? Вспомнили о древней монете, отчеканенной а Афинах; она-то, изображавшая театр на фоне холма, и подсказала археологам, где рыть. Театр был найден. Лица государственных деятелей, гербы, костюмы, многое другое может подсказать монета. Добавьте к этому и удобство при взвешивании, транспортировке, под-

счете, хотя следует помнить и то, что даже однотипные материалы могут отличаться друг от друга (существует закон Коперника-Грешема о неизбежном изнашивании монеты, то есть об уменьшении ее веса при обращении).

Вовсю поработала и литература, создавая вокруг драгоценных монет оболочку исключительности, ореол; взять для примера строки из заключительной главы того же «Острова сокровищ» Стивенсона: «Английские, французские, испанские, португальские монеты, гиней и луидоры, дублоны и двойные гиней, муадоры и цехины, монеты с изображением всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, на которых изображен не то пучок веревки, не то клок паутины, круглые монеты, квадратные монеты, монеты с дыркой посередине, чтобы их можно было носить на шее, — в этой коллекции были собраны деньги со всего мира. Их было больше, чем осенних листьев. От возни с ними у меня ныла спина и болели пальцы».

Но пора сказать еще об одной из существенных причин погони именно за монетами. Дело в том, что они изготавливаются в основном из золота высокопробного. Для наглядности вспомним чеканку российских монет. До 1796 года чеканился червонец 93-94 пробы, затем она была несколько снижена, но все равно оставалась высокой. А вот изделия бывают (и довольно часто) выполненными из металла с более низким содержанием чистого золота. Кстати, во многих странах Востока кольца, броши, кулоны почти всегда делаются из металла высокой пробы. И при тазаврировании (накоплении богатства) банки и частные лица не проводят существенной разницы между монетой и изделием... Так сразу же, без маски, выступает прозаическая сторона дела, лишенная всякой научности, романтики, привлекательности!

Что является основными бациллами и возбудителями кладоискательства? Бытующие рассказы и легенды о спрятанных сокровищах постоянно передаются от одного другому, от поколения к поколению.

Главное здесь — страшно расплодившиеся за последнее время пиратские карты. Достоверные,

правдивые, точные — все эти слова, разумеется, следует брать в кавычки... Как-то газета «Неделя» весьма аргументированно писала о многих фальшивках в живописи. На планете масса поддельных картин Рубенса, Дега, Гойи, других. Даже художественные советы авторитетных музеев и картинных галерей мира не могут считать себя гарантированными от ошибки, хотя в их распоряжении современная техника, помогающая отличить подлинник от умело сработанной копии.

Стоит ли удивляться, что по свету бродит множество карт — на бумаге, пергаменте, кусках кожи. Их умело состарили, снабдили незамысловатыми флибустьерскими атрибутами: надписи, рисунки кораблей, указывающие, что здесь, якобы, спрятаны несметные богатства.

В коммерческий спор с этими подложными документами немедленно вступили другие — почти истинные. Никакого мошенничества вроде бы. В Нью-Йорке в 1952 году был издан «Атлас сокровищ», на листах которого указано более 3000 мест, где затонули корабли с кладками. Издатель атласа мистер Коффман сообщает, что в его распоряжении были не только данные, собранные у частных лиц, но и «...записи, хранящиеся в конгрессе США, Национальном архиве, Департаменте торговли, Управлении береговой охраны США, Бюро погоды, Канадском департаменте транспорта».

Выход «Атласа» несомненно вызвал новый прилив кладоискательства. За последние 30 лет прощупаны окрестные воды и изрыты берега Ямайки, Тринидада, Тобаго; усиленные поиски ведутся у берегов Флориды. Страдает, конечно, и природа. Скажем, отмели реки Темзы от постоянного рытья сделались похожими на сито: английские авантюристы не унимаются и по сей день. Находят что-нибудь? Случается, что и находят. Расскажем несколько подробнее о копанном-перекопанном острове Кокос, где, считается, спрятаны сокровища нескольких знаменитых пиратов.

Если на географической карте провести линию от северной оконечности Мексиканского залива (скажем, от Джексвилла) до мыса Кабо Фрио (Южная Америка) и затем соединить эти две точки с островом Кокос (экваториальная часть Тихого Океана), получится треугольник — место, где когда-то проходили караванные океанские пути, по которым следовали в Испанию многочисленные корабли с золотом из Нового Света; здесь-то нередко они и становились добычей французских и особенно английских джентельменов удачи (Френсиса Дрейка, других).

...Треугольник — везет же этой геометрической фигуре! Кто, спрашивается, не слышал о Бермудском треугольнике, где из года в год таинственно исчезают корабли и самолеты. Или знаменитый опиумный треугольник на границе Бирмы, Лаоса и Таиланда, — посевы мака, выращиваемые здесь,

становятся основой для производства героина и других наркотиков, а транспортировка этого сырья почти всегда связана с приключениями: перестрелкой, погонями, убийствами.

Но «наш» треугольник издавна, уже много десятилетий, называют только золотым, и не иначе. И центром его, если вести речь о драматических событиях, является именно Кокос — клочек суши, отмеченный далеко не на всех картах мира.

При подходе к нему в тихую и ясную погоду, еще издали видны несколько вершин островка и самая высокая из них Иглесьяс... Войти в бухту не просто: сильный и постоянный прибой. Чем же Кокос встречает пришельцев? Изнурительным климатом джунглей, ядовитыми змеями, тучами комаров и комаров. Возможно, неизвестный Билли Бонс имел в виду этот островок, когда говорил: «Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека (то есть от лихорадки), а землетрясения качали сушу, как морскую волну».

Но не запах малярийных болот тянет сюда авантюристов — запах золота. Множество легенд и версий связано с Кокосом — и, в частности, история перуанского золота, а оно, по утверждению испанцев, равно 10 миллионам песо (американцы называют другую цифру — 30 миллионов долларов). Как оно попало на остров?

Здесь необходимо немного углубиться в историю. В начале 20-х годов прошлого века испанским колонизаторам в Южной Америке пришлось туго: с юга на них нажимали освободительные войска генерала Хосе Сан-Мартина, с севера преградили путь отряды знаменитого Симона Боливара, в рядах которого, кстати, было несколько русских офицеров-добровольцев.

Спасая награбленные ценности, испанцы погрузили их в порту Кальяо на корабль, но дальнейший их путь был неудачным: в абордажном бою ими завладел пират Бенито Бонито. Несколько слов об этом кровожадном флибустьере. Настоящее его имя Грэхем, ранее служил он в королевском флоте, командовал судном и даже отличился в Трафальгарском сражении. А жизнь закончил как пират на виселице, унося с собой тайну припрятанного золота.

Имеются также данные, что часть перуанских сокровищ была зарыта здесь же другим пиратом — Скоттом Томпсоном, которому смерть помешала воспользоваться ими. По справедливости Кокос можно назвать островом ненайденных сокровищ. И с таким же правом — островом могил. Их число растет: люди оставляют в этих местах свое здоровье и жизни, а сокровища никак не даются в руки.

Позвольте, может воскликнуть читатель, а как же хваленный «Атлас» издателя Коффмана? Тут, как говорится, и собака зарыта: в атласе нет необходимых подробностей. Даже мелкий крестик на

крупномасштабной карте занимает значительную площадь акватории или суши. А длина какого-нибудь затонувшего брига от носа до кормы, от форштевня до ахтерштевня равна примерно десяти метрам, ну, двенадцати. К тому же судно оказывается глубоко погруженным в ил; а на берегу клады обычно хитроумно упрятаны в пещерах. Можно находиться — и ничегошеньки не найти.

Следовало ожидать, что такие вещи — и, главным образом, сигналы бедствий (многочисленные жертвы!) — должны отбить охоту у кладоискателей. Но нет, соблазн и азарт слишком велики, они подогреваются тем, что все-таки сокровища иногда... находят.

Искатели приключений, все как один, знают о судьбе плотника Вильяма Фиппса, ставшего впоследствии губернатором Новой Англии и получившего рыцарское звание, а заодно и вознаграждение в размере 75 тысяч фунтов стерлингов. Судовой плотник искал сокровища затонувшего парусника, заручившись поддержкой самого короля Чарльза III. Однако несколько первоначальных экспедиций прошли неудачно. Надежды сменялись разочарованиями; слабодушные люди, как всегда, начинали роптать. Фиппс уже был готов признать свое поражение. В палатке на берегу он собрал приближенных и, объявляя о прекращении поисков, с досады топнул ногой. Коралловый пол дал трещину, отвалился кусок — и перед взором всех оказался ящик набитый золотыми монетами. Вскоре и остальное богатство (30 тонн серебра и золота) оказалось в руках бывшего плотника. Такое и нарочно не придумаешь...

Конечно, случай — не более; но как раскаляет воображение и фантазию охотников за кладами! Бывают и более забавные приключения. Одно из них описано в книге Роберта Стенли «Сокровища непобедимой армады». Профессиональный кладоискатель побывал в гостях у знакомых. И во время трапезы обратил внимание, что среди всяческой посуды на столе находится и металлический кубок с выгравированной картой какого-то островка. При рассмотрении. На карте крестиками были отмечены зарытые пиратами сокровища и координаты острова. Украшательский, декоративно-прикладной элемент? Мистификация? Просто шутка?.. Кому, спрашивается, пришлось бы в голову ринуться на поиски?.. Но человек — рискнул, отправился на остров. И нашел сокровища.

Как видим, срабатывает один и тот же механизм: случай, азарт, авантюра. Один шанс из тысячи; один счастливец — из множества людей, погубивших свои годы, энергию, а порой и последние деньги из-за стремления к легкой наживе.

В нашей стране о профессиональных кладоискателях пока не слышно, но клады обнаруживаются постоянно. Почти еженедельно об этом сообщают различные газеты — центральные, местные. В пос-

ледние годы находок стало даже больше, это объясняется широким размахом строительства: сносятся старые, отслужившие свой век дома и на их месте возводятся современные здания, расширяются улицы, площади, — одним словом, ведутся обширные земляные работы. Учетом и оприходованием найденных сокровищ занимается учреждение, называемое Государственным хранилищем ценностей. Оно работает в контакте с органами внутренних дел, где собираются сведения о предполагаемых кладах. А ведь предположения есть и очень давние!

Ищут, к примеру, клады Стеньки Разина и Чингисхана, золото, зарытое в тайге колчаковцами и отступающими бандами Унгерна в Забайкалье. Особенно часто, вот уже на протяжении многих десятилетий, пишут о сокровищах Наполеона. Дошли до наших дней свидетельства очевидцев, указывается и примерный район клада — город Борисов. Более того, землечерпалки постоянно выбрасывают из реки Березина золотые и серебряные монеты. Но основной клад не обнаружен и доселе.

Урал, конечно, не представляет собой какое-то исключение: и здесь находки — повседневная реальность. Мог бы рассказать, как несколько лет назад был найден клад в центре Екатеринбургa, по улице Вайнера, буквально в нескольких сотнях метров от прежнего здания редакции «Уральского следопыта». Уральские клады все же, видимо, тема отдельной статьи, поэтому продолжим рассказ лишь о сокровищах морских.

В Лондоне, в вестибюле знаменитой страховой компании «Ллойд», висит огромный колокол, который и по сей день своим тревожным звоном извещает о каждой катастрофе. И, кстати, любопытно, — колокол этот был поднят с затонувшего в конце XVIII века 32-пушечного английского фрегата «Лютин», на борту которого находились золотые слитки, лишь частично поднятые затем водолазами. Колокол, мягко выражаясь, не безмолствует. Специалисты подсчитали, что на каждых 40 квадратных километра морского дна в среднем приходится одно погибшее судно. Плотность увеличивается. К старинным испанским галеонам прибавляются новые названия кораблей с различной оснасткой, с различными ценными грузами, — океан прожорлив. И причины те же: пожар на корабле, штормы и ураганы, подводные рифы, а так же ошибки в навигационных расчетах.

Золото, как правило, хорошо сохраняется в морской воде, иногда лишь возникают механические повреждения, нанесенные камнями, галькой. Серебро — несколько хуже, но тоже в целом больших изменений не претерпевает. Это, в частности, подтверждается слитками, поднятыми с галеона «Аточа», пролежавшего на дне три с половиной века. «Аточу» нашли не сразу: источенные червями деревянные части парусника развалились и были в стороне от места гибели.

Затем удалось поднять прекрасно сохранившийся слиток серебра с серийным номером 4584. В архивах сохранилась декларация судового груза, где указывается и вес слитка — 286,2 килограмма. Взвешивание на берегу в точности подтвердило это. По сей день размытые и раскиданные ценности «Аточи» вылавливаются ныряльщиками, один из которых появился на поверхности с золотой цепью длиной в два с половиной метра.

У нынешних спасательных кампаний современной техника: имеются, скажем, электромагниты, способные поднять зарытые в песок или ил тяжелейшие паровые котлы и локомотивы, и все же по истечении времени вести работы все труднее и труднее. Одно из свидетельств этого — история с сокровищами затонувшего парохода «Египет». Погиб он 50 лет назад, — не такая уж древность, если учесть, что судоходство зародилось более шести веков назад и, следовательно, столько же лет морским катастрофам. «Египет» столкнулся с другим судном, ледокольного типа, с усиленной металлической обшивкой, и был буквально разрушен на части.

Координаты? Они были известны, хотя впоследствии уточнялись. Но добраться до находившихся на борту слитков золота было непросто. Вокруг «Египта» находились и другие затонувшие корабли; один из них, в частности, со взрывчаткой. Итальянская водолазная кампания «Сорима» понесла потери: произошел взрыв и погибло более десяти человек. Работы, однако, продолжались. Ставшее афоризмом выражение «кто ищет — тот всегда найдет!» все-таки оправдывает себя на разных широтах. Поисковые работы на затонувшем «Египте» продолжались несколько лет, с перерывами на время затяжных штормов. Наконец все золото корабля в слитках и монетах было поднято. Его разделили итальянская компания «Сорима», английское общество «Ллойд» и два шведских инженера, также имевших отношение к обнаружению и подъему парохода. Разделили, конечно, на части неравные.

Возникают ли споры вокруг сокровищ?.. Еще какие!

Взгляните на карту Колумбийского побережья Карибского моря. Порты Картахен, Арахона, Санта-Марта, Пуэрто-Эстрелья, — места, издавна считавшиеся разбойничьими. Там и сегодня целые поселки морских бродяг, рыбаков, искателей приключений. Поселки ненадежные, и потому редко сюда заглядывают туристы, в том числе и вездесущие американцы. Вдоль всего побережья, иногда на небольшой глубине — менее десятка метров, масса затонувших посудин, чаще всего испанских галеонов. И постоянные споры из-за них доходят до поножовщины между частными лицами. Вспыхивают они и между государствами. Здесь надо сказать об отсутствии единого законодательства: в каждой стране свое. По колумбийским законам те, кто обнаружил и поднял со дна ценности, получают три

четверти их стоимости, и лишь одна четвертая часть идет в пользу государства. Этой, довольно-таки либеральной статьей спешат воспользоваться многие. Когда поднимали испанский галеон «Сан-Хосе», — а на нем, к слову, было не только золото, но и множество драгоценных камней: изумрудов, рубинов, жемчуга, — возникли споры между многими фирмами, в том числе английской «Фалтом Лайн» и американской «Глосса морра». Это в свою очередь вызвало всплеск патриотического чувства многих колумбийцев. Люди стали говорить о необходимости ужесточить законодательство и уж, по крайней мере, не упускать поднятые из океана предметы, имеющие историческую ценность.

Заметным событием в последние десятилетия стала проведенная Советским Союзом совместно с англичанами поисковая операция «Эдинбург». На Темзе, в центре Лондона, стоял превращенный в музей крейсер далеко не новой конструкции. С начала 80-х годов на нем стали отрабатываться спасательные операции. К чему готовились? И почему для учений был выбран именно этот корабль?.. История проста и драматична. В конце апреля 1942 года однотипный крейсер «Эдинбург» вышел из нашего Мурманска в Англию. Он доставлял драгоценный груз — свыше пяти тонн золота, — оплата за военные поставки. Корабль был торпедирован фашистскими подводными лодками и затонул. И вот, почти через три десятилетия, было решено его поднять.

Провели глубинную разведку. Оказалось, что английский крейсер лежит на глубине свыше 200 метров, завалившись на борт. Это удобное положение для спасательных работ, тем более, что в борту имелась обширная пробоина. Высокая квалификация наших водолазов, отличная подготовка английских способствовала успеху. К месту подошло судно «Стефания», и работа закипела. Были подключены телекамеры, велась видеозапись.

Тут обязательно следует коснуться и стороны юридической. Заключенный договор учел все: и то, что золото находилось в наших территориальных водах, однако на борту корабля иностранного, — он по-прежнему является собственностью Англии. Ей по нашим законам и принадлежит треть ценного груза, а две трети Советскому Союзу. Соглашение, как писало подавляющее большинство газет мира, справедливейшее.

Спрашивают часто: кто же в нашей стране занимается подъемом затонувших кораблей и находящихся на них сокровищ?.. Есть ли такая организация?.. Конечно, есть. В разные годы она называлась по-разному. И являлась подразделением Министерства морского флота. Наверное, было бы интересно рассказать о повседневной, сугубо деловой, но в то же время романтической службе современных российских водолазов. Возможно, когда-то нам это и удастся.





## Мал, да удал

Муравей, весящий всего 0,0086 грамма, может нести гусеницу в пять раз больше себя по весу и в 15 раз — по длине.

Если бы такой же сравнительной силой обладал человек, то в среднем он мог бы нести предмет весом около 370 килограммов и длиной примерно 27 метров!

## Вот так штука из бамбука!

Служащий И.Линь из города Вэньчжоу (провинция Чжэцзян) получил в наследство в окрестностях города клочок земли с небольшим домиком, который в летнее время вполне мог служить дачей. Поэтому И.Линь решил создать для себя какой-то минимум удобств. Приобретя полиэтиленовые трубы, он собрал своими силами небольшой водопровод; подвел к домику питьевую воду из ближайшего ручейка. Труб не хватило, и большой участок водопровода дачник завершил трубой из ствола свежесрезанного бамбука. Водопровод действовал исправно, все было хорошо. Но вот И.Линь заметил, что из земли у самой стены домика пробивается зеленый побег. Присмотрелся внимательнее — ствол бамбука. Раскопал землю. Оказалось: ствол бамбука, проложенный как часть водопровода, ожил, пустил в землю корни и даже дал зеленый побег.

## Перец был дороже золота

Когда в начале пятого века готтский король Аларих I захватил Рим, он потребовал с горожан в качестве выкупа 1500 килограммов золота, 15 тонн серебра и 15 тонн... перца. Перец в те времена был дороже золота, к тому же добывать его было труднее.

## Ледяной выброс

Исландские вулканологи отметили необычное явление. Вулкан Гримсвети на южном побережье острова в течение двух недель извергал не огонь и лаву, а ледяные глыбы. Каждую секунду вулкан выбрасывал 420 кубических метров льда, а порой и до

двух тысяч кубометров. «Ледяные» извержения описывается еще в исландских сагах.

## Лодка фараона Хеопса

Археологи, ведущие работы у знаменитой пирамиды Хеопса, обнаружили легендарную лодку «Ра», принадлежавшую великому фараону. Совместной экспедиции департамента древностей АРЕ и американского национального географического общества удалось сделать фотографии древнего судна, покоящегося на дне шахты у подножия пирамиды. Уникальный снимок был сделан при помощи зонда, введенного в шахту сквозь отверстие, пробуренное в закрывающей ее каменной плите. Ученые сумели взять пробы древнего воздуха, сохранившегося в шахте, а также образцы камня и цементирующего состава, которым была залита верхняя плита.

Полученные данные говорят о том, что древесина и другие органические материалы, из которых построена лодка, находятся в хорошем состоянии.

По преданиям древних египтян, на лодке «Ра» душа фараона отправлялась в загробное царство.

## Только ночью

На севере Чили есть речка Арика. Особенность ее состоит в том, что течет она только ночью. Днем снег на склонах Андских вершин тает, но образовавшаяся вода достигает русла реки лишь к вечеру. Кутру поток воды на склонах замерзает — и так до следующей ночи.

## Кое-что о Гольфстриме

Известное атлантическое течение, оказывается, не представляет единый водный поток, а состоит из множества отдельных «ручeyков». По мнению американских исследовате-

лей, от Арктики до Антарктики через Атлантический океан проходит по меньшей мере 30 течений, отличающихся плотностью воды, содержанием соли и кислорода. Эти водные потоки длиной в тысячи километров могут существовать многие годы, а потом по неизвестной причине их характер меняется. Механизм океанских течений во многом еще представляется загадкой.

## Гигантский тент

Один из ученых Швейцарии предложил воздвигнуть на орбите вокруг Земли обширные зеркала, чтобы защитить планету от солнца и отвести часть солнечных лучей обратно в космос. Д-р Вальтер Сейфриту из Исследовательского института Поля Шерера видит в этом последнюю надежду на спасение, если другие способы предупреждения «парникового эффекта» окажутся безуспешными. Ученые уже давно предупреждают, что выброс в атмосферу промышленных и других газов повлечет за собой ее нагревание. Повышение температуры вследствие «парникового эффекта» в конечном счете может растопить полярные льды и катастрофически поднять уровень моря. Предложенный гигантский «тент» может стоить, по предварительным расчетам, 400 млрд. долларов США, что составляет сумму, равную совокупным расходам стран мира на военные нужды.

## Лечит коралл

Ученые из Калифорнийского университета (США) выделили из карибской альционарии, известной под названием «восьмилучевой коралл», новый вид болеутоляющих и противовоспалительных лекарственных веществ.

Они обладают более сильным действием, чем обычные. Как и морфий, снимают боль, но без наркотических побочных эффектов. Новые лекарственные препараты могут применяться для лечения таких заболеваний, как артриты.

Подготовил Д.Эйдельман



Сергей ШЕВЫРИН

# ПРАЗДНИКИ В «ХОХЛОВКЕ»

*В 40 километрах от Перми находится архитектурно-этнографический музей «Хохловка», сосредоточивший осколки прошлой жизни. Здесь живет давняя традиция возрождения фольклорных праздников с их обрядами, играми и поэзией. Действа разворачиваются на мысу, вдающемся в Каму, среди дремучих хвойных лесов и бескрайних зеленых полей. Собранные здесь памятники деревянного зодчества создают удачный эмоциональный фон, помогают почувствовать глубину и самобытность русской истории и народной культуры.*

Уже два года справляется в «Хохловке» праздник Масленицы. Приезжают фольклорные коллективы, учителя, учащиеся школ, где изучают этнографию, и просто те, кто желает приобщиться к нашей истории. Праздник начинается с масленичного поезда. Кто пешком, а кто и на санях, с песнями и звоном бубенцов, направляется к игровой площадке, расчищенной от метровых сугробов снега. Здесь водят хороводы вокруг чучела, пляшут и поют, испытывают силу молодецкую в перетягивании каната. Ребятишки берут приступом снежную крепость и ледяную гору-катушку. Много желающих прокатиться в санях с красивой дугой и колокольчиками.

Кульминация праздника — сожжение чучела Масленицы на огромном костре на льду залива Камы, хоровод вокруг жаркого пламени. Звучат печальные прощальные песни. Прощаются с Масленицей-зимой, со стужей и метелями, зимними праздниками и долгими ночами. Летят в костер маленькие соломенные куколки — это сжигается зима.

Троицу в «Хохловке» знаменуют «троицкие гуляния». Они начинаются с завивания берез и кумления. Вплетенная в березовую ветвь ленточка покажет-поведает девушке ее судьбу: если разовьется или перехлестнется другой, то впереди время неудач, а если сохранится, то все будет хорошо. Покумиться — это значит выбрать себе подружку и обменяться с ней венком, платком или ленточкой. А еще подбрасывают вверх две кумы-подружки платки свои, и чей выше взлетит — та и старшая кума на этот год.

Потом на поляне у Преображенской церкви, где

уже стоит завитая березка, водят хороводы, поют, играют. Завершается праздник потоплением березки в Каме и девичьими гаданиями с венком. Венок бросают в воду и следят за его поведением: если потонет, то гадалницу ждут напасти, если прибьет венки к берегу, то замуж в этом году ей не выйти, а если уплывет, то в сердечных делах будет непременно благоприятный исход.

Купала → праздник ночной, поэтому не многолюдный. Уже в сумерках на берегу Камы пылают костер, звучат «купальские» песни. Молодежь прыгает через костер и купается в теплой ночной воде. А ближе к утру отправляется кукла-«купалка» на деревянной колоде в плавание по Каме.

Святки в музее-заповеднике «Хохловка» включены в зимний цикл «уроков этнографии». Приезжают школьники и живут в музее сутки, изучая этнографию и историю самым верным способом — личным переживанием, участием. В доме печное отопление, а значит нужно колоть дрова и топить печи; вода только из родника — дети знакомятся с коромыслом и скользкой тропкой шириной в две ступни. Интересна лыжная экскурсия по музею, занимающему 42 гектара. Наконец, вечерние посиделки в гостини при свечах и уютном треске пылающих в печке дров. «Страшные» рассказы, гадание в бане, за воротами, у поленницы...

Впереди зимние Святки и весенняя Масленица. Приезжайте, музей «Хохловка» ждет вас.

*Фото на 3-й странице обложки Дмитрия Сидорова  
Слайд на 1-й стр. обложки Анатолия Долматова*



На троицких гуляниях. Фото Сидорова



Знаки ордена Св. Анны: кресты и звезды с императорской короной, мечами и без них.



Херасков Михаил Матвеевич (1733-1807), поэт, писатель. В 1763-1770 — куратор Московского университета. Изображен с лентой и звездой ордена Св. Анны I ст. Неизвестный художник II половины XVIII в.

Материал Игоря НЕПЕИНА  
«Любящим правду, благочестие  
и верность» читайте на стр.147